

авт. тис.

Всѣхъ

с

СОБРАНИЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тпл. А. Ф. МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

МАРИСА, Ср. Подълч., № 1.

ПЕРЕВАЛЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ПЕРЕВАЛЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*„Vivit is, qui se utitur“.
Seneca.*

I.

Человѣкъ крупнаго роста, въ сибирскомъ ергаѣ и въ войлочной бурой шапкѣ, повернулъ въ Большую Никитскую.

Онъ только что поглядѣлъ на циферблатъ часовъ, на боковомъ корпусѣ „Стараго“ московскаго университета: стрѣлка показывала двадцать минутъ второго.

Стоялъ морозный день. Снѣгъ лежалъ кое-гдѣ; санный путь еще не открылся.

Запахиваясь въ свой легкій и теплый ергаѣ, Лыжинъ—такъ его звали—шагалъ вверхъ по улицѣ лѣнливой и широкой поступью и, на ходу, немного покачивалъ туловищемъ. Изъ-подъ войлочной шапки, сдвинутой слегка къ затылку, на вискахъ, плотно подстриженные волосы примѣтно сѣдѣли—густые и темнорусые. Лицо—длинное и очень худое, загорѣлое, съ впалыми большими глазами—смотрѣло разсѣянно и грустно. Тонкій и хрящеватый носъ, съ нервными ноздрями, дѣлалъ профиль суровѣе, чѣмъ фасъ лица. Подстриженная съ боковъ, узкая борода—съ такой же просѣдью—еще больше удлиняла

его обликъ. Изъ-подъ густыхъ усовъ сквозили хорошо сохранившіеся зубы. Наружность—въ общемъ—была породистая и красивая.

Взглядъ, брошенный Лыжинымъ на широкій подъездъ университетской церкви и на двухъ студентовъ въ пальто съ башлыками, спускавшихся внизъ по лѣвому тротуару, вдругъ вызвалъ въ немъ вопросъ, котораго онъ никакъ бы не ожидалъ еще минуту передъ тѣмъ:

„Полно, пересталъ ли онъ самъ быть студентомъ, сдающимъ какой-то безконечный экзаменъ?“

Онъ шелъ домой, гдѣ черезъ полчаса ему предстоитъ дѣловой и рѣшительный разговоръ, послѣ чего надо будетъ проститься съ тѣми десятинами лѣса и луговъ, которыя все еще держали его въ какой-то нудной связи съ „землей“.

Онъ окончательно рѣшился на это, и рѣшился съ чувствомъ, близкимъ къ радости. Не дальше, какъ часъ назадъ, сидя въ залѣ трактира, гдѣ завтракалъ, онъ смотрѣлъ на этотъ шагъ, хотя бы и рискованный, какъ на средство освободить себя отъ тягостнаго символа связи съ землей и народомъ. Ну, онъ превратится въ презрѣннаго рантѣе, будетъ проѣдать свои купоны, или купить здѣсь домъ, дающій шесть процентовъ въ годъ, или займется промышленнымъ дѣломъ, откроетъ справочную контору, кабинетъ для чтенія; все это лучше, чѣмъ чувствовать надъ собою и подъ собою что-то жуткое; въ себѣ—нѣчто въ родѣ болотной лихорадки: то каяться, то подозревать себя, то приходить къ выводу, что никто ни въ чемъ не виноватъ, и въ пору самому остаться цѣлымъ. Кажется, все было рѣшено, въ принципѣ, и купчая должна быть подписана безъ всякихъ проволочекъ..

И стоило ему пройти мимо университета и взглянуть случайно на двухъ студентовъ,—и въ груди заняло. Душевное недомоганіе снова зашевелилось. Оно подсказываетъ все то же: „ты проигрался на жизни“. Обманывать себя нечего: Лыжинъ—тотъ, что цѣлыхъ двадцать лѣтъ „сдавалъ экзаменъ“—только взадъ смотреть на себя и подводить итоги; по мыслить и чувствовать попрежнему—онъ не можетъ.

На вопросъ, такъ внезапно пришедшій ему: пересталъ ли онъ самъ готовиться къ экзамену, какъ тѣ два студента въ башлыкахъ?—онъ готовъ отвѣтить: „пересталъ“... Но это и замозжило его.

Передъ нимъ начали всплывать лица и разговоры оттуда, изъ тѣхъ заграничныхъ мѣстъ, которыя онъ—всего мѣсяцъ назадъ—посѣтилъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ ходять къ покойникамъ. Да и на одномъ кладбищѣ онъ побывалъ нарочно, точно затѣмъ, чтобы самому похоронить прежняго Лыжина.

Высохшій, сѣдой старикъ, въ старенькомъ халатѣ, подпирая своей высокой фигурой низкій потолокъ мансарды, долго говорилъ ему, глухо и поспѣшно, безъ злобы и унынія, съ вѣрой въ то, что „родина—сфинксъ“, сама разрѣшитъ свою загадку, что въ ея судьбѣ „все возможно“, и правы будутъ тѣ, кто не мѣшаетъ ея невидимой, органической работѣ.

И опять маленькая комната и длинный разговоръ около чугунной печурки—въ другомъ сосѣднемъ городѣ—съ человѣкомъ уже его поколѣнія, „семидесятникомъ“, бывшимъ земцемъ. Онъ молился когда-то на Европу; теперь раскусилъ ее и мистически ждетъ той минуты, когда ему „подадутъ тройку“, и она понесетъ его на родину, гдѣ „все сбывается“, какъ страстно мечтаетъ онъ и тѣ, кто чувствуетъ съ нимъ заодно.

А вотъ и курильная комната отеля, гдѣ онъ остановился на два, на три дня въ томъ же городѣ. И отель-то называется—точно такъ было предопредѣлено свыше—„Hôtel de Russie“, на самой набережной озера.

Послѣ обѣда до поздняго часа длилась бесѣда. Онъ больше слушалъ. Его собесѣдникъ—старый знакомый, съ которыхъ они не видались около пятинадцати лѣтъ—остался все тотъ же студентъ начала шестидесятыхъ годовъ. Языкъ, тонъ, порывистые жесты, шумные возгласы,—ничто не измѣнилось послѣ тридцати лѣтъ заграничнаго подневольнаго житія. Вся панорама „движенія“ протянулась передъ Лыжинымъ, освѣщенная умомъ и великорусскимъ юморомъ, оцѣнками и окриками этого расхажившаго студента начала шестидесятыхъ годовъ.

И какая же нота звучала громче другихъ?.. Нота возмущенія противъ тѣхъ, кто—по доброй волѣ—отрекся отъ своего культурнаго превосходства и ударился въ идолопоклонство „передъ сермягой“.

— Все—къ чорту!—слышались ему раскаты голоса сангвиника, быстро ходившаго по комнатѣ.—Наука, талантъ, искусство, свобода, личное достоинство,—все долой! *Пустиль*

себѣ вошь въ ухо, падѣлъ зипунъ и стучай лбомъ передъ своимъ идоломъ—народомъ!

Такихъ рѣчей онъ не слышалъ, когда въ первый разъ попалъ туда, въ тотъ же живописный городъ на озерѣ, гдѣ столько перекинуло русскихъ душъ, умерло упований и разбилось надеждъ, столько говорилось и писалось въ бреду и въ полномъ самообладаніи, откуда было послано столько лозунговъ и столько исповѣданій вѣры.

Лыжинъ не возражалъ обличителю тѣхъ, кто „пустилъ себѣ вошь въ ухо“ и въ зипунѣ колотить лбомъ передъ идоломъ—народомъ. А вѣдь шестидесятникъ зналъ его прошлое и то, за что онъ могъ пострадать; слышалъ, вѣроятно, и про многое, чѣмъ онъ увлекался впоследствии, не дальше, какъ три-четыре года назадъ. Это не помѣшало старому студенту повторить свою остроту. Оба громко смѣялись, и Лыжину стало тогда еще яснѣе, что вѣры въ тѣхъ, кого обличалъ шестидесятникъ, въ немъ уже нѣтъ.

И все-таки, на другой день, въ тусклыя сумерки, когда холодная „биза“ рѣзала ему лицо и онъ прощался съ городомъ, въ груди у него заняло. Онъ началъ уже тамъ хоронить прежняго Лыжина.

Еще несомнѣннѣ хоронилъ онъ его передъ могильнымъ памятникомъ, когда—недѣлей позднѣе—попалъ подъ лазурное небо южнаго побережья на Средиземномъ морѣ.

Надъ рядомъ мраморныхъ бѣлыхъ гробницъ высится бронзовал, коренастая фигура—точно живая, съ длинными волосами большой головы, съ руками, сложенными въ обычный жестъ—убѣжденности и пылкаго протеста.

Онъ не заплакалъ, когда прикоснулся къ плитѣ пьедестала, не каялся и не клеймилъ себя. Превратись этотъ бронзовый русскій идеалистъ тридцатыхъ годовъ въ человека изъ плоти и крови, онъ сказалъ бы ему:

„На васъ, на вашихъ идеяхъ и упованіяхъ, на вашемъ возмущенномъ чувствѣ гражданина я воспиталъ себя со студенческой скамьи; двадцать лѣтъ искалъ пути, исхода, основы и откровенія, и вотъ теперь руки у меня опустились. Я не предалъ никого; я не продаю и себя никому и ничему; но я не вѣрю въ то, во что и вы увѣровали, съ тѣхъ поръ, какъ, возмущившись фальшью и бездушіемъ западнаго лжерадикальнаго буржуа, вы стали ратовать за мужицкую общинную правду. Я готовъ былъ бы и теперь служить „идеѣ“, но гдѣ она и какъ это дѣлать—

не знаю. Не кляню васъ и всѣхъ, кто пошелъ еще дальше васъ, за то, что самъ близокъ къ душевному банкротству; но чувствую, что завѣщаннаго вами дѣла я дѣлать не буду*...

Лыжинъ былъ такъ захваченъ этими образами недавно пережитого, что совсѣмъ забылъ, куда онъ идетъ. Только выше здания консерваторіи онъ спохватился, перешелъ улицу и долженъ былъ спуститься опять внизъ по Никитской до первого поворота направо.

Тамъ, въ концѣ поперечной улицы, помѣщался меблированный домъ, гдѣ онъ нанялъ себѣ отдѣленіе въ двѣ комнаты, помѣсячно.

Какъ онъ проведетъ зиму въ Москвѣ, чѣмъ займется, на чемъ успокоится—онъ еще не зналъ. Отдохнуть, осмотрѣться онъ долженъ былъ, главное—осмотрѣться именно здѣсь, въ этомъ срединномъ русскомъ городѣ, гдѣ протекла и половина его молодой жизни.

Послѣдняя попытка уйти въ новѣйшій духовно-нравственный видъ народничества привела его къ тому, что онъ впервые испугался за самого себя, за то фарисейство, которое начало обволакивать его. Этотъ видъ скопческаго себѣлюбія и эпикурейства сталъ ему просто гадою, точно изувѣрство какого-нибудь грязнаго юродиваго. Да и любовью юродивый, который ходитъ въ морозъ по улицамъ полунагимъ и носить пудовыя вериги, хотъ физически страдаетъ по доброй волѣ, пока не впадетъ въ идіотскую потерю всякой чувствительности.

Онъ хотѣлъ осмотрѣться и понять: куда все идетъ теперь? Не могъ онъ не видѣть, какъ все тронулось, какъ студенческую молодежь точно кто подмѣнилъ, если не всѣхъ, то очень-очень многихъ, какъ бывшіе недавно подъ спудомъ инстинкты просочились наружу и задаютъ тонъ.

Прямо мириться съ тѣмъ, что принесли съ собою послѣдніе годы, онъ не желаетъ, но не можетъ и самъ, по-прежнему, уходить въ твердыню принциповъ и упованій, въ которые извѣрился.

И яркой личной жизни онъ уже не жаждалъ. Молодость прошла. Ему сорокъ лѣтъ. Столько онъ жилъ идеями, столько силъ ушло на порыванія—служить народу и обществу, что теперь онъ въ правѣ былъ бы мечтать о наградахъ, о кусочкѣ счастья, о тихомъ довольствѣ. Фаустъ, во второй части поэмы, отъ бурныхъ наслажденій подни-

мается до чувства высшего долга передъ человечествомъ, а ему, простому смертному, послѣ двадцати лѣтъ почти полного отреченія отъ своей личности, не воскреснуть уже къ опьяняющимъ радостямъ жизни!..

Усталость брала верхъ и подсказывала законное право пожить смиренно для себя, разъ онъ созналъ, что самоотреченіе ни къ чему не привело, кромѣ душевнаго разброда. Голова еще есть на плечахъ, она не разучилась мыслить и наблюдать. Вѣдь ея работа—величайшее благо и наслажденіе, какое человѣкъ можетъ имѣть на землѣ, величайшее и безобидное. Оно не обманетъ, даже передъ концомъ бытія, когда смерть принесетъ съ собою вѣчное, желанное успокоеніе...

II.

— Никто меня не спрашивалъ?

Лыжинъ, на нижней площадкѣ, остановилъ швейцара, молодого малаго, въ длиннѣйшей ливреѣ.

— Постороннихъ никого не было, Юрій Петровичъ. Только одинъ жилецъ изъ нижняго этажа, господинъ Воденягинъ, просилъ сказать, когда вы будете дома.

— Господинъ Воденягинъ?—переспросилъ Лыжинъ. — Кто онъ?

— Они пишутъ.

Швейцаръ какъ-то двусмысленно усмѣхнулся.

— Прикажете имъ сказать?

— Скажите.

Лыжинъ медленно—ему сдѣлалось жарко въ ермолѣ—сталъ подниматься въ третій этажъ, по свѣтлой, широкой лѣстницѣ, съ бѣлымъ половикомъ и съ ясеневыми стульями на площадкахъ.

Меблированный домъ содержался довольно чисто и степенно. Его кто-то прозвалъ „Дворянское гнѣздо“. По зимамъ жили тутъ больше помѣщичьи семьи, снимавшія цѣлыя отдѣленія. Лакеи носили фраки.

Хмурое небо стало раздвигать облака, пока онъ шелъ домой, и въ верхнемъ коридорѣ — прямо противъ двери въ его помѣщеніе—изъ широкаго окна проливался свѣтъ, и золотыя главы Кремля заискрились на прояснившемся небѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ здѣсь, по утрамъ онъ то и дѣло останавливается передъ видомъ Кремля и подолгу смотреть на него. Прежде онъ былъ равнодушенъ

къ картинной сторонѣ Москвы; теперь въ немъ что-то каждый разъ затеплится, какая-то смутная смѣсь художественнаго чувства съ потребностью слиться съ родиной болѣе тихимъ и примиреннымъ влеченіемъ.

И теперь онъ остановился на минуту передъ окномъ, любуясь рядомъ главъ церкви „Спаса Золотая-рѣшетка“ и нѣжнымъ колеромъ окраски теремовъ.

Своей квартирой Лыжинъ былъ доволенъ. Она состояла изъ просторнаго кабинета и спальни. Капитальная стѣна отдѣляла его отъ слѣдующаго помѣщенія, и онъ пользовался полной тишиной. И по коридору могъ онъ ходить, по-домашнему одѣтый, рѣдко встрѣчаясь съ остальными жильцами. Онъ чувствовалъ себя дома, а не въ номерахъ.

Повѣсивъ свой еркакъ, онъ остался въ синей парѣ изъ мохнатого шевіота, въ которой смотрѣлъ моложе, чѣмъ въ шубѣ.

Въ кабинетѣ у него прибрали. На столѣ не валялось ничего лишняго. Нѣсколько книгъ лежали въ порядкѣ на полкахъ этажерки. Онъ закурилъ папиросу и хотѣлъ было что-то достать изъ стола, да вспомнилъ, что его жаждетъ видѣть „господинъ Воденягинъ“. Почему-то ему не захотѣлось сразу принять его здѣсь. Онъ привыкъ, чтобы къ нему, подходя, обращались съ просьбами всякаго рода, но въ послѣднее время онъ избѣгалъ просителей особаго рода, изъ тѣхъ, что являлись къ нему, какъ къ человѣку извѣстнаго направленія и репутаціи, какъ бы обязанному помогать каждому, кто считалъ себя достойнымъ поддержки.

Съ папиросой вышелъ онъ въ коридоръ и началъ прохаживаться около двери къ себѣ, останавливаясь передъ широкимъ окномъ, опять привлеченный видомъ Кремля.

Скрипъ сапогъ послышался позади его. Лыжинъ обернулся и сейчасъ же рѣшилъ, что жилецъ, приближавшійся къ нему, и есть тотъ самый господинъ, про котораго докладывалъ ему швейцаръ.

Быстро, на разстояніи двухъ саженъ, оглядѣлъ онъ его.

Къ нему подходилъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ—можетъ-быть, и моложе — сутуловатый, плечистый, малаго роста, съ широкимъ лицомъ инородческаго типа, смуглый, еще не сѣдой; нахмуренныя брови выдвигались надъ короткимъ, сдавленнымъ носомъ; борода туго рос-

ла — тоже безъ сѣдины. Узкіе темные глаза смотрѣли вбокъ.

Одѣтъ онъ былъ по-домашнему, въ черную шерстяную блузу, перепоясанную кожанымъ кушакомъ.

„Должно-быть, изъ такихъ“, — подумалъ Лыжинъ, прежде чѣмъ тотъ подошелъ къ нему.

„Изъ такихъ“ — былъ его обычный терминъ для обозначенія цѣлаго разряда лицъ, съ какими онъ встрѣчался долгіе годы.

— Воденягинъ, — глухо и взглядывая на него снизу вверхъ, проговорилъ человѣкъ въ блузѣ.

— Очень радъ.

Лыжинъ протянулъ ему руку и пожалъ, спросивъ себя: случилось ли ему гдѣ-нибудь встрѣчать этого Воденягина?

Память ничего ему не подсказала. Но онъ тотчасъ сообразилъ, что съ *такимъ* неловко говорить въ коридорѣ. Онъ непременно обидится, больше чѣмъ кто бы то ни было.

— Милости прошу ко мнѣ, — пригласилъ Лыжинъ, растворяя дверь.

Если бъ онъ захотѣлъ прислушаться къ своему тону, онъ долженъ былъ бы сознаться, что годъ, даже полгода назадъ, не было бы въ этомъ тонѣ такихъ звуковъ въжливости, безукоризненной, но сухой.

Зачуявъ сразу, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ внутренно съежился. Ему жутко стало напередъ отъ невозможности попрежнему отнестись къ своему собесѣднику: хитрить и маскироваться онъ еще не умѣлъ и не хотѣлъ сразу выкладывать свою душу, да еще передъ однимъ изъ тѣхъ, кто, можетъ-быть, остается на всю жизнь съ упорнымъ завѣтомъ.

Его предчувствіе оказалось юта-въ-іоту вѣрнымъ.

Воденягинъ, войдя медленно въ кабинетъ, осмотрѣлся и спросилъ:

— Вы здѣсь одни живете?

— Одинъ.

Лыжину извѣстенъ былъ и этотъ пріемъ осторожности.

— Присядьте, — поспѣшилъ онъ пригласить гостя къ столу и самъ сѣлъ.

Сказать ему фразу: „чѣмъ могу служить“ — онъ не рѣ-

— И я въ этихъ же номерахъ, только внизу. Свѣту маловато, да и не совсѣмъ мнѣ по карману.

Говорилъ Воденягинъ туго, точно разставляя слова, и смотрѣлъ не на собесѣдника, а въ сторону—на большую круглую печку около двери.

И такая манера говорить была знакома Лыжину.

„Безъ сомнѣнія—изъ такихъ“,—еще разъ опредѣлилъ онъ, пододвинувъ гостю коробку съ папиросами.

Воденягинъ закурилъ съ молчаливымъ поклономъ и тогда только вынулъ откуда-то — кажется, изъ панталонъ — письмо, уже немного помятое, и подалъ его Лыжину.

— Къ вамъ грамотка—отъ вашего знакома.

Широкій ротъ Воденягина повела усмѣшка, которую Лыжинъ не нашелъ пріятной.

Письмо было изъ провинціи, отъ одного живущаго тамъ, не по своей волѣ, литератора, занимающагося статистикой. Съ нимъ Лыжинъ встрѣчался и раньше, до „исторіи“, послѣ которой тотъ попалъ сначала въ глухой городишко на крайнемъ Сѣверѣ.

„Вотъ ты изъ какихъ!“—мысленно выговорилъ Лыжинъ, не глядя на своего гостя.

Будь это пять лѣтъ назадъ, человѣкъ въ блузѣ тотчасъ получилъ бы въ его глазахъ ореолъ. Четверть вѣка прошло съ той эпохи и окружило многихъ легендарнымъ обаяніемъ, которое Лыжинъ еще такъ недавно испытывалъ. Десять лѣтъ тяжкаго наказанія и пятнадцать томительныхъ лѣтъ подневольнаго житія по разнымъ заholустьямъ представлялъ собою этотъ человѣкъ, пришедшій знакомиться съ нимъ или, лучше сказать, вручить ему письмо „знакома“. Но письмо было написано нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

— Вы давно перебрались въ Москву?—спросилъ Лыжинъ.

— Съ весны я здѣсь.

— И какъ же устроились?

— Да ничего, пока.

Въ письмѣ Лыжина просили оказать Воденягину поддержку въ отысканіи работы.

— Вы меня развѣ тогда не нашли? А я былъ еще въ Москвѣ.

И теперь они жили въ одномъ гарнѣ уже больше двухъ недѣль.

— Мнѣ сказывали потомъ,—продолжалъ такъ же мед-

ленно Воденягинъ, между затяжками дымомъ папирсы.— Работу я нашель—и довольно прочную. Большую книгу перевожу съ англійскаго. Спѣшки, значить, не было. Да и теперь, какъ увидалъ вашу фамилію внизу на доскѣ... знаете... сразу не пошелъ...

Опять его усмѣшка точно кольнула Лыжина.

Но онъ ничего на это не замѣтилъ.

— Вы вѣдь тотъ самый Юрій Лыжинъ, который, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, водился съ кружкомъ пахомовцевъ?

Лыжина опять точно что кольнуло. Онъ тотчасъ все понялъ.

Этотъ прямолинейный человѣкъ, „пострадавшій“ — и такъ сильно—двадцать пять лѣтъ тому назадъ, вотъ что онъ хотѣлъ сказать ему своимъ вопросомъ:

„Ты, молъ, дружилъ съ пахомовцами, а они поплатились. Почему-то ты не былъ даже потревоженъ, хотя и могъ бы оказаться въ числѣ тѣхъ, которыхъ оправдали. Хотя ты и продолжалъ считаться недурнымъ малымъ, но кто тебя знаетъ—во что ты теперь превратился...“

Приди къ нему этотъ человѣкъ еще весной, онъ, зачуявъ такое подозрѣніе, сейчасъ сталъ бы изливаться. Уколъ онъ почувствовалъ и теперь, но изливаться не сталъ.

— Я знавалъ многихъ пахомовцевъ,—выговорилъ онъ сдержанно,—и могъ бы быть привлеченъ, но остался въ сторонѣ. По правдѣ сказать, они меня тогда и не вводили въ свои дѣла.

Воденягинъ поморщился отъ дыма и, все съ той же усмѣшкой, выговорилъ:

— По нынѣшнимъ временамъ — вы понимаете — такіа вездѣ происходитъ превращенія...

Онъ не договорилъ и взглянулъ на Лыжина прямо.

— Вамъ, я думаю, и самимъ,—продолжалъ онъ, улыбуясь только глазами,—приходится убѣждаться въ томъ же?

Неловкость этой фразы только подтверждала то, что Лыжинъ почувалъ въ вопросѣ Воденягина о его собственномъ прошедшемъ.

— Стало-быть, вы вашимъ положеніемъ здѣсь довольны? — спросилъ онъ, переводя разговоръ на фактическую почву.

— Не жалуюсь.

Человѣкъ „съ ореоломъ“ не поднималъ въ немъ желанія разспросить про его испытанія, вызвать въ немъ задушевную рѣчь о судьбѣ его товарищей. Онъ напередъ зналъ, что и какъ Воденягинъ будетъ ему говорить, въ какомъ тонѣ и въ какихъ именно фразахъ. Поддакивать онъ не могъ, а слушать изъ простаго любопытства — не хотѣлъ.

Ему стало нудно; никогда онъ не испытывалъ такой тяжести. Еще легче сдѣлалось для него, что прежняго Лыжина въ немъ нѣтъ — и это уже не могло его таѣть, какъ полчася раньше, когда думы охватили его, на Большой Никитской.

III.

Въ дверь слегка постучались. На окликъ Лыжина вошелъ коридорный и подалъ карточку.

— Просите! — сказалъ Лыжинъ, отпуская лакея движениемъ головы и, обратившись къ Воденягину, добавилъ: — Вы меня извините, пожалуйста... дѣловой разговоръ...

Онъ произнесъ это умышленно мягко и любезно; но ему все-таки стало не совсѣмъ пріятно: точно онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ посѣтителя. Иначе нельзя было поступить. Предстоялъ рѣшительный разговоръ по продажѣ имѣній. Лыжинъ упрекнулъ себя за то, что не предупредилъ швейцара, чтобы къ нему сегодня никого не пускать, кромѣ господина, котораго онъ ждалъ къ двумъ часамъ.

Воденягинъ лѣниво поднялся съ кресла и бросилъ папиросный окурочекъ въ плевальницу.

— Не стѣсняйтесь, сдѣлайте одолженіе, — все тѣмъ же двойственнымъ тономъ выговорилъ онъ. — Мы пока въ одномъ домѣ живемъ... Своими дѣлами я васъ беспокоить не буду... А знаете... на всякій случай... если придется... за кого-нибудь похлопотать... Миѣ вашъ знакомецъ такъ всегда про васъ говорить...

Не докончивъ фразы, Воденягинъ неловко покачнулся туловищемъ передъ тѣмъ, какъ идти къ двери.

Лыжинъ всталъ и протянулъ-было ему руку въ ту самую минуту, какъ отворилась дверь и вошелъ дѣловой посѣтитель. Онъ видѣлъ его въ первый разъ и не зналъ, какое довѣренное лицо пришлетъ ему покупатель — коммерсантъ Кумачевъ, съ которымъ онъ всего одинъ разъ видѣлся. Переговоры велись сначала черезъ коммиссіонную контору.

Посѣтителъ былъ маленькаго роста, совсѣмъ круглый человѣкъ, еще молодой. Вадернутый носъ, свѣтлыя курчавыя волосы, русая борода, лоснящіяся щеки и блестящіе свѣтло-сѣрые глаза — все вмѣстѣ дѣлало его сразу похожимъ на старориста, на довѣреннаго приказчика. И одѣвался онъ старательно и франтовато, похоже на то, какъ одѣты обыкновенно кассиры и контролеры въ банкахъ — коротенькій синій пиджакъ, цвѣтной галстукъ съ булавкой, на цѣпочкѣ большой золотой жетонъ съ эмалью, отложенные воротнички.

— Кострицынъ, — вполголоса выговорилъ онъ, кинувъ тотчасъ же взглядъ на Воденягина.

— Иванъ Кузьмичъ? — тономъ вопроса сказалъ Лыжинъ, только что прочитавшій его имя и отчество на карточкѣ.

— Такъ точно.

Лыжинъ пожалъ сначала руку Воденягину и сказалъ новому посѣтителю:

— Присядьте. Сю минуту къ вашимъ услугамъ.

Онъ проводилъ Воденягина въ коридоръ.

— Не беспокойтесь, — выговорилъ тотъ, усмѣхнувшись, и въ этой усмѣшкѣ сидѣло: — „Очень ты, братъ, ужъ по-барски вѣжливъ“.

— Вы ко мнѣ по дѣлу? — спросилъ Лыжинъ, вернувшись въ кабинетъ, гдѣ толстенькій блондинъ разглядывалъ на стѣнѣ какую-то гравюру.

— Отъ Захара Лукьяныча, — произнесъ онъ звонко, голосомъ, который также показался Лыжину купеческимъ.

Посланецъ коммерсанта Кумачева, оглянувшись на дверь и блеснувъ своими яркими и узкими глазками, спросилъ:

— Сей блузникъ — господинъ Воденягинъ?

— Вы его знаете? — заинтересованно откликнулся Лыжинъ и повторилъ: — Прошу присѣсть.

— Видѣлъ разъ всего. Только онъ меня врядъ ли узналъ, хотя мы имѣли съ нимъ принципиальную *прю*, — состригъ Кострицынъ.

— Гдѣ же это?

— У студентовъ... въ одномъ кружкѣ земляковъ, оттуда, съ Волги. Онъ вѣдь тамъ проживалъ въ послѣднія двѣ зимы, передъ тѣмъ, какъ его пустили въ Москву.

Голосъ оставался все такимъ же купеческимъ; тонъ и складъ рѣчи отзывались чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, — и Лыжинъ чуть было не спросилъ: какого же званія и профессіи этотъ, по наружному виду, приказчикъ изъ „амбара“

въ Черкасовомъ или Юшковомъ переулкѣ, между Никольской и Ильинкой?

— А вы посѣщаете такіе кружки?—спросилъ Лыжинъ, наклонивъ голову, чтобы не смотрѣть прямо на лицо блондина.

— Ха-ха!.. Я всякіе кружки посѣщаю. Въ свободные часы—а они у меня есть—хожу по Москвѣ и суесловлю. Какъ Сократъ хаживалъ по Афинамъ, задавая вопросы, пустяшные, на оцѣнку его согражданъ.

„Это еще что?“—мысленно спросилъ Лыжинъ и, улыбнувшись, протянулъ ему папиросы, такимъ же точно жестомъ, какъ и Водягинину, за четверть часа передъ тѣмъ.

— Не употребляю, благодарю покорно, хотя ученія о табакѣ, какъ средствѣ притупленія совѣсти, не держусь... Ха-ха!.. Барско-мистической ереси не признаю...

Кострицынъ такъ при этомъ поглядѣлъ на Лыжина, что тотъ сейчасъ зачулъ намекъ на его недавнее увлеченіе этой самой „ересью“. Тогда онъ временно бросилъ курить и даже пробовалъ быть вегетаріанцемъ.

— Развѣ мы съ вами уже встрѣчались?—осторожно выговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ... такъ, чтобы насъ съ вами познакомили... Но я васъ давно знаю... И частенько видалъ... особенно одну зиму. Въ послѣдній разъ—въ аудиторіи музея.

— Вы, стало-быть?..

— Шатунъ, шатунъ! Могу—разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ—примѣнить къ себѣ то, что Цицеронъ про себя говоритъ: „*me non civem unius urbis, sed totius orbis puto...*“ Хе-хе!

„Кто же онъ?“—недоумѣвалъ Лыжинъ, а сдѣлать прямой вопросъ считалъ не деликатнымъ.

— Извините,—сказалъ онъ,—я немного забылъ по-латыни... Смыслъ этого изреченія...

— Тотъ, что Цицеронъ считалъ себя гражданиномъ не одного города, а цѣлаго свѣта—*totius orbis*.

По-латыни Кострицынъ произносилъ отчетливо, немного педантично, какъ истый словесникъ, учившійся у какого-нибудь нѣмца или онѣмченнаго чеха.

— А-а... — протянулъ Лыжинъ, и уже нѣсколько иронически.

Ему такой языкъ въ посланцѣ коммерсанта Кумачева показался позировкой.

— Извините,—спохватился Кострицынъ.—Нынче вѣдь поневолѣ позволишь себѣ цитату... Старая привычка...

— Привычка педагога?

— Репетитора... Я еще съ послѣдняго класса гимназій сталъ ходить по барчатамъ и купеческимъ сынкамъ—подготовлять ихъ по древнимъ языкамъ.

— Такъ какъ же вы?..

Лыжинъ досказалъ свой вопросъ взглядомъ.

— Васъ удивляетъ нѣчто?.. Понимаю. Видите ли, я былъ сначала филологъ и кандидатскій экзаменъ сдалъ. А потомъ перешелъ на физико-математическій отдѣлъ. Какъ въ среднѣе вѣка—весь кругъ захотѣлось продѣлать, чтобы потомъ трактовать *de rebus omnibus*... Хе-хе... Потянуло и къ магистерству, только торопиться я не хотѣлъ. Вотъ и сижу за конторкой.

— Вы довѣренное лицо Кумачева?

— Если хотите,—да. Математика пригодилась для бухгалтерской цифири, а филологія послала ученика, который теперь превратился въ моего принцепала... Захаръ Лукьяновичъ состоялъ въ моихъ питомцахъ, когда я былъ еще словесникъ на третьемъ курсѣ... А теперь онъ—*самъ*! — подчеркнутъ Кострицынъ и опять засмѣялся короткимъ и жидкимъ смѣхомъ.

Этотъ частый смѣхъ не нравился Лыжину; но личность дѣлового посѣтителя заинтересовала его. Теперь онъ уже распознавалъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— И вы не оставляете науки? — спросилъ онъ оживленнѣе.

— Ни науки, ни мышленія, если позволите мнѣ такъ громко выразиться. Контора беретъ у меня утро до трехъ, да и то не каждый день; а чаще я уже къ позднему завтраку справляюсь. Голова моя отдыхаетъ на цифрахъ контроля и дѣловыхъ письмахъ. Читай себѣ и думай все остальное время. Надъ нами не каплетъ: одной диссертацией больше, одной меньше—не важно. Мыслить свободно только и можно, когда не надѣнешь никакого ученаго мундира.

— Это очень оригинально,—выговорилъ болѣе искренней нотой Лыжинъ, хотя посланецъ покушника что-то не дѣлался ему симпатичнѣе.

— Я въ оригиналы не мѣчу,—возразилъ Кострицынъ.—Гдѣ же?!.. Развѣ то, что мнѣ Господь Богъ изволилъ пожаловать такую гостинодворскую внѣшность? Что жъ! Это

мнѣ тамъ, въ амбарахъ города, не мѣшается, а въ другихъ мѣстахъ знаютъ, кто я... Однако, Юрій Петровичъ, прошу великодушно простить за это отступленіе. Вамъ время дорого не такъ, какъ мнѣ, шатуну, во вкусѣ Сократа... Позвольте вамъ вручить письмо отъ Захара Лукьяновича.

Опъ вынулъ изъ большого бумажника изящный конвертъ, съ огромной монограммой, изъ веленовой бумаги.

— Принципаль мой просилъ васъ пожаловать къ нему завтра, къ пяти часамъ, для окончательныхъ переговоровъ, и откушать у него заодно въ шесть.

— Откушать?

Лыжинъ уже пробѣжалъ записку и спросилъ это, поднявъ голову, съ чуть замѣтной улыбкой въ глазахъ. Она не ускользнула отъ Кострицына.

— Не отказывайтесь, Юрій Петровичъ. По законамъ великосвѣтскихъ приличій ему слѣдовало лично просить васъ. Но, видите ли... онъ все-таки пользуется своимъ правомъ покупщика; да и купеческая традиція къ тому же: безъ угощенія нельзя, хоть и на архи-европейскій манеръ. Вы Захара Лукьяновича видѣли только въ амбарѣ?

— Всего разъ.

— Посмотрите на него и дома. Это новый человѣкъ. И онъ, и супруга его, урожденная княжна Жеребьева...

— Зарайская? — вопросительно договорилъ Лыжинъ и всталъ. — Не родственница ли князи Иларіона... оттуда, отъ насъ, изъ новоземскаго уѣзда?

— Совершенно вѣрно. И, право, — вы увидите сами, — они пара. Рѣзкаго мезальянса въ сущности нѣтъ. Мой бывшій ученикъ, хоть и не особенно усердно зубрилъ *адристы*, но онъ — кандидатъ правъ и, пожалуй, не безъ основанія вырѣзалъ на своей печати латинское изреченіе... Виновать, опять у меня латынь!

— Какое, какое изреченіе? Это интересно!

— Такое-съ: „*Ibo singulariter donec transeam*“ — по-русски: „мы сами съ усами!“... Ха-ха!

Они оба разсмѣялись, и Лыжинъ хотѣлъ было присѣсть опять къ столу, начать дѣловой разговоръ, но Кострицынъ самъ всталъ и взялся за шляпу-котелокъ, оставленную у двери.

— Покончить съ вами, Юрій Петровичъ, я не уполномоченъ. У Захара Лукьяновича есть еще два-три второстепенныхъ пункта, которые онъ желалъ бы выяснить. Я

буду допущенъ присутствовать при вашемъ разговорѣ, потому что долженъ поѣхать съ вами на мѣсто. А больше пока ничего не имѣю, кромѣ полученія вашего согласія на зовъ Захара Лукьяновича.

— И вы будете тамъ обѣдать?

— Буду-съ.

— Какъ же это... парадно?

— Нѣтъ. Полупарадно—въ сюртукахъ. Значить, позволите рассчитывать на васъ?

И на утвердительный жестъ Лыжина Кострицынъ, сдѣлавъ короткій поклонъ, пожалъ протянутую ему руку и быстро вышелъ.

IV.

На срединѣ Пушкинскаго бульвара, не доходя крытой эстрады для музыкантовъ, Кострицынъ, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ, встрѣтилъ носъ къ носу рослаго студента, шедшаго сверху отъ памятника.

— А! Шипилинъ!

— Иванъ Кузьмичъ!

— Съ рукопожатіемъ они вразъ разсмѣялись. И студенту, и „шатуну“ въ сократовскомъ вкусѣ одинаково пріятно было увидеть другъ друга.

Шипилинъ былъ на цѣлую голову выше его ростомъ. На его большой курчавой головѣ брюнета фуражка съ полинялымъ околышемъ сидѣла молодцовато-небрежно, совсѣмъ открывая лобъ. Лицо съ мелкими оживленными чертами—отъ усовъ безъ бороды—смотрѣло по-военному. Каріе глаза, быстрые и веселые, играли. Форменное пальто сидѣло на немъ ловко, поношенное, безъ барашковаго воротника.

— Съ лекціи?—спросилъ ласково Кострицынъ.

— Нѣтъ, я тамъ сегодня и не бывалъ.

— Какъ же вы?.. Вѣдь надо расписываться.

— Это ужъ дѣло педелей, а не мое. Мнѣ-то, старику, да копѣть, безъ надобности, въ аудиторіяхъ?! Для этого не мало юнцовъ... изъ первыхъ учениковъ.

Онъ выговорилъ послѣднія два слова съ особенной интонаціей.

Кострицынъ понялъ ее. Чувствовалось, что онъ хорошо знакомъ съ жаргономъ такихъ студентовъ.

Шипилину пошелъ уже двадцать четвертый годъ. Онъ два года назадъ былъ удаленъ, и только въ сентябрѣ этого

года—не безъ сильныхъ хлопотъ—опять принять. Во всей его посадѣ сквозило то, что онъ—не изъ нынѣшнихъ первыхъ учениковъ.

— Домой, на Патріаршіе?—любопытствовалъ Кострицынъ.

— Надо еще къ одному человѣчку завернуть, вотъ тутъ, въ Палашовскомъ переулкѣ. Мы кое-что, Иванъ Кузьмичъ, затѣваемъ.

— Смотрите! Опять очутитесь въ Бутыркахъ!

— Нѣтъ, самое невинное. Насчетъ одного изданія.

Шипилинъ былъ естественникъ.

— По какой части?

— Да еще ничего толкомъ не налажено. Вотъ хотимъ собраться... И васъ пригласимъ, Иванъ Кузьмичъ. Вы—мужъ совѣта.

Оглянувшись вбокъ, въ сторону Бронной, студентъ взялъ опять за руку Кострицына.

— Да не зайдемъ ли выпить кружку трехгорнаго? Въ ту портерную... Помните, которую мы когда-то хотѣли упорядочить? Васъ давно не видалъ; а хочется побалакать. Идемъ?.. Съ полчаса? Или вамъ нужно по дѣлу?

— Съ полчаса можно.

Они пошли подъ-руку и вскорѣ свернули съ бульвара.

Къ этому студенту Кострицынъ давно приглядывался. Шипилинъ считалъ себя представителемъ старой генерации студентовъ. Онъ „пострадалъ“ и одно время считался вожакомъ. Теперь въ немъ Кострицынъ замѣчалъ нѣчто болѣе зрѣлое—на его опѣнку, другое отношеніе и къ тому, чѣмъ онъ увлекался: и къ студенчеству, и къ профессора́мъ, и къ наукѣ, и къ „проклятымъ вопросамъ“.

Такія проявленія „здороваго критицизма“—какъ называлъ Кострицынъ—онъ очень цѣнилъ въ молодыхъ людяхъ. Съ Шипилинымъ онъ обходился осторожно, больше слушалъ его, чѣмъ самъ говорилъ, и прочилъ его себѣ въ „ученики“, когда тотъ „еще поумнѣетъ“.

Онъ ему прощалъ нѣкоторое молодечество, любованіе собой и своимъ краснорѣчіемъ, на сходкахъ и вечеринкахъ, за бутылками пива, желаніе дать тонъ и направить массу. Не думалъ онъ, что изъ Шипилина выйдетъ перво-разрядный ученый, скорѣе—журналистъ съ нѣкоторой подкладкой положительныхъ знаній. Но голова у него была цѣпкая, рѣзвая, и онъ хорошо усваивалъ себѣ и отвлеченныя идеи и поговаривалъ, что, покончивъ съ есте-

ственными науками, займется философией. Всего больше привлекали въ немъ Кострицына его жизненные позывы, желаніе найти своему „я“ полный ходъ, не очень задумываясь надъ тѣмъ,—одобрять или не одобрить его тѣ изъ товарищей, кто еще пережевывалъ разное „старье“.

Въ портерной, куда они вошли, было уже довольно народу,—все больше студенты, сидѣвшіе и группами, и въ одиночку, съ газетой въ рукахъ.

Они примостились къ окну во второй комнатѣ. Кострицынъ не нашелъ тутъ знакомыхъ; Шипилинъ перездоровался съ нѣсколькими студентами, шумно переходя отъ стола къ столу.

По манеру держать себя, было замѣтно, что это—малый, привыкшій считать себя „чѣмъ-то“.

Сѣли они поодаль, и когда имъ подали двѣ кружки—оба стали говорить гораздо тише.

— Ну, что жъ, — спросилъ Кострицынъ, наклоняясь надъ столомъ,—теперь, милѣйшій мой, вы искушены опытомъ и постараетесь безпрепятственно дотянуть до государственнаго экзамена?

— Постараюсь, Иванъ Кузьмичъ,—отвѣтилъ Шипилинъ ему въ тонъ, тряхнувъ головой и однимъ глоткомъ отпилъ треть свѣтлаго, пѣнистаго пива.

— Хотя побывать въ бутырской академіи и не бесполезно, — продолжалъ шутливо Кострицынъ, — но, право, шкурка не стоитъ выдѣлки.

— Надо всего отвѣдать... Съ самаго того сидѣнья... съ того сидѣнья,—повторилъ Шипилинъ, лихо оглянувъ комнату,—я и сталъ распознавать, какой у насъ всяческій разбродъ въ честномъ студенчествѣ.

Онъ говорилъ горячо, довольно тихо звукомъ—не изъ боязни, что его услышатъ. Ни отъ кого онъ не скрывалъ своихъ взглядовъ на массу и на ближайшихъ товарищей и ставилъ себѣ это въ немалое достоинство.

— До сихъ поръ, Иванъ Кузьмичъ, помню, какъ настоящіе—то инстинкты взяли верхъ, когда возбужденіе спало. Многіе и оказались не выше юнкеровъ, право!

Онъ разсмѣялся не очень громко и глотнулъ изъ кружки.

— А теперь, вотъ, со вторичнаго поступленія моего,—продолжалъ онъ, ускоряя темпъ рѣчи, — я вижу, Иванъ Кузьмичъ, что еще сильнѣе преобладаетъ *первый ученикъ*.

— Чтò жъ? Развѣ это худо?

— Да вы, небось, сами были въ гимназіи, знаете—что такое первый ученикъ.

— Я и самъ сиживалъ подолгу первымъ.

— Въ ваше время другое дѣло было... Не теперя.. И адѣшніе, изъ мѣстныхъ гимназій, самые патентованные. До жалости! Изъ губерній—менѣе вымуштрованы... Есть милые юнцы. Но масса съ такой торричеллиевой пустотой въ головахъ, что имъ всякое мѣсиво на потребу. Всѣмъ восхищаются! Сегодня попалъ на лекцію, гдѣ профессоръ-научникъ почитываетъ—слушаетъ его, развѣся уши, и радъ. Завтра ему разводять рацемъ самый гнилой метафизикъ—на подкладкѣ мистицизма—хлопаетъ и ему и умиляется! Прямое доказательство, что онъ изъ гимназіи никакихъ опредѣленныхъ не то что идей, а хоть догадокъ не вынесъ.

— И не могъ вынести, — ласково возразилъ Кострицынъ.—И нѣтъ въ этомъ никакой бѣды. Вы такъ, милый мой, говорите по традиціи. И ваше поколѣніе, и мы грѣшныя,—когда поступали въ университетъ,—только брали на вѣру то, что намъ книжки любимыхъ журналовъ говорили.

— А они и журналовъ-то не читали!

— И это не большая бѣда! Вамъ самому сколько надо было лѣтъ, чтобы посмѣлѣе взглянуть на казенщину обязательнаго направленства?

Кострицынъ подмигнулъ ему и протянулъ кружку чокнуться.

— Да здравствуетъ разумъ!

— Да здравствуетъ! — повторилъ Шипилинъ и, взглянувъ на дверь, окрикнулъ:—Сюда, сюда!

Въ дверяхъ—еще въ фуражкѣ—стоялъ студентъ, снявшій въ первой комнатѣ шинель—плечистый, съ большой русой бородой, въ короткой сѣрой „тужуркѣ“. Лицо у него было свѣжее, загорѣлое; глядѣлъ онъ немного хмуро своими красивыми голубыми глазами изъ-подъ густыхъ бровей.

— Вы его не помните, Иванъ Кузьмичъ? — спросилъ Шипилинъ въ то время, когда студентъ въ тужуркѣ пробирался къ нимъ.

— Кажется, видалъ.

— Это Мечъ... Владиміръ Мечъ.

— Тоже былъ въ Бутыркахъ?

— Былъ; только ему легче сошло; онъ предпоследній семестръ дослушивалъ.

Студентъ Мечъ поспѣшно подошелъ къ ихъ столу.

Шипилинъ назвалъ его по имени и спросилъ для него пива. Его товарищъ присѣлъ къ столу молча. Видно было, что онъ не разговорчивъ.

— Ты меня искалъ?—спросилъ его Шипилинъ.

— Не то что искалъ... Къ Тишинымъ пробирался. Теперь уже четвертый въ началѣ.

— Успѣемъ!

— На то совѣщаніе?—спросилъ вполголоса Кострицынъ.

— Вѣдь это въ двухъ шагахъ... Не выпьемъ ли еще по кружкѣ, Иванъ Кузьмичъ?

— Нѣтъ, милый мой... Мнѣ пора.—Онъ вынулъ часы съ тяжелой золотой доской.—И очень пора. Мнѣ еще надо побывать въ городѣ.

— Въ амбарѣ небось? Вотъ, Мечъ, Иванъ Кузьмичъ, магистрантъ, и не пренебрегаетъ мѣстомъ въ конторѣ... А у насъ чуть какой кандидатишко два реферата изъ себя выдавилъ, за которые его похвалили на „семинаріяхъ“—и оставляй его при университетѣ, и за границу шли, и онъ священнодѣйствуетъ! Какъ ему чѣмъ-нибудь, кромѣ слизыванья архивной пыли, заняться?!

Товарищъ Шипилина усмѣхнулся въ свои густые усы и ничего не сказалъ.

— Эй, завяжи на память узелокъ!—проговорилъ, вставъ, Кострицынъ и прикоснулся рукой къ плечу Шипилина.

— Какъ же, Иванъ Кузьмичъ!—удержалъ его тотъ,—позволите васъ извѣстить, когда у насъ компанія соберется?.. Очень бы одолжили.

— Буду, буду!

Молчаливый студентъ очень крѣпко сжалъ руку Кострицына.

Въ портерной народу прибывало; табачный дымъ и гулкій говоръ густѣли. Кострицынъ, застегивая пальто у выхода, оглядывалъ эту молодежь и тихо улыбался.

Если бы онъ вдругъ собралъ ихъ вокругъ себя и сталъ бы имъ развивать *свою* теорію жизни и правды—за кого бы многіе изъ нихъ его принимали? А тѣ, кто способенъ на работу головы, рано или поздно придутъ къ его же выводамъ. Но когда?—Когда растеряютъ все въ добровольномъ рабствѣ передъ какимъ-нибудь сочиненнымъ принципомъ.

V.

Въ „амбарѣ“ Кострицынъ не засталъ своего хозяина. Захаръ Лукьяновичъ уѣхалъ раньше обыкновеннаго.

Отвѣтъ Лыжина нужно было принести сегодня. Обѣдать онъ у Кумачевыхъ не останется, если бъ его и оставляли: у него сегодня обѣдъ въ трактирѣ — кружковой, молодыхъ медиковъ, больше психіатровъ, съ которыми онъ давно дружить. За обѣдомъ завязываются всегда пренія и длятся иногда до поздняго часа. На послѣднемъ обѣдѣ пришлось даже выбрать предсѣдателя и дать ему колокольчикъ, чтобы не говорили по-трое, по четверо за разъ.

Въ такихъ сборищахъ, гдѣ можно держать „прю“, онъ только и живетъ, и въ этомъ онъ чувствуетъ себя кореннымъ москвичемъ. Здѣсь онъ родился, на Садовой, въ приходѣ Ермолая, здѣсь былъ гимназистомъ и студентомъ, отсюда никуда не выѣзжалъ дальше Серпухова, въ одну сторону, и Новаго Іерусалима—въ другую.

Безъ преній, безъ діалектической игры онъ не понимаетъ жизни и въ потребности къ перегряхиванію вопросовъ науки и устоевъ метафизики полагаетъ самое высшее отличіе москвича отъ всякихъ другихъ русскихъ—петербуржцевъ и провинціаловъ.

Вокругъ него идутъ сѣтованія на „подлое время“, нытье о паденіи идеаловъ, объ опошленіи молодежи, о всеобщемъ бездушномъ изувѣрствѣ, о расовыхъ инстинктахъ нетерпимости, о возмущающемъ душу нахальствѣ охранителей „лже-патріотическихъ“ началъ...

Онъ только посмѣивается себѣ въ бороду и видитъ, что все это — жалкія слова. Для него то, что наступило, должно было случиться, какъ реакція добровольному рабству во имя разныхъ фетишей, передъ которыми „хорошіе“ люди предыдущаго десятилѣтія совершали свои идоложертвенныя требы... А теперь идетъ „дифференціація“, теперь личность хочетъ поднять себя, дерзаетъ противопоставлять свое „я“ обязательнымъ символамъ вѣры, дерзаетъ и посягаетъ.

И мысль не спать въ этой „купецкой“ Москвѣ. Нѣтъ! Тотъ слой, гдѣ мозги давно расшатаны, не намѣренъ отрекаться отъ своей привилегіи на высшее духовное достояніе.

Кострицынъ думалъ такъ—и не въ первый разъ,—по-

качиваясь на извозничьей пролеткѣ изъ города черезъ Кремль, въ сторону Пречистенки, гдѣ на одномъ изъ бульваровъ стояли палаты его питомца по части греческихъ „адристовъ“—теперь уже главы миллионной фирмы, виднаго дѣятеля по городскому самоуправленію, попечителя многихъ школъ и пріютовъ, чиномъ надворнаго совѣтника, ожидающаго—не безъ резона—что къ новому году его супруга, рожденная Жеребьева-Зарайская, прочтетъ на карточкахъ своего мужа, во второй строкѣ, то званіе, которое даетъ ходъ ко всему.

Два часа назадъ, когда онъ просилъ Лыжина не отказываться отъ обѣда и заинтересовалъ его личностью коммерсанта Кумачева, вплоть до его латинскаго девиза,—онъ не преувеличивалъ.

Разумѣется, Лыжинъ—этотъ горюнь-семидесятникъ—не найдетъ въ Захарѣ Лукьяновичѣ, пожалуй, ничего, кромѣ нынѣшняго карьеризма „купчишекъ“, почуввавшихъ, что если къ ихъ капиталамъ да прибавить классическое образованіе, да мѣдный лобъ въ городскихъ дѣлахъ, да ловкое подхалимство передъ тѣми, кто даетъ ходъ, то можно всего достичь и на высшій манеръ тѣшить свое чванное и деспотически-купецкое „я“.

И проглядить суть того, что представляетъ собою Захаръ Лукьяновичъ, „горюнь-семидесятникъ!..“

Для него, Кострицына, Кумачевъ—символь, показатель новой фазы общественнаго роста,—и онъ, и жена его, захудалая княжна, захудалая только потому, что папенька и маменька, безумно бросая деньги, остались нищими, но воспитанная отъ дохода въ сотню тысячъ рублей.

Вѣрно онъ опредѣлилъ Лыжину и то, что „мезальянса“ тутъ не было. Если бъ его хозяинъ не носилъ фамиліи *Кумачевъ* и не звали бы его *Захаръ Лукьяновичъ*, никто бы не распозналъ въ немъ внука того Сидора Емельяновича Кумачева, который перебрался въ Москву простымъ „горшечникомъ“—какъ зовутъ въ подмосковныхъ деревняхъ мелкихъ фабрикантовъ набивного ситца,—съ капиталомъ въ какую-нибудь тысячу рублей, крестьяниномъ графовъ Струиныхъ, откупившимся отъ крѣпости уже тогда, когда былъ въ сотняхъ тысячъ. Отецъ его, Лукьянъ Сидоровичъ, былъ только грамотенъ и языковъ не зналъ; но мать, воспитанная и ученая по-другому, Раиса Гордѣевна, постаралась о своемъ первенцѣ и единственномъ сынѣ Заха-

рушкѣ, котораго окрестила такъ въ память своего пра-
дѣда.

Въ томъ-то и сказывается прежде всего умъ его ученика, что онъ хоть и будетъ, лѣтъ черезъ пять, много черезъ десять, особой четвертаго класса, а все-таки „прядильщикъ“, и не заброситъ своего многомилліоннаго дѣла; вѣроятно, завѣщаетъ его и сыну.

Нужды нѣтъ, что Раиса Гордѣевна мечтала о другой „душѣ“ для своего сына. Когда она пригласила Кострицына къ Захарушкѣ въ репетиторы, она и тогда уже сътовала на то, что въ сынкѣ мало склонности къ ея „идеямъ“. Она, когда стала взрослой дѣвицей, подпала подъ вліяніе разныхъ „хорошихъ“ мыслей и передовыхъ людей, читала запоемъ книжки и, выйдя замужъ, сразу ушла въ добрыя дѣла, не по-старинному, а съ направлениемъ. Ей мечталось, что ея Захарушка будетъ нѣчто въ родѣ шпильгагенскаго „Лео“ или одного изъ тѣхъ крупныхъ финансистовъ, которые, въ тридцатыхъ годахъ, хотѣли во Франціи пересоздать положеніе рабочаго класса, а затѣмъ и всего человѣчества.

Но теперешній Захарушка—человѣкъ своего десятилѣтія, и этимъ-то онъ и характеренъ въ глазахъ его бывшаго репетитора.

„Такіе нужны для Москвы“, — рѣшаетъ каждый разъ Кострицынъ, думая о Кумачевѣ. Онъ доволенъ всего больше тѣмъ, что въ немъ самомъ нѣтъ и тѣни раздраженія противъ милліонщика Кумачева за то только, что тотъ его „хозяинъ“, а онъ—его „батракъ“. Нигдѣ бы онъ себя не чувствовалъ независимѣе, чѣмъ въ званіи довѣреннаго конториста Захара Лукьяновича. Его личное достоинство принципаль уважаетъ достаточно... Дѣла на него не наваливаются и даетъ понять, что онъ цѣнить въ бывшемъ своемъ репетиторѣ его „умственность“, какъ выражался еще покойный отецъ его, Лукьянъ Сидоровичъ. Ему, вѣроятно, льстило то, что магистрантъ—человѣкъ, прошедшій два факультета, сидитъ въ его „амбарѣ“.

Экая важность!.. Въ древности рабы держали въ рукахъ свѣточни своихъ эпохъ. Кто такой былъ Эпиктетъ?—рабы! и Эзопъ—также! И Сократъ могъ быть рабомъ...

Никакого рабства не испытывалъ онъ „на службѣ“ у Захара Лукьяновича. Въ его домѣ онъ не прислѣшникъ, не мелкій приказчикъ, а довѣренное лицо съ умственнымъ авторитетомъ, который добровольно гораздо больше при-

знаетъ „самъ“, чѣмъ „сама“, — чѣмъ эта роскошная и жизнерадостная Антонина Борисовна. Съ нею ему приходится вести тайную борьбу, парировать ея замаскированные удары, чуютъ ея полубрезгливое отношеніе къ себѣ. Онъ знаетъ, что она находитъ его наружность гостинодворской, вульгарной и тонъ — недостаточно „въ стилѣ“, или, какъ она по-англійски выражается про себя: „по good style“.

На его одѣяку, Антонина Борисовна — болѣе мѣщанка, чѣмъ ея мужъ, Захарушка Кумачевъ. Она ѣжится отъ звука этой „ужасной“ фамиліи, но сама смакуетъ суетнѣе и чувственнѣе, чѣмъ онъ, сладость барышей, доставляемыхъ работой придильщиковъ и ткачей на двухъ мануфактурахъ мужа. Ея тонъ менѣе ровенъ, выдержанъ и своеобразенъ, чѣмъ у Захарушки. Она безъ всякой надобности дѣлаетъ а parte по-англійски при немъ, забывалъ, что онъ понимаетъ, а мужъ ея этого никогда не дѣлаетъ, хоть и говорить и по-англійски, и по-французски, и по-нѣмецки съ превосходнымъ акцентомъ. Французскимъ языкомъ онъ владѣетъ такъ, что можетъ произносить цѣлые речи даже съ блестками остроумія, а ея жаргонъ — дальше барской болтовни неидетъ.

И въ этомъ бракѣ онъ видитъ *показателя* теперешней дорогой ему Москвы — „сердцевины“ русскихъ городовъ, гдѣ вырабатывается русская культура, гдѣ народный трудъ, купецкая мошна, чувственные аппетиты, сословная перетасовка, повальная ѣда и питье, трактиры, картежъ и тотализаторъ, гикъ цыганъ и колокольный звонъ „сорока-сороковъ“ — служатъ той же почвой, откуда вырастаютъ вопросы ума, творчества, красоты, научной истины, полета въ безплотную высь обобщающей философской мысли...

Пролетка, перекаtywаясь справа-налѣво по мерзлой, безснѣжной мостовой, повернула къ подъему, откуда Кремль и дальше вся панорама, вдоль Александровскаго сада до пабережной, открылась въ лучахъ заката, пестрѣла красками церквей, башенъ, домовъ.

„Флоренція! — мысленно вскричалъ Костицынъ, оглянувшись на кремлевскую стѣну, откуда верхи теремовъ весело смотрѣли между двумя башнями старо-италійнскаго стиля. — Флоренція! Аѳины, гдѣ, какъ и я, многогрѣшный, курносый мужъ злобной Ксантиппы бродилъ подъ портиками и задавалъ ехидные вопросы досужаго шатуна“.

Черезъ пять минутъ пролетка подвезла его къ подъѣзду двухъэтажнаго дома, построеннаго въ какомъ-то смѣшанномъ стилѣ изъ краснаго кирпича съ обшивкой тесовымъ камнемъ, со множествомъ поливныхъ изразцовъ, вѣланныхъ въ стѣны, и съ высокой металлической крышей, украшенной переборомъ изъ кованнаго желѣза. Домъ, въ цѣломъ, не казался пестрымъ, несмотря на множество деталей отдѣлки. Крыльцо, умышленно тяжеловатое, съ каменнымъ навѣсомъ, вело къ парадному ходу на возвышеніи. По бокамъ навѣса выглядывали металлическіе завитки, напоминавшіе всегда Кострицыну орнаменты итальянскихъ дворцовъ, которые онъ видалъ на фотографіяхъ.

„Флоренція! — все такъ же весело повторилъ онъ еще разъ про себя. — Палаццо Стрѳици! И тамъ патриціи вышли изъ суконщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, какъ Захарушкинъ дѣдъ — изъ подмосковныхъ горшечниковъ“.

Въ сѣни онъ вошелъ прямо, не звоня. Его встрѣтилъ швейцарь.

VI.

Къ великолѣпію палатъ Захара Лукьяновича Кострицынъ достаточно приглядѣлся. Внутри домъ былъ отдѣланъ по-европейски, строго, безъ притязаній на русскій пошибъ.

Изъ обширныхъ сѣней съ лѣстницей во второй этажъ черезъ площадку Кострицынъ вошелъ въ кабинетъ хозяина.

На вопросъ швейцару:

— Захаръ Лукьяновичъ одинъ у себя?

Швейцарь доложилъ:

— У нихъ Раиса Гордѣвна сидятъ.

Кострицынъ видѣлъ широкій одноконный фаязъ, когда подъѣзжалъ, но не узналъ экипажа Кумачевой-матери.

Она рѣдко бывала у сына, врядъ ли чаще, чѣмъ разъ въ два мѣсяца. Кажется, и невѣстка не чаще того навѣщала ее. Отношенія ихъ держались въ суховатомъ, приличномъ тонѣ, на „вы“. На званныхъ обѣдахъ и вечерахъ Раиса Гордѣвна почти никогда не показывалась въ домѣ своей невѣстки за послѣднія двѣ зимы.

Когда Кострицынъ вошелъ въ кабинетъ, онъ засталъ Кумачева стоящимъ у камина — спиной. Мать его сидѣла въ шляпкѣ и съ муфтой въ креслѣ около письменнаго стола.

Съ прошлаго лѣта Захаръ Лукьяновичъ началъ поднѣтъ, но не казался тохстымъ при его очень видномъ ростѣ и широкихъ плечахъ.

Онъ смотрѣлъ молодымъ бариномъ изъ отставныхъ военныхъ. Смуглое лицо съ крупнымъ носомъ, густые черные волосы, подстриженные безъ погони за модой, довольно длинные усы съ бритымъ подбородкомъ давали ему представительный и бравый видъ. Глаза, длинные, темнокаріе, онъ имѣлъ привычку прищуривать, но рѣше не носилъ. Синюю, плотно застегнутую визитку съ отложнымъ галстукомъ серьезнаго рисунка и широкія панталоны англійскаго покроя носилъ онъ свободно и тоже какъ бы по-военному.

Раиса Гордѣевна передала сыну цвѣтъ своихъ глазъ и волосъ, уже начинавшихъ сѣдѣть, и большой ростъ. Она была худа, блѣдна, съ очень чистымъ оваломъ лица. Приподнятые углы тонкихъ бровей дѣлали выраженіе постоянно грустнымъ, несмотря на сохранившійся блескъ темнокаріихъ глазъ. Ей шелъ пятидесятый годъ, но она смотрѣла моложе и одѣвалась богато, въ темные цвѣта.

Сыну было уже подъ тридцать, но и ему никто бы не далъ его лѣтъ.

— А! Иванъ Кузьмичъ! Я васъ въ амбарѣ поджидалъ...

Кумачевъ руки ему не протянулъ, но кивнулъ головой по-пріятельски.

Раиса Гордѣевна вскинула на Кострицына своими длинными рѣсницами, и ея крупный ротъ раскрылся въ добрую и степенную усмѣшку.

Послѣ рукопожатія, она сказала Кострицыну своимъ тихимъ, нутрянымъ и низкимъ голосомъ:

— Меня совсѣмъ забываете, старуху.

— Виноватъ, Раиса Гордѣевна! Вотъ такъ по Москвѣ чертѣшь-чертѣшь...

Она продолжала къ нему благоволить и послѣ того, какъ онъ ходилъ репетиторомъ къ ея Захарушкѣ. Въ послѣдніе годы, съ женитьбы Захара Лукьяновича, она уже не говорила съ нимъ о сынѣ такъ откровенно, какъ прежде.

По возбужденности лица Кумачева онъ догадывался, что попадаетъ на какое-то объясненіе между сыномъ и матерью. На лицѣ Раисы Гордѣевны трудно было что-нибудь замѣтить: она привыкла владѣть собою удивительно.

— Очень рада, Иванъ Кузьмичъ,—заговорила она нѣсколько оживленнѣе,—что вы пожаловали... Вы могли бы меня поддержать.

Она повела своими тонкими губами, еще не поблеклыми, и высвободила одну руку изъ муфты.

Сынъ ея сдѣлалъ быстрый жестъ плечами, не ускользнувшій отъ Кострицына.

„Принципалу не очень пріятно будетъ мое участіе въ разговорѣ“, — подумалъ онъ, но не съѣжился. Своихъ мыслей и вкусовъ онъ не привыкъ подгонять къ хозяйскому аршину.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ тономъ равнаго.

— Вы вѣдь видали у меня Суревичъ, Ольгу Степановну?

— Учительницу городской школы?

— Именно.

— Какъ же, какъ же! Хорошо помню ее.

— Вотъ изъ-за нея мы и воюемъ теперь съ Захаромъ Лукьяновичемъ,—сказала Раиса Гордѣевна съ двойственной и грустной усмѣшкой. — Онъ вѣдь попечитель этой школы, и ни больше, ни меньше, какъ выдаетъ ее тѣмъ, кому она не понравилась. Ее гонять!

Кострицынъ взглянулъ въ сторону Кумачева.

Захаръ Лукьяновичъ уже яснѣе пожалъ плечами и еще шире разставилъ ноги, грѣя спину замирающимъ огнемъ камина.

Этимъ жестомъ онъ какъ бы хотѣлъ дать понять матери, что не совсѣмъ тактично — вводить въ ихъ объясненіе и дѣлать судьей его поступковъ все-таки же подчиненнаго ему человѣка.

Такъ понялъ Кострицынъ и согласился, про себя, что на мѣстѣ Кумачева и онъ бы не былъ очень доволенъ.

— Дѣвушка — удивительная! — заговорила опять Раиса Гордѣевна и значительнымъ жестомъ правой руки подчеркнула свой отзывъ. — Едва ли не самая достойная. Кончила на педагогическихъ курсахъ въ Петербургѣ. Въ какихъ-нибудь два учебныхъ года успѣла сдѣлать школу образцовой...

— Все это прекрасно, маменька, — перебилъ Кумачевъ и отошелъ отъ камина. — Кромѣ формальной стороны ученія, есть еще соображенія нравственнаго свойства...

— Ужъ этого я тебѣ не позволю говорить! — остано-

вила его Раиса Гордѣвна и встала.—Дѣвушка рѣдкихъ правилъ.

— Можетъ-быть, — сдерживая себя, возразилъ Захаръ Лукьяновичъ, и тутъ только усмѣхнулся. — Можетъ-быть, маменька; но она... Такихъ радикаловъ намъ не нужно.

— Стало-быть, ты желаешь поддакивать тѣмъ, кто вездѣ видитъ только—какъ это нынче называется, Иванъ Кузьмичъ—нарушеніе основъ, что ли?

Кострицынъ повелъ только губами и ничего не отвѣтилъ.

— Маменька,—началь Кумачевъ въ нѣсколько другомъ тонѣ. — Позвольте мнѣ вамъ заявить, что ни къ чему и ни къ кому я не поддамливаюсь. Повѣрьте мнѣ, я самъ раздѣляю мнѣніе, что такіа педагогички, какъ госпожа Суревичъ, при всей ихъ учености и достоинствахъ, — вредны-сь.

— По нынѣшнему времени?—добавила Раиса Гордѣвна и сдѣлала шагъ къ двери.

— И по нынѣшнему, и по всякому времени. Дѣтей надо учить грамотѣ и закону Божію, а не дѣлать школу средствомъ Богъ знаетъ какой пропаганды.

— Никакой пропаганды нѣтъ! Это чистѣйшая ложь, и мнѣ обидно за тебя... Да и за себя, — прибавила потише Раиса Гордѣвна,—что я пріѣхала просить тебя. Что жъ! Мы не дадимъ такой достойной дѣвушкѣ, какъ Ольга Степановна, остаться безъ мѣста.

— Это наше дѣло, маменька!

— Иванъ Кузьмичъ! — окликнула Кострицына Раиса Гордѣвна опять своимъ плавнымъ, истовымъ голосомъ,—какъ вы разсудите? Вы—умница и всегда были человѣкъ независимый...

Кострицынъ, съ нѣсколько натянутой улыбкой, развелъ руками.

— Отъ роли судьи — избавьте, Раиса Гордѣвна... Вѣроятно, и вы, и Захаръ Лукьяновичъ — правы, каждый по-своему.

— Иванъ Кузьмичъ, — отозвался Кумачевъ, снова отошедшій къ камину, — васъ я достаточно знаю. Вы—первый—не охотникъ до всего этого полуподневольнаго на-правленства, какъ вы частенько выражаетесь. Довольно мы здѣсь терпѣли всѣ эту игру въ радикализмъ, въ умничанье всякихъ такихъ госпожъ. Надо и своимъ умомъ жить намъ, представителямъ интересовъ города, да и

простого народа, которому не нужно никакихъ лишнихъ рацей, сбивающихъ его съ толку.

Свою тираду Захаръ Лукьяновичъ признаешь, не поднимая голоса и не дѣлая лишнихъ жестовъ. Онъ такимъ точно сдержаннымъ тономъ привыкъ говорить и въ думѣ.

— И вы въ этихъ взглядахъ? — спросила Кострицына Раиса Гордѣевна.

— Иванъ Кузьмичъ — человѣкъ новый, какихъ намъ нужно вездѣ: и въ городскомъ хозяйствѣ, и въ университетѣ, и въ земствѣ, вездѣ, — стремительнѣе выговорилъ Кумачевъ.

Къ его смуглымъ щекамъ кровь немного прилила.

Кострицыну надо было отвѣтить что-нибудь менѣе уклончивое.

Эту солидную и благожелательную „почетную гражданку“ онъ уважалъ, но вовсе не преклонялся передъ ея „направленіемъ“. Раиса Гордѣевна въ его глазахъ — „выученица“ разныхъ интеллигентныхъ москвичей, которыхъ онъ считаетъ „зашибленными“ мундирнымъ либерализмомъ и гуманизмомъ. Ему не было прямого повода выкладывать передъ нею свои карты, и она не знала его коренныхъ воззрѣній. Они были болѣе извѣстны Захару Лукьяновичу, хотя далеко не вполне.

— Раиса Гордѣевна, — заговорилъ Кострицынъ съ игрою въ глазахъ, — я не могу быть судьей въ этомъ столкновеніи взглядовъ и симпатій. Но, быть-можетъ, будь я знакомъ, какъ слѣдуетъ, съ особой, о которой идетъ рѣчь, и съ ея преподаваніемъ — я бы не сталъ ни на вашу сторону, ни на сторону Захара Лукьяновича.

— Ни въ тѣхъ, ни въ этихъ, значить? — спросила уже съ безразличной миной Раиса Гордѣевна.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ немного задѣтый Кострицынъ, — если Захаръ Лукьяновичъ, какъ попечитель школы, считаетъ свое поведеніе честнымъ и послѣдовательнымъ, — онъ долженъ удалить госпожу Суревичъ.

— Будь по-сему! — вымолвила съ грустной ироніей Раиса Гордѣевна и, обернувъ голову къ сыну, прибавила: — Прощай... Мѣшать вамъ не стану... Извини, что обезпокоила... Антонина Борисовна дома?

— Дома, маменька.

— Пройду на минутку къ ней.

Кумачевъ почтительно поцѣловалъ руку матери, про-

водилъ ее до лѣстницы и вернулся въ кабинетъ, гдѣ его ждалъ Кострицынъ.

II.

По лѣстницѣ съ рѣзными дубовыми перилами, по вкусѣ итальянскаго „Возрожденія“, Раиса Гордѣевна поднималась къ невѣсткѣ. Свое худощавое тѣло она носила легко и для себя незамѣтно, и держалась очень прямо, такъ что сзади, по ея талии, выступавшей изъ-подъ короткой плюшевой пелеринки, всякій бы принялъ ее за молодую женщину.

Въ первый разъ ее такъ сильно возмутилъ ея Захарушка. Многие она ему прощала и давно уже начала убѣждаться въ томъ, что шпильгагенскаго *Лео* изъ него не выйдетъ, что въ немъ — помимо ея воли и вліянія — засѣли другіе „фасоны“, выпесенные имъ отовсюду — изъ гимназій и университета, изъ книгъ и газетъ — въ особенности изъ нѣкоторыхъ газетъ; заглавіе ихъ Раиса Гордѣевна не произносила никогда иначе, какъ съ грустно-презрительной усмѣшкой; изъ воздуха, наконецъ, изъ теперешняго воздуха — повальнаго служенія одному своему „я“, подъ прикрытіемъ какихъ-то новыхъ взглядовъ, яко бы болѣе здоровыхъ и полезныхъ идей.

Но она была упорна, не менѣе, чѣмъ ея первенецъ и единственный сынъ. Прикрикнуть на него она могла, но знала, что это уже бесполезно. Его не такъ воспитывали. Всегда она уважала его личность, даже держа его въ дѣтствѣ „на англицкій ладъ“, какъ говаривалъ ея мужъ, Лукьянъ Сидоровичъ: онъ самъ жила въ дѣламъ въ Англии и присматривался къ тамошнимъ порядкамъ, хотя и не умѣлъ говорить по-английски. И власти, въ видѣ угрозы и принужденія, у нея также нѣтъ надъ сыномъ. Въ купеческомъ бытѣ, да и во всякомъ другомъ, деньги, хозяйская воля — все. Захарушка остался наслѣдникомъ двухъ огромныхъ мануфактуръ. Ей выдѣлили ея часть по завѣщанію, въ видѣ денежнаго капитала. Она и живетъ на проценты въ своемъ домѣ, небольшомъ особнякѣ на Зубовскомъ бульварѣ... Только что Захарушкѣ исполнился двадцать одинъ годъ, она подала ему счеты, какъ попечительница; сберегла ему за лѣта его несовершеннолѣтія нѣсколько милліоновъ, удвоила его состояніе.

Во всемъ этомъ она поступала по тѣмъ правиламъ,

по которым Захаръ Лукьяновичъ насмѣшливо выражается, иногда и при ней самой: „Это маменька изъ своихъ либеральныхъ книжекъ вычитала“.

И сегодня она сильнѣе, чѣмъ когда-либо, пожалѣла, что не согласилась на то, что ей, передъ смертью, предлагалъ мужъ. Онъ хотѣлъ оставить ей въ пожизненное владѣніе обѣ мануфактуры. Тогда сынокъ поневолѣ прыгалъ бы по ея дудкѣ.

А тутъ еще эта невѣстка. Не соглашаться на бракъ не было никакого повода. Онъ влюбился въ породу, въ красоту, въ умъ, въ образованность, въ таланты. Княжна Керембеева-Зарайская жила своимъ трудомъ, оставшись безъ всякихъ средствъ по смерти родителей, давала уроки пѣнія, рисовала на продажу по фарфору и атласу; одно время должна была, послѣ болѣзни, ѣхать за границу, въ родѣ какъ компаньонка. Все это подкупало Раису Гордѣевну. Не очень смущалась она и тѣмъ, что Захарушка былъ ровесникъ своей невѣстѣ. Ей и тогда шелъ уже двадцать пятый годъ, какъ и ему.

Они—пара, во всемъ—пара. Между ними всегда тайный уговоръ, потому что оба живутъ только въ себя, въ ненасытное тщеславіе, прикрытое личиной. Она тянетъ его все выше и выше, чтобы камеръ-юнкерство ему дали, чтобы выбрали въ „лорды-мэры“, чтобы оттуда, пожалуй, въ губернаторы пробраться, когда ей на конвертахъ будутъ уже писать: „Ея превосходительству“... Начальникъ губерніи—Захаръ Лукьяновичъ Кумачевъ... „И будетъ!“—думала она.

И все-таки Раиса Гордѣевна дѣлала послѣднюю попытку въ своемъ ходатайствѣ за учительницу Суревичъ—повліять на сына черезъ его жену. Невѣстка ея довольно вообще бездушна и въ разговорахъ злоязычна, часто безъ всякой надобности; но у нея есть манера показывать, что дѣла ея мужа—не то что хозяйскія, но и общественныя—до нея не касаются. Она держится пока въ сторонѣ и отъ барскихъ благотворительныхъ затѣй—до поры, до времени, когда состарится и будетъ дама съ высокимъ положеніемъ. Теперь она вся въ любованіи своей красотой и работаетъ надъ превращеніемъ своего муженька въ джентльмена, котораго вездѣ принимали бы не какъ выскочку изъ „купишекъ“, а какъ человѣка, равнаго кому угодно. Она только тайно направляетъ его ходами и чуть что—сейчасъ же скажетъ: „Я ни во что такое не вмѣши-“

ваюсь. Это дѣло *Закки*—такъ она передѣлала имя Захаръ, на англійскій манеръ.

То же можетъ она сказать и сегодня.

Щемило Раису Гордѣвну и то, что невѣстка цѣлый мѣсяцъ къ ней „не жаловала“ и ни разу не попросила запросто обѣдать, съ самой осеи, съ ихъ возвращенія изъ Крыма. А будь Антонина Борисовна немного менѣе суха съ нею, она способна бы привязаться къ ней, какъ къ родной дочери. Она и дѣлала попытки, цѣлый годъ дѣлала—и ничего изъ этого не вышло...

Вдоль амфилады парадныхъ комнатъ, соединенныхъ между собою большими пролетами, Раиса Гордѣвна замедлила шагъ. Лакея въ темно-коричневомъ ливрейномъ фракѣ съ штиблетами она спросила, гдѣ въ эту минуту Антонина Борисовна, и онъ ей доложилъ, что барыня „одѣвались“, а теперь „должны быть“ въ своемъ кабинетѣ.

Отдѣлывали домъ сынъ съ невѣсткой по-своему, положили на него около милліона; но Раиса Гордѣвна не желала заглядывать имъ въ карманъ. Всѣ комнаты — и внизу, на его половинѣ, и наверху—полны дорогихъ вещей, хорошихъ, выбранныхъ съ умѣньемъ картинъ, гобеленовъ, вазъ, бронзы. Что твой музей! Антонина Борисовна сама художница, и Захаръ Лукьяновичъ смыслить въ искусствѣ, холостымъ ѣздилъ даже въ Аѳины и на пергамскія раскопки, толкуетъ увѣренно о всякихъ „антикахъ“ и „школахъ“. Пускай ихъ! Отчего и не тратить—только бы подъ всѣмъ этимъ „европействомъ“ хотя капельку души и нелицемѣрной мысли о тѣхъ, кому не то что тысячныхъ гобеленовъ, а хлѣба ржаного фунтъ—и то не на что купить.

Въ крайней комнатѣ—кабинетѣ—Раиса Гордѣвна остановилась и увидала въ отворенную настежь дверь невѣстку, передъ трюмъ, въ обширной уборной. Она уже кончила свой туалетъ и только охорашивалась, поправляя на головѣ перышко куафюры.

Кабинетъ служилъ и мастерской, и былъ отдѣланъ какъ „atelier à la Sarah Bernhardt“. Надъ восточнымъ диваномъ, съ подушками изъ индійскихъ матерій, двѣ палки поддерживали легкій навѣсъ. Тутъ висѣли: мумія, мечъ, громадное опахало, древнія майолики. Надъ балдахиномъ съ рѣзного карниза глядѣло японское чудище—все изъ чернаго лака съ матовой позолотой. Справа и слѣва кусты

живыхъ азалій выставляли свои цвѣтистыя шапки. На коврѣ, подъ диваномъ—шкура бѣлаго медвѣдя. Стѣны, драпированныя старыми парчевыми и шелковыми полотенцами, были покрыты картинами и скульптурными вещами. Нѣсколько поодаль, у одного изъ оконъ, стояли панно изъ атласа, зарисованнаго Антониной Борисовной присаами. Она иногда рисовала и дарила экраны своимъ знакомымъ.

Комната освѣщалась большимъ китайскимъ фонаремъ.

Раиса Гордѣевна остановилась посрединѣ комнаты и глядѣла въ дверь на невѣстку. Та не слыхала звука ея шаговъ по толстому коври и не могла видѣть, съ своего мѣста, ея отраженія въ зеркалѣ.

Антонина Борисовна ѣхала, вѣроятно, куда-нибудь на званый обѣдъ. Свѣтлое шелковое платье—тяжелое и очень богатое—съ кружевной складкой сзади, шедшей отъ глубокаго вырѣза спины, и съ широкими рукавами, схватывающими руку выше локтя, оставляя остальное обнаженнымъ, съ короткой таліей—дѣлало ея станъ еще стройнѣе и роскошнѣе. Руки были наливныя, и когда она подняла правую руку, чтобы поправить эгретку на головѣ, причесанной съ греческой пирамидой изъ ея золотистыхъ волосъ, цвѣта, средняго между темнорыжимъ и русымъ, Раиса Гордѣевна залюбовалась на нее.

Въ ухахъ блестяли кабошоны, на шеѣ ошейникъ изъ восьми нитокъ крупнѣйшаго жемчуга, и на груди, съ обѣихъ сторонъ вырѣзовъ лифа, по драгоценной броши съ изумрудами и темнымъ жемчугомъ. Она любила брильянты и цвѣтные камни, „какъ истая мучничица съ Устрѣтенки“, — говорила про себя Раиса Гордѣевна; но тутъ помогла нынѣшняя мода, позволяющая надѣвать на себя много драгоценностей.

Антонина Борисовна повернулась вбокъ и, освѣщенная двумя лампами, висѣвшими на той же стѣнѣ, гдѣ стояло и трюмо, и канделябромъ на туалетномъ столѣ, выдѣлилась точно фигура въ живописной картинѣ. Свекровь еще больше залюбовалась ею. Лебединая шея могучимъ стволomъ поддерживала ея молодую голову, съ красивымъ короткимъ носомъ, въ которомъ было что-то хищное, чудеснымъ цвѣтомъ кожи на щекахъ и красными, почти малиновыми губами немного утолщеннаго рта, полуоткрытаго, съ полосой крупныхъ зубовъ. Глаза, темно-сѣрые, кругловатыя, смотрѣли изъ впадинъ, скрашенные густыми

бровями, которыя шли не совсѣмъ правильной дугой. Вырѣзь платья, четвероугольный и глубокий, выставялъ высокую, волнистую грудь, уходившую въ отдѣлку изъ старинныхъ „венецейскихъ“ кружевъ.

Къ такой красотѣ и величавости и Раиса Гордѣевна была чувствительна. Она не могла оторвать взгляда отъ невѣстки и медлила окликнуть ее.

Та отошла отъ трюмъ, скрылась на нѣсколько секундъ въ глубину уборной и показалась въ дверяхъ, со щеточкой, которой отдѣлывала свои розовые, покрытые лакомъ, миндалевидные ногти.

— А!.. Раиса Гордѣевна!.. Какъ вы тихо... Здравствуйте! Голосъ задрожалъ низковатыми нотами.

Она подошла къ свекрови не спѣша, только передала изъ правой руки въ лѣвую свою щеточку и подала свободную руку Раисѣ Гордѣевнѣ, послѣ чего указала на одинъ изъ маленькихъ дивановъ.

— Какъ я рада... Вы видѣли Закки? Онъ готовъ?.. Мы ѣдемъ съ нимъ обѣдать къ Верховцевымъ. Моя пріятельница Напоп... празднуетъ нынче день рожденія своего каплушки-сына.

Они сѣли перемонно на диванчикъ. Раиса Гордѣевна осмотрѣла еще разъ туалетъ невѣстки и сказала, искренно улыбувшись:

— Сейчасъ любовалась вами... Моды, кажется, повернули къ старинѣ... Лифа-то какіе носить—какъ наши бабушки. Къ кому идетъ—красиво.

— Да... Будутъ носить еще выше... Совсѣмъ empire.

„Кажется, я подхождъ дѣлаю къ невѣстушкѣ?“ — подумала Раиса Гордѣевна, и ей стало немного конфузно.

Но говорить такъ, какъ бы она хотѣла, она не могла съ этой блистательной супругой Захара Лукьяновича, настоящей представительницей „конца вѣка“.

VIII.

— Такъ, значить, — спросила Раиса Гордѣевна невѣстку, приподнимаясь черезъ десять минутъ съ дивана, — на вашу поддержку, Антонина Борисовна, я не могу рассчитывать?

Та тоже поднялась и, сдѣлавъ плавный жестъ головой назадъ и вбокъ, выговорила:

— Извините меня, Раиса Гордѣевна, у Закки — свой умъ. Онъ всегда и во всемъ очень справедливъ.

„Подходъ“ свекрови не подѣйствовалъ.

Раиса Гордѣвна хотѣла ей дать понять, въ своемъ ходатайствѣ за учительницу, что такая повадка Захара Лукьяновича можетъ ему повредить. Всѣхъ не заставишь молчать. Но Антонина Борисовна осадилась ее довольно язвительной выходкой противъ „крикуновъ и либераловъ“, передъ которыми ея мужъ не хочетъ „прыгать“. Пускай его бранятъ тѣ, кто нынче „не у дѣла“. Въ такихъ людяхъ они съ мужемъ и не нуждаются.

Невѣстка сегодня выказала себя откровеннѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Раиса Гордѣвна что-то не помнила, чтобы она этимъ увѣреннымъ и принижющимъ тономъ говорила о „крикунахъ“ и „либералахъ“. Съ такой подругой и руководительницей ея Захарушка далеко уйдетъ „по нынѣшнему времени“.

— Извините, голубчикъ мой, что обезпokoила васъ; вамъ, я вижу, пора, — сказала Раиса Гордѣвна тихимъ голосомъ, съ чуть замѣтной усмѣшкой въ грустныхъ глазахъ.

Она нарочно назвала невѣстку „голубчикъ мой“, чего обыкновенно не дѣлала. Этимъ она хотѣла дать ей почувствовать, что великолѣпная Антонина Борисовна — „по себѣ“ княжна Жеребьева-Зарайская — все-таки жена ея Захарушки, и, благодаря милліонамъ, которые мать ему удвоила, царствуетъ въ этихъ палатахъ и рядитъ себя, дерзко выставляя напоказъ брильянты и жемчуга.

Антонина Борисовна повела вбокъ ртомъ и переступила съ ноги на ногу — привычка, оставшаяся у нея съ дѣтства.

— Вы пройдете еще къ Зайки? — спросила она свекровь, точно отпуская ее съ аудіенціи.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же? Вотъ дѣтокъ бы хотѣла видѣть.

— Они еще не вернулись съ прогулки.

— Не поздно ли въ такой часъ? Солнце сѣло, а нынче рѣзкая погода, — замѣтила кротко Раиса Гордѣвна.

— Какіе пустяки! Борю купаютъ каждый день въ холодной водѣ.

— На англійскій манеръ?

— Это — лучшая система.

Онѣ, безъ пожатія руки, простились на порогѣ гостиной.

Раиса Гордѣвна больше двухъ недѣль не видала своихъ впучать. Ихъ привозили къ ней очень рѣдко. Мальчика звали Борей, дѣвочку — Катей, или Китти, опять „на англійскій манеръ“.

Къ сыну она не заходила больше и въ сѣняхъ встрѣтилась съ Кострицынымъ. Швейцаръ подавалъ ему пальто.

— До свиданія, Иванъ Кузьмичъ, — сказала она ему съ тихой усмѣшкой. — Вы, я вижу, стали нынче большимъ дипломатомъ.

— Это почему, Раиса Гордѣевна? Извините, что мое мнѣніе не пришлось вамъ по вкусу, но обратитесь вы ко мнѣ съ-глазу-на-глазъ, а не при Захарѣ Лукьяновичѣ, и отвѣтилъ бы то же самое.

— На здоровье!

Кострицынъ вышелъ съ ней вмѣстѣ и посадилъ ее, вмѣстѣ съ швейцаромъ, въ ея степенный купеческій фаэтонъ.

Наверху, Антонина Борисовна выбрала въ уборной перчатки и платокъ и послала сказать Захару Лукьяновичу, что она готова. Она никогда не заставляла дожидаться себя и сама не торопила мужа. Захаръ Лукьяновичъ и до женитьбы былъ безупреченъ въ соблюденіи всякихъ приличій и приемовъ общежитія, а съ женитьбы сталъ еще болѣе „good style“ — какъ его жена любила выражаться.

Его тактомъ, умѣньемъ одѣваться, манерами, разговоромъ Антонина Борисовна была довольна и признавала даже, что у него бываетъ часто больше выдержки и самообладанія, чѣмъ у нея. Своимъ богатствомъ онъ пользовался просто и серьезно и боялся постоянно того, чтобы кому-нибудь не показаться купцомъ, желающимъ ѣхать „одному въ трехъ каретахъ“. По натурѣ онъ былъ скорѣе прижимистъ, чѣмъ расточителенъ. Домъ у нихъ полонъ цѣнныхъ вещей и солидной роскоши; у нихъ бываютъ обѣды и приемы, но тратятъ они совсѣмъ немного, и это ей самой пріятно. Она тоже скупенька — на все, что не ея туалетъ и брильянты.

Одно иногда, нѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ Антонину Борисовну. Въ разговорѣ, когда онъ бываетъ въ дворянскомъ обществѣ, Захаръ Лукьяновичъ держитъ себя съ достоинствомъ, даже съ апломбомъ, всегда умно и бойко. И французское произношеніе у него прекрасное, и обо всемъ онъ можетъ, на трехъ языкахъ, выражаться литературно. Но по-русски, нѣтъ-нѣтъ, да и выскочитъ какое-нибудь чисто московское словечко. До сихъ поръ она не можетъ мириться съ такими выраженіями, какъ: „посейчасъ“, или: „страшное дѣло“, или: „одна слеза“, или: „эта пьеса

себя не оправдала“, и нѣсколько другихъ въ такомъ же родѣ.

За собой она многого не замѣчаетъ. Ея тонъ дѣлается все злѣе и безцеремоннѣе, когда она паритъ у себя, въ своей гостиной, или въ кабинетѣ-мастерской, подѣ балдахинѣ. Слова, проскользающія у нея въ русскомъ разговорѣ, часто отзываютъ помѣщичьимъ жаргономъ „до эмансипаціи“. Ей случается теперь говорить: „горничная дѣвка“ и даже просто „дѣвка“, чего она навѣрно бы не сказала, если бы оставалась, какъ пять лѣтъ назадъ, безприданницей, захудалой княжной, дававшей уроки живописи по фарфору.

Въ половинѣ шестого Захаръ Лукьяновичъ прислалъ сказать снизу, что и онъ готовъ и ждетъ Антонину Борисовну. Горничная поддерживала ея трѣнь по ступенямъ парадной лѣстницы. Выѣздною уже держалъ ея парижскую шубу изъ свѣтлаго сукна, съ оторочкой изъ соболя и съ живописнымъ высокимъ воротникомъ. На голову она накинула легкій платокъ изъ волнистой восточной ткани. Такого „confection“, какъ ея шуба, не было во всей Москвѣ по цѣнѣ и изяществу.

Лакей носилъ ливрею съ капюшономъ, обшитымъ широкимъ басономъ и мѣхомъ, какъ въ самыхъ строгихъ титулованныхъ домахъ.

Другой, официантъ въ ливрейномъ фракѣ, держалъ наготовѣ шинель Захара Лукьяновича, который какъ разъ въ эту минуту показался изъ своей половины.

Взглядъ, брошенный женой на мужа, доложилъ ей, что Захаръ Лукьяновичъ, какъ всегда, безукоризненъ въ туалетѣ. На немъ солидно и красиво сидѣлъ не очень короткій англійской работы „смокингъ“, съ атласными лацканами, при бѣломъ галстукѣ. Это была его обѣденная форма. Иногда онъ прицѣплялъ и цвѣтокъ. Представительность его до сихъ поръ удивляла Антонину Борисовну. Если бы не фамилія „Кумачевъ“—невозможно было бы предположить, что онъ внукъ „горшечника“ — Сидора Емельянова Кумачева.

Наружная дверь съѣней отворилась въ ту минуту, когда имъ подали верхнее платье. Вошла бонна, плотная англичанка, въ кофточкѣ и низкой шляпкѣ, ведя двоихъ дѣтей.

— Почему такъ поздно? — спросила Антонина Борисовна по-англійски.

— Мы прошли далеко, всё бульвары, — отвѣтила та спокойно.

Дѣти—красивыя и пышныя въ своихъ зимнихъ пальто—бросились цѣловать мать и отца, но безъ всякаго шума. Ихъ держали строго и при постороннихъ они никогда не обѣдали. Захаръ Лукьяновичъ поднялъ дочь за плечи и чмокнулъ въ ея полныя и румяныя щеки. То же проделалъ онъ и съ сыномъ, бывшимъ на годъ старше сестры.

Карета подкатила къ подъѣзду беззвучно, на резинахъ, высокая, на восьми рессорахъ, выписанная отъ Биндера, изъ Парижа. Они ѣздили въ шорахъ. Кучеръ былъ изъ финляндцевъ, съ рыжими узкими бакенбардами. Пара свѣтло-гнѣдыхъ, англійскихъ „кровей“, образцово выѣзженная, особенно шла, по своей масти, къ заграничной упряжи.

— Ты покончилъ съ этимъ Лыжинымъ? — спросила Антонина Борисовна, ласково взглянувъ на мужа, когда карета выѣхала изъ-подъ сводчатаго подъѣзда.

— Завтра покончу.

— Онъ будетъ къ обѣду?

— Будетъ.

— Мнѣ о немъ писала Елена Акридина. Она другъ Иды Радиной и погостить у ней передъ прїѣздомъ сюда. Кажется, у Иды былъ съ нимъ романъ... Впрочемъ, не знаю. Онъ вѣдь изъ красныхъ? Былъ замѣшанъ?..

— Не знаю, что-то не слыхалъ... Изъ кающихся, должно-быть, какихъ теперь столько развелось.

Захаръ Лукьяновичъ разсмѣялся.

И она вторила этому смѣху.

— Ранса Гордѣвна, — сказала она, минутъ пять спустя, — очень обижена за ту... учительницу... Какъ ея фамилія?

— Суревичъ. Знаю.

— Прежде она меня не вмѣшивала въ твои дѣла и распоряженія. Съ какой же стати компрометировать себя, какъ попечителя, изъ-за какой-то стриженной?.. Но Ранса Гордѣвна вѣрна себѣ.

— То-есть, „хорошимъ“ книжкамъ, — подтвердилъ Захаръ Лукьяновичъ.

Онъ оглядѣлъ вбокъ всю эффектную фигуру жены, ея голову, задрапированную бѣлой тканью въ рамкѣ соболѣй опушки — и у него радостно ёкнуло на сердцѣ. Его потянуло поцѣловать ея въ щеку.

— Позволяете?—протянул онъ губы.

— Позволяю, — отвѣтила Антонина Борисовна, не поворачивая головы.

Губы его звучно приложились къ твердой щекѣ, отъ которой шелъ блескъ.

„Есть же на свѣтѣ такія роскошныя созданія, какъ жена моя!“—говорилъ его взглядъ.

IX.

Въ комнатахъ Лыжина уже смеркалось.

Онъ, не спѣша, одѣвался въ спальнѣ и, стоя передъ зеркаломъ, поправлялъ галстукъ. Новый скюртукъ, вычищенный и аккуратно сложенный, лежалъ на стулѣ, около постели.

Съ утра онъ чувствовалъ опять тревогу и душевное недомоганіе. Рано принесли заказное письмо — изъ того уѣзда, гдѣ его имѣніе.

Письмо было отъ его сосѣдки и „товарица“, какъ онъ давно зоветъ ее, отъ Иды Радиной, отъ милой, печальной Иды, такого же „обломка“ семидесятихъ годовъ, какъ и онъ, только „по другой части“.

Ида не видалась съ нимъ по его возвращеніи изъ послѣдней поѣздки за границу и, кажется, еще ничего не знаетъ про то, что онъ хочетъ, какъ можно скорѣе, раздѣлаться съ имѣніемъ.

Она разспрашивала его о немъ самомъ, своимъ искреннимъ тономъ, съ чуть замѣтнымъ налетомъ своеобразнаго юмора. По-русски она не научилась еще писать интимныя письма. Но въ ея французскомъ языкѣ заграничной русской, съ его модными словами и условнымъ реализмомъ, была все-таки славянская прелесть, трепетала ея усталая и извѣрившаяся душа.

Черезъ недѣлю открывалась школа, которую Ида выстроила на свои средства, въ верстѣ отъ усадьбы. Она приглашала его на открытіе и погостить къ себѣ, хоть на нѣсколько дней. Поджидала она и пріѣзда своей пріятельницы — Акридиной, съ которой Лыжинъ видѣлся не разъ, и въ Россіи, и за границей.

„Если вы пріѣдете и раньше Лены,—пишетъ ему Ида,—и мы будемъ „подъ одной кровлей“ — это насъ не скомпрометируетъ. Гораздо опаснѣе будетъ, если вы найдете кровь у моей арендаторши. Ея дочь какъ-то особенно поводитъ глазами, когда при ней говорить о васъ. Если бѣ

у васъ былъ здѣсь домъ, вы бы, пожалуй, копчили тѣмъ, что женились на этой вдовѣ, которая для васъ—„un narodnik“—должна представлять особое символическое значеніе“.

„Un narodnik!“

Такимъ еще считаетъ его Ида. Полгода и больше тому назадъ, когда они видѣлись, — онъ еще носилъ на себѣ мундиръ полу-толстовца, полу-народника, но уже съ червякомъ недовольства и разброда, который точилъ его. Говорить съ ней тогда объ этомъ разбродѣ онъ не хотѣлъ, и въ письмахъ, какія изрѣдка писалъ ей, не изливался.

Можетъ-быть, и лучше было бы, если бы онъ на самомъ дѣлѣ, годомъ раньше, сошелся съ той вдовой, насчетъ которой Ида шутить въ своемъ письмѣ,—дочерью арендаторши, крестьянскаго рода, здоровой, работающей, веселой; построилъ бы хуторъ и сталъ бы хозяйничать съ поддержкой тещи — умнѣйшей старухи, умѣющей молотить рожь на обухѣ.

Теперь это уже позади. Онъ боится не того, что останется безъ кола, безъ двора, а того, какъ бы его не потянуло опять къ землѣ и народу, разъ онъ попадетъ на это открытіе школы. Отказываться не хорошо, да и это совпадаетъ какъ разъ съ его поѣздкой туда, на осмотръ имѣнія, въ сопровожденіи довѣреннаго лица коммерсанта Кумачева.

И въ томъ же письмѣ Иды онъ совершенно неожиданно нашелъ одну подробность, связанную какъ разъ съ личностью этого Кумачева, женатаго на княжнѣ Жеребевой-Зарайской. Ида ее знаетъ; она приходится не-родной племянницею ея подругѣ Акридиной. Въ учительницы своей школы ей рекомендуютъ изъ Москвы какую-то Суревичъ, которую теперь попечитель городского училища, гдѣ она служитъ, притѣсняетъ и гонитъ, а онъ есть не кто иной, какъ мужъ княжны Жеребевой — „un représentant de la ploutocratie moscovite“—опредѣляетъ его Ида.

И вотъ онъ цѣлый день не можетъ высвободиться изъ-подъ наплыва чувствъ и мыслей, вызванныхъ письмомъ его пріятельницы. Имѣніе онъ хочетъ продать; но ему, чѣмъ ближе подходило время къ четыремъ, тѣмъ не-пріятнѣе становилось отправляться на обѣдъ къ этому Кумачеву.

Въ глубинѣ его „я“, которое, казалось ему, стряхнуло

съ себя всякіе сословные инстинкты и задержки, зашевелился человекъ хорошаго рода, Лыжинъ, сынъ заслуженнаго генерала. А тутъ какой-то купчишка, у котораго столько-то тысячъ веретенъ и сотъ станковъ на двухъ мануфактурахъ, играетъ роль „особы“, живетъ въ чертогахъ, хочетъ, чтобы онъ къ нему пожаловалъ „откушать“, вѣроятно за тѣмъ, чтобы добиться уступки, положить его „объегорить“.

Даже это неизящное слово „объегорить“ пришло Лыжину, когда онъ, стоя передъ зеркаломъ, надѣвалъ галстукъ. Раздраженіе его росло и усиливалось еще болѣе отъ того, что коммерсантъ Кумачевъ—мужъ княжны Жеребьевой-Зарайской, племянницы того князя Иларіона, котораго онъ когда-то ставилъ такъ высоко, а потомъ заподозрилъ его въ чужацествѣ и юродствѣ.

Теперь онъ что-то припоминалъ изъ разговоровъ съ Идой Радиной объ этой княжнѣ. Кажется, она красива и съ талантами, осталась совсѣмъ безъ средствъ, чуть ли не давала уроки. Въ другое время—и не будь онъ приглашенъ обѣдать, какъ продавецъ имѣнія—это бы его заинтересовало, онъ сталъ бы присматриваться къ такой четѣ. Но прежде онъ былъ обличитель, „принципиистъ“, скорбѣлъ о меньшей братіи, презиралъ всякій видъ эксплуатаціи, ненавидѣлъ *буржуа* не меньше, чѣмъ, напримѣръ, какой-нибудь Воденягинъ, явившійся къ нему вчера.

Все это *было*. Такого строя души въ немъ уже нѣтъ, и онъ наканунѣ того, чтобы совсѣмъ покончить со всѣми этими ненужными замашками. Онъ хочетъ доживать въ полной свободѣ отъ всякой прописи, отъ всего, что онъ навязывалъ себѣ поочередно, ища правды и свѣта, въ сущности дѣлаясь кабальнымъ должникомъ выдуманнаго заимодавца—народа, человечества, идеи, общаго дѣла!..

Туалетъ былъ конченъ. Въ двубортномъ сюртукѣ, застегнутый и старательно причесанный, Лыжинъ, съ подстриженной покороче бородой, перешелъ въ кабинетъ, чтобы вынуть изъ ящика письменнаго стола тѣ бумаги, какія ему нужно было захватить съ собою.

Письменный столъ, ящикъ, бумаги тотчасъ же вызвали передъ нимъ фигуру Кострицына, его приказчиье лицо, искристые глазки, его тонъ и языкъ, латинскія изреченія, что-то особенное въ его отношеніи къ своему „припицалу“.

Такихъ Лыжинъ еще не встрѣчалъ. Не могъ же онъ

ему все „нахвастать“ про себя, про два университетских курса, которые прошелъ, про то, что готовится, не спѣша, къ приобрѣтенію высшей ученой степени. Въ немъ онъ почуялъ челоѡѡка другой полосы русской интеллигенціи— и образованнѣе себя, смѣлѣе. Этотъ дерзаетъ *по-своему* относиться къ тому, что теперь дѣлается въ обществѣ, въ народѣ, наверху и внизу.

Сразу онъ ему не очень понравился, въ особенности его короткій приказчиій смѣшокъ, часто заканчивающій его отвѣты и замѣчанія.

Вѣдь съ *такими* русскими людьми, если они только не рисуются, ему и слѣдовало бы водиться *именно теперь*.

Положивъ въ глубокой боковой карманъ бумаги, Лыжинъ продолжалъ думать о личности Кострицына и сталъ спокойнѣе. Его уже не теребило брезгливо-щепетильное чувство неохоты отправляться на обѣдъ. Онъ даже пристыдилъ себя.

Какое ему, наконецъ, дѣло до того, что этотъ Кумачевъ—„дворянящійся купчина“? Развѣ онъ самъ не желаетъ теперь, продавъ землю, устроиться въ Москвѣ? Съ какой же стати фыркать, попрежнему, на всѣхъ, кто не его толка, коли къ такому толку онъ принадлежать уже не можетъ?..

Это значило бы уходить отъ жизни, отъ факта, отъ закона развитія обществъ. Положимъ, онъ не писатель, не романистъ, не социологъ, даже не газетный отмѣтчикъ, а просто образованный баринъ не у дѣлъ, двадцать лѣтъ производившій надъ собою благородные эксперименты.

„Образованный?“—Врядъ ли. Такой Кострицынъ знаетъ, конечно, во сто разъ больше его вещей положительныхъ, знаетъ древніе языки, читалъ, навѣрно, въ подлинникѣ Спинозу и Платона, Эсхила и Светонія, а онъ не можетъ; тотъ сдѣлаетъ сейчасъ какое угодно вычисленіе, а онъ забылъ и тройное правило, да и какъ бывшій студентъ-юристъ не переведетъ тѣхъ пандектовъ, которые двадцать лѣтъ назадъ заучивалъ наизусть.

Окажется, что и „дворянящійся купчина“ Кумачевъ знаетъ больше его.

И ему вдругъ захотѣлось вспомнить то изреченіе, которое хозяинъ философа-шатуна приказалъ вырѣзать на своей печати.

— *Ибо... кажется, ибо?* — мысленно спросилъ себя Лы-

жизнь; а дальше и не могъ возстановить текстъ и сознался, что и смыслъ его онъ отчетливо не схватилъ; помнилъ только еще одно слово „donec“, навѣянное ему изъ римскаго права.

— *Donec probetur!* — выговорилъ онъ громко, и ему стало веселѣе.

Онъ бодро и скоро надѣлъ свой ергакъ и ровно въ четыре часа вышелъ въ коридоръ.

Х.

Пять часовъ уже пробило. Въ кабинетѣ Захара Лукьяновича дѣловой разговоръ отъ разныхъ фактическихъ подробностей — планъ имѣнія Лыжина былъ разложенъ на особенномъ столѣ — переходилъ къ установленію цѣны.

Кострицынъ, сидя въ сторонѣ на диванѣ, только присутствовалъ, но не вмѣшивался въ разговоръ. Всего разъ или два онъ подсказывалъ вопросы своему принципалу. Кумачевъ, въ смокингѣ, но при черномъ галстукѣ — такъ какъ онъ звалъ мужчинъ въ скюртакахъ — откинулся на спинку своего рѣзного стула передъ письменнымъ столомъ и курилъ сигару. Лыжинъ, по-сю сторону стола, въ низкомъ мягкомъ креслѣ, тоже курилъ и у него начинался легкій мигрень; къ нимъ онъ былъ склоненъ.

Кабинетъ Кумачева, высокій и обширный, освѣщенный въ это время двумя лампами — одной на столѣ, другой въ углу, на модномъ штативѣ, — съ его книжнымъ шкапомъ, картинами и темной, артистической бронзой отъ *Барбедьенъ*, изъ Парижа, со всей своей солидной европейской роскошью, немного раздражалъ его, такъ же какъ и струи дыма дорогой сигары, допозавишія до его ноздрей.

Кумачевъ въ дѣловомъ разговорѣ велъ себя солидно и мягко, въ барскомъ тонѣ; но его глаза, нѣтъ-нѣтъ, и усмѣхнутся, и въ ихъ жидкомъ блескѣ мелькнетъ „купецкое“ себѣ на умѣ, инстинктивное желаніе показать, что „мы-де хоть и живемъ какъ настоящіе бары, а на мякинѣ насъ не проведешь, и цѣну мы дадимъ въ обрѣзъ“.

Покупщикъ зналъ, что крайности у Лыжина не было продавать имѣніе: оно не заложено, и онъ можетъ лѣтъ продавать на срубъ. Но это требуетъ споровки и умѣнья; надо жить на мѣстѣ и пользоваться минутой, когда дрова поднимаются въ цѣбѣ. Главное, нуженъ призоръ: въ лѣсной дачѣ и теперь водятся пороки, какъ о томъ докла-

дываль приказчикъ, котораго Кумачевъ уже посылать туда. Лыжинъ — тяготится имѣніемъ и хочетъ его продать цѣликомъ. Въ уѣздѣ, да и повсюду въ губерніи, продажныхъ имѣній, заложенныхъ въ банкахъ за неплатежъ процентовъ, десятки. Лучшаго покупателя ему не найти.

Все это въ разговорѣ чувствовалъ и Лыжинъ—въ короткихъ фразахъ Кумачева, произносимыхъ имъ какъ бы въ сторону, для Кострицына.

— Захаръ Лукьяновичъ,—сказалъ тотъ, вставая съ дивана,—и васъ оставлю теперь вдвоемъ. Пойду сообщить Антонинѣ Борисовнѣ, что къ шести ваша конференція будетъ кончена?

— Разумѣется!—подтвердилъ Кумачевъ и кивнулъ головой.

Лыжинъ былъ доволенъ тѣмъ, что Кострицынъ оставилъ его вдвоемъ съ Кумачевымъ. Торговаться при немъ ему стало бы неловко, а торговаться неизбежно... Между ними уже состоялся такой уговоръ, что рѣшительная цѣна будетъ окончательно установлена сегодня, съ тѣмъ условіемъ, если лѣсъ окажется, при вторичномъ осмотрѣ его, въ такомъ положеніи, какое опредѣляетъ самъ владѣлецъ.

Поглядывая на Кострицына, до его ухода, Лыжинъ минутами плохо вѣрилъ, что это—одно и то же лицо: контористъ купца-милліонщика и „шатунъ-философъ“, желающій играть роль Сократа древнихъ Аѳинъ. Онъ ему былъ все-таки ближе, чѣмъ этотъ милліонщикъ. Ему разъ пришла даже мысль,—въ самомъ разгарѣ дѣлового разговора,—не надѣваетъ ли на себя этотъ Иванъ Кузьмичъ личины? Врядъ ли онъ довольствуется тѣмъ, что шатается по Москвѣ и вступаетъ, то здѣсь, то тамъ, въ *прю*! Можетъ-быть, это какой-нибудь членъ тайнаго общества, которому поручено обрабатывать купца-милліонера, съ цѣлью служенія „дѣлу“?

Почему же онъ сейчасъ узналъ Воденягина? Кто ихъ вѣдаетъ!.. Быть-можетъ, они служатъ одному дѣлу и только для постороннихъ не знаютъ другъ друга.

Кострицынъ, уходя изъ кабинета, сдѣлалъ легкій поклонъ Лыжину и безшумно отворилъ дверь.

Антонина Борисовна уже съ четверть часа какъ приготовилась къ приему гостей и сидѣла у себя въ кабинетѣ,

освѣщенномъ, кромѣ китайскаго фонаря, еще двумя лампами съ четырехугольными кружевными абажурами.

Когда Кострицынъ подходилъ къ портьеру, она обсуждала, кого съ кѣмъ посадить за обѣдомъ. Изъ дамъ она ждала одну свою подругу—Напон Верховцеву, по-русски: Анну Алексѣевну, безъ мужа — мужъ уѣхалъ на охоту. Мужчинъ будетъ званныхъ, не считая Ивана Кузьмича, своего человѣка,—Лыжинъ, одинъ дѣтскій писатель—онъ ухаживалъ за ней, когда она была дѣвушкой,—ихъ консультантъ, профессоръ Шахматовъ, крупный чиновникъ изъ Петербурга и еще одинъ изъ „habitués“ ея гостиной и столовой, очень хорошей фамиліи, въ родствѣ со всѣми. Злые языки называютъ его „pique-assiettes“, но онъ всегда даетъ прекрасный тонъ общему разговору.

Кажется, ни одного купца! Даже не будетъ дяди Захара Лукьяновича, брата Раисы Гордѣевны, котораго она выносила гораздо больше, потому что онъ тономъ и видомъ похожъ на стараго барина, очень воспитанъ и живетъ часто за границей.

Нѣтъ! Одинъ купецъ все-таки будетъ—вспомнила она. Но этотъ ужъ настоящій парижанинъ и лицомъ очень смахиваетъ на принца Донъ-Карлоса. Онъ спустилъ миллионное состояніе на рулетку и женщинъ, и теперь ему его братъ выдаетъ пенсію по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ. Вѣдныя! Онъ считаетъ себя — и совершенно законно — нищимъ.

— А! Иванъ Кузьмичъ! — встрѣтила она Кострицына возгласомъ, гдѣ было что-то безцеремонное, что его тайно задѣвало.

Онъ поклонился ей по-своему — короткимъ наклономъ головы, какъ кланяется народъ, и, подойдя ближе, протянулъ руку.

Ея рука была занята. Она опять полировала ногти и протянула ему свою руку не сгибая, когда отложила щеточку на столикъ.

Она была въ бархатномъ, пыльнаго цвѣта, лифѣ съ короткими буфами и съ голыми руками, какъ и вчера. Этотъ модный покрой припелся ей особенно по вкусу, и Кострицынъ замѣчалъ, что она имъ злоупотребляетъ. И камней на ней было достаточно. На шеѣ—неизмѣнный жемчужный ошейникъ.

Антонина Борисовна считала Кострицына прежде всего полезнымъ дѣлу своего Завки; но она жалѣла, что у него

такая гостинодворская наружность. И тономъ его она не всегда довольна. Онъ былъ вѣжливъ и держался осторожно, не позволяя себѣ фамиллярности ни съ мужемъ ея, ни съ нею. Но въ его глазахъ, въ короткомъ, частомъ смѣхѣ, въ разныхъ изреченіяхъ она распознавала постоянного наблюдателя и оцѣнщика ея ума, такта, разговора, мнѣній, туалетовъ. Правда, она сама не желала ни баловать его, ни доводить до того, чтобы онъ стоялъ передъ ней „на заднихъ лапкахъ“. Онъ могъ бы и самъ почувствовать безусловное преклоненіе передъ ней, какъ передъ существомъ высшей породы, признать за нею званіе самой красивой и блестящей женщины во всей Москвѣ—и, однако, такого преклоненія она что-то не мѣчаетъ.

Не совсѣмъ нравилось ей и то, что Иванъ Кузьмичъ—бывшій учитель Захара Лукьяновича, и когда зайдетъ какой-нибудь „особенный“ разговоръ, философскій или литературный, приказчикъ даетъ понять и хозяину, и его гостямъ, что онъ магистрантъ, и „Захарушка“ обязанъ ему всѣмъ тѣмъ, что у него осталось изъ классической учености... Что Иванъ Кузьмичъ часто поддакиваетъ Захару Лукьяновичу и какъ бы любитъ имъ, это скорѣе расчетъ, чѣмъ добровольное признаніе превосходства своего хозяина.

— Зѣвки еще въ кабинетѣ, съ тѣмъ господиномъ? — спросила она Кострицына, указывая ему, жестомъ головы, мѣсто на одномъ изъ пуфовъ, стоявшихъ полукружіемъ около ея дивана, подъ навѣсомъ.

— Сейчасъ покончатъ насчетъ цѣны.

— Зѣвки, по-вашему, дѣлаетъ хорошую аферу?

— Это немного округляетъ наши мѣстные угодья.

Слово „наши“ показалось ей чѣмъ-то „лакейскимъ“.

— Этотъ Лыжинъ,—спросила она вполголоса,—кажется, интересный человѣкъ... еще не старый?

— Лѣтъ сорока... вида внушительнаго, барскаго. Хе-хе! Тоскующій семидесятникъ!

— Какъ вы сказали?

Она опять взялась за свои ногти.

— Представитель семидесятыхъ годовъ. Кажется, побывалъ и въ толстопцахъ, и въ болѣе радикальныхъ народникахъ. А теперь тоскуетъ... Ха-ха!

Она пожалѣла, что спросила его о Лыжинѣ. Какое ей дѣло до того, „семидесятникъ“ онъ или нѣтъ? Кто онъ,

какъ мужчина и свѣжій человѣкъ, она и сама разбереть и рѣшить — стоитъ ли его просить бывать у нихъ, или нѣтъ. Если этотъ Лыжинъ красный, Богъ знаетъ съ какими замашками, то она его спуститъ „n'en déplaie, — прибавила она мысленно, — нашей общей знакомой, Идѣ Радиной, его пріятельницѣ“.

Но вѣдь Ида сама, давно, „а un passé compromettant“.

Послышались въ сосѣдней гостиной мужскіе голоса.

Антонина Борисовна окончательно освободилась отъ ногтяной щеточки и пошла навстрѣчу гостю.

Мужъ представилъ ей Лыжина, назвавъ его по имени и отчеству, взявъ его за руку и своимъ увѣренно-гостепріимнымъ тономъ, повернувшись къ нему лицомъ, прибавилъ:

— Просимъ любить да жаловать!

Лыжинъ сухоовато поклонился ей, и когда она протянула ему свою бѣлую, необычайно красивую руку, и пальцы, покрытые кольцами, блеснули, — онъ поднялъ на нее глаза и, выдерживая ее вызывающій, блистательный видъ, про себя выговорилъ:

„Вотъ ты какой экземпляръ!“

И вслѣдъ за тѣмъ по немъ прошло давно имъ неиспытанное чувство чего-то жуткаго — отъ чувственной мощи женщины, которая дошла до точки своего пышнаго расцвѣта.

Онъ не могъ воздержаться про себя отъ французскаго восклицанія:

„Elle est à point“.

XI.

Черезъ двѣ-три минуты они остались вдвоемъ. Кумачевъ незамѣтно увелъ Кострицына, что-то такое сказать ему по поводу покупки имѣнія. Онъ могъ это забыть во время обѣда.

Гостя онъ предоставилъ женѣ, строго держась обычая не угощать собственной особой при женѣ тамъ, гдѣ она должна была царить одна.

— У насъ съ вами, monsieur Лыжинъ, — заговорила Антонина Борисовна, откинувшись въ смѣлой позѣ на одну изъ подушекъ, — есть общія знакомая... и вашъ другъ, если не ошибаюсь.

— Кто это?

— Ида Радина... Вы вѣдь ея сосѣдъ? И не одна Ида... Ея пріятельница—Акридина—моя тетка.

— Ваша тетка?—переспросилъ Лыжинъ.

— Васъ это удивляетъ?.. Но вѣдь она уже не молоденькая.

Она засмѣялась, и рядъ ея зубовъ, красиво и жестко блеснувъ, заставилъ Лыжина еще болѣе сжаться.

— Да, ей подѣ-сорокъ, — продолжала Антонина Борисовна. — Она мнѣ тетка... Очень дальняя... троюродная сестра моей матери... Правда... гораздо ея моложе. Мы ее скоро ждемъ. Но она сначала пройдетъ къ Идѣ... Сюда она на сѣздъ. Вы вѣдь знакомы съ ея учеными трудами?

Косая усмѣшка немного скривила ея властный и сочный ротъ.

— Какъ же... У нея очень почтенное имя.

— Только, кажется, археологія ей уже пріѣлась... хотя нынче это очень модная и выгодная наука.

— Выгодная?

— Да, можно легко составить себѣ имя и быть на хорошемъ счету. Я говорю о мужчинахъ.

Лыжинъ прислушивался къ ея говору. Она выражалась по-русски очень отчетливо и съ музыкальной пѣвучестью, которая противорѣчила жесткому взгляду ея глазъ. Съ мужчинами не изъ особенно стародворянскаго круга она почти никогда не французила. Привычку къ хорошему русскому языку пріобрѣла она, когда давала уроки пѣнія и живописи по фарфору и атласу. Тонъ ея немного отзывался также военнымъ обществомъ; такой бываетъ у молодыхъ командиршъ въ гвардейскихъ полкахъ.

— Елена Константиновна... Акридина, — добавила она, — вѣроятно, будетъ гостить у насъ.

И взглядомъ она пояснила: „Можете заниматься съ моей тетенькой умными разговорами“.

Въ салонѣ у такой эффектной особы Лыжинъ давно не бывалъ. Его начинало стѣснять то, что онъ теряетъ подходящій тонъ съ женщинами, какъ эта, во всякомъ случаѣ, характерная супруга придильщика, Захара Лукьяновича Кумачева.

— Князь Иларіонъ Ивановичъ—вашъ родственникъ?—спросилъ онъ, зная, что князь—ея дядя.

— Князь Иларіонъ? Старшій братъ моего покойнаго отца. Вы видали его?

— Всего одинъ разъ въ жизни. Но много слышанъ.

— Я воображаю! О немъ ходятъ цѣлыя легенды. Такихъ чудодѣевъ нигдѣ не встрѣтишь.

Лыжинъ хотѣлъ что-то возразить, но къ хозяйкѣ медленно подходилъ уже отъ двери плотный брюнетъ, въ очень длинномъ визитномъ сюртукѣ, лѣтъ сорока, съ бородой, стриженной четырехугольникомъ, въ рѣс-пе-з, съ выраженіемъ полнаго, еще не морщинистаго лица, какое бываетъ у влюбленныхъ въ себя холостяковъ, сознающихъ, что они не только большого ума, но и долго будутъ опасны для женщинъ.

Хозяйка крѣпко пожала ему руку, слегка приподнявшись, и представила ихъ другъ другу.

— М-г Эсауловъ!—назвала она гостя.

Гдѣ-то Лыжинъ встрѣчалъ его, зналъ его и по репутаціи „молодого“ и выдающагося публициста.

Эсауловъ присѣлъ къ Антонинѣ Борисовнѣ очень близко, на пуфѣ, у самаго края дивана, такъ что его колѣни почти касались юбки ея бархатнаго платья. Глаза его прищурились, и носомъ, изъ-подъ рѣс-пе-з, онъ слегка повелъ.

— Mein Kompliment! — выговорилъ онъ съ шутливой старательностью нѣмецкаго произношенія и рукой указалъ на туалетъ хозяйки.

Та очень ласково улыбнулась и, нагнувшись къ нему, сказала потише:

— Вы сядете рядомъ съ Nanon... довольны вы мною?

— Очень,—оттянулъ Эсауловъ, кладя ногу на ногу.

Они были старые знакомые, изъ того времени, когда Антонина Борисовна, обѣдѣвшей княжной, давала уроки. Она ему очень нравилась, но его ухаживаніе не довело его до женитьбы, и онъ во-время сумѣлъ удержаться въ извѣстныхъ границахъ, лестныхъ для всякой дѣвушки и не опасныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ обѣдѣвшая княжна сдѣлалась богачкой, но купчихой, Эсауловъ началъ новое ухаживаніе, и Антонина Борисовна позволяетъ ему держаться съ нею пріятельскаго тона, дорожить имъ для своей гостини, какъ человѣкомъ хорошаго общества, съ нѣкоторой извѣстностью. Она знала, что онъ не важнаго рода: его отецъ, кажется, изъ выслужившихся чиновниковъ, но мать его была княжна,—правда, изъ тамбовскихъ дворянокъ средней руки и татарской крови.

Лыжинъ считалъ Эсаулова позитивистомъ и либераль-

нымъ доктринеромъ, въ англійскомъ вкусѣ, и въ этомъ смыслѣ онъ его не особенно интересовалъ. Свою теперешнюю душевную „ликвидацию“—какъ онъ выражался—распространялъ онъ рѣшительно на всѣ клочки, кружковые катехизисы и мундирныя отмѣтки—отъ мистическаго народничанья до докторальнаго „направленства“.

— Мы, кажется, встрѣчались у Цыбашева?—небрежно спросилъ его вбокъ Эсауловъ, снимая правой рукой свое рпсе-пез.

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ ему Лыжинъ съ такимъ же отгѣнкомъ.

— Давно я не видалъ старика... Все такъ же пылокъ и бурливъ?

— Вѣроятно... Я самъ давно у него не бывалъ.

Голосъ и манера говорить Эсаулова не нравились Лыжину; но онъ не хотѣлъ давать хода своему брезгливому настроенію.

Разъ онъ принялъ приглашеніе на обѣдъ, глупо было ѣжиться и раздражаться. Надо воспринимать жизнь такой, какой она представляется. Это—*новая* московская жизнь. Домъ Кумачева—въ его теперешнемъ положеніи человѣка, который хочетъ найти самого себя и осмотрѣться—быть-можетъ, настоящая находка.

Личность самого хозяина, его alter ego Кострицынъ, его жена, ея салонъ—все это нѣчто, въ такомъ подборѣ имъ еще не виданное.

— Напои будетъ съ мужемъ?—спросилъ Эсауловъ, нагнувшись еще ближе къ Антонинѣ Борисовнѣ.

— Утѣшьтесть... одна.

— Супругъ боленъ?

— Нисколько. Онъ на охотѣ... на лосей... или на медвѣдей... ужъ не знаю хорошенько!

— А-а!.. Какая пріятная страсть въ мужѣ!

— Смотрите!—погрозила пальцемъ Антонина Борисовна.—Онъ ходитъ на медвѣдя съ рогаминою. Одинъ на одинъ. Такой мужъ опасенъ.

Тонъ этого разговора показался Лыжину сомнительнаго вкуса.

„Это еще кто?“—спросилъ онъ, увидавъ новую мужскую фигуру справа отъ себя.

Маленькими шажками двигался такого же высокаго роста, какъ онъ, блондинъ, въ смѣкингѣ, съ падающими плечами и женскимъ складомъ бедеръ, держа свои корот-

кія ручки на груди и съ опущенными внизъ кистями. Лицо у этого уже немолодого мужчины было круглое, пухлое, съ налетомъ пудры, бритое, при длинныхъ и тонкихъ усахъ.

Во всемъ его существѣ Лыжинъ зачуялъ что-то тайно порочное и исковерканное.

Къ хозяйкѣ подошелъ онъ, нагибая на особый ладъ свою голову, маленькую, съ рѣдкими, лоснящимися волосами, и когда совсѣмъ нагнулся, чтобъ поцѣловать ея руку, то весь представилъ собою ломаную линію, смѣшную и кокетливую, съ его длинными и сухими ногами, которыя болтались въ широкихъ — по-модному — панталонахъ съ шелковыми лампасами.

Это былъ Ковригинъ, тотъ родственникъ и свойственникъ самыхъ лучшихъ фамилій, котораго поджидала Антонина Борисовна. Она считала его выгодной принадлежностью своей гостиной и столовой, хотя всѣмъ извѣстно, что онъ давно живетъ на чужой счетъ, и его специальное прозвище въ ея кругу: „Kowrigine — le pique-assiettes“.

— Bonjour, bonjour, ma toute belle! — картаво и визко процѣдилъ онъ и опустился около нея на диванъ, не сразу выпустивъ руку.

Она познакомила съ нимъ Лыжина. Эсауловъ подаль ему руку, Ковригинъ протянулъ ему свою, лѣниво и махерно, не покидая развинченной позы между двумя подушками дивана.

„Ахъ ты, животное!“ — выбранился Лыжинъ и сейчасъ вспомнилъ, что это за баринъ и какой *особенной* репутаціей пользуется. На немъ лежало двойное клеймо — и такое, о которомъ говорила вся его внѣшность, и клеймо еще недавняго друга дряхлой, выжившей изъ ума княгини. Онъ ее пустилъ по міру, — это было лѣтъ десять назадъ, — проѣлъ ея состояніе, и теперь опять проживаетъ лизоблюдомъ въ Москвѣ и за границей, куда удаляется каждый годъ въ январѣ.

Изъ гостиной раздался говоръ, и звонкій женскій голосъ покрывалъ другіе — мужскіе голоса.

— Voici Nanon! — назвалъ Ковригинъ, и сдѣлалъ чисто дамскій жестъ кистью правой руки.

Антонина Борисовна встала, за пей и двое гостей; но Ковригинъ оставался въ той же позѣ.

XII.

За столомъ было ровно десять человѣкъ. Лыжина посадила между Кострицынымъ и Эсауловымъ — посрединѣ одного изъ продольныхъ краевъ стола. Хозяинъ и хозяйка сидѣли одинъ противъ другого, на узкихъ краяхъ.

Противъ Лыжина помѣщались двое господъ, съ которыми его не успѣли познакомиться, передъ переходомъ въ столовую — длинную комнату, шедшую параллельно съ двумя парадными салонами.

Эти два гостя составляли центръ. Они вели и общій разговоръ, одинъ — шумно и словообильно, другой — съ меньшей увѣренностью, въ видѣ краткихъ изреченій. Кострицынъ за супомъ шепнулъ Лыжину, что первый — прѣзжій изъ Петербурга, крупный чиновникъ Сидоренко; второй — Шахматовъ, восходящая медицинская извѣстность, годово́й врачъ Кумачевыхъ, специалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Сидоренко — съ широкой грудью, плечистый брюнетъ — своими расчесанными бакенбардами, прической и краснымъ, салатымъ лицомъ, смахивалъ на швейцара въ казенномъ домѣ. Шахматовъ смотрѣлъ чиновникомъ, и даже прѣхалъ со службы въ вицмундирѣ: молодой и очень молодой, съ подстриженной бородкой, русой, въ высокихъ воротничкахъ и въ золотыхъ очкахъ, съ постоянной иронической усмѣшкой на безцвѣтныхъ губахъ широкаго недобраго рта.

Кострицынъ же объявилъ Лыжину и кто сидѣлъ рядомъ съ хозяйкой — въ томъ же ряду: прожившійся фабрикантъ-миллионеръ Орѣховъ, похожій лицомъ на Донъ-Карлоса, съдой и въ черныхъ усикахъ, съ остатками мужской ксоты, также въ смокингѣ, какъ и Ковригинъ, сидѣла справа отъ Антонины Борисовны.

Подали „chaud-froid“ изъ дичи, четвертое блюдо меню, написаннаго на атласистыхъ листкахъ съ цвѣтными и золотистыми арабесками.

Все, что подавали, съ самаго начала обѣда, показывало на какой ногѣ стояли кулинарная часть и сервировка домѣ Захара Лукьяновича Кумачева. Серебро, фарфоръ, хрусталь, вазы съ цвѣтами, все это было и богато, и очень красиво, по всему этому, вѣроятно, прошелся астетическій вкусъ Антонины Борисовны. Для рыбы кла-

у каждаго куверта, особенные ножи—на англійскій ладъ, съ серебрянымъ лезвіемъ, притупленнымъ и матовымъ.

Прислуга, въ своихъ темно-коричневыхъ фракахъ, съ бархатными воротниками и золотыми пуговицами, похожа была на цѣлую команду чиновниковъ. Служила она съ соблюденіемъ самыхъ утонченныхъ пріемовъ, подъ строгимъ надзоромъ дворецкаго, стоявшаго около рѣзного открытаго буфета.

— *C'est exquis!* — промямлилъ противный Лыжину Ковригинъ, отвѣдавъ отъ кушанья, подкатилъ зрачки къ верхнему вѣку и сдѣлалъ два кивка головой въ сторону хозяйки и своей *vis-à-vis*—*Nanon* Верховцевой.

Ей Лыжина представили передъ уходомъ изъ кабинета Антонины Борисовны, но со своего мѣста онъ могъ видѣть только ея профиль и не-роскошныя формы московской барыни, вышедшей замужъ на возрастѣ къ двадцати пяти годамъ. *Nanon*, прозванная такъ въ кругу своихъ пріятельницъ, была некрасива, со вздернутымъ носомъ и узкими глазами, но вообще съ пикантнымъ лицомъ; она брала гибкостью бюста и никогда не измѣнявшей ей бойкостью, говорила много и скоро, звонкимъ голосомъ, много французила и выкладывала свои „штучки“, какъ выражалась про нее, за глаза, и ея первая пріятельница—Антонина Борисовна.

За этимъ обѣдомъ ей не удалось овладѣть разговоромъ. Посаженный рядомъ съ нею Эсауловъ нашептывалъ ей какія-то двусмысленныя любезности и заставлялъ часто смѣяться. Разговоръ—послѣ возгласа Ковригина насчетъ четвертаго блюда „*chaud-froid*“—опять перешелъ къ той темѣ, которую съ особеннымъ усердіемъ поддерживали Сидоренко и Шахматовъ.

Съ первыхъ приступовъ бесѣды Лыжинъ очутился въ воздухѣ самой несдержанной и злорадной травли „жида“. Петербургскій гость—онъ ѣлъ все съ ножа—проглотивъ стремительно два-три куса тонкаго кушанья, изготовленнаго французомъ „шефомъ“, продолжалъ, краснѣя и пыхтя, изложеніе своихъ видовъ и мѣропріятій, особенно любезныхъ его „русской“ душѣ; Шахматовъ, улыбаясь вбокъ, поддакивалъ движеніемъ головы и ѣлъ медленно и опротно. Аккуратность сквозила во всѣхъ его пріемахъ, и онъ дѣйствовалъ ножомъ, точно производилъ изящную и тонкую операцію передъ аудиторіей пятаго курса студентовъ.

— Стало-быть, — освѣдомился Захаръ Лукьяновичъ съ

своего конца,—вокругъ нихъ будутъ теперь обводить такіе круги... суживать ихъ и суживать?

— Какъ въ нѣкотораго рода чистилищѣ? Ха-ха!..

Шахматовъ поглядѣлъ увѣренно вправо и влѣво, дожидаясь, что всѣ разсмѣются.

Разсмѣялись Орѣховъ и хозяйнѣ. Антонина Борисовна въ эту минуту что-то говорила своей пріятельницѣ и не разслыхала.

Лыжинъ взглянулъ сначала на Эсаулова, потомъ на Кострицына, какъ они отнесутся къ этой суровой расовой травлѣ?

Эсауловъ, съ самаго начала обѣда, ни однимъ словомъ не протестовалъ противъ выходовъ петербургскаго администратора и московскаго практиканта. Точно такъ же и Кострицынъ отдѣлывался только ужимочками и своимъ смѣшкомъ, въ которомъ Лыжинъ ничего опредѣленнаго не распознавалъ.

Теперь онъ поглядѣлъ на него въ упоръ.

Кострицынъ вынесъ этотъ взглядъ и, не пуская своего „хе-хе“, повелъ плечомъ и вмѣшался въ разговоръ въ первый разъ.

— Стало, *ихъ* запрутъ на пространствѣ шести или семи губерній, и никакого хода изъ этого желѣзнаго кордона не будетъ?

Въ тонѣ этого вопроса Лыжину было очень трудно различить, какихъ взглядовъ держится самъ Кострицынъ, и эта двойственность начинала не на шутку раздражать его. Большая рюмка изумительнаго рейнвейна, выпитаго имъ послѣ рыбы, приподняла и безъ того температуру его головы.

— Запрутъ, запрутъ! — разразился Сидоренко, и отъ смѣха его широкая грудь пошла ходуномъ.

Онъ положилъ оба локтя на столъ и безцеремонно нагнулся надъ своимъ приборомъ.

— Знаете... въ одномъ огромномъ ушатѣ. И пусть варятся въ собственномъ соку.

— Фи! Какое сравненіе! — брезгливо отозвалась Антонина Борисовна.

Ея пріятельница громко сказала, обращаясь больше къ Эсаулову, по-французски:

— У мужчинъ теперь только и разговоровъ, что о евреяхъ.

Слово „les juifs“ прозвучало и въ ея извилистыхъ гу-

бахъ съ такой же интонаціей, какъ у Сидоренко и Шахматова.

— А потомъ что?—вдругъ спросилъ Лыжинъ, наклоняясь къ своему сосѣду черезъ столъ.

До тѣхъ поръ онъ упорно молчалъ, хотя хозяинъ раза два хотѣлъ втравить его въ общій разговоръ.

— Потомъ что?—переспросилъ чиновникъ.—Да то же!..

— Пускай варятся въ собственномъ соку!—выговорилъ вкусно и отчетливо Шахматовъ и поправилъ галстукъ на туго накрахмаленной груди рубашки.

— А каково же будетъ мѣстному русскому населенію?

— Тутъ пока ничего не подѣлаешь! Разумѣется, радикальная мѣра—одна!

— Всѣхъ поселить на необитаемомъ островѣ или выбросить въ море?—спросилъ Лыжинъ, впадая, противъ воли, въ насмѣшливый тонъ.

— Вотъ была бы благодать!—такъ же вкусно и отчетливо выговорилъ Шахматовъ и поглядѣлъ на Лыжина своими узкими самодовольными глазами.

Тотчасъ же Лыжину сдѣлалось досадно на себя, зачѣмъ онъ вмѣшался въ такой разговоръ. Добро бы еще изъ желанія подзадорить этихъ господъ и вызвать весь букетъ нынѣшняго преобладающаго настроенія.

Развѣ въ первый разъ слышитъ онъ тѣ же выходки? Прежде этимъ пробавлялись одни „гасильники“, теперь всѣ: чиновники и профессора, офицеры и студенты, художники и свѣтскіе шалопаи, старики и дѣти.

Онъ хочетъ „воспринимать русскую жизнь“, какова она есть въ настоящій моментъ. Нелѣпо возмущаться, если это—„неизбѣжная фаза общественнаго роста“—какъ, навѣрно, скажетъ ему и его хитроумный сосѣдъ слѣва, магистрантъ Кострицынъ. Можетъ-быть, и тотъ съ особеннымъ вкусомъ склоняетъ, при случаѣ, слово „жидъ“, или „нѣмецъ“, или „полякъ“—смотря по сюжету разговора.

— А ваше мнѣніе о земледѣльческихъ колоніяхъ?—освѣдомился Кострицынъ съ тою же двойственною усмѣшкой.

— Какія колоніи?.. Это все пухъ! Они не способны ни на какой честный крестьянскій трудъ. Да если бъ и были способны, все равно—нечистъ одна и та же: за кабацкой стойкой обдуваетъ онъ мужика или самъ сѣно косить.

Опять у Лыжина зашевелился вопросъ: „такъ какъ же съ ними быть?“—но онъ сдержалъ себя и, повернувъ го-

лову влѣво, сказать, обращаясь одинаково и къ Кострицыну, и къ Кумачеву:

— Вы знаете, что французскіе антисемиты заподозрѣли и въ папѣ Львѣ XIII еврея?

— Все возможно,—тонко отвѣтилъ Кумачевъ, съ улыбкой хозяина, который прежде всего желаетъ держаться въ тонѣ общаго разговора, пріятнаго большинству, не скрывая нисколько, что и онъ чувствуетъ, какъ истинный сынъ своей земли, какъ москвичъ, какъ дѣйтель въ томъ городѣ, откуда русская земля „пошла есть“—могъ бы онъ повторить слова лѣтописца.

XIII.

Замороженный пуншъ на чайномъ ликерѣ вызвалъ паузу передъ блюдомъ овощей—крупнѣйшей спаржи, поданной на серебряномъ штативѣ съ широкими щипцами.

Къ сладкому блюду оба vis-à-vis Лыжина—Сидоренко и Шахматовъ—опять попали на ту же зарубку.

Шампанское, послѣ разнородныхъ винъ, которые подносились лакеями въ налитыхъ рюмкахъ, подняло еще выше температуру. Въ дамскомъ углу происходило à parte между Напон, Эсауловымъ и хозяйкой; къ нему присоединялся и Ковригинъ, то и дѣло нагибая голову въ сторону Антонины Борисовны, съ манерностью, все такъ же противной Лыжину.

Вина онъ давно не пивалъ въ такомъ количествѣ. Винные пары не дѣлали его веселѣе, только воспримчивѣе ко всему, что вокругъ него происходило и говорилось.

Голосъ Шахматова, отчетливый и деревянный, съ приглушеннымъ высокимъ звукомъ гласныхъ, врѣзывался въ его ухо.

— Помилуйте... У насъ просто оба царства—іудейское и израильское—водворились-было на семи холмахъ Москвы... Теперь только и отдыхаемъ немного!..

— Вижу,—откликнулся съ игриво-цѣпляющими глазами петербургскій гость,—вижу, что и у васъ всѣхъ этихъ лже-русскихъ и лже-германцевъ вывели на свѣжую воду... *Зильберляндъ*—портной... Но мнѣ этого мало... Ты—*Мовша Исаевъ*. Такъ ты и долженъ значиться... Или какая-нибудь *Парасенова*—содержательница кассы ссудъ... Какъ бы не такъ! Ты—*Ривка Мордохъева*! Ха-ха!

Оба очень громко засмѣялись. Имъ сдержанно вторилъ и хозяинъ.

Опять взгляды Лыжина обратились влѣво, на Кострицына. Тотъ нагнулся надъ тарелкой севрскаго фарфора и доѣдалъ съ золоченой ложки пирожное — изъ замысловатой смѣси мороженаго, печенья и фруктовъ.

И вдругъ прожившійся купчикъ съ лицомъ Донъ-Карлоса точно про себя выговорилъ, съ кислой усмѣшкой:

— Однако... и *они* кое-гдѣ приносятъ пользу.

— Кто? Какъ? Гдѣ? — озадачилъ его однимъ выстрѣломъ Сидоренко.

— Да хоть бы на Окѣ, около нашей мануфактуры... Цѣлое село, въ три тысячи душъ, только и дышитъ, что работой на большой магазинъ готовымъ платьемъ, здѣсь вотъ, на Тверской, кажется... какого-то тоже Зильберглянца или Мандельбаума. Не все ли равно, какого онъ тамъ закона... А безъ него имъ всѣмъ хоть по-міру идти.

— Извините-съ! — крикнулъ Сидоренко и поднялъ вверхъ золоченный десертный ножикъ. — Это чистѣйшій софизмъ! Если на какой-нибудь промыселъ есть спросъ настолько, что нельзя обойтись безъ крестьянскаго труда, то благодѣтель вовсе не Зильберглянецъ.

— Однако, онъ первый началъ раздавать работу.

— Раскусилъ, что это выгодно. Но раньше-то они тамъ на что-нибудь жили?

— Бѣдствовали!

— Однако жили же! И это только лишнее доказательство соблазна и совращенія. Дать заработокъ, но какой? — совсѣмъ не въ духѣ крестьянскаго труда... Портняжество! И зачѣмъ дать заработокъ? Зачѣмъ, чтобы держать цѣлую округу въ своихъ грязныхъ когтистыхъ лапахъ!

— Ну, ужъ это вы... слишкомъ! — прожившійся въ Парижѣ и въ Монте-Карло милліонеръ не уступалъ, хотя говорилъ точно нѣхотя, съ изнѣженной вилостью: — Послѣ того, и каждый изъ нашихъ, изъ настоящихъ русаковъ — кто заведетъ мануфактуру и станетъ набирать рабочихъ или научить мѣстныхъ крестьянъ у себя въ избахъ ткать миткаль — тоже совратитель?

— То — русскій! У него есть всѣ права. Онъ не втирается въ такое мѣсто, гдѣ ему закономъ запрещено жить... Какъ же можно сравнивать!

Орѣховъ пожалъ плечомъ и, не желая дальше возражать, считая себя слишкомъ по-европейски воспитаннымъ, взялъ стаканчикъ съ шампанскимъ и началъ тихо отхлебывать изъ него.

— Всякія!.. Васъ я еще мало знаю... Юрій Петровичъ. Но то, что слыхалъ, оставляетъ меня въ недоумѣніи...

Совсѣмъ не такой оборотъ думалъ придать разговору Лыжинъ. Но съ этимъ „амбарнымъ Сократомъ“ ему все-таки стало теперь гораздо легче, чѣмъ за обѣдомъ.

— Вы къ дамамъ не пойдете?—спросилъ Кострицынъ.

— Нѣтъ.

— Такъ знаете что?.. Спустимтесь въ кабинетъ Захара Лукьяновича. Тамъ мы будемъ на просторѣ. Кстати же надо намъ условиться и насчетъ поѣздки. Вы вѣдь покончили... Но условно?

— Да,—отвѣтилъ почти нехотя Лыжинъ.—Вы должны будете произвести еще ревизію, и если все найдете такъ, какъ доносилъ управляющій...

— Вамъ это развѣ непріятно?

— Съ какой же стати!

— Я вѣдь не дѣлецъ. Захаръ Лукьяновичъ довѣряетъ мнѣ—вотъ и все. Намъ съ вами судьба свела на почвѣ купли-продажи. Но мнѣ почему-то сдается, Юрій Петровичъ, что мы съ вами поймемъ другъ друга... и знакомство наше не ограничится одной этой дѣловой поѣздкой.

Глаза Кострицына заискрились и ихъ выраженіе не покорило Лыжина.

— Такъ идемъ внизъ?

— А хозяинъ?

— Онъ кабинетъ свой не охраняетъ. Ха-ха! Курильная устроена во второмъ этажѣ только для удобства гостей, хорошо пообѣдавшихъ въ столовой.

Кострицынъ распорядился насчетъ кофе; они прошли на площадку и спустились по парадной лѣстницѣ на половину Захара Лукьяновича.

— Я бы хотѣлъ удалиться по - французски, — сказалъ Лыжинъ.

— И это можно!.. Хозяева это допускаютъ.

XIV.

Чашки кофе были уже допиты. Кострицынъ ходилъ маленькими шажками по кабинету. Лыжинъ сидѣлъ на турецкомъ диванѣ съ протянутыми ногами и курилъ.

Ихъ разговоръ перешелъ въ ту полосу, когда, послѣ взаимныхъ заподозриваній, два умныхъ человека должны выложить карты на столъ. Но Лыжинъ не хотѣлъ сразу вводить „амбарнаго Сократа“ въ собственное „путь“,

показывать ему безъ особенной надобности свое общее настроеніе, близкое къ индифферентизму, и какъ онъ пришелъ къ нему изъ нежеланія подчиняться такимъ идеямъ и стремленіямъ, въ которыя извѣрился.

Ему хотѣлось сначала заставить Кострицына высказаться, не виляя, безъ прибаутокъ и классическихъ изреченій.

— Какъ же вы относитесь, Иванъ Кузьмичъ,—онъ въ первый разъ назвалъ его по имени и отчеству,—къ этому взрыву расовой нетерпимости?—спросилъ онъ его, не горячася, въ тонѣ простого любопытства.—Полюбуйтесь на сангвиническаго администратора. Вѣдь онъ готовъ проповѣдовать, подѣ личиной государственной и національной пользы, чуть не Варооломеевскую ночь! А эскулапъ? Этотъ продуктъ восьмидесятихъ годовъ? Вѣдь онъ, кажется, доцентъ? Стало, онъ въ университетѣ, въ аудиторіяхъ, у товарищей набрался позитивнаго бездушія, цинической манеры выражать свои взгляды и замашки? Вѣдь ото всего этого не пахнетъ, а воняетъ безстыднымъ нахальствомъ и пошлостью.

— Ого! Какъ вы суровы, Юрій Петровичъ!

— Такъ, по-вашему, не такъ?

— Букетъ новѣйшій—это точно. И я не нахожу, чтобы гости Захара Лукьяновича—и господинъ Сидоренко, и терапевтъ Шахматовъ—были какими-нибудь особенно циническими выразителями момента!.. Такихъ теперь сотни—и вездѣ: и въ столицахъ, и въ провинціи, среди людей, у которыхъ есть какой-нибудь вѣсъ въ обществѣ.

— И чтѣ же, вы этому радуетесь?

— Я пока только констатирую. И—попутно—позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Къ чему эти клички и рубрики: шестидесятые года, семидесятые, восьмидесятые?! Дѣло тутъ не въ нихъ, а въ извѣстныхъ инстинктахъ, массовыхъ или сословныхъ—это все равно. Они и не думали замирать, а только лежали подѣ спудомъ, и теперь подняли голову и добиваются удовлетворенія.

— Это такъ!—горячо прервалъ Лыжинъ. —Вы у меня точно похитили мысль, когда я слушалъ діатрибы моего визаві. Я думалъ: двадцать лѣтъ назадъ тотъ же чинушъ, а еще болѣе тотъ же доцентъ, не посмѣлъ бы, слышите, не посмѣлъ бы,—Лыжинъ выпрямилъ станъ,—не посмѣлъ бы,—еще сильнѣе повторилъ онъ,—говорить въ такомъ тонѣ. Ему совѣстно было бы.. Онъ зналъ, что тогда ему бы не дали продолжать.

— Ему и теперь возражали.

— Кто?

— Вы слышали, кто... Но почему же вы сами, Юрий Петровичъ, не разгромили его, хе-хе!

Кострицынъ стоялъ передъ нимъ, широко разставивъ свои короткія ноги.

Его искривленныя глазки довольно язвительно усмѣхались.

— Съ какой стати? — вскричалъ Лыжинъ. — Съ какой стати, — повторилъ онъ, — стану я выступать противъ такихъ господъ, да еще въ домѣ, гдѣ хозяинъ, повидимому, сочувствуетъ вполне такимъ, какъ вы извоили выразиться, инстинктамъ? Кстати... вы мнѣ приводили, помнится, у меня, какое-то латинское изреченіе, которое Захаръ Лукьяновичъ взялъ своимъ девизомъ... Какъ бишь это?

— *Ibo singulariter donec transeam...* Изреченіе не плохое.

— И, кажется, вы его перевели тогда: „мы сами — съ усами!“

— Ха-ха! Въ родѣ этого, но въ серьезномъ тонѣ.

— Но не значить ли *singulariter*: — въ духѣ послѣдняго десятилѣтія, рука объ руку съ такими патриотами, какъ петербургскій карьеристъ и московскій аскулапъ?

„Зачѣмъ я все это говорю?“ — вдругъ остановилъ себя Лыжинъ. Ему стало почти противно играть роль самаго обыкновеннаго либерала или радикала въ глазахъ Кострицына.

Положимъ, его тошнило за обѣдомъ отъ всей этой травли, но сиди на мѣстѣ Сидоренка и Шахматова два какихъ-нибудь краснобая изъ тѣхъ „толковъ“, съ которыми онъ прерывалъ сношенія, многимъ ли бы лучше онъ себя чувствовалъ?

— Ни защищать моего патрона, ни нападать на него мнѣ не приходится, Юрий Петровичъ, — заговорилъ Кострицынъ, присаживаясь на край дивана. — Присмотритесь къ нему. Онъ, по-своему, homo novus... И такимъ принадлежить, безъ сомнѣнія, теперешняя полоса русской жизни.

„Съ чѣмъ и поздравляю васъ“, — хотѣлъ-было вслухъ выговорить Лыжинъ и промолчалъ.

Справа, за его спиной, вошелъ въ кабинетъ Эсауловъ.

— А! Вы вотъ куда удалились, господа! — раздался его скрипучій голосъ.

— Вы отъ дамъ? — спросилъ его Кострицынъ.

— Собираюсь уходить... и вспомнилъ, что оставилъ здѣсь шляпу... У васъ, кажется, идетъ какое-то преніе, господа?

Лыжинъ взглянулъ на него вбокъ и сказалъ, не скрывая ироніи:

— Вотъ вы человѣкъ семидесятыхъ годовъ—мой сверстникъ, развѣ въ наше время прошло бы безнаказанно то, что сейчасъ говорилось за обѣдомъ?

— Смотря гдѣ, — отвѣтилъ брезгливо Эсауловъ, понявшій намекъ Лыжина. — Если бѣ теперь протестовать вездѣ во имя цивическихъ идей, — подчеркнул онъ, — то пришлось бы съ утра до ночи кипятиться. Мы съ вами не студенты. До свиданія, господа! — такъ же брезгливо раскланялся онъ и, отыскавъ свою шляпу, вышелъ.

Оба помолчали по уходѣ Эсаулова.

— Ну, вотъ, — началъ первый Лыжинъ, — такой представитель европеизма и прогрессивныхъ идей — и опъ поумнѣлъ... Моя хата съ краю — ничего не знаю.

— Стульевъ не хочетъ ломать!

— Зачѣмъ же непременно стулья ломать? Можно однимъ словомъ, однимъ звукомъ очистить воздухъ отъ такихъ благоуханій. Эсауловъ — давнишній гость. У него репутація либерала. Но, должно-быть, хозяева писколько не стѣсняются его либерализмомъ и знаютъ, что онъ сталъ тихонькій...

Лыжинъ не досказалъ и только повелъ рукой.

— Эхъ, Юрій Петровичъ, — заговорилъ Кострицынъ тише и мягче, пододвинувшись къ нему на томъ же диванѣ, — вы, какъ я вижу, желаете держать все то же знамя семидесятниковъ.

— Пожалуйста!.. Вы сами не хотите этихъ рубрикъ и кличекъ.

— Во всякомъ случаѣ, въ васъ говоритъ нѣкоторая прямолинейность взглядовъ и принциповъ.

— Ни то, ни другое... Не нужно быть прямолинейнымъ, чтобы васъ тошнило отъ пошлости, — возразилъ Лыжинъ.

— Да развѣ васъ содержаніе и тонъ такихъ бесѣдъ поразили своей неожиданностью?

— Я этого не говорю.

— Вы ихъ услышите теперь вездѣ — и въ канцеляріяхъ, и въ ученыхъ обществахъ, и между учащейся молодежи. Но вернемся къ Эсаулову. Я думаю, что такой

интеллигентъ, какъ онъ, дѣйствительно поумнѣлъ. Надо же когда-нибудь сбросить иго готовыхъ формулъ, какъ бы онѣ ни были красивы и почтенны. Въ прописяхъ вѣдь и пѣтъ никакихъ другихъ формулъ. Васъ возмущаетъ развалъ расовой нетерпимости? А для меня, Юрій Петровичъ, такой развалъ гораздо лучше, чѣмъ недавнее подхалимство передъ прогрессомъ, гуманностью, народомъ, прямолинейной моралью.

— Вотъ какъ!

— Да-съ. И если мы съ вами не разойдемся сразу—вы кончите тѣмъ, что поймете меня. Не сегодня, такъ завтра. А на сегодня—мнѣ самому надо уходить къ восьми—я скажу вамъ вотъ что: не можетъ быть никакого прогресса—за него вы, конечно, стоите?—до тѣхъ поръ, пока личность не будетъ автономна, пока она не будетъ дерзать и посягать.

— Дерзать и посягать?—повторилъ задумчиво Лыжинъ.

— Да-съ, дерзать и посягать! Пускай она доходитъ до крайняго предѣла своихъ собственныхъ позывовъ и не боится прописей, какъ бы онѣ ни были гуманны и благородны.

— Это что же? Защита хищничества?

— Назовите, какъ хотите. И для меня, какъ для человека, желающаго мыслить, а не охать, Захаръ Лукьяновичъ Кумачевъ, въ теперешней своей фазѣ, гораздо цѣннѣе, чѣмъ если бы онъ подлаживался подъ то, что было двадцать лѣтъ назадъ въ воздухѣ.

— А онъ теперь точно такъ же не подлаживается къ камертону?

— Нѣтъ... самый этотъ камертонъ отвѣчаетъ на позывы его натуры и на запросы его личности. И прекрасно!

— Прекрасно!—повторилъ Лыжинъ, спустилъ ноги на коверъ и всталъ.—Я скрываюсь по-французски. На первый разъ—довольно!

— И на томъ спасибо!

И смѣхъ Кострицына раздался жидкимъ звукомъ въ засвѣжѣвшемъ кабинетѣ.

XV.

По первопутку извозчики саней катились бойко. Мимо мелькали деревья бульвара, слегка уже покрытыя инеемъ. Потомъ пошли переулки съ одноэтажными обывательскими домами.

Тишина стояла полная, точно за-полночь, а былъ всего девятый часъ въ началѣ.

Лыжинъ, не закутываясь въ свой ергакъ, подставлялъ лицо подъ мягкій вѣтерокъ. Снѣжинки садились ему на щеки и освѣжали ихъ. Ему радостно было вдыхать легкій, не очень морозный воздухъ, послѣ долгаго сидѣнья въ столовой, полной свѣта, и въ кабинетѣ, гдѣ онъ разгорѣлся отъ разговора съ Костицынымъ.

Въ передней, когда швейцаръ подавалъ ему шубу, онъ вспомнилъ вопросъ этого „мандарина“—Эсаулова: давно ли онъ видѣлъ старика Цыбашева, у котораго они когда-то встрѣчались.

И его потянуло туда. Какъ разъ это былъ день, когда Цыбашевъ принималъ у себя вечеромъ, запросто, съ семи часовъ, а къ десяти уже всѣ расходились, зная, что хозяинъ ложился непременно тотчасъ послѣ десяти и нигдѣ дольше этого часа не оставался.

Давно не бывалъ у него Лыжинъ, такъ давно, что почти совѣстно дѣлалось снова показаться туда.

Почему больше года не навѣщалъ онъ старика, и до послѣдней побѣдки своей за границу, и послѣ нея?

На это приходилось отвѣтить самому себѣ безъ утайки и ложнаго стыда.

Потому что во время своего временнаго увлеченія „толстовщиной“,—какъ онъ самъ теперь выражался и вслухъ, и про себя,—онъ не хотѣлъ огорчать старика неизбѣжными спорами. Онъ зналъ, что этотъ видъ „сектантства“ именно тогда всего сильнѣе раздражалъ Цыбашева. Онъ помнилъ, изъ болѣе ранней эпохи, какъ тотъ оглашалъ тѣсный кабинетикъ раскатами своего еще молодого, высокаго голоса, какъ тотъ повторялъ знаменитую формулу: „écoutez l'infâme“, примѣняя ее къ этому виду мистическаго народничества.

Теперь же, осенью, по приѣздѣ изъ-за границы, онъ стѣснялся другимъ. Цыбашевъ, узнавъ, въ какихъ онъ мѣстахъ побывалъ, сталъ бы его разспрашивать про тѣхъ, кого онъ навѣстилъ, и узнавать подробности его побѣдки на Средиземное море для поклоненія тѣни того первоначальнаго „учителя“, передъ памятникомъ котораго онъ покончилъ со своимъ „плѣненіемъ“, захотѣлъ получить обратно полную свободу ото всякихъ „прописей“ и символовъ вѣры, извѣрившись въ нихъ.

Тутъ опять пришлось бы или вилать, или огорчать ста-

рика, вызывать въ немъ взрывы негодованія, выслушивать отъ него разносы на тему „отступничества“ и „индифферентизма“.

Онъ побоялся этого, а потомъ и забылъ какъ бы о существованіи Порфірія Алексѣвича Цыбашева и его домика на Плющихѣ.

Это показалось ему сегодня постыдной трусостью. Чтò бы ни пришлось ему испытать въ кабинетикѣ Порфірія Алексѣвича, въ чемъ бы ни привелось покаяться или признаться, его потянуло на Плющиху, послѣ обѣда у коммерсанта Кумачева, этого homo novus послѣдней формации, по толкованію многоумнаго Кострицына.

Такъ задохнешься на первыхъ порахъ, прежде чѣмъ научишься приспособляться къ средѣ, превратишься въ свободнаго „созерцателя“, какъ все тотъ же Кострицынъ.

„Старый человѣкъ“ проснулся въ немъ. Ему пужно было убѣдиться, что въ томъ же городѣ есть еще старцы, оставшіеся вѣрными идеямъ, которыя Сидоренко и Шахматовъ считаютъ устарѣлымъ и непатріотическимъ вздоромъ.

Цыбашева онъ, когда-то, ставилъ очень высоко, какъ писателя и общественную силу, хоть и видѣлъ въ немъ новое доказательство того, какъ даровитый человѣкъ съ принятымъ призваніемъ не можетъ идти по своей дорогѣ. Когда-то этотъ—теперь отставной—чиновникъ былъ украшеніемъ двухъ университетовъ. И не захотѣлъ мириться съ тѣмъ, отъ чего „тошнить“, и долженъ былъ покинуть навсегда дорогія для него аудиторіи. Пришлось состоять въ ученыхъ чиновникахъ. Но перо не выпадало еще изъ его рукъ, и даже въ отставкѣ, въ послѣднія десять лѣтъ—теперь ему за семьдесятъ—онъ не переставалъ пылко и смѣло писать о томъ, чтò было для него дорого въ наукѣ и жизни родной страны.

Къ крестьянству, къ его судьбамъ относился онъ всегда съ особымъ чувствомъ. Онъ когда-то далъ и Лыжину первый сильный толчокъ въ сторону народолюбія. И община стала для Цыбашева несокрушимымъ догматомъ. Ее онъ отстаивалъ когда-то со славою, въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ, и съ тѣхъ поръ ни на одну іоту не отступилъ отъ того, чтò требовалъ для народа, какъ залогъ его спасенія отъ пролетаріата.

Въ этотъ „оплотъ“ Лыжинъ давно извѣтрился, и когда ему его временное сектантство сдѣлалось тяжкимъ и онъ

его сбросилъ, онъ вспоминалъ Цыбашева недобрымъ словомъ, упрекнулъ его, мысленно, въ томъ, что тотъ увлекался не въ мѣру тайнымъ славянофильствомъ, въ которомъ, не сознавая въ томъ, пребываетъ до сихъ поръ этотъ даровитый, но упорный старикъ.

Теперь все это уже пережито. Не пойдетъ онъ ни къ кому въ выучку, не будетъ себѣ сызнова „пускать вошь въ ухо“, какъ острилъ его старшій сверстникъ, тамъ, въ Швейцаріи, въ курительной комнатѣ „Hôtel de Russie“.

Положимъ, и старикъ Цыбашевъ тоже не стоялъ никогда за обращеніе въ „звѣриный образъ“; напротивъ, до сихъ поръ способенъ разносить всѣ виды такого „юродства“, и мистическаго, и не-мистическаго, но по головкѣ онъ не погладитъ, если, войдя къ нему въ кабинетъ, черезъ пять минутъ сказать сразу:

— Порфирій Алексѣевичъ, я хочу раздѣлаться съ землей, и не потому, что вынужденъ сдѣлать это; только изъ потребности убѣжать отъ тошнаго повторенія все тѣхъ же „аховъ и оховъ“, при полной невозможности поднять этотъ народъ; а его не поднимешь тѣмъ, что подаришь ему свою лѣсную дачу и поѣмные луга.

Не погладитъ его по головкѣ Порфирій Алексѣевичъ! Онъ каждый годъ — и прежде, когда служилъ, и теперь, въ полной отставкѣ на пенсіи — ѣздитъ въ свое маленькое имѣніице, возится съ „православными“, заведъ тамъ школу и маленькое ссудное товарищество, пишетъ оттуда корреспонденціи о мѣстныхъ нуждахъ.

Не уходилъ старина, и не уйдетъ, пока не забудутъ гвоздями крышку его гроба.

И все-таки, чѣмъ ближе былъ Лыжинъ отъ домика Цыбашева, тѣмъ его больше тянуло къ нему, въ его теплый и уютный кабинетикъ.

— Направо, третій домъ послѣ переулка, — сказалъ онъ извозчику, — въ три окна, одноэтажный.

Цыбашевъ называлъ свой домикъ „избушка на курьихъ ножкахъ“. Онъ ему достался отъ отца, но живетъ онъ въ немъ только съ тѣхъ поръ, какъ сталъ бобылемъ, потерявъ сначала двоихъ дѣтей, потомъ и жену. Смерть сына — красавца и даровитаго писателя — особенно подкосила его. Но онъ все еще держится на ногахъ, подвижный, живой, всегда „дымящійся“, по опредѣленію одного изъ его пріятелей.

Извозчикъ сдержалъ лошадь у калитки. Ворота были заперты.

Лыжинъ, нагибаясь, вошелъ въ калитку. Три окна домика—низкія, съ широкими простѣнками—были освѣщены.

На дворѣ, тѣсномъ и чистомъ, тропка, усыпанная пескомъ по свѣжему снѣгу, вела къ крылечку съ навѣсомъ.

Отворила ему толстая пожилая женщина, еще не сѣдая, въ ковровомъ платкѣ—все та же Авдотья Ѳоминышна, бывшая нянька дѣтей и его эконожка и горничная.

Она ему обрадовалась.

— Давно васъ, сударь, не видать, — ласково говорила она ему, снимая съ него ермолку. — Гдѣ изволили побывать?

— За границу ѣздить, нянюшка, — отвѣтилъ ей въ тонъ Лыжинъ. — Порфирій Алексѣевичъ?

— Похвалить нельзя, — отвѣтила Авдотья Ѳоминышна вполголоса, уставляя въ углу крошечной передней его ботинки.

Слѣва, изъ кабинета, доходили голоса и выше всѣхъ поднимался теноръ Порфирія Алексѣевича, удивительно молодежавый, точно говорить тридцатилѣтній мужчина, а Лыжину извѣстно, что Цыбашеву за семьдесятъ, если не всѣ семьдесятъ три.

Въ узенькой столовой, справа, шипѣлъ самоваръ на столѣ, гдѣ Авдотья Ѳоминышна только что передъ тѣмъ наливала чай.

— Порфирій Алексѣевичъ здоровъ? — спросилъ онъ увѣренно няню.

— Такъ-то... слава Богу!.. всѣмъ корпусомъ... А ножки...

— Что?

— Не дѣйствуютъ, — сказала она еще тише. — Насилу въ спальню переходятъ... вожу, какъ маленькаго.

И въ голосѣ толстухи дрогнули слезы.

— Что же такъ?

Онъ хотѣлъ спросить: ударъ?

— Съ осени правая нога... Подагра, что ли. Теперь ничего, а спервоначалу шибко мучились.

Лыжинъ остановился въ дверяхъ кабинета съ тремя окнами, занимавшаго весь фасадъ домика. Всѣ стѣны были въ книгахъ; слѣва клеенчатый мягкій диванъ, письменный столъ поперекъ, два большихъ портрета дѣтей въ простѣнкахъ. Свѣтъ висячей лампы дѣлалъ комнату очень веселой.

Хозяинъ сидѣлъ въ креслѣ съ пюпитромъ. Ноги были

укутаны пладомъ и покоились на табуретѣ; все въ той же длинной сѣрой визиткѣ, такой же свѣжій въ лицѣ: красноватые щеки не исхудали, сѣдые волосы курчавились, небольшая борода стала бѣлѣе и длиннѣе. Глаза, съ утомленными вѣками, еще блестя и жестъ правой руки былъ, въ разговорѣ, такой же живой и характерный.

XVI.

Вокругъ хозяина сидѣло трое гостей. Никого изъ нихъ Лыжинъ не зналъ или не могъ вспомнить, встрѣчалъ ли гдѣ. Всѣ трое были старые люди; одинъ, вѣроятно, ровесникъ Цыбашева, съ бѣлой бородой и такими же длинными волосами, очень красивый старикъ; другой—врядъ ли на много моложе—съ жиденькой полусѣдой бородкой и въ шелковой скуфьѣ на совершенно голомъ черепѣ; третій—моложе ихъ всѣхъ на видъ—за пятьдесятъ лѣтъ, съ худымъ, спокойнымъ и кроткимъ лицомъ, въ густыхъ русыхъ волосахъ и бородѣ сизобурой сѣдины.

Лыжинъ остановился въ дверяхъ и выговорилъ немного взволнованнымъ голосомъ:

— Порфирій Алексѣевичъ, мое почтеніе!

— А!.. Это вы, Лыжинъ!.. Откуда? Душевно радъ... Берите стулъ—садитесь.

Тотчасъ же Цыбашевъ, двигаясь всѣмъ своимъ широкимъ и мускулистымъ туловищемъ, представилъ Лыжина своимъ гостямъ и быстро назвалъ ему каждого изъ нихъ: красиваго старца—Пехлевановымъ, старика въ скуфьѣ—Заводинымъ и высокаго, худого блондина—Гурьяновымъ.

Ихъ фамиліи ничего не вызвали въ памяти Лыжина.

— Что это съ вами? — спросилъ онъ, когда присѣлъ поближе къ креслу хозяина.

— „Стара стала—плоха стала“... Бисмаркова болѣзнь подкралась. Лѣтомъ еще могъ ходить, а теперь совсѣмъ инвалидъ. Вотъ спросите моего консультанта и друга Андрея Сергѣевича,—указалъ онъ своей маленькой нервной рукой на худого, высокаго блондина. — Онъ это называетъ артритъ, осложненный еще чѣмъ-то. Знаете, какъ старые французы-гувернеры говаривали въ наше дѣтство: blanc bonnet—bonnet blanc. Подагра-матушка!

И, не желая жаловаться на свои недуги, онъ съ той же живостью спросилъ:

— Куда вы пропали, Лыжинъ? Больше года о васъ ни слуху, ни духу. Можетъ-быть, ѣздили за границу?

— Былъ и тамъ... недавно вернулся, — не уклончиво, но очень сдержанно отвѣтилъ Лыжинъ.

— Небось, въ Парижѣ?

— Только проездомъ.

— Для васъ развѣ еще сохраняютъ какой-нибудь престижъ нывѣшніе французы? А?

— Не особенный, — искреннѣе отозвался Лыжинъ.

— Да, — подхватилъ Цыбашевъ, и его глаза блеснули въ болѣзненныхъ вѣкахъ, и весь онъ выпрямился. — Наши друзья — съ тѣхъ поръ, какъ на насъ молятся — стали Богъ знаетъ на кого и на что похожи!.. Просто стыдъ и срамъ! Мы уже стоимъ одной ногой въ могилѣ; но наша молодежь — что она тамъ можетъ взять себѣ въ образецъ, къ кому потянется умъ и душа?.. Какой задоръ шовинизма! Что за гнусное политиканство!.. Одна буланжистская буффонада чего стоить. Въ жожакахъ рабочаго класса — изувѣрство, бессмысленный и циническій анархизмъ!.. Ни въ комъ ни чести, ни совѣсти, и каждый день дули газетчиковъ и политикановъ, у которыхъ нѣтъ ни капли любви ни къ истинѣ, ни къ отечеству, ни пониманія надвинувшейся на нихъ грозной стихіи пролетаріата. Какъ были въ іюльскіе дни въ сорокъ восьмомъ году, таковы и теперь, закорузлые и лицемерные буржуа, провонявшіе фразой, блудливые и трусливые. Помните, Лыжинъ, когда я вамъ далъ читать экземпляръ „Съ того берега“ — особенный, — прибавилъ Цыбашевъ, и голосъ его дрогнулъ, — вы мнѣ потомъ говорили, что начали прозрѣвать. Червь, который точитъ французское третье сословіе, былъ передъ вами впервые отпарированъ русскимъ человѣкомъ, проникнувшимъ сразу въ самую суть того, что славянофилы звали „гніеніемъ Запада“. Ихъ поднимали на смѣхъ, а они — тысячу разъ правы.

— Да, — отозвался тихо Пехлевановъ, старикъ съ живописной головой, — не въ такую Францію вѣровали мы передъ сорокъ восьмымъ годомъ.

— Когда зачитывались, — подхватилъ Цыбашевъ съ полунасмѣшливой улыбкой въ сторону Пехлеванова, — Петра Рыжаго — Пьера Леру, — объяснилъ онъ остальнымъ, — Луи Блана и нашего любимца Кабё.

— Именно, — съ громкимъ вздохомъ подтвердилъ Пехлевановъ. — Вѣдь и вы, Порфирій Алексѣевичъ, помните, я думаю, кондитерскую Иванова, на углу Моховой и Си-

неоновской улицѣ? Мы вѣдь какъ разъ въ эти года встрѣчались въ Петербургѣ.

— Какъ же, какъ же!.. Я защищалъ тамъ свою магистерскую диссертацию... Помню кондитерскую Иванова. Тамъ получались парижскія газеты.

— И какія! „La démocratie pacifique“, Консидерана... И Прудоновы рѣчи мы поглощали.

Старикъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— А теперь?! — съ новымъ наплывомъ энергіи вскричалъ Цыбашевъ — онъ сдѣлалъ неосторожный жестъ, заставившій его поморщиться отъ боли въ ногѣ. — У молодежи нѣтъ ни дорогого имени, ни путеводной звѣзды. Или развалъ хищныхъ инстинктовъ, подъ прикрытіемъ анархическаго изуверства, или невыносимая пошлость негѣпаго патріотическаго задора, франко-русская маниловщина во вкусѣ господина Дерулѣда. Что же мудренаго, что даже въ университетскихъ стѣнахъ можетъ происходить шабашъ расовой нетерпимости, одичаніе, какого никто изъ насъ не видывалъ въ самую крутую полосу нашей эпохи. Вотъ у Петра Ильича, — онъ указалъ на старика въ скуфѣ, — двое сыновей. Онъ отъ нихъ знаетъ одну исторію. Это почти чудовищно!

— Слышалъ, слышалъ, — поторопился Лыжинъ подтвердить.

— Каково?! — кричалъ Цыбашевъ. — И Франція теперь охвачена тѣмъ же крестовымъ походомъ. И Германія!.. А для меня это только симптомъ одичанія. Не было бы жидовъ, стали бы опять травить поляковъ, нѣмцевъ, англичанъ, тѣхъ же французовъ, съ которыми лобызаются при звукахъ марсельезы!..

— И дрожишь каждый день, — заговорилъ прерывистымъ и шамкающимъ голосомъ Заводинъ, отецъ двоихъ студентовъ, — дрожишь: вотъ-вотъ разразится какой-нибудь скандалъ и очутятся въ Бутырькахъ.

Страхъ чадолюбиваго старика задрожалъ въ этомъ возгласѣ. Заводинъ женился поздно, и оба его сына учились на разныхъ факультетахъ.

— Просто не знаешь, — продолжалъ онъ такъ же прерывисто и связно, — что теперь для нихъ дорого. Мы восхищались эллинской культурой. Она намъ дала пониманіе и великихъ дальнѣйшихъ эпохъ. Мы зачитывались и Пиндаромъ, и Эсхиломъ. А потомъ — Петрарка, Тассъ, Аріостъ, божественный Аріостъ! — воскликнулъ онъ съ

искренней аффектаціей.—А имъ вдальбливаютъ латиновъ и грековъ — и ни къ чему нѣтъ у нихъ вкуса. Шекспиръ — и къ тому съ кондачка. Напримѣръ, вотъ это, — обратился онъ ко всѣмъ, и глаза его—наивные и разбѣгающіеся — блеснули юморомъ:—мой меньшей сынъ—способный мальчикъ... Но до осьмнадцати лѣтъ не читалъ „Гамлета“!.. „Гамлета“!.. — повторилъ Заводинъ. — И въ театрѣ его не тянетъ. Я насильно сунулъ ему въ руки экземпляръ. Прочелъ. И какъ бы вы думали, чтó онъ мнѣ сказалъ утромъ за чаемъ? „Ну, какъ?“ — спрашиваю.— „Да что,—говорить онъ, отхлебывая изъ стакана,—комикъ!“

— Это кто же? — почти съ ужасомъ вскрикнулъ Цыбашевъ.

— Гамлетъ! Принцъ датскій! На котораго мы всю свою душу клали. Онъ—комикъ!

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся умнымъ и добрымъ звукомъ Гурьяновъ, петербургскій пріятель Цыбашева, только что переѣхавшій въ Москву на покой послѣ долгой врачебной службы и большой практики.

— Комикъ!—почти взвизгнулъ Цыбашевъ и даже схватилъ сидѣвшаго рядомъ Лыжина за руку.—Комикъ!

— Чтó за Гамлетъ! Нынѣшнимъ ничего не надо, — полусутоливо и кротко продолжалъ Гурьяновъ. — И ихъ наставники послѣдней формаціи—такіе же. Вотъ хоть бы мой племянникъ—докторъ Шахматовъ...

— Онъ вамъ племянникъ?—перебилъ Лыжинъ.

— Какъ же... А вы изволите его знать?

— Былъ съ нимъ на одномъ обѣдѣ, — отвѣчалъ Лыжинъ, не пожелавшій, однако, рассказать—у кого.

— Значитъ, вамъ извѣстно, какой онъ типическій представитель теперешнихъ позитивныхъ патріотовъ. У него такая манія жидоѣдства, что онъ въ себѣ самомъ, въ своемъ собственномъ происхожденіи не увѣренъ и старательно изучаетъ генеалогическое древо рода Шахматовыхъ. Его и то ужасно обижаетъ, злитъ до жалости, что происходитъ онъ отъ какого-то касимовскаго мурзы, который только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ крещенъ въ православную вѣру.

И опять онъ покрылъ свою тираду добродушнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, господа! — воскликнулъ Цыбашевъ и широко всплеснулъ руками. — Не хочу я вѣрить, чтобы въ моло-

дежи все замерло и выродилось. Этого быть не может! Ее нельзя винить!.. Но вѣдь мы сами были студентами. Обезьянить—порокъ молодежи. Каждый изъ насъ проходилъ черезъ него. И въ наше время бывали пошляки, и какіе еще! Не мало было и глупаго фанфаронства, офицерскаго ухарства съ отгѣнкомъ марляшщины. И всѣ эти лейтенанты Бѣлосоры и Амалать-Беки превращались въ ярыгъ и пакостныхъ крѣпостниковъ. Но ядро было, ядро! Оно понимало Грановскихъ и Кудрявцевыхъ! Для него мы жили и работали и готовы были выносить гнетъ и каверзу! Вся эта молодежь считала аудиторію храмомъ, предѣломъ своихъ упованій и духовныхъ радостей!

Лыжинъ закрылъ глаза и прислушался.

„Старичокъ,—думалъ онъ,—ты счастливецъ! Сойдешь въ могилу все тѣмъ же задорнымъ энтузіастомъ, но тебя застраховали книга, кабинетъ, аудиторія. Ты не продѣлывалъ опытовъ на себѣ самомъ, ушелъ отъ того, чѣмъ я и мнѣ подобные кончаемъ!“

— Чай подавать, Порфирій Алексѣевичъ? — раздался отъ дверей жирный голосъ Авдоты Ѳоминишны.

— Давай! давай! — остановился Цыбашевъ и сдѣлалъ экономкѣ знакъ рукой.

— Есть хорошіе ребята, есть, — выговорилъ мягко и вдумчиво Гурьяновъ. — Но кто ими руководить?—Вотъ вопросъ.

— „There is the rub!“ — проговорилъ Заводинъ изъ „Гамлета“ и махнулъ рукой.

XVII.

Послѣ чая — девять уже пробило — совершенно незамѣтно разговоръ опять ушелъ въ даль, къ тѣмъ годамъ, когда Цыбашевъ и Пехлевановъ были молодыми людьми, къ эпохѣ увлеченія Франціей и ея реформаторами. И опять Пехлевановъ, съ блуждающей, полу-жалобной улыбкой началъ вспоминать кондитерскую Иванова, на углу Моховой и Симеоновскаго, газету Виктора (онъ произносилъ Викторъ) Консидерана, „*Démocratie pacifique*“, брошюры Прудона, дебаты въ тогдашней палатѣ.

Дошло и до книги Фурье: „*Le nouveau monde industriel*“.

Лыжинъ слушалъ съ полужакрытыми глазами и ему не вѣрилось, что въ одномъ и томъ же городѣ, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ часовъ, велись бесѣды

такъ глубоко различныя. Точно онъ попалъ въ царство тѣней.

Кабѣ, Прудонъ, Консидеранъ, Фурье—развѣ это не тѣни, не покойники, хотя одинъ изъ нихъ, кажется, до сихъ поръ еще живъ и гдѣ-то дотягиваетъ свой вѣкъ, забытый всѣми и у себя на родинѣ?

— Геніальная мысль по простотѣ,—слышался ему тихій и грустный голосъ благообразнаго старика съ серебристой большой бородой,—построить все не на туманныхъ отвлеченностяхъ, не на метафизикѣ, а на природѣ страстей человѣка.

— Геніальная?!—подхватилъ Цыбашевъ и задвигался въ своемъ креслѣ.—Геніальная!? Не знаю. Новая въ свое время, оригинальная, смѣлая, что вамъ угодно, но не геніальная. Геніально лишь то, что основано на потребностяхъ духа. Только это и вѣчно. Только это и можетъ поднимать человѣчество. Ничто иное. А не система, построенная на самомъ, въ сущности, безпардонномъ сенсуализмѣ и эвдемонизмѣ. Основаніе всему—физическое довольство, роскошь, безконечный комфортъ и механическое сочетаніе производительныхъ функцій, точно на какой-то фабрикѣ, гдѣ вмѣсто колесъ, гаекъ, блоковъ и ремней дѣйствуютъ сначала физическія пять чувствъ, потомъ четыре нравственныя чувства и три страсти—довольно-таки подсочиненныя и когда-то пресловутыя: *cabaliste*, *rapil-lone* и *composite*!..

Лыжинъ—въ первый разъ въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ходилъ по кружкамъ и „говорильнямъ“—присутствовалъ при перебираніи такой старинны. Изъ людей его поклѣпня, можетъ-быть, кое-кто читалъ Фурье; но, конечно, не всякій изъ нихъ отвѣтилъ бы сразу: чѣмъ страсть *cabaliste* отличается отъ страсти *composite*.

— Такъ нельзя, Порфирій Алексѣевичъ,—возразилъ, немного краснѣя, Пехлевановъ.--Цѣль была прекрасная: доказать, что цивилизація можетъ пойти совсѣмъ другимъ путемъ, если ее основать на гармоніи.

— Да основаніе-то всему что?.. Матеріальные позывы, признаніе роскоши и чувственности—чѣмъ-то архизаконнымъ!

— Гдѣ же это?

— Какъ, гдѣ?

Глаза Цыбашева еще сильнѣе разгорались.

— Лыжинъ, сдѣлайте мнѣ, калѣкъ, маленькое одолже-

ніе: вонъ на третьей полкѣ послѣ большихъ томовъ стоитъ пузатенькая книжка, въ переплетѣ. На корешкѣ заглавіе: „Le nouveau monde industriel“. Пожалуйста, достаньте ее.

Всѣ смолкли, дожидаясь книжки.

Она оказалась на томъ самомъ мѣстѣ. Лыжинъ отряхнулъ ее отъ пыли и подалъ Цыбашеву.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ, милѣйшій мой Семенъ Григорьевичъ!—возбужденно заговорилъ Цыбашевъ, беря толстую, короткую книжку изъ рукъ Лыжина.—Не въ службу, а въ дружбу,—обратился онъ къ нему опять,—дайте мнѣ мои очки... вонъ на письменномъ столѣ.

Гурьяновъ, сидѣвшій ближе къ столу, помогъ Лыжину отыскать футляръ.

— Вотъ, не угодно ли?..

Пальцы Цыбашева нервно перебирали листы.

— У меня есть даже два уголка. Тутъ какъ разъ изложеніе доктрины въ первомъ отдѣлѣ, который называется: „Section première“, съ подзаглавіемъ: „Analyse de l'attraction passionnée“.

Профессоръ, когда-то страстно любившій свое дѣло, проснулся въ старикъ и голосъ сейчасъ началъ вибрировать. По-французски произносилъ онъ чрезвычайно отчетливо и нарядно. Въ этомъ произношеніи слышался баринъ.

— Тэ-тэ-тэ: вотъ какъ разъ на слѣдующей же страницѣ... Не угодно ли прислушать, господа?

Онъ поправилъ очки на крупной переносицѣ и началъ съ разстановкой читать:

— „En tout temps et en tous lieux l'attraction passionnée a tendu et tendra à trois buts“... И какова же первая изъ этихъ цѣлей, къ которой страстная аттракція тяготеетъ?.. „Au luxe“,—продолжалъ онъ читать, все поднимая тонъ.—Вы слышали? „Au luxe ou plaisir des cinq sens“.

— Не къ одному этому!—тревожнѣе прервалъ Пехлевановъ.

— Погодите... Далѣе: „Aux groupes et séries de groupes, liens affectueux“.

— Тутъ и любовь, и дружба, и материнское чувство, и самолюбіе,—быстро и такъ же тревожно выговорилъ Пехлевановъ.

— Позвольте... И въ-третьихъ: „Au mécanisme des passions, caractères, instincts. Et par suite à l'unité universelle“.

— Видите?—вскричалъ Пехлевановъ, поднялся съ кресла и оглядѣлъ всѣхъ возбужденно.

— Никакого всемірнаго единенія, милый мой, нельзя основать на удовлетвореніи брюха и похоти. И вашъ сидѣлецъ-суконщикъ, хоть онъ и даровитый былъ самородокъ, только на Господа Бога клеветалъ, когда разражался такими истинами, какъ слѣдующая...

Цыбашевъ, еще быстрѣе раскрылъ книгу на сдѣланномъ когда-то уголкѣ и весело-задорно, съ игрой въ глазахъ, прочелъ:

— „Dieu, distributeur de l'attraction, donne à tous les enfants le goût des friandises“.

Онъ разсмѣялся очень молодо, высокимъ звукомъ, и его смѣху вторили всѣ, кромѣ Пехлеванова.

Пехлевановъ продолжалъ стоять въ возбужденной позѣ.

— Такъ нельзя, Порфирій Алексѣевичъ. Выхватывать цитаты и представлять все въ смѣшномъ видѣ. Идея великая! Безъ воли Провидѣнія ничего не можетъ быть въ видимомъ мірѣ!..

— Хотя бы и такъ,—серьезнѣе и спокойнѣе заговорилъ Цыбашевъ и положилъ себѣ книгу на колѣни.—Но вашъ учитель, дорогой мой Семенъ Григорьевичъ, плавалъ слишкомъ мелко. У него была манія, въ родѣ какъ у щедринаскаго Іудушки-Кровопивушки,—манія клѣточекъ, цифръ, сложенія и вычитанія, хозяйственныхъ примѣровъ. Нельзя, милый мой, на уходѣ за разными породами французскихъ грушъ, на какихъ-нибудь дюшессахъ тамъ что ли, философски демонстрировать всеобщее притяженіе страстей и мировую гармонію! Но это куда бы еще ни шло! Основаніе-то, ближайшая-то цѣль ограничены и лишены высшего критерія. Роскошь! Удобства! Удешаженіе производства! Пять разъ ѣда до отвалу въ день! Вотъ мы и видимъ, какіе плоды въ Западной Европѣ далъ этотъ натискъ рабочей массы къ матеріальному наслажденію, къ захвату или къ звѣрскому истребленію во имя того же захвата. Порадуйтесь!

Эта негодующая выходка Цыбашева только тутъ звала въ Лыжинѣ желаніе возражать.

— Позвольте мнѣ, Порфирій Алексѣевичъ, вставить одно замѣчаніе,—неувѣренно вымолвилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе! Пожалуйста. Никому не запрещаю.

— Вы были всегда такимъ безусловнымъ защитникомъ нашей общины.

— И теперь въ этомъ пребываю.

— Прекрасно! Но вы и ваши сторонники прежде всего заботились о матеріальномъ благосостояніи крестьянской массы.

— Всеконечно!

— Въдь и это основаніе можетъ показаться, на иной взглядъ, слишкомъ мелкимъ.

— Позвольте-съ!—крикнулъ Цыбашевъ, и щеки его зардѣлись. — Позвольте-съ! Мы стояли и стоимъ за право крестьянъ на землю и за тотъ minimumъ довольства, безъ котораго нельзя ему выбраться изъ звѣринаго образа. Мы клали въ основу всего нравственный правовой идеаль общиннаго быта. Въ основу всего! И если жизнь не подтвердила нашихъ *pia desideria*, то потому только, что другихъ-то факторовъ развитія народной массы нѣтъ еще на-лицо до сихъ поръ... Это надо всѣмъ, въ первую голову, понять.

— Согласенъ,—отвѣтилъ увѣривше Лыжинъ и всталъ,— согласенъ въ абстракціи,—прибавилъ онъ другимъ тономъ,—но, мнѣ кажется, въ томъ ученіи есть одна здоровая сторона, а именно, что всѣмъ людямъ, бѣднымъ и богатымъ, мужикамъ и господамъ, дается программа жизни, сообразная ихъ свойствамъ, инстинктамъ и страстямъ. Другими словами, дается идеаль возможно широкаго развитія личности. А чѣмъ же лучше видѣть, какъ у насъ, изъ-за мистическаго народничества, люди считаютъ своимъ идеаломъ: пустилъ себѣ, съ позволенія сказать, вошь въ ухо, надѣлъ zipунъ—и счастливъ!?

Ему ужасно хотѣлось прибавить, отъ кого и когда онъ услышалъ эти клѣсткія выраженія.

— Развѣ я стою за такое изувѣрство?—крикнулъ Цыбашевъ. — Богъ съ вами! Вамъ прекрасно извѣстны мои взгляды. Дѣлайте для народа то, что считаете залогомъ его добрыхъ судебъ, но не создавайте себѣ изъ него фетиша!..

Въ дверяхъ показалась широкая фигура служительницы. Цыбашевъ увидалъ ее, остановился и выговорилъ:

Авдотья Фоминишна... Первое предостереженіе. Значить, безъ четверти десять. Она неумолима, какъ рокъ!

XVIII.

Раскаты голоса Цыбашева проносились въ головѣ Лыжина, когда онъ возвращался домой съ Плющихи, послѣ горячей бесѣды старцевъ въ „избушкѣ на курьихъ ножкахъ“.

Если бы не появленіе Авдотьи Ооминишны въ дверяхъ кабинета—*memento dormiendi*—какъ называлъ это Цыбашевъ, онъ бы выложилъ передъ бывшимъ руководителемъ теперешнія свои карты, огорчилъ бы Порфирія Алексѣвича и вызвалъ бы сильный „разносъ“ съ его стороны, что было бы для него причиной припадка подагры ночью.

Его наполняло всю дорогу—Лыжинъ пошелъ пѣшкомъ по пустыннымъ бульварамъ, вплоть до Никитскихъ воротъ—одно чувство, всплывшее поверхъ всего.

Вотъ трое стариковъ. Каждому, по меньшей мѣрѣ, за шестьдесятъ пять, всѣмъ троицъ больше двухсотъ лѣтъ. Въ какое время родились и воспитались они? Въ самое тяжелое. Родились передъ николаевской эпохой, въ полосу мистическаго изуверства и аракеевщины. Послѣ воспитывались, учились и были молодыми людьми въ самый развалъ реакціи сороковыхъ годовъ.

Какая вѣрность тому, что въ нихъ заложено—вѣрность до гробовой доски!

Цыбашевъ—энтузіастъ общины, другъ крестьянской массы, прогрессистъ, вѣрующій въ безконечный путь совершенства для всего человѣчества, несмотря на его гибельныя выходки противъ теперешнихъ французовъ, вѣрующій и въ русскій народъ не меньше любого славянофила.

Его не сдвинешь съ того камня, на которомъ онъ будетъ сидѣть до смерти, никакими доводами. А онъ не мистикъ! Онъ человѣкъ науки, пострадавшій, столько разъ въ жизни проходившій черезъ тяжкія испытанія гражданина и человѣка, черезъ потерю любимаго дѣла и обожаемыхъ дѣтей.

Гораздо попиже сортомъ его сверстники и пріатели—Пехлевановъ и Заводинъ. Одинъ съ сладковатымъ налетомъ „ученій“, бывшихъ въ модѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, вѣроятно, помѣщикъ и даже отставной чиновникъ, неспособный, конечно, сдѣлаться дѣятельнымъ фанатикомъ какой бы то ни было доктрины, но сохранившій въ сердцѣ мечту о томъ „фаланстерѣ“, гдѣ всѣ будутъ сладко ѣсть,

гдѣ работа превратится въ игру, гдѣ самыя грязныя профессіи окажутся упоительной забавой для цѣлыхъ когортъ подростковъ, склонныхъ къ вознѣ съ нечистотами.

Ничего такой благообразный старецъ навѣрно не со-
здавъ, не приобрѣлъ: ни состоянія, ни чиновъ, скорѣе—
прожилъ двѣ трети своего наслѣдства „на сельтерской
водѣ“ — Лыжину вспомнилась острота одного злобнаго
холерика точно о такомъ старомъ баринѣ — и никогда
не былъ ни дѣятелемъ, ни борцомъ, ни за идею, ни за
свой интересъ.

Но онъ вѣренъ себѣ и своей эпохѣ. Онъ—тихій, мечта-
тельный, слабый и непослѣдовательный, а все-таки энту-
зіастъ и не знаетъ никакого душевнаго банкротства. И
онъ не извѣрился ни въ человѣчество, ни въ свою родину.

Пришибленнымъ смотрѣлъ третій, тотъ лысый, стран-
наго вида, въ скуфѣѣ, похожій на стараго еврея, хотя
онъ навѣрно такой же столбовой дворянинъ, какъ и
Пехлевановъ, и Цыбашевъ, и воспитался по-барски. Мо-
жетъ-быть, юношей полетѣлъ въ Берлинъ слушать уче-
никовъ великаго метафизика, погибшаго отъ холеры въ
званіи „rector magnificus“, или какого-нибудь великаго
филолога, знатока античнаго искусства. Потомъ бродилъ
по Италіи, переводилъ Аріоста и Петрарку, зачитывался
Винкельманомъ и Куглеромъ, проливалъ слезы восторга
надъ образомъ Беатриче, и передъ божественной головой
Діаны, и передъ Лаокоономъ, и посреди форума, гдѣ
каждый обломокъ камня, всякій кирпичъ, вынутый изъ
храма или триумфальной арки, наполнялъ его трепе-
таньемъ античнаго чувства.

И вотъ онъ теперь—старый, забытый, совсѣмъ присми-
рѣнный, навѣрно прожившійся, дрожитъ за своихъ дѣтей.
И цѣлая пропасть раздѣляетъ ихъ. Онъ не можетъ войти
къ нимъ въ душу, боится только, чтобъ они не попали
„въ Бутырки“ за какую-нибудь исторію, гдѣ скажется
ихъ „направленіе“, въ которомъ онъ умываетъ руки.
Душа его сыновей для него — потемки. Онъ съ ужасомъ
и стыдомъ, смягчая ихъ юморомъ, рассказываетъ людямъ
своего поколѣнія, какъ для его меньшого сына принцъ
датскій—„комикъ“.

Самъ же онъ такъ же вѣренъ себѣ, какъ и кипучій,
ни передъ чѣмъ не насующій Цыбашевъ, какъ и кроткій,
мечтательный Пехлевановъ. Эпоха сквозитъ изъ каждой
его поры—эпоха съ ясными идеалами, съ культомъ кра-

соты, съ проникновеніемъ въ обаятельную даль эллино-римской культуры.

Даже этотъ докторъ Гурьяновъ, человѣкъ почти шестидесятихъ годовъ — ему врядъ ли больше шестидесяти, — ровный и благодушный, безъ рисовки и безъ избытокъ общихъ мѣстъ радикализма, показываетъ каждой линіей лица, каждымъ звукомъ голоса, что отдѣляетъ его отъ племянника — этого доцента-практиканта, обирающаго бѣло-лизовыя ассигнаціи съ московскихъ обывателей. Какъ все должно быть ясно и твердо уложено въ его головѣ бывалаго и мыслящаго врача, который, по доброй волѣ, удаляется на покой въ Москву, гдѣ ему вольнѣе дышится съ людьми своего времени, и стыдитъ при случаѣ „племянника“ за его изувѣрское патріотическое чувство и циническое хапанье гонора за геометрической прогрессіи.

Никто изъ нихъ не зналъ его страданій. И теперь — открой онъ свою душу любому изъ нихъ — онъ выслушаетъ или грозный разносъ, или мягкую отповѣдь сожалѣнія о томъ, что человѣкъ въ его годы, свободный, съ порядочными средствами, не умѣетъ или не хочетъ быть человѣкомъ „съ принципами“.

„И въ самомъ дѣлѣ, какая жалкая фигура: интеллигентъ, продѣлавшій надъ собою всякіе эксперименты и очутившійся „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“! — думалъ съ горечью Лыжинъ, подходи по бульвару къ Никитскимъ воротамъ. — Даже не кающійся дворянинъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, до смерти каялся бы и стремился сбросить съ себя ветхаго человѣка, — а я?“

Онъ зналъ, что никакого новаго переворота въ немъ не произойдетъ. Вернется онъ въ свой меблированный домъ, въ одинокую спальню, раздѣнется, что-нибудь почитаетъ и долго-долго будетъ ворочаться въ постели, съ нервами, возбужденными обѣдомъ у Кумачева, виномъ, кофеемъ, разговорами тамъ и на Плющихѣ.

Нѣтъ и для сердца ничего манящаго впереди. Сорокъ лѣтъ уже минуло. Гоняться за приманкой любви уже поздно; а темпераментъ не надѣлилъ одной изъ тѣхъ основныхъ страстей, въ которыя старикъ Пехлевановъ долженъ вѣрить, какъ въ гениальное открытіе автора толстой книжки.

Этой самой раpillone у него нѣтъ, а если бы и была она, съ нею — только идти на постыдную старость!..

Било одиннадцатъ на колокольцѣ Никитскаго монастыря, когда Лыжинъ повернулъ въ свою улицу.

У подъѣзда его гарный стояла карета. Въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ семействѣ чай и винтъ. Около самовара идетъ все тотъ же тягучій или обрывистый разговоръ о томъ, какъ „невозможно“ жить господамъ-дворянамъ ни въ усадьбахъ, гдѣ нельзя даже имѣть „порядочной кухни“, ни въ Москвѣ, гдѣ „адская дорогизна“.

Исходъ одинъ—закладывать и продавать.

То же дѣлаетъ и онъ—ни дать, ни взять, какъ всѣ эти ненужныя-существа, проводящія зиму въ этомъ „дворянскомъ гнѣздѣ“, съ нимъ подъ одной кровлей.

На широкой площадкѣ, еще ярко освѣщенной, онъ столкнулся съ Воденягинымъ—въ блузѣ. Тотъ провожалъ молодого человѣка, чрезвычайно худого, въ пальто безъ мѣхового воротника. Черные съ яркимъ блескомъ глаза и крючковатый носъ надъ тонкими усиками Лыжинъ успѣлъ схватить, и лицо это показалось ему не-русскимъ.

Онъ самъ задержалъ Воденягина около зеркала, у подъема наверхъ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ?—спросилъ онъ вполголоса.

— Его фамилія—литературная: Огневъ; но настоящая—Хозькинъ.

И, усмѣхнувшись своимъ широкимъ ртомъ, Воденягинъ еще тише выговорилъ:

— Поэтъ... но званіемъ лакей.

— Какъ лакей?—удивленно переспросилъ Лыжинъ.

— Онъ—вы, быть-можетъ, примѣтили—еврей.

— Ну, и что же?

— И, по отсутствію надлежащихъ правъ, не можетъ проживать въ столицахъ. Вотъ, у одного газетчика онъ и значился въ лакеяхъ. А теперь это открылось...

Передъ Лыжинымъ пронесли въ эту минуту лица Сидоренко и Шахматова.

Воденягинъ поклонился ему и пошелъ по нижнему коридору.

„Заключительный аккордъ!“ — подумалъ Лыжинъ, тяжело поднимаясь къ себѣ въ своемъ сибирскомъ ергаки.

XIX.

Вокругъ одноэтажнаго дома въ усадьбѣ тихо завывала метель. Она крутила по пригорку, сметала снѣгъ съ его

боковъ и наваливала сугробы на террасу, такую же бѣлую по окраскѣ, какъ и снѣгъ.

Сзади надвигался на усадьбу съ ея небольшимъ садомъ—внизъ по пригорку—синій боръ, мерцающій сквозь снѣжную погоду.

Изъ трехъ большихъ оконъ, съ закрытыми ставнями, проходили, сквозь скважины досокъ, тонкія полоски свѣта.

Это была тѣсноватая гостиная, занимавшая весь фасадъ по террасѣ.

Беззвучными шагами ходила по засвѣжѣвшей комнатѣ, съ голыми оштукатуренными стѣнами, освѣщенной одной лампой, молодая женщина, въ темномъ домашнемъ платьѣ, съ пелериной, обшитой мѣхомъ; голову ея окутывала кружевная косынка; это была хозяйка усадьбы и окрестнаго участка земли—Лидіа Павловна Радина, пріятельница Лыжина.

Изъ-подъ чернаго кружева выглядывали глубоко-посаженные, огромные глаза,—то блестящіе, съ длиннымъ и ровнымъ блескомъ, то совсѣмъ потухающіе, обведенные темными вѣками. Худое лицо, съ мелкими нервными чертами, продолговатое и чрезвычайно тонкое по очертаніямъ своего овала и лба, блѣднѣло въ складкахъ кружева. Ротъ утратилъ свѣжесть и былъ сжатъ.

Ходила она медленно, какъ бы съ усиліемъ переступая,—съ руками, заложенными за талью, гибкую и еще стройную. Ноги, въ изящныхъ туфляхъ, были маленькія и съ высокимъ подъемомъ.

Она прислушивалась къ гулу метели, подходила къ двери балкона и сквозь щели ставень смотрѣла въ темную снѣжную ночь. Во всемъ домѣ чувствовалась жуткая тишина. Шелъ шестой часъ вечера.

Гостиная стояла съ голыми стѣнами, безъ портретовъ и занавѣсей, съ одиѣми ставнями. И тѣмъ рѣзче выдѣлилась остальная обстановка: коверъ, мебель, піанино, множество вещей, покрывавшихъ круглый столъ, гдѣ горѣла лампа, этажерка и письменное дамское бюро, при- ставленное къ одному изъ оконъ.

По всей гостиной, въ углахъ и за диваномъ, зеленѣли лучистые и лапчатые листья большихъ латаній и фикусовъ.

Всѣ эти портреты, статуэтки, альбомы привезены были изъ далека, изъ того далека, куда уже не тишетъ больше эту дѣвушку, еще не совсѣмъ отцвѣтшую, но уже съ налетомъ сѣдины на когда-то роскошныхъ черныхъ воло-

сахъ: они порѣдѣли послѣ тифа, бывшаго съ ней два года назадъ.

Въ домѣ всего пять комнатъ: спальня хозяйки, рядомъ съ гостиной, комнаты для гостей и для прислуги—и кухня. Широкий коридоръ раздѣляетъ его на двѣ половины—съ переднимъ и заднимъ крыльцомъ.

Ея горничная—Евгенія, пожилая дѣвушка, ѣздившая съ ней часто за границу, безмолвно сидитъ у себя въ комнатѣ и читаетъ. Она большая грамотейка и любительница газетъ. Готовить ходить „жепщина“, Настасья, жена садовника и кучера Финогена, единственнаго мужчины во всемъ хозяйствѣ. При немъ состояло цѣлыхъ пять псовъ: двѣ овчарки, одна легавая и двѣ шавки.

Иногда, по почамъ, они начинали выть на яркую луну или безпокойно заливаться лаемъ, зачуя волковъ.

Если зима будетъ сурова—появятся и волки около самаго дома. Въ прошломъ году они заходили на террасу.

Прислушиваясь къ метели, Ида вспоминала, какъ прошлой зимой, въ январѣ, она зачиталась, сидя у стола. И вдругъ слышитъ какое-то гудѣніе. Она подумала сначала, что это вѣтеръ. Но звукъ сдѣлался яснѣе и рѣзче. Онъ былъ похожъ на отдаленный паровой свистокъ.

Это ее такъ заинтересовало, что она подошла къ окну и — какъ всегда это дѣлала — приложила лицо къ стеклу, чтобы глядѣть сквозь щель въ ставнѣ. Ночь стояла облачная.

Сначала пара, потомъ двѣ пары угольковъ мелькнули передъ ней — и послышались быстрые и мягкіе прыжки по снѣгу.

Волкъ съ волчицей забѣжали на террасу.

И тотчасъ же пошелъ лай всѣхъ пяти собакъ, не грозный, а раздраженно-страстный и прерывистый. Онъ зачуяли опасность и не выбѣжали за ограду.

Вотъ и сегодня, она не удивилась бы, если бъ музыка метели перешла внезапно въ волчій вой, похожій на гулъ парового свистка.

Она привыкла къ своему почти полному одиночеству, особенно по вечерамъ. Сколько такихъ вечеровъ протекло въ прошлую зиму!

Колокольчику она не бывала рада послѣ сумерекъ, и слѣдила за нимъ всегда съ недовольнымъ чувствомъ. Кле выносила она „дамскіе“ разговоры о помѣщикахъ, и съ сосѣдями почти не зналась, кромѣ двухъ-трехъ ближай-

шихъ усадебъ. Бесѣда мужчинъ была ей менѣе тяжка; да и то если они говорили про деревенскія дѣла.

Народъ начиналъ вызывать въ ней жалость и даже любопытство; всего больше дѣти.

Не нужно было никакихъ подговариваній со стороны земскаго начальства, чтобы мысль построить школу — въ верстѣ отъ себя, на шоссе, между тремя деревнями — возникла въ ней. Цѣлый годъ она этимъ занималась, обдумывала планъ, рубила лѣсъ, покупала кирпичъ, ходила все лѣто и осень, пѣшкомъ, на постройку. Изъ-за нѣкоторыхъ формальностей и выбора учительницы открытіе запоздало на два мѣсяца. Но желающихъ наберется, кажется, болѣе ста человѣкъ, — мальчиковъ вдвое больше, чѣмъ дѣвочекъ. Надо будетъ имѣть въ будущемъ двухъ учительницъ. Въ мезонинѣ найдутся двѣ спальни и общая столовая.

Рекомендованная ей изъ Москвы учительница Суревичъ понравилась ей. Завтра она должна придти сюда — готовитьъ съ ней и горничной Женей подарки всѣмъ дѣтямъ: сто картузовъ съ лакомствами. Онѣ ихъ разставляютъ въ кухнѣ.

Отъ пріятеля своего Лыжина Ида ждала депеши. Сегодня, рано утромъ, Финогенъ поѣхалъ въ Москву и долженъ былъ, кромѣ закупки провизіи и винъ для завтрака, узнать, когда Юрій Петровичъ будетъ и гдѣ остановится. Она писала ему:

„Мы съ вами такіе ужъ старые, что, право, вы можете остаться переночевать у меня, если мы заговоримся и вы попадете ко мнѣ поздно. Постель будетъ лучше, чѣмъ въ ужасной гостиницѣ нашего уѣзднаго города“.

До ея тонкаго слуха долеталъ малѣйшій звукъ. Ей послышалось что-то въ концѣ коридора.

Ида вышла въ него и окликнула горничную:

— Жень! Пришелъ кто-нибудь?..

Въ родномъ языкѣ у нея былъ трудно уловимый, но несомнѣнный акцентъ — полу-французскій, полу-англійскій, усвоенный съ дѣтства, проведеннаго исключительно за границей. Голосъ звучалъ утомленно. На букву „р“ она слегка картавила — и по-русски, и на другихъ языкахъ...

Изъ темной глубины коридора раздался въ отвѣтъ мужской голосъ:

— Это я, Лидія Павловна.

— Вы, Финогенъ?

— Такъ точно.

— Все привезли? Подите сюда.

Финогенъ, еще покрытый снѣгомъ, въ высокихъ бѣлыхъ валенкахъ и полубубкѣ, отряхивался и обтиралъ ноги о половику. Вышла изъ своей комнаты и Евгенія и замѣтила ему:

— Какъ васъ засыпало, Финогенъ Авдѣичъ!

— Погода! — пѣвуче проговорилъ Финогенъ и, отряхнувшись, какъ слѣдуетъ, прошелъ къ дверямъ гостиной, гдѣ Лидія Павловна приняла отъ него докладъ о поѣздкѣ въ городъ.

Коренастый, съ огромной русой бородой и вздернутымъ носомъ, Финогенъ смотрѣлъ подгороднимъ дворникомъ или прасоломъ, былъ очень рѣчистъ и всѣхъ господъ, разговарившихъ съ ними, называлъ всегда „милостивый государь“.

Онъ подаль барынѣ, кромѣ счета, еще пѣсколько номеровъ газетъ, письмо и телеграмму.

— Позвольте вамъ доложить, сударыня: Юрія Петровича я не засталъ. Они уѣхали.

— Куда?

— Да, должно полагать, сюды... Не отъ нихъ ли и депеша?

Она была дѣйствительно отъ Лыжина и отправлена утромъ. Въ ней онъ извѣщалъ, что можетъ попасть въ Идѣ сегодня, если его не задержать въ уѣздномъ городѣ до поздняго вечера.

— Ah! mon Dieu! — полугромко вскрикнула Ида, по привычкѣ — про себя думать и говорить по-французски.

И тотчасъ же она распорядилась, чтобы Евгенія приготовила комнату для Юрія Петровича, а Финогенъ подмететь парадный подъѣздъ — и ворота не запираетъ до десяти часовъ. Его жена, Настасья, должна придти и быть наготовѣ что-нибудь приготовить горячее къ чаю.

Туалета своего Лидія Павловна не разсудила мѣнять. Ожиданіе Лыжина очень оживило ее.

XX.

Самоваръ весело мурлыкалъ. Они сидѣли за столомъ другъ противъ друга.

Ида угощала Лыжина, извиняясь за стряпню Настасьи. Лыжинъ находилъ все превосходнымъ и ѣлъ съ большимъ

аппетитомъ—ему не удалось пообѣдать ни на станціи, ни въ уѣздномъ городѣ.

Разговоръ ихъ шелъ наполовину по-русски, наполовину по-французски. Больше полугода они не видались. Онъ нашель, что Ида немного поправилась въ лицѣ, и если бъ не замѣтная сѣдина на вискахъ, то скорѣе помолодѣла, чѣмъ постарѣла.

И она похвалила его бодрый видъ, сказала, когда Лыжинъ вылѣзъ изъ своего ергака, засыпаннаго снѣгомъ, что онъ сталъ интереснѣе.

Почевать онъ не могъ у нея остаться сегодня, потому что долженъ былъ, завтра утромъ, очень рано встать; а изъ города ему было ближе къ его имѣнію—на нѣсколько верстъ ближе.

— Вотъ завтра, канунъ вашего праздника — открытія школы—я проведу у насъ, пріѣду подъ вечеръ и останусь ночевать.

Они пошутили и насчетъ того, что Ида писала ему о неловкости холостому проводить ночь въ домѣ дѣвушки, гдѣ не было никого больше: ни дѣтей, ни гувернантки, ни старой родственницы.

— Меня никто здѣсь не считаетъ барышней,—сказала ему Ида, когда они уже сидѣли за самоваромъ, и улыбнулась своей грустной улыбкой, немного вкось.

Говорила она это совсѣмъ просто, безъ ироніи, горечи или задора. Лыжинъ зналъ, что она—„не барышня“, что ея молодость ушла на потребность быть любимой, на исканіе беззавѣтнаго чувства.

Иду онъ сравнивалъ съ собою. Онъ—банкротъ принциповъ и теоретическихъ программъ жизни; она—банкротъ любви и жертва мужской „накости“, какъ выражался онъ, не въ разговорахъ съ нею, а про себя.

Они подружились въ промежутокъ между двумя полосами ея женской судьбы, когда она была впервые выбита изъ колен. Ранняя свобода сироты, воспитанной въ англійскихъ привычкахъ, отдала ее въ руки увлекательнаго „просвѣтителя“ женщинъ. Тогда она не знала, что такое—не вѣрить кому-нибудь, если какое-нибудь человеческое существо даетъ вамъ слово или говорить: „это такъ“. Ея англійскія подруги не умѣли лгать и не понимали, какъ можно не сдержатъ слова. А онъ былъ русскій баринъ, „могучая“ натура, большой актеръ, даже и въ тѣ минуты, когда страсть увлекала его. Ему казалось,

что онъ свободенъ, что онъ можетъ назвать ее женой. Но онъ *былъ* женатъ, онъ презрѣнно лгалъ, даже и тогда, когда признался въ томъ, что женатъ, и клялся, что добьется развода. Она скоро помирилась съ своей долей, не требовала законнаго брака, переносила тяжесть своего положенія—только бы ее любили и не лгали ей. Но ее бросили черезъ два года, и бросили постыдно, нахально; а раньше, чуть не съ четвертаго мѣсяца связи, она испытала, что такое мужчина—развратный, игрокъ, способный въ пьяномъ видѣ быть грубымъ, циническимъ, доходить до полнаго скотства. Она и это выносила изъ-за „миража любви“, по собственному ея выраженію.

Отрезвленіе ея казалось глубокимъ въ ту пору, когда Лыжинъ подружился съ нею. Оба были свободны; она съ разбитымъ сердцемъ, онъ — съ сердцемъ, не знавшимъ страсти, отданнымъ только исканію правды и пути въ жизни. Они могли бы полюбить другъ друга—и дальше дружбы не пошли. Какая-то неизгладимая и неувимая черта залегла между ними. Въ сердцѣ Иды, на днѣ его, была капля любовнаго яда, и Лыжинъ чувалъ, что онъ ее не выгнать. На женщину онъ не могъ тогда отдать всей своей души, даже и на такую привлекательную—съ изыскающей внѣшностью, языкомъ, тономъ, съ глубокимъ обаяніемъ женственности, какой въ русскомъ обществѣ онъ рѣшительно не встрѣчалъ.

Друзьями имъ легко было сдѣлаться. У нихъ почти сразу установилась большая простота и смѣлость пріятельской бесѣды—и при личныхъ встрѣчахъ, и на перепискѣ. Ида ничего не скрывала въ своей интимной жизни, не скрывала и не прикрывалась; всегда у нея найдется настоящее слово и вѣрное опредѣленіе.

Познакомились они за границей, откуда Лыжинъ вскорѣ уѣхалъ. Онъ тогда звалъ ее въ Россію, въ деревню,—вотъ въ эту самую мѣстность,—сулилъ ей врачеваніе ея сердечной раны, если она уйдетъ въ какое-нибудь общее дѣло.

Ида, въ то время, была еще слишкомъ мало русская. Ее тянула къ себѣ заграничная жизнь. Она еще не высвободилась изъ-подъ ея авторитета... И года черезъ три опять проснулась въ ней жажда *настоящаго* чувства, ея вѣра въ то, что есть же на землѣ мужчины, способные любить безъ лжи и грязи.

Два года длился новый миражъ—и пробужденіе совѣмъ

ее пришибло. На этотъ разъ просвѣтитель былъ уже не русскій породистый хищникъ, безшабашный и жалкій въ своей дрянности, а европеецъ высшей пробы, парижанинъ, извѣстный писатель — „un aîné“, какъ называлъ онъ самъ себя, настоящій специалистъ по женщинѣ и любви. Тотъ велъ свои кампаніи упорно, съ особеннымъ искусствомъ, могъ, цѣлыми годами, носить личину, только затѣмъ, чтобы, подобно классическому Донъ-Жуану, испытать, хоть на мгновение, „un nouveau frisson“. И вотъ этого-то „frisson“ онъ, должно-быть, и не испыталъ, когда страждущая и обреченная на обманъ женщина предалась ему и тѣломъ, и душой.

Съ тѣхъ поръ пріятельница Лыжина заживо похоронила себя, пріѣхала сюда, выстроила себѣ домикъ и заперлась въ немъ. Народа она раньше не знала и не лънула къ нему, и вдругъ, по своей волѣ, надумала выстроить школу и обезпечить ея содержаніе.

Лыжинъ былъ бы глубоко обрадованъ такимъ „починомъ“, будь это еще въ прошломъ году; теперь же онъ не могъ хвалить ее безъ оговорокъ, а оговорокъ не хотѣлъ дѣлать. Онъ увидалъ во всеѣмъ этомъ признакъ неизбѣжной скуки и радъ былъ за нее гораздо больше, чѣмъ за самое дѣло.

— Продаете землю? — тихо спросила Ида, послѣ того, какъ они перешли изъ столовой въ гостиную.

— Вамъ жалъ изъ-за меня?

— Жаль... Вы могли бы поселиться здѣсь.

Ида заговорила объ этомъ по-русски. И вообще Лыжинъ нашелъ въ этотъ пріѣздъ, что она значительно „пообрусѣла“.

Ему бы слѣдовало излиться передъ ней, почему онъ хочетъ продать имѣніе, и ему стало не то что стыдно, а какъ бы „тошно“, перебирать все одно и то же. Въ началѣ ихъ разговора онъ ей сказалъ полушутя, полусерьезно, что дѣлается простымъ обывателемъ-буржуа, думаетъ устроиться въ Москвѣ и жить безъ всякихъ затѣй. Она его не разспрашивала и не возражала. У нея было драгоцѣнное свойство — не мѣшать вопросами, не вынуждать откровенности и самой говорить о себѣ тогда только, когда это ведетъ къ еще большому сближенію, когда это — новое доказательство дружбы и довѣрія.

За чаемъ Лыжинъ сказалъ ей, что пригласилъ на открытіе школы Кострицына, съ которымъ пріѣхалъ дѣлать

осмотръ имѣнія. Ей надо было позвать на завтра нѣсколько мѣстныхъ „gros bonnets“, въ томъ числѣ и ближайшую свою сосѣдку—старуху Козлишеву, жившую въ усадьбѣ съ дѣта.

— Vous voyez,—весело сказала Ида,—un vrai type!

Ида узнала отъ него и про то, кому онъ продаетъ имѣние, и разговоръ перешелъ, въ гостиной, на Нину Кумачеву—ея знакомую, еще за границей, когда та была еще подросткомъ, незадолго до смерти ея матери.

— Смотрите, — заговорила она тихо, въ шутиливомъ тонѣ,—не увлекитесь ею.—И прибавила по-французски:—Elle est très suggestiye.

Лыжинъ повторилъ это слово и покачалъ головой.

— А развѣ нѣтъ?—спросила Ида.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что у нея, какъ народъ говорить, не душа, а паръ.

— Да, она—fin de siècle!

— О, да!—вырвалось у Лыжина.

Онъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— Мы съ вами—инвалиды,—выговорилъ онъ грустно и медленно.

— Инвалиды?—повторила Ида.

— Обломки крушенія... У васъ—любовь, у меня... скитанья и поиски чего-то.

— Вы—мужчина... Мужчина никогда не можетъ сказать, что жизнь его кончена,—твердо и спокойно вымолвила она.

— А женщина?.. Она въ другое ударится. Сердце въ васъ только замираетъ... временно... И проснется.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Она вырвала свои руки и провела ими по глазамъ.

— Нѣтъ, Лыжинъ! Вотъ здѣсь я хочу прожить всю свою жизнь. Идѣ нечѣмъ уже любить. Мужчина для нея больше не существуетъ. И мнѣ хорошо, увѣряю васъ... Лучше не надо.

— И туда не тянетъ?

— Куда? За границу? О! Нѣтъ!—воскликнула она иностраннымъ звукомъ.—Мнѣ тамъ противно. Кажется, я кончу тѣмъ, что полюблю...

Она остановилась.

— Народъ?—подсказалъ онъ.

— Да... Это что-то совсѣмъ для меня новое... И свои

жизнь кажется теперь... чѣмъ-то въ родѣ сна... Какъ-то стыдно думать о себѣ.

— Вотъ какъ! Ужъ не начитались ли книжекъ?

— Du Tolstoï?—шутливо спросила она.—Oh, non! Я не мистикъ—вы знаете. И потомъ одиночество—такая чудная вещь!

— Не думаете въ монастырь пойти?

— Puisque je ne suis nullement mystique... А когда и сильно захочу говорить съ другомъ—у меня есть вы... у меня есть Елена.

Она назвала имя ихъ общей приятельницы—Елены Константиновны Акридиной. Лыжинъ вспомнилъ, что Кумачевой она приходится теткой. Ему захотѣлось разспросить о ней, скоро ли она будетъ сюда.

Въ дверяхъ гостиной послышался кашель Финогена. Онъ пришелъ доложить, что лошадей покормили и ямщикъ подалъ тройку къ парадному.

Надо было проститься—до завтра, до вечера.

XXI.

Ровно черезъ сутки, въ чистой и ярко освѣщенной кухнѣ шло приготовленіе подарковъ дѣтямъ на открытіе школы.

Лыжинъ пріѣхалъ къ позднему обѣду, и теперь пришелъ помогать женщинамъ уставлять на полу бумажные картузы съ гостинцами.

Кромѣ Настасьи—огромнаго роста бабы, въ сапогахъ и суконномъ кафтанѣ—и Евгениі, имѣвшей видъ засохшей сидѣлки, въ коричневомъ платьѣ съ пелериной, Лидіи Павловнѣ помогали еще учительница и дочь ея арендаторши. Суревичъ была ростомъ ниже средняго, съ худощавой грудью. Мужественное, доброе лицо, довольно полное, давно потеряло румянецъ. На ней опрятно сидѣло черное люстриновое платье, и свѣтло-русую косу она заворачивала на затылкѣ въ плотный узелъ. Дочь арендаторши, приятельницы Лыжина, вдова мѣщанина Анисья Прохоровна Козѣхина, станомъ своимъ высилась надо всѣми остальными женщинами, кромѣ Настасьи: съ могучей грудью, блѣлая лицомъ, брюнетка, въ цвѣтномъ шерстяномъ платьѣ, хорошо и по-модному спитомъ. Ея большіе, продолговатые глаза искрились, пряди волосъ лоснились на вискахъ. Надъ верхней губой пробивался пу-

шокъ. Довольно крупный носъ шелъ къ ея лицу народнаго склада.

Она оказалась самой ловкой и проворной въ сортировкѣ лакомствъ и укладываніи ихъ въ бумажные картузы.

Лыжинъ, стоявшій въ эту минуту безъ дѣла, около двери, залюбовался на нее.

— Анисья Прохоровна!—окликнулъ онъ ее.

— Что вы?—пѣвуче спросила она своимъ контрольно-вымъ голосомъ.

— Вы всѣхъ насъ за поясъ заткнете. Не правда ли?—обратился онъ къ Идѣ, успѣвшей устать.

— Еще бы! Анисья Прохоровна такая же, какъ и Хіонія Ивановна.

Эти имена Ида произносила съ своимъ полу-иностран-нымъ акцентомъ и медленно, точно читала ихъ по печатному.

— А что же маменька?—спросилъ Лыжинъ, принимаясь опять помогать вдовѣ.

Они стояли рядомъ и до его слуха достигало дыханіе Анисьи Прохоровны,—дыханіе здоровой женщины, не очень привыкшей къ узкому корсету. На свой пышный станъ она живописно наклоняла голову, укладывая большой пряникъ въ картузъ.

— Маменька?—переспросила она и ласково поглядѣла на Лыжина вбокъ.

— Да, маменька, Хіонія Ивановна? Она здравствуетъ?

— Благодарствуйте. Маменька будетъ завтра... утромъ, туда, прямо въ школу.

У арендаторши Лыжинъ частенько бывалъ и видалъ ея дочь еще дѣвушкой. Она вышла замужъ въ Москву, за приказчика въ суровскую лавку, но скоро овдовѣла. У матери—ихъ четыре дочери и двое сыновей, и всѣ при ней, и всѣ при какомъ-нибудь дѣлѣ. Когда Анисья Прохоровна овдовѣла, то мать ей сказала: „учись швейному мастерству у хорошей мадамы, я за твое ученіе заплачу“. И въ полгода она постигла тайны кройки; теперь, живя при матери, работаетъ на щеголихъ уѣзднаго города, на женъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и даже на барынь по усадьбамъ. Платье, которое сидитъ на ней такъ ловко и красиво, она сама и скроила, и сшила.

Взглядъ Лыжина отъ сосѣдки перешелъ къ учительницѣ. Она уставляла на полу, у стѣны, картузы вмѣстѣ съ Идой. Эта, пострадавшая за какія-то свои убѣжденія

дѣвица, жертва „самодурства“ того самаго Кумачева, которому онъ продаетъ землю, не вызывала въ немъ особенной жалости, не вызывала также и никакихъ брезгливыхъ мыслей.

Правда, она попадала изъ поповъ въ дьяконы, но въ этой школѣ, съ такой попечительницей, какъ Ида, ей, конечно, будетъ не плохо. Передъ тѣмъ, за чаемъ, она говорила, безъ фразы и слащавости, что она цѣлыхъ пять лѣтъ провела въ одномъ „медвѣжьемъ углу“, до назначенія въ Москву, и смотритъ на то время, какъ на самое дорогое для себя воспоминаніе.

Въ ней нѣтъ угловатости и рѣзкости настоящей „красной“—и Кумачевъ, устраняя ее, вѣроятно, желалъ передъ кѣмъ-нибудь заявить себя въ надлежащемъ свѣтѣ благонамѣренности.

Лыжинъ подошелъ къ учительницѣ и спросилъ ее ласково:

— Не помочь ли вамъ?

— Мы сейчасъ кончимъ, — весело отвѣтила она, и по ея широкому, некрасивому лицу улыбка расходилась точно ровное, свѣтлое пятно.

Ида бродила по кухнѣ беззвучно, медленно—то переставитъ готовый картузъ на полу, то наложить лакомствъ въ новый, то отдѣлить одинъ большой пряникъ отъ кучи.

— Вы, кажется, товѣ... приустали? — тихо спросилъ ее Лыжинъ.

— Немножко.

Ея глаза—эти чудные глаза въ глубокихъ впадинахъ, когда-то метавшіе искры любовнаго экстаза—мягко улыбались.

„Хорошо, что нашла себѣ игрушку!“ — подумалъ Лыжинъ и оглянулъ еще разъ всѣхъ этихъ женщинъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, легкимъ и пріятнымъ, потому что завтра оно дастъ сильную радость цѣлой толпѣ ребятишекъ.

„Вотъ такъ бы,—продолжалъ онъ говорить про себя,—и каждому найти свою игрушку или свое неизбѣжное дѣло. Каждая изъ нихъ *живетъ* въ эту минуту, — даже моя бѣдная Ида, обломокъ крушенія, моя родная сестра по духу“...

И какъ бы устыдившись своего бесплоднаго резонерства, Лыжинъ вернулся къ Анисѣ Прохоровнѣ и сталъ помогать ей насыпать въ послѣдніе свободные картузы.

Въ дверяхъ показался Финогенъ, одѣтый по-дорожному.
— Лошади готовы,—объявилъ онъ и тише окликнулъ:—
Лидія Павловна, позвольте вамъ доложить одну вещь.

Ида вышла съ нимъ въ коридоръ, и оттуда можно
было слышать, какъ Финогенъ обстоятельно доклады-
валъ насчетъ завтрашняго дня. Провизія вся готова и по-
варь доставленъ, также и вина. Самъ онъ довезетъ те-
перь „барышню“, т.-е. учительницу, и Анисью Прохоровну
въ школу, гдѣ онъ и останутся ночевать, и вернется,
чтобы завтра, засвѣтло, отвезти подарки и еще разные
вещи для сервировки стола.

Тихій голосъ Иды, ея односложныя слова: „хорошо“,
„это такъ“, раздавались въ отвѣтъ на докладъ Финогена.
Разъ два онъ ее называлъ „милостивая государыня“.

Черезъ пять минутъ работа въ кухнѣ прекратилась и
всѣ вышли въ коридоръ—проводить уѣзжавшихъ въ школу.
Ида заботливо спросила учительницу: не нужно ли дать
еще пледъ; но та бодро отвѣтила:

— Помилуйте, Лидія Павловна, тутъ два шага.

— А вы, Юрій Петровичъ, — сказала Лыжину вдова,
когда онъ поправилъ ей бѣлый платокъ на головѣ, откуда
ея энергическое и ясное лицо живописно смотрѣло, — вы
завтра, небось, будете къ самому молебну?

— Буду, буду... И съ матушкой вашей облобызаюсь.

— Она васъ очень одобряетъ, — съ усмѣшкой выгово-
рила Анисья Прохоровна и, наклонившись къ нему, при-
бавила: — жаль ей вашихъ угодіи.

— Что жъ сама не купить?

— Капиталовъ нѣтъ, а въ расрочку вы не уступите,
небось?

Лыжинъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы здѣсь ночевать будете?—спросила Анисья Про-
хоровна, и въ ея глазахъ проскользнули змѣйки.

— Здѣсь,—просто отвѣтилъ Лыжинъ.

И когда они остались вдвоемъ съ Идой, перейдя въ
гостиную, онъ, по-французски, передалъ ей послѣдній во-
просъ вдовы.

Она разсмѣялась.

— C'est ça, — сказала она, подходя къ піанино. — La
belle veuve vous jalouse, ami!

Лыжинъ также разсмѣялся.

— А ваша учительница?—спросилъ онъ и сѣлъ въ глу-
бинѣ комнаты.—По ея понятіямъ, вы свободный человѣкъ

и можете жить, какъ вамъ угодно... Но и она, навѣрно, думаетъ, что я...

— Кто? — откликнулась Ида, взявшая уже нѣсколько аккордовъ.

— Monsieur l'amant.

— Откуда это выраженіе? — спросила она.

Онъ сталъ припоминать.

— Вотъ откуда... Я читалъ книгу о мадамъ де-Сталь.

— Какая старина!

— Подъ конецъ, когда ей было уже за-сорокъ лѣтъ, послѣ несчастной любви,—вы помните, многіе годы героемъ ея романа былъ Бенжаме́нъ Констанъ,—она успокоилась на связи съ молодымъ болѣзненнымъ итальянцемъ... кавалеромъ Рокка. Вотъ его-то ей пріятели и называли „mon sieur l'amant“, когда она была съ нимъ уже тайно обвѣнчана.

— Такъ вы думаете, что m-lle Суревичъ et la belle veuve считаютъ васъ тѣмъ же?..

Она сказала это такъ просто и спокойно, что Лыжневъ тотчасъ же подумалъ:

„Для Иды нѣтъ теперь ничего щекотливаго. Все въ ней перенерво́ло“...

И ему стало менѣе жалко ее, чѣмъ это было даже и вчера. Чего же лучше, какъ не застраховать себя отъ страданій?

Раздались аккорды, и перешли въ горячую, порывистую мелодію, съ аккомпанементомъ, похожимъ на переливы арфы.

— Откуда? — спросилъ Лыжневъ.

— „Les pêcheurs de perles“.

— Это, кажется, Бизе, — того, кто написалъ „Карменъ“?

— Да, — протяжно отвѣтила Ида.

Изъ-подъ ея нервныхъ, тонкихъ пальцевъ вырывался любовный дуэтъ; мятежная страсть и клокотала, и нѣжилась подъ раскаленнымъ небомъ Индіи.

Кругомъ метель чуть слышно доносилась съ террасы, занесенной снѣгомъ.

XXII.

Пара бойкихъ лошадокъ, съ бубенчиками, поднимала на изволокъ пошеви, покрытыя ковромъ. На облучкѣ сидѣлъ Финогенъ въ полушубкѣ и башлыкѣ.

Лыжина везли въ школу. Было сѣренькое утро, теплое

и тихое, послѣ вчерашней „погоды“. Снѣговая пелена, чистая и нетронутая, облекала все вокруг шоссеиной дороги и только поодаль, справа и слѣва, темнѣли опушки хвойнаго лѣса.

Финогенъ, на полпути, обернуль къ Лыжину свое широкое лицо съ вздернутымъ носомъ и крякнулъ прежде чѣмъ заговорить. Молчать онъ не могъ, разъ онъ вѣхалъ съ бариномъ, кто бы это ни былъ, а тѣмъ менѣе съ человѣкомъ, который находится въ пріятельствѣ съ его барышней.

Насчетъ того, „есть ли у него что-нибудь такое“ съ Лидіей Павловной, Финогенъ не позволялъ себѣ мудрить и подозрѣвать. Этотъ баринъ не былъ у нихъ на хуторѣ нѣсколько мѣсяцевъ, да и прежде наѣзжалъ не надолго. Не помнится ему—оставался ли ночевать. Какая же важность... У нихъ и „допрежъ“ ночевали господа — и молодые, и пожилые, какъ придется, безъ барынь. Барышни его такъ себя держатъ, какъ бы дама, и ее уважаютъ „на всю округу“.

Онъ слышалъ отъ арендаторши, отъ Хіоніи Ивановны Пустовой, и дочери ея Анисьи Прохоровны, что Лыжинъ продаетъ имѣніе купцу. Это его обижало,—и именно то, что купцу, а не барину, хотя онъ и долженъ былъ сознаться, что господа „совсѣмъ отбились“ отъ хозяйства, а купцы „забираютъ силу“ и умѣютъ „вести свою линію“.

— Позвольте васъ обезпечить вопросомъ, милостивый государь,—спросилъ Финогенъ, съ особой боковой усмѣшкой, почтительной и тонкой, — правда ли, что ваша милость продаетъ свою вотчину?

Лыжинъ высвободилъ лицо изъ-подъ воротника своей дахи и кивнулъ молча головой, въ знакъ согласія.

— И, слышно, тому фабриканту, господину Кумачеву?

— Ему.

— Экую силу забираетъ! На сколько верстъ все его угоды. Лѣсъ весь, поди, въ его руки перейдетъ. Вопъ,—Финогенъ указалъ кнутомъ влѣво, — у сосѣдки нашей, госпожи Козлишевой, тоже никакъ хочетъ покупать.

— Не слыхалъ,—откликнулся Лыжинъ.

Ему разспросы Финогена не были особенно пріятны.

— Да она кряжиста. У ней деньги водятся. А вамъ, милостивый государь, нешто не жаль своей маютности?

Онъ опять обернулся всѣмъ своимъ фасомъ, и его лицо растянула вширь улыбка большого краснобака.

— Я—не хозяинъ.

— Вотъ бы такую же усадѣбку соорудили, какъ у нашей барышни; у васъ тамъ есть одно мѣсто, на рѣчкѣ,— важное. И стали бы жить да поживать.

Его игривые глаза какъ бы досказывали:

„Да и подъ вѣнецъ бы не худое дѣло встать, благо вы и годами подходите другъ къ дружѣ: она ужъ не очень молоденькая“.

Улыбнулся и Лыжинъ.

— Вамъ, Финогенъ, я думаю,—онъ говорилъ прислугѣ „вы“, а крестьянамъ „ты“, — житьё у Лидіи Павловны, точно у Христа за пазухой?

Финогенъ тряхнулъ на особый ладъ головой въ хорошей котиковой шапкѣ и опять протяжно крикнулъ:

— Барышня — благороднѣйшей души! Довѣрчивы ужъ больно. И всякое снисхожденіе готовы сдѣлать... По осени, — оживляясь, заговорилъ онъ, — арендательша... изволите знать, дѣшлая старушенція, — онъ сдержанно засмѣялся,—плотину у ней прорвало. По условію, ей съ барышни надо было получить сорокъ деревъ счетомъ, на выборъ. А она говоритъ: „миѣ, матушка, надо ихъ двойной комплектъ. Вѣдь ежели вы миѣ запретите, я все-равно порублю ихъ, и вы ни о чемъ не догадаетесь, хоша у васъ и полѣсовщикъ есть“. Видите, ваша милость, безъ главы въ домѣ — неудобно. Такъ, пожалуй, все и растащать.

Онъ ударилъ по коренной, и сани покатили, по новой порошѣ, подъ изволокъ.

За цѣлыхъ полверсты, въ ровной лощинѣ, у самой почти дороги, виднѣлась школа — высокая, съ красной крышей, обшитая тесомъ, веселая и уютная. Впереди — палисадникъ съ зеленой деревянной рѣшеткой. Сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Въ мезонинѣ, сбоку, терраса, откуда долженъ былъ открываться красивый видъ на перелѣсокъ и станцію желѣзной дороги, стоявшую меньше чѣмъ въ верстѣ, и на усадьбу помѣщицы Козлишевой, съ бѣлой пятиглавой церковью и стариннымъ, бѣлымъ же каменнымъ домомъ.

Подъѣздъ приходился сбоку. Крыльцо и часть двора, около него, усыпаны были толпой ребятъ, ихъ отцовъ и матерей. У сарайчика урядникъ привязалъ свою верховую лошадь съ казацкимъ сѣдломъ. Въ глубинѣ двора стояли два господскихъ экипажа.

— Вишь кака! команда! — весело указавъ рукой Финогенъ на толпу ребятъ.

Лыжинъ зналъ порядочно эту мѣстность, хотя и не жила въ тутъ, не имѣлъ даже и своей избышки, а когда навѣдывался, то останавливался всегда въ городѣ. Его имѣніе лежало по ту сторону города, верстъ за двадцать пять, и въ другомъ уѣздѣ. Крестьяне окрестныхъ деревень жили не плохо, промышляли огородами и московскимъ легковымъ извозомъ.

Толпа смотрѣла скорѣе городскою, чѣмъ деревенскою; на мужчинахъ—суконные поддѣвки и полушубки; на бабахъ и дѣвкахъ—суконные же кафтаны или пальто, шерстяные платки на головахъ. Никто не носилъ лаптей. Незамѣтно было и оборванныхъ, плохо обутыхъ дѣтей, ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ. Много мальчиковъ были въ ваточныхъ, суконныхъ и даже бархатныхъ картузахъ.

Сани подкатили къ крыльцу. Урядникъ, стоявшій тутъ, снялъ картузъ и потомъ крикнулъ:

— Разступитесь, православные... Дайте дорогу!

Финогенъ кивнулъ ему пріятельски и спросилъ вполголоса:

— И земскій начальникъ здѣсь?

— Сейчасъ прибылъ.

— А предводитель?

— И предводитель тутъ.

Изъ мѣстныхъ властей этого уѣзда Лыжинъ никого лично не зналъ. Но слышалъ, что предводитель—новый, изъ бывшихъ мировыхъ судей, и фамилія его Боярцевъ. Про земскаго начальника ему тоже что-то рассказывали, но что именно—онъ очень смутно припоминалъ. Кажется, то, что онъ пошелъ служить „по принципу“ и состояніе у него хорошее.

Протолкавшись, Лыжинъ вошелъ въ обширныя сѣни, гдѣ будущіе школьники и школьницы скучились въ дверяхъ одного изъ двухъ классовъ—самаго обширнаго. Тамъ уже шли приготовленія къ молебну. Шубу принялъ отъ него сторожъ изъ унтеровъ.

Лыжинъ искалъ глазами Кострицына; тотъ долженъ былъ пріѣхать прямо въ школу къ одиннадцати часамъ. Но, вѣроятно, его что-нибудь задержало. Отсюда они вернутся въ городъ и завтра произведутъ осмотръ той части лѣса, гдѣ они еще не были третьяго дня.

Впередъ Лыжинъ не захотѣлъ пробираться и зашелъ

въ другой классъ, стоявшій пустымъ. Оттуда, въ боковую дверь, ему видно было и столъ съ образами и чашей воды, и всѣхъ, кто стоялъ впереди. Священникъ и дьяконъ уже облачились. Кромѣ причетниковъ, нѣтъ пришли еще четверо мужчинъ — видомъ мастеровые; одинъ изъ нихъ былъ еще подростокъ.

Ида, въ темносинемъ платьѣ, съ широкими буфами на плечахъ, съ непокрытыми волосами—занимала уголъ. Она опустила голову и не замѣтила его прихода. По другую сторону стола — Анисья Прохоровна, во вчерашнемъ платьѣ, и рядомъ съ ней ея мать—Хіонія Ивановна, въ черномъ платочкѣ и шелковой темной кацавейкѣ. Лицо ея — морщинистое и загорѣлое, безъ бровей—оживлялось юркимъ выраженіемъ двухъ сѣрыхъ глазокъ, которые такъ и шыряли. Ротъ былъ сжатъ и немного выпяченъ. Она шепнула дочери, и та сейчасъ же повернула лицо къ двери и истово поклонилась Лыжину.

Передъ толпой дѣтей человекъ въ восемьдесятъ летъ, въ платьѣ учительницы, и ея широкое ясное лицо сдержанно улыбалось.

Мужчинъ было трое. Лыжинъ въ одномъ изъ нихъ призналъ предводителя—и ошибся. Онъ припалъ за него огромнаго роста барина, съ раздавшимся животомъ, лысаго, румянаго, лѣтъ за-сорокъ, затянутаго въ черный сюртукъ, съ отложными воротничками рубашки, изъ которыхъ бѣлѣла его толстая шея съ длиннымъ подбородкомъ. По формѣ усовъ онъ смотрѣлъ отставнымъ кавалеристомъ.

Ближе къ Идѣ стали двое другихъ: одинъ — большаго же роста блондинъ, курчавый, съ мелкими чертами лица, стройный, близорукій, одѣтый въ темную визитку и сѣрые панталоны, не похожій ни на мѣстное служебное лицо, ни на деревенскаго хозяина. Въ его красивыхъ глазахъ съ темными рѣсницами, въ бородкѣ, округленныхъ плечахъ и поворотѣ головы сквозило что-то совсѣмъ не отзывающееся уѣздомъ. Лыжинъ принялъ его за земскаго начальника—и опять ошибся. Рядомъ съ нимъ—небольшаго роста брюнетъ, худой, хмурый, плотно остриженный, съ длинными и топкими усами, весь въ синемъ шевіотѣ. Это и былъ земскій начальникъ.

Молебень начался. Священникъ, совсѣмъ ушедшій въ ризу, шитую на другой ростъ, сильно по-московски произносилъ „а“, дѣлая свои возгласы; дьяконъ задыхался;

пѣвчіе запѣли съ большимъ усердіемъ, и одинъ изъ причетниковъ, съ дрожащимъ голосомъ, давалъ имъ тонъ, забираясь безпрестанно на верхи.

Лыжинъ, глядя на Иду, въ первый разъ спросилъ себя, какія у нея вѣрованія? Можетъ ли она сливаться, хотя бы и въ видѣ символа, съ крестьянской массой, со всѣмъ этимъ взрослымъ и малолѣтнимъ людомъ, для котораго безъ обряда не можетъ быть никакого начинанія. Лыжинъ никогда не задѣвалъ съ ней такихъ вопросовъ, но думалъ, что она не склонна къ мистицизму, что врядъ ли найдетъ она прибѣжище въ вѣрѣ „своихъ отцовъ“ отъ мучительныхъ испытаній ея скорбной и грѣшной жизни,—грѣшной на взглядъ каждой бабы, дѣлающей теперь поклоны передъ столомъ, гдѣ стоятъ иконы вокругъ миски съ водой.

Позади его послышался осторожный скрипъ сапогъ.

Вошелъ Кострицынъ и всталъ за нимъ, сдѣлавъ ему знакъ рукой, чтобы онъ не беспокоился.

Пѣвчіе между тѣмъ пѣли. Молебенъ былъ въ полномъ ходу.

XXIII.

Къ концу молебна сторожъ, растолкавъ толпу ребятишекъ и крестьянъ, провелъ впередъ даму — высокую, въ черномъ шелковомъ платьѣ и кружевной, черной же, косынкѣ, въ парикѣ, старуху съ крупными и еще не очень позинялыми чертами. Глаза бойко озирались изъ-подъ густыхъ бровей. Фильшивыя челюсти сверкали бѣлизной зубовъ въ ея широкомъ и властномъ рту. Она упиралась на палку.

— Знаете, кто это?—спросилъ Кострицынъ на-ухо Лыжина, подойдя къ нему.—Это знаменитая Катерина Яковлевна Козлишева... Прямо изъ „Горе отъ ума“. Новѣйшая Аяфиса Нидовна Хлестова. Нинѣ Борисовнѣ приходится троюродной бабушкой, что ли... Экземпляръ!

Лыжинъ взглянулъ пристальнѣе въ старуху. Онъ уже зналъ, что она — ближайшая сосѣдка Иды, и слыхалъ — и не отъ одного Финогена—про нее кое-что. Въ ней владѣльческій типъ сохранился еще въ чистомъ видѣ. И она, по свидѣтельству Финогена, не уступаетъ своимъ угодіи куцу, хотя и въ Москвѣ, и въ усадьбѣ живетъ больше лѣтомъ и осенью; зимы же часто проводитъ гдѣ-то въ Санъ-Ремо или По.

Владѣльческій элементъ значился на-лицо и въ мужчинахъ. Средняго, купцовъ-помѣщиковъ, не было. Дворяне—и позади народъ. Къ народу принадлежали и двѣ женщины, стоявшія ближе къ господамъ: арендаторша Шустова и ея дочь.

Долголѣтіе дьяконъ возгласилъ томительно и хрипло, задыхаясь и растягивая слова. Идѣ, навѣрно, сдѣлалось жутко отъ того, что имя „болярыни Лидіи“ нужно было дьякону такъ громко выкрикивать.

Она переглянулась съ Лыжинымъ передъ тѣмъ, какъ священникъ пошелъ кропить святой водой оба этажа.

За нимъ двинулись гурьбой всѣ, и топотъ дѣтскихъ ногъ загудѣлъ въ просторныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ школы.

Почетные гости остались въ классѣ, и Ида спросила издали Лыжина глазами, хочетъ онъ быть сейчасъ имъ представленъ... Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и ушелъ съ Кострицынымъ въ сѣни, гдѣ они жадно закурили папиросы.

Съ Кострицынымъ Лыжину теперь гораздо легче. Вчера, объѣзжая часть имѣнія, они много говорили о „постороннихъ“ предметахъ, и Кострицынъ сталъ выясняться передъ нимъ. Онъ былъ несомнѣнный „интеллигентъ“, врядъ ли практикъ и карьеристъ. Если онъ и надѣвалъ на себя какой-то мундиръ,—мундиръ, похожій не то на скептицизмъ, не то на позитивизмъ,—въ немъ было что-то менѣе тошное и прѣсное, чѣмъ обыкновенное „направленство“.

Кострицынъ не высказывался насчетъ того, какого онъ мнѣнія о состояніи лѣсного участка, видѣннаго имъ, но въ его тонѣ чувствовалось, что онъ подтвердить докладъ управляющаго, и Кумачевъ не будетъ предлагать „легкую скидочку“.

Наверхъ поднялись только священникъ и нѣкоторые изъ взрослыхъ крестьянъ.

Учительница собрала всю молодую команду въ тотъ классъ, гдѣ служили молебень, и уставляла ихъ—мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно.

Сторожъ, Филогенъ и двѣ женщины, доставленныя Хіоніей Ивановной, принесли всѣ картузы съ лакомствами и разставили ихъ по цѣлому ряду школьныхъ „парть“—на столахъ и скамейкахъ.

Дѣтскія головы, блѣлые и темныя, повертывались

безпрестанно въ сторону этихъ картузовъ, и по ихъ лицамъ можно было видѣть, какъ они увѣрены, что тамъ положено.

Священникъ, въ рясѣ, сошелъ внизъ, покончивъ кропленіе водой комятъ верхняго этажа. Ида все съ той же медленностью движеній и съ утомленно-довольнымъ лицомъ пригласила почетныхъ гостей присѣсть и потомъ вошла въ кругъ дѣтей.

Началась раздача гостинцевъ. Учительница подавала ей картузы. Сторожъ и двѣ женщины сдерживали натискъ толпы малолѣтокъ. Съ четверть часа ихъ ручонки протягивались къ картузу и головы отвѣшивали поклоны. Иные, охваченные неожиданной радостью, убѣгали безъ поклона и сейчасъ же засовывали руку въ картузъ и вытаскивали оттуда расписной пряникъ съ глазурью.

Лыжинъ съ Кострицынымъ смотрѣли на все это изъ сѣней. Картина эта забавляла ихъ.

— Въ ожиданіи горькой духовной пищи, — сказали Кострицынъ и не выдержавъ — пустилъ свое „хе-хе“.

— По-вашему какъ, — спросилъ его Лыжинъ, — для народа такая пища — роскошь? И особенно та, которую будетъ давать имъ здѣсь госпожа Суревичъ, удаленная вашимъ патрономъ?

Кострицынъ повелъ плечомъ.

— Патронъ мой, по-своему, былъ правъ. Я говорю: по-своему, ибо ему эта дѣвица казалась слишкомъ красной. Здѣсь она, можетъ, и ко двору придется. Ваша пріятельница, Лидія Павловна, кажется, индифферентна насчетъ направленія?

Отвѣтить Лыжинъ не успѣлъ. Ихъ увидала Ида. Она поручила учительницѣ раздать остальные картузы и подошла къ дверямъ въ сѣни.

Лыжинъ представилъ ей Кострицына. Она пожала ему руку, сильно, по-англійски, и тотчасъ же сказала:

— Вы проголодались. Я такая плохая хозяйка. Юрій, — обратилась она къ Лыжину, при чемъ Кострицынъ невольно поглядѣлъ на него, — помогите мнѣ... Закуска должна быть готова. Пришлите мнѣ сказать сверху... А сами, — она глазами улынулась и Кострицыну, — не дожидайтесь почетныхъ особъ.

Они поднялись по свѣжимъ ступенькамъ широкой лѣстницы, построенной, какъ и весь домъ, изъ ядрѣнаго сосноваго дѣса.

Наверху они прошли широкими сѣнями съ русской печкой, гдѣ были устроены низкія нары на десять мѣстъ для дѣтей, которымъ въ суровую погоду далеко будетъ возвращаться домой.

— Умно! — одобрилъ Кострицынъ. — Безъ особыхъ заѣтъ и даже въ пародномъ вкусѣ, — указалъ онъ на печь.

Въ свѣтлой продолговатой комнатѣ, раздѣлявшей спальни учительницъ, все уже было готово къ завтраку. Анисья Прохоровна, раскрасѣвшись, такъ и летала съ одного края большого стола на другой. Ей помогалъ выписанный съ желѣзнодорожной станціи степеннаго вида офиціантъ во фракъ и нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ. И старуха Шустова не оставалась сложа руки, ставила студы и поправляла на столѣ тарелки съ закуской.

— Хіонія Ивановна! — привѣтствовалъ ее Лыжинъ, подведи къ ней и Кострицына. — Вотъ, Иванъ Кузьмичъ, представительница народной мудрости и домовитости, моя пріятельница Хіонія Ивановна Шустова... арендуетъ у Лидіи Павловны хуторокъ и ведетъ хозяйство, что твоя Марѳа Борецкая.

Тонкая усмѣшка повела морщинистое лицо старухи. Она низко кланялась и разводила руками.

— А поцѣловать можно? — спросилъ Лыжинъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, батюшка.

Они три раза поцѣловались.

Пожелалъ сдѣлать то же и Кострицынъ.

— А вотъ ея дочка! Анисья Прохоровна, — окликнулъ Лыжинъ, — пожалуйте сюда!

Вдова, съ розовыми щеками и блескомъ своихъ густыхъ волосъ, быстро подошла къ нимъ и поклонилась крестьянскимъ поклономъ.

Оба подали ей руку.

— Вотъ этакихъ у Хіоніи Ивановны четыре дочери и два сына, — объяснилъ Лыжинъ, страхнувшій съ себя выматривающее настроеніе, бывшее у него внизу во время всего молебна.

— Мое вамъ почтеніе! — вырвалось у Кострицына. — И всѣ дочери у васъ такія матерья? — спросилъ онъ у старухи.

— Которыя и поплоче маленько, — отвѣчала она имъ въ тонъ, и ея глазки весело заслезились.

Дочь ея улыбнулась и наклонила голову полу-стыдливомъ, народнымъ жестомъ.

— Анисья Прохоровна, — сказалъ ей Лыжинъ, — вотъ гость проголодался да и выпилъ бы водки. Вы здѣсь наибольшая. Разрѣшите съ позволенія Лидіи Павловны. Мы никакого безпорядка не произведемъ.

— И-и, батюшка, ваша воля, — сказала старуха. — Ничто и не замѣтить. Мы и рюмочки вытремъ, и закуску поправимъ.

Хіонія Ивановна засуетилась около стола, приглашая ихъ обоихъ присѣсть. Анисья Прохоровна налила имъ водки и подставила два-три сорта закусокъ, приготовленныхъ вкусно и красиво. Лакея онѣ не допускали.

— Такъ, значитъ, все готово? — спросилъ Лыжинъ. — Лидія Павловна просила дать ей знать.

— Мы готовы-разготовы, — отозвалась старуха. — И чай приготовили, и кофей. Анисья, — кивнула она дочери, — сбѣгай, милая, на кухню и спроси повара — можно ли подавать горячее кушанье.

— Слушаю, маменька, — весело и покорно откликнулась дочь и той же величавой и быстрой походкой пошла къ сѣнямъ.

— Не повторить ли? — спросилъ Кострицынъ Лыжинъ, указывая на бутылку съ красной рябиновой настойкой.

— Съ холодку — пожалуй.

Незамѣтно у нихъ установился пріятельскій тонъ, и Лыжинъ былъ рѣшительно доволенъ тѣмъ, что на предстоящемъ завтракѣ около него будетъ умный человекъ, понимающій все по-своему, очень тонко, — родъ партнера, болѣе подходящаго къ нему, чѣмъ всѣ почетные гости, за исключеніемъ, быть-можетъ, того высокаго блондина, котораго онъ все еще считалъ земскимъ начальникомъ.

Внизу застучали сапоги мальчиковъ, двинувшихся гурьбой на крыльцо, и слышались окрики сторожа.

XXIV.

— Все это не то! — вдругъ разразился полный лысый баринъ и поднялъ кулакъ съ ножомъ, которымъ онъ только что рѣзалъ ростбифъ.

Лыжинъ уже зналъ теперь по именамъ всѣхъ троихъ мужчинъ.

Это былъ почетный мировой судья, по фамиліи Кличъ-Обношинъ.

— Почему же? — глухимъ голосомъ, но твердо спросилъ брюнетъ съ короткими волосами, земскій начальникъ

Ястребовъ, про котораго всё говорили, что онъ пошелъ служить „изъ принципа“.

— Ничего до тѣхъ поръ не будетъ у насъ путнаго, пока не убѣдятся, что для арміи нужны особеннаго рода кадры.

— Какъ же это?—съ косою усмѣшкой своего нервнаго рта спросилъ опять земскій начальникъ, служившій въ кавалеріи.

— А вотъ какъ-съ...

Мировой судья прожевалъ сначала большой кусокъ мяса и въ это время обводилъ весь столъ круглыми глазами съ маслянымъ блескомъ.

Завтракъ ужъ подходилъ къ концу, но шампанскаго еще не подавали и никто не собирался произносить спичъ или предложить здравицу. На двухъ концахъ стола сидѣли Ида и старуха Козлишева; около Иды съ обѣихъ сторонъ—Лыжинъ и высокій блондинъ, оказавшійся предводителемъ Боярцевымъ. Мировой судья и земскій начальникъ сидѣли другъ противъ друга. Кострицынъ помѣщался возлѣ предводителя, наискосокъ отъ Лыжина, и дальше учительница и батюшка, съ смуглымъ лицомъ восточнаго типа, въ бирюзовой рясѣ, съ рукавами, подбитыми шелкомъ. Дьякона и причетниковъ угощали особо.

— А вотъ какъ-съ!—повторилъ Кличъ-Обношинъ, прожевалъ окончательно кусокъ мяса и отпилъ краснаго вина.—Необходимы кадры двоякаго рода, чтобы въ нихъ народъ находилъ и духовную выучку, и военную.

— Духовную? —спросила съ своего почетнаго угла Козлишева.—Что это такое, mon cher? Я что-то въ толкъ не возьму.

— Да и мнѣ не ясно, —съ сдержанной ироніей выговорилъ земскій начальникъ.

— Родъ обитателей! Чтобы въ нихъ поступали молодые парни болѣе зажиточныхъ семей... и проходили бы тамъ искусь... въ монастырской строгости и безусловномъ повиновеніи... А въ то же время обучались бы строю.

— И конному, и пѣшему? —спросилъ Кострицынъ и поглядѣлъ на Лыжина.

„Qu'est-ce qu'il radote?“—спросила его глазами и Ида, хранившая молчаніе утомленной хозяйки.

Разговоръ, оживившійся со второго блюда, былъ для нея чѣмъ-то совершенно чуждымъ и курьезнымъ; но ея

нервы уже не позволяли ей прислушиваться къ нему съ болѣе живымъ любопытствомъ.

— Да-съ, — громко и вѣсно выпалилъ Кличъ-Обношинъ, — по-конному и по-пѣшему!

— Это было бы нѣчто въ родѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній? — продолжалъ съ безстрастнымъ лицомъ освѣдомляться Кострицынъ.

— А что жъ? — еще побѣдоносно крикнулъ мировой судья. — Въ поселеніяхъ была превосходная идея, непонятая... И потомъ ее глупо охали, осмѣяли... всякіе разрушители.

Лыжинъ смотрѣлъ въ ту минуту на лицо учительницы. Она только что сказала что-то батюшкѣ; но, прислушаваясь къ послѣдней фразѣ Кличъ-Обношина, — какъ-то вся передернулася и удивленно поглядѣла на священника. Тотъ высматривалъ своими смѣющимися черными глазами съ хитрымъ выраженіемъ: „Пускай, молъ, господа суетловать“.

— Вы это серьезно, Теофилъ Теофиловичъ? — съ трудомъ выговорилъ Ястребовъ, и опять косая усмѣшка повела его нервный ротъ.

— Безусловно серьезно! Знаю, это можетъ показаться страннымъ. Но надо вникнуть въ идею. Русскій крестьянинъ всегда былъ и пахарь, и воинъ... Его брали на войну. Служилые люди являлись каждый съ своимъ мужицкимъ контингентомъ пѣшихъ и конныхъ... Конные дѣлились вдвое... И теперь намъ нарочито нужны лошади. Вѣдь скоро настанетъ время, когда на десять дворовъ будетъ по одной запряжкѣ. Развѣ это не вѣрно, Геннадій Николаевичъ? — окликнулъ онъ земскаго начальника.

— Пожалуй... Но въ вашихъ кавалерійскихъ монастыряхъ будутъ на лошадяхъ въ манежѣ ѣздить, а не пахать.

— И то, и другое! На все хватитъ время. И солдаты военныхъ поселеній въ Чугуевѣ и Новгородской губерніи были и земледѣльцы, и уланы. Но это не все! Обратите вниманіе на другую — духовную сторону дѣла. Парень получить не одну выучку солдата и пахаря, но и религіозное воспитаніе въ духѣ народно-государственной церкви — вотъ что важно! Это лучшій оплотъ противъ раскола, противъ штунды и всякой преступной пропаганды, идущей отъ господъ разрушителей.

Онъ обвелъ молодцоватымъ взглядомъ весь столъ, и глаза его остановились на священникѣ.

— Отецъ Антонъ? Развѣ въ этомъ нѣтъ самой плодотворной идеи? Что вы скажете?

Батюшка вскинулъ волнистыми прядями, потревоженный въ своемъ пріятномъ настроеніи слушателя и наблюдателя.

— Одно дѣло—идея, другое дѣло—выполненіе... хе-хе!—отшутился онъ, и съ той же лукавой усмѣшкой повелъ головой.—И выполненіе было бы возможнымъ, если бъ у насъ теперь не мудрили изъ города *Санктпетербурха*,—выговорилъ онъ, скандируя слоги,—и понимали бы духъ и потребности русскаго народа. Вы, Романъ Денисовичъ,—повернулся онъ въ сторону предводителя,—насколько я знакомъ... такъ сказать, съ пошибомъ вашихъ идей,—вы должны сочувствовать...

— Такимъ военнымъ обителямъ?—спросилъ Боярцевъ, не мѣняя спокойной и увѣренной позы, и только поднялъ голову молодымъ жестомъ.—Русскій народъ въ тѣ времена, когда онъ жилъ безъ всякой искусственной петербургской муштры, не зналъ казарменнаго устройства. Иноки спасались, а служилые люди жили на своихъ участкахъ, среди черныхъ и бѣлыхъ хлѣбопашцевъ, и тѣ переходили отъ сохи къ дроту и пищали; но никто ихъ, однако, не загонялъ въ остроги для обученія военному строю пополамъ съ иноческою жизнью.

Лыжинъ опять встрѣтился взглядомъ съ Кострицынымъ. Этотъ предводитель заинтересовалъ его своимъ тономъ и манерой говорить. Въ его отвѣдѣ чужая чужая сѣнь съ характернымъ развитіемъ.

— Господа,—вдругъ заговорила Козлишева густымъ голосомъ и точно вбивая гвозди въ каждый слогъ,—вы удалились куда-то въ сторону. У Теофила Теофиловича—прекрасныя намѣренія. Надо нашего мужичка поднять—это такъ. Онъ не долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Бога онъ почитаетъ, но его богочитаніе нейдетъ ему впрокъ. Надъ нимъ нуженъ надзоръ, и слѣдуетъ радоваться, что такіе люди, какъ нашъ Геннадій Николаевичъ,—она кивнула головой въ сторону земскаго начальника,—идутъ на службу съ этой благой цѣлью. Правдѣности нѣтъ, страха нѣтъ—и работать онъ не хочетъ. Мой другъ, князь Жеребьевъ, не нашъ, не блажен-

венькій князь Иларіонъ,—засмѣялась она зычно,—а двоюродный братъ его, князь Петръ,—тотъ мнѣ прошлой зимой, за границей, читаль записку. Онъ доказываетъ цифрами, что нашъ народъ работаетъ вдвое меньше, чѣмъ гдѣ угодно—у нѣмцевъ, у французовъ, даже у итальянцевъ. Сто слишкомъ дней надо выкинуть изъ года.

— Это вѣрно!—убѣжденнымъ звукомъ пустилъ земскій начальникъ.

— Но,—продолжала Козлишева, и ея голосъ гудѣлъ еще внушительнѣе,—друзья мои, мы забываемъ, что мы здѣсь на открытіи школы. И просвѣщеніе нужно народу. Это—такъ!

Офиціантъ, какъ разъ, началъ разливать шампанское.

— Пускай одинъ изъ васъ, господа, привѣтствуетъ устроительницу школы. Надо пожелать,—при этомъ Козлишева подняла палецъ вверхъ,—надо пожелать, чтобы грамота пошла впрокъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Батюшка,—она кивнула священнику,—наставитъ эту юную паству свою. Это такъ же важно, какъ и всякіе методы.

— По новѣйшему звуковому способу!—задорно подхватилъ Кличъ-Обношинъ.

— И такъ, господа,—продолжала Козлишева,—мы ждемъ... Геннадій Николаевичъ, вы — пѣстунъ народа, вамъ и слѣдуетъ...

— Почему же?—тревожно спросилъ Ястребовъ.—Здѣсь Романъ Денисовичъ. Онъ—представитель сословія, къ которому Лидія Павловна имѣетъ честь принадлежать!

Ида потупилась. Она почти съ замираніемъ сердца ждала какого-нибудь слова, обращеннаго къ ней.

— Романъ Денисовичъ! Мы ждемъ!—торжественно и властно окликнула Козлишева.

Болрцевъ поднялся и взялъ бокалъ.

— Честь и хвала учредительницѣ школы, Лидіи Павловнѣ Радиной! Въ лицѣ ея,—щеки предводителя слегка зарумянились,—отрадно видѣть возвращеніе на лоно родины русской женщины, которая, вообще говоря, такъ часто теряетъ на Западѣ чувство своей связи съ народомъ. Какъ его учить—мудреный вопросъ, но учить его надо, и учить въ духѣ его вѣковыхъ упованій и задачъ. Не создавать себѣ изъ него кумира, не дѣлать его игрушкой своихъ тлетворныхъ и безумныхъ затѣй, а войти въ его духъ и не давать ему камня тогда, когда онъ про-

ситъ духовнаго хлѣба. Здравье .Идиіи Павловны!—закончилъ онъ высокой, вибрирующей нотой.

Всѣ встали и началось чоканье съ хозяйкой. Ида молча улыбалась, и, только послѣ одобрительнаго возгласа Козлишевой, выговорила:

— Vous me comblez!

Съ учительницей она поцѣловалась и, подавая руку .Лыжину, сказала:

— Вы довольны?

— Доволенъ, больше всего тѣмъ,—отвѣтилъ онъ громко,—что вы—такая ясная и милая!

И онъ поцѣловалъ ея руку.

Когда, послѣ пирожнаго, окончательно поднялись отъ стола, то .Лыжинъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ мужчинъ, кромѣ батюшки, перекрестился, и очень истово, одинъ только предводитель.

Кострицынъ подошелъ къ .Лыжину съ бокаломъ и сказалъ:

— Чокнемтесь, Юрій Петровичъ, и выпьемъ за освобожденіе личности!

.Лыжинъ чокнулся и допилъ до дна свое вино.

XXV.

Узкій проселокъ, между сугробами, вился по перелѣску въ гору. Полдень, съ радостнымъ искристымъ солнцемъ, игралъ на свѣжемъ снѣгу.

Въ рогожной кибиткѣ, безъ верха, .Лыжинъ съ Кострицынымъ, лежа на сѣнѣ, прикрытомъ какой-то дерюгой, тихо разговаривали, подъ звяканье туго привязаннаго колокольчика.

Они ѣхали къ князю Иларіону. Заѣхать къ нему предложилъ Кострицынъ по дорогѣ въ городъ. У него было къ нему письмо отъ Антонины Борисовны Кумачевой съ предложеніемъ погостить у нихъ, такъ какъ князь собирался въ Москву, зимой. .Лыжина давно занимала эта фигура; но онъ не искалъ ближайшаго знакомства съ княземъ, изъ боязни—найти совсѣмъ не то, что представлялъ себѣ.

Кострицынъ тоже былъ наслышанъ о немъ—зналъ даже, что князь—рѣдкій, почти единственный „эпигонъ“ гегеліанской эпохи, оставшійся все такимъ же вѣрующимъ послѣдователемъ берлинскаго философа.

— Да который же ему годъ?—спросилъ Лыжинъ, поворачиваясь лицомъ къ своему спутнику.

— Подъ восемьдесятъ. Онъ если не слышалъ самого Гегеля, то попалъ въ Берлинъ въ первые годы послѣ холеры.

— Холеры?—переспросилъ Лыжинъ.

— Да; вѣдь Гегель умеръ холерой, въ началѣ тридцатыхъ, когда она перекочевала изъ Россіи въ Пруссію. Онъ былъ Rector magnificus.

— Вы видали князя?

— Всего разъ. И въ очень курьезной обстановкѣ. Мнѣ случилась надобность—я еще былъ студентомъ-филологомъ—заказать себѣ недорогую этажерку для книгъ—знаете, такую висячую. Захожу къ столяру, тамъ, на Патриаршихъ-Прудахъ. Столяръ не важный, безъ вывѣски, старичокъ... Мы съ нимъ разговорились. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ... И вотъ этого самаго князя Иларіона Ивановича. Захожу къ нему—онъ, разумѣется, въ срокъ вещи не доставилъ—и застаю у него старца. Наружность—точно пророкъ Ильи. Богатырь! Вотъ вы увидите, если только онъ еще сохранился въ прежнемъ видѣ. И что же оказалось? Князь, въ ту зиму, имѣлъ еще свою мастерскую, гдѣ онъ производилъ разные опыты по технической части, столарныя вещи производилъ, изобрѣлъ особый станокъ пилить фанерки изъ цѣнныхъ деревьевъ. И съ своимъ старикомъ онъ водилъ пріятельство и помогалъ ему.

— Вѣдь онъ далъ своимъ крестьянамъ волю?

— Какъ же! Еще до эмансипаціи.

— Подарилъ всю землю?

— Подарилъ! Оставилъ себѣ только кусокъ лѣса, гдѣ стоитъ его избушка.

Они переглянулись, и Лыжинъ, приподнявшись немного, выговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Значить,—господа народники, какъ французы говорятъ—enfocés? Съ носомъ?

Оба они засмѣялись. Наканунѣ у нихъ былъ большой разговоръ о народѣ и его радѣтеляхъ „изъ интеллигенціи“, и Лыжину дѣлалось ясно, что они съ Кострицынымъ ближе другъ другу по взглядамъ, чѣмъ онъ думалъ; но „амбарный Сократъ“ болѣе выспрашивалъ его, чѣмъ самъ говорилъ.

— А вы какъ смотрите на такой поступокъ?—спросилъ Кострицынъ вмѣсто отвѣта.

— Само по себѣ разумѣется—хорошо.

— Красиво! И въ тысячу разъ скромнѣе и проще, чѣмъ нынѣшніе опростѣлые радѣтели. Тѣ сами въ юродство впадаютъ, по части мужицкой жизни, но что-то не слышать, чтобы они вотчину въ нѣсколько тысячъ десятинъ отдавали мужикамъ. Прежде бывали такіе случаи при крѣпостномъ правѣ. И князь Иларіонъ, и его предшественники по той же части дѣлали это, говорю я, въ сто разъ проще, не носились съ своей пра-а-авдой,—растянули Кострицынъ,—и не кичились своей мудростью и евангельской чистотой. Все это такъ! Но, спрашиваю я васъ, помѣщика, прошедшаго, если не ошибаюсь, черезъ народолюбіе, что своимъ даромъ земли князь Иларіонъ сдѣлалъ?

— Навѣрно—очень мало.

— Если не ровно ничего! Я слышалъ, и это не трудно фактически узнать, что его бывшіе крѣпостные, которымъ отошли всѣ его угодья, живутъ очень плохо, во много разъ хуже, чѣмъ по ту сторону, тамъ вотъ, гдѣ усадьба Лидіи Павловны; всѣ пропились, въ кабалѣ у мелкихъ просоловъ и кабатчиковъ, слывуть первыми жуликами и плутами, за недоимки постоянная у нихъ идетъ порка и продажа животишекъ... Хе-хе!

— Этотъ аргументъ господъ народники не примутъ.

— Мало ли что! Но онъ—на-лицо. Князь самъ себя ослабилъ, свою личность, свой даровитый и благородный починъ. Вѣдь онъ не такъ, какъ нынѣшніе *пейзанофилы*,—подчеркнулъ Кострицынъ сочиненное имъ слово,—онъ противъ знанія не бунтуетъ. Напротивъ, метафизика не помѣшала ему и точными науками заниматься. Онъ вѣдь и механикъ, и инженеръ, и музыкантъ, и столяръ. Его идея была, какъ я знаю,—а знаю это отъ Антонины Борисовны,—поднять въ крестьянствѣ кустарные промыслы. Кое-какія деньжонки онъ себѣ оставилъ и на нихъ заводилъ въ Москвѣ и мастерскія. И долженъ былъ все это прекратить. Никого онъ не выучилъ и никакой отрасли ремесленного труда не развилъ у себя. На это нужно было, кромѣ денегъ, и земля, и угодья, и вліяніе вотчинника. А онъ въ глазахъ своихъ мужиковъ — „блаженъ мужъ“. Стцы еще были ему благодарны, а сыновья-то, навѣрно, перестали и помнить.

— Я слышалъ, однакожъ,—перебилъ Лыжинъ,—что-то такое... какъ будто все село его кормить?

— Какъ же! Какъ же! Но въ этомъ я и вижу чудачество. Врядъ ли онъ доходитъ до того, что ему ѣсть нечего. Легенда есть очень красивая, какъ князь выходилъ на опушку лѣса и, стоя на пригоркѣ, кричалъ своимъ грозовымъ голосомъ: „хлѣба нѣтъ!“—И ему несли.

— Я что-то въ этомъ вкусъ и слышалъ.

— Можетъ-быть... Сомнѣваюсь: до послѣдняго ли года такъ было? Бывшіе его мужики—пропойцы и полунинцы. Ему, бѣднягѣ, очень плохо приходится. Врядъ ли приносятъ ему все, что слѣдуетъ. Дрова онъ самъ рубить.

Кострицынъ помолчалъ и заговорилъ другимъ тономъ.

— Антонина Борисовна—между нами—и просила меня до всего этого дойти. Ей жаль старика.

— Да и непріятно, изъ дворянскаго гонора,—добавилъ Лыжинъ.

— Не безъ того. И здоровье его, кажется, немного покачнулось. Пржеде онъ, когда въ Москву прїѣзжалъ, у нихъ не жила. Она хотѣла бы, чтобы онъ провелъ у нихъ мѣсяцъ-другой... Конечно, Захаръ Лукьяновичъ готовъ былъ бы всячески поддержать его, но старецъ гордъ.

„Для полноты семейной картины, красивый дядя—князь съ наружностью пророка Іліи и въ нѣкоторомъ родѣ приживальщикъ“,—подумалъ Лыжинъ, но вслухъ этого не сказалъ.

— Скоро поворотъ къ селу Сазонову?—окликнулъ ямщика Кострицынъ.

— Верста—не больше. Вамъ къ князю Иларіону Ивановичу?—спросилъ ямщикъ, оборачивая къ нимъ красное молодое лицо.

— Къ нему.

— Знаемъ, ваша милость.

— И самого князя видалъ?

— Видалъ.

— Ну, какъ ты о немъ скажешь?—вмѣшался въ разговоръ и Лыжинъ.

— Да какъ сказать, господа?.. Чудаковаты! Для души спасенія проживаетъ, какъ ровно пустынный.

— Вотъ слышите,—тихо подсказалъ Кострицынъ. — Я вамъ говорю: „блаженъ мужъ“. И его отречение отъ владѣльческихъ правъ въ глазахъ народа—барское юродство. Православные, хоть и той вѣры, что „земля наша“, а будь они, всѣмъ міромъ, на мѣстѣ князя—они полоски бы даромъ никому не отдали.

— Они сами землю пахали, — почти нѣхотя возразилъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Извините. Вѣдь этотъ аргументъ давно выдохся. Будь князь Иларіонъ писатель, заработай онъ трудомъ сто тысячъ и отдай ихъ тѣмъ же мужикамъ— вѣдь этотъ капиталъ былъ бы его кровный, все равно, что распаханная новъ. Это первое. А второе — подарилъ онъ имъ и лѣсъ... Ужъ согласитесь: лѣсъ-то они не распахивали, а только, я думаю, воровали и до воли.

— Конечно!—согласился Лыжинъ.

— И выйдетъ: „блаженъ мужъ“ — для народа, а для насъ съ вами — обломокъ цѣлой эпохи умственного расцвѣта. Родовитому русскому князю, пламенному ученику Гегеля—я поклонюсь, хоть я и не его философскаго толка. И онъ, и ему подобные воздѣлывали свою пиву, какъ подобаешь людямъ, составлявшимъ соль своей земли. Это было главное. А остальное—благородное юродство!

Тройка круто свернула вправо и, оставя въ сторонѣ околицу села, стала подниматься къ лѣсу.

XXVI.

— Вонъ туды идите, — указалъ имъ ямщикъ, когда тройка остановилась у новаго пригорка, совсѣмъ занесеннаго снѣгомъ.

— Да здѣсь завязнешь,—весело замѣтилъ Кострицынъ.

Они оба уже вылѣзли изъ саней.

— Тройка есть... По ней и придете.

Свѣжіе слѣды видны были въ снѣгу и вели къ рѣдкой опушкѣ, позади которой на небольшой „плѣшинкѣ“ стоялъ домикъ князя съ дворикомъ, наполовину въ сугробахъ.

Оба были въ высокихъ валенкахъ и безъ особеннаго труда добрались до калитки. Передъ домикомъ шелъ садикъ съ фруктовыми деревьями—саженъ пять въ длину—отъ калитки до крылечка. Бревна домика потемнѣли, но весь онъ смотрѣлъ исправно.

Изъ конуры выскочилъ песъ, шершавый и очень старый, хрипло и злобно залаялъ на нихъ и запрыгалъ на цѣпи.

— Ничего, не страшимся,—пошутилъ Кострицынъ, проникая первый въ калитку.

Она была заперта на задвижку.

Лай собаки и звонъ колокольчика вызвали хозяина домика на крыльцо.

Лыжинъ приостановился у порога калитки, точно за

тѣмъ, чтобы схватить цѣльнѣе и отчетливѣе весь обликъ того, кто, по толкованію Кострицына, только „блаженъ мужъ“ въ глазахъ народа, котораго онъ облагодѣтельствовалъ.

Князь вышелъ на крыльцо, въ сѣромъ домашнемъ казакинѣ, со стоячимъ воротникомъ, въ родѣ такого, какіе носили ополченскіе офицеры въ крымскую кампанію, въ большихъ сапогахъ и на головѣ высокая мѣховая шапка. Она необычайно хорошо—на свѣту, смягченномъ деревьями—выставляла его крупное, загорѣлое лицо съ орлинымъ носомъ и длинной роскошной бородой, шедшей почти до пояса. Брови—темнѣе бороды и вьющихся волосъ на вискахъ—шли острой дугой и были гуще кнаружи. Широкая грудь и посадка головы давали ему, при ростѣ вершковъ въ десять, могучую молодцоватость. Онъ совсѣмъ еще не горбился и, выйдя на крыльцо, отъ солнца защитилъ глаза рукой.

Сейчасъ же Лыжинъ вспомнилъ знаменитаго пѣвца въ роли мельника, въ оперѣ Даргомыжскаго, котораго видѣлъ студентомъ, кажется, на прощальномъ бенефисѣ, попавъ въ Петербургъ. Только князь былъ на полголовы выше ростомъ.

„Нѣтъ, это — не „блаженъ мужъ“, — подумалъ онъ и, пропустивъ впередъ Кострицына, съ такимъ именно выраженіемъ поглядѣлъ на него. Тотъ тоже улыбнулся ему въ отвѣтъ одними глазами и, снявъ шапку, окликнулъ вопросительно:

— Князь Иларіонъ Ивановичъ?

— Онъ!.. Милости прошу.

Голосъ князя звучалъ какъ труба, съ чуть замѣтной старческой шепелявостью.

Оба вошли на крылечко. Хозяинъ приподнялъ шапку, его сѣрые, острые и добрые глаза пытливо и спокойно блеснули изъ-подъ живописныхъ бровей.

— Имѣю честь кланяться, князь... Кострицынъ, Иванъ Кузьмичъ... Съ письмомъ къ вамъ отъ вашей племянницы — Антонины Борисовны. А это — Юрій Петровичъ Лыжинъ, мой спутникъ, давно желающій быть вамъ представленнымъ.

Лыжинъ приподнялъ свою бурую войлочную шляпу и почтительно поклонился.

Старикъ сдѣлалъ широкій жестъ правой рукой, повертываясь къ двери, и повторилъ такъ же зычно:

— Милости прошу.

Входя, онъ долженъ былъ нагнуть голову.

Изъ тѣсныхъ сѣней князь ввелъ ихъ въ комнату съ пятью окнами. Свѣту входило много, комната стояла на юго-западъ, солнце пошло уже на склонъ, но еще высилось надъ деревьями опушки.

Комната, съ кафельной высокой печкой, казалась тѣснѣе отъ множества разныхъ вещей. На клеенчатомъ диванѣ лежали кожаная подушка и одѣяло; рядомъ—станокъ со столярными инструментами, старинное фортепиано, множество книгъ и на полкахъ, и просто на полу, длинный изъ бѣлаго дерева столъ, заваленный всякимъ добромъ. На немъ выдѣлялся микроскопъ и какой-то химическій аппаратъ.

Пахло травами, табакомъ и столярнымъ лакомъ. Общий видъ этой лѣсной кельи былъ очень своеобразный. Особенной грязи не замѣчалось. Стѣны стояли въ деревѣ и нестрѣли литографіями и картами. Два-три фотографическихъ портрета висѣли въ простѣнкахъ. Блестѣлъ мѣдной оправой круглый барометръ.

— Садитесь, господа, гдѣ можно,—пригласилъ князь и тихо разсмѣялся.—Извините... У меня стульевъ немного... въ моемъ кафернаумѣ. Въ этой комнатѣ я и дняю, и ночую. Тамъ, черезъ сѣни, у меня, на лѣтнее время, свѣтлица есть.

— Неужели вы здѣсь совсѣмъ одинъ? — спросилъ Лыжинъ, снимая свой ергакъ.

— По утрамъ приходитъ паренекъ, поможетъ мнѣ прибрать и дровъ принесть. У меня тамъ сажень нарублена. Теперь не тѣ силы, а еще ничего—справляемся.

Въ глазахъ старика заискрилось желаніе пріободрить себя.

— Вотъ и письмо отъ Антонины Борисовны, — обратился къ нему Кострицынъ.—Я бы васъ попросилъ, князь, прочесть это письмо при насъ и дать мнѣ отвѣтъ... какой угодно, письменный или устный.

— Позвольте вздѣть *pince-nez*.

Князь началъ рыться на столѣ въ бумагахъ, нашель *pince-nez* и у окна быстро пробѣжалъ письмо.

— *C'est ça!*—проговорилъ онъ вполголоса.

Письмо было по-французски, и у него самого не пропала привычка думать иногда на этомъ языкѣ и довольно часто употреблять французскія слова и поговорки.

— Что жь!—громко заговорил онъ, кладя письмо на столъ.—Поблагодарите Нину. Я бы ей написалъ сейчасъ же. Да врядъ ли у меня водится почтовая бумага,—онъ широко улыбнулся и показалъ свои рѣдкіе и крупные зубы. — И простой-то бумаги не всегда хватаетъ. Я ее истребляю въ порядочномъ количествѣ.

— Все пишете?—спросилъ Лыжинъ.

— Пишу... Тороплюсь! — старикъ разсмѣялся. — Вѣдь мнѣ нельзя мѣшкать. Я вѣдь—Двѣнадцатаго года.

— Въ Отечественную войну?—воскликнулъ Кострицынъ.

— Какъ же! Матушка испугалась француза. Отецъ былъ въ арміи при графѣ Коновницынѣ, а она впопыхахъ двинулась по владимірскому тракту, и дорогой я произошелъ на свѣтъ, тоже въ избѣ... Такъ мнѣ и на роду было написано—въ бревенчатыхъ стѣнахъ скоротать свой вѣкъ!

Говоръ у князя былъ плавный, и грудной оттѣнокъ голоса съ басовыми оттяжками. Такъ нынче произносятъ только хорошіе актеры старой школы въ бытовыхъ и историческихъ пьесахъ.

— Не будетъ нескромностью спросить: что именно вы торопитесь покончить?

— Да то, надъ чѣмъ сидѣлъ тридцать лѣтъ... не больше, не меньше. Полный и вѣрный переводъ...

— Вѣроятно, вашего учителя?—подсказалъ, скромно усмѣхнувшись, Кострицынъ и поглядѣлъ значительно на своего спутника.

Лыжину вдругъ стало совѣстно: точно они оба репортеры и явились „интервьюировать“ курьезнаго старика по порученію какого-нибудь листка, гдѣ торгуютъ пикантными новостями, съ приложеніемъ воскресныхъ иллюстрацій.

Но князь повелъ рукой по своимъ серебрянымъ кудрямъ — волосы у него сохранились роскошныя — и сразу заговорилъ тономъ челоуѣка, который обрадовался, что можетъ съ понимающими людьми отвести душу.

— Да, *его* подлинныя сочиненія, вышедшія при его жизни.

— Вы застали *его* еще въ живыхъ?

— Нѣтъ. Я пріѣхалъ въ Берлинъ двумя годами позднѣе. Въ Москвѣ, студентомъ, я только на послѣднемъ курсѣ позналъ, что такое его философія.

Кострицынъ не могъ воздержаться—не взглянуть на

Лыжина — отъ этого звука „философія“, съ буквой „з“, который у князя былъ привычнымъ.

— Тогда вѣдь словесный факультетъ назывался, кажется, философскимъ?

— Я былъ по второму отдѣленію, математикъ. Сидѣли мы тогда не четыре, а всего три года... Да годъ я пропустилъ, пролежалъ больной.

— И вы довели до конца свой трудъ? — съ участіемъ спросилъ Лыжинъ.

— Довелъ, но надобны еще примѣчанія. Приглашеніе племянницы, — обратился онъ къ Кострицыну, — мнѣ улыбается... Хотя я — между нами — сталъ тяготиться тамъ, гдѣ большіе приемы. Но надо сдѣлать послѣднюю попытку, найти издателя.

— А Захаръ Лукьяновичъ?

На вопросъ Кострицына князь повелъ бровями и послѣ маленькой паузы выговорилъ:

— Предлагать самъ не буду... Нина пишетъ мнѣ, что вы, — повернулся онъ опять къ Кострицыну, — занимаетесь тоже философіей.

— Немножко, грѣшнымъ дѣломъ.

— И прекрасно!.. Вы мнѣ укажете. Можетъ, и найдется такой чудодѣй, что заново будетъ издавать Гегеля. И это необходимо, безусловно необходимо для подлинныхъ его сочиненій... А остальное, эстетика и прочее... это все лекціи, которыя составлялись слушателями. У меня только несомнѣнно имъ самимъ изданныя вещи. И къ нимъ есть и мое собственное слово — съ того свѣта... слово гегелянца! Въ видѣ отдѣльнаго труда.

Глаза его зажглись и изъ груди вырвался добродушный и раскатыстый смѣхъ.

Засмѣялись и оба гостя.

XXVII.

Громадную голову князя Иларіона окружили клубы дыма. Онъ усиленно раскуривалъ, по-старинному, бумажкой, трубку, изъ короткаго чубука.

— Я позволяю себѣ выкурить трубку, когда кто-нибудь зайдетъ ко мнѣ. Вы чувствуете, какой это табакъ? — спросилъ онъ своихъ гостей, радостно улынувшись.

— Это, кажется, Жуковъ? — осторожно замѣтилъ Лыжинъ; у него изъ первыхъ годовъ дѣтства остался въ памяти запахъ „Жукова“.

— Именно! Угадали! Его можно было доставать только въ одной лавкѣ, въ Зарядѣ, да и тамъ прекратился запасъ. Теперь у меня идетъ послѣдній фунтъ. И когда подойдетъ къ концу—больше не стану курить. Дорого! Да и пора перестать угождать плоти такимъ, въ сущности, дѣтскимъ видомъ чувственности.

— Вы, конечно, сдѣлаете это, князь, не изъ угожденія тѣмъ, кто громить табакъ за то, что онъ будто бы заглушаетъ совѣсть?

— Ха-ха-ха! — громко и продолжительно захохоталъ князь, ходя широкой и развалистой походкой.—Нѣтъ! Я этой ереси не придерживаюсь и скорблю, что съ ней теперь носятся, какъ съ писаной торбой. Совѣсть у меня чиста. Если и дѣлалъ много глупостей, то гадостей—никогда... Вотъ видите,—живо обернулся онъ и близко подошелъ къ Кострицыну...

Передъ тѣмъ у нихъ, совершенно незамѣтно, зашелъ не споръ, но обмѣнъ мыслей о „великомъ откровеніи“,—такъ называлъ старикъ ученіе объ „идеѣ“, какъ началъ всего.

— Вотъ изволите видѣть,—продолжалъ онъ, дымя изъ трубки. — Отчего теперь такое, можно сказать, мизерабельное шатаніе въ умахъ и характерахъ? Оттого, что *идеи* признавать не хотятъ въ ея великомъ, абсолютномъ значеніи!..

Это слово „идея“—князь произнесилъ его протяжно и всей грудью—вдругъ напомнило Лыжину другого старика, недавно умершаго, знакомаго всей мыслящей старой и молодой Москвѣ. И тотъ ужинъ ему припомнился, гдѣ старикъ, проникнутый своеобразной смѣсью метафизическихъ ученій, развивалъ своимъ густымъ, надтреснутымъ и пылкимъ голосомъ одну изъ любимѣйшихъ темъ о красотѣ. И въ концѣ каждаго монолога онъ потрясалъ своими волосами, обводилъ всѣхъ добрыми близорукими глазами энтузіаста и выставлялъ изъ-подъ стола—характернымъ и забавнымъ жестомъ—указательный палецъ и выговаривалъ убѣжденно и торжественно:

— Идея!

— Не всѣмъ, князь, можно признавать абсолюты,—выговаривалъ Кострицынъ, переложивъ ногу на ногу. —И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускають.

— Не позволяйте,—горячѣ возразилъ князь. — Ne nous rayons pas de mots! Или система ведетъ къ открытію

истины, или нѣтъ? Средняго термина быть не можетъ. Но кто же повалилъ ее, спрашиваю я васъ?—обратился онъ къ Лыжину.

— Я, князь,—откликнулся тотъ,—въ специальныхъ вопросахъ философіи не компетентенъ. Иванъ Кузьмичъ—другое дѣло!

И онъ указалъ головой на Кострицына.

— Кто же повалилъ ее? — тѣмъ же тономъ непоколебимой вѣры спросилъ князь у Кострицына.— Не Тренделенбургъ ли? Этотъ филистеръ, впитавшій въ себя разные сорта самой жалкой эклектики? И что такое его трюшвенная формула, которую онъ предложилъ вмѣсто вѣчной, глубочайшей, единой? — нараспѣвъ протянулъ старикъ.—Припомните!..

— Sein, Nicht-Sein, Werden?—по-нѣмецки, съ рѣзкимъ русскимъ акцентомъ и улыбнувшись глазами, подсказалъ Кострицынъ.

— Да-съ! А у него вдругъ *бытію* противопоставлено *движеніе*, а посрединѣ *мысль*. Развѣ это не жалкое смѣшеніе понятій и сущностей? Это все равно, какъ если бы я, напримѣръ, вмѣсто: вода, земля, огонь, сказалъ: вода—льняное масло, молоко!

И опять раздался его могучій и дѣтски-радостный смѣхъ.

— Между тѣмъ какъ у Гегеля: бытіе—небытіе—становленіе! Величайшая философическая...

— Троица!—подсказалъ опять съ тою же усмѣшкой Кострицынъ.

— Именно! Ипостась!.. И остальные категоріи таковаго же абсолютнаго значенія!

Князь взялъ короткій чубукъ въ правую руку и повелѣ имъ въ воздухѣ, точно писалъ на невидимой доскѣ монументальными буквами.

— И все остальное—такъ же ясно, глубоко и гениально найдено: время—пространство и—въ серединѣ—движеніе... А? Или: единство—притяженіе—множественность... А? Или: цѣлое—сила—части... Потомъ: причина—онъ сталъ искать слова—взаимность...

— Взаимодѣйствіе,—какъ бы про себя поправилъ его Кострицынъ.

— Благодарю. Причина—взаимодѣйствіе—слѣдствіе... И, наконецъ,—князь поднялъ плечи и закинулъ голову,—и, наконецъ, бытіе въ себѣ, или по себѣ—и для себя.

— Это и есть знаменитое *an und für sich*? — скромно спросил Лыжинъ.

— Именно! Это и есть то выраженіе, которымъ разныя грошовые писаки такъ злоупотребляютъ... Бытіе въ себѣ— абсолютное, но не сознаваемое; бытіе въ себѣ и *для себя*— такое же абсолютное, но уже сознаваемое, и инобытіе.

„Инобытіе“ долго звучало въ ушахъ Лыжина, вмѣстѣ съ раскатомъ зычныхъ возгласовъ князя и особымъ широкимъ звукомъ „ѣ“ въ словѣ „себѣ“, точно онъ произносилъ иностранное „э“ съ французскимъ акцентомъ.

За тысячи верстъ очутился онъ отъ завтрака у своей пріятельницы Иды Радиной и проекта „кавалерійскихъ монастырей“—почетнаго мирового судьи Кличъ-Обношина. Черезъ нѣчто подобное проходилъ онъ, на-дняхъ, только въ „избушкѣ на курьихъ ножкахъ“ Цыбашева, младшаго сверстника чудака-гегельянца.

— И что такое какой-нибудь герръ Тренделенбургъ?— доносилось до него въ клубахъ ходившаго по комнатѣ дыма отъ жуковскаго табаку.—Кто теперь о немъ помнить? Жилъ былъ берлинскій шмерцъ, покушавшійся повалить гиганта, и нѣтъ шмерца, и даже мокренько отъ него не осталось!

— Ха-ха!--захохоталъ и Кострицынъ.

И Лыжину стало весело, на особый ладъ, отъ обаянія такой изумительной рьяности мозга и всей натуры въ древнемъ старцѣ.

— Прошу извиненія, господа,—сразу сбавивъ діапозонъ, заговорилъ князь и присѣлъ на диванъ, — угостить мнѣ васъ нечѣмъ... не осудите. Я вѣдь живу схимникомъ. И на обязательномъ сухояденіи. Опять-таки не изъ мистичесизма—я имъ не зашибаюсь, а такъ легче... И давно я у себя, дома, не знаю, что такое обѣдъ. Даже отъ горячей пищи совсѣмъ отстаю.

Захотѣлось Лыжину спросить: есть ли правда въ легендѣ о томъ, какъ князь выходитъ на опушку и кричить: „хлѣба нѣтъ!“—но онъ удержался.

Кострицынъ мягко и безъ своего „хе-хе“ спросилъ:

— Ваши сосѣди, мужички, навѣщаютъ васъ, князь?

— Я къ нимъ самъ хожу. Особенныхъ дѣлъ у нихъ до меня нѣтъ; а помочь совѣтомъ всегда успѣется.

Брови его немного сдвинулись, и грустная усмѣшка повела его губы.

— Видите, господа, о нашемъ крестьянскомъ людѣ —

до второго пришествія не переговоришь. Вы слышали про меня кое-что... Я просто чудачина... Un paif! „Un idiot intelligent!“—какъ меня звала покойница-матушка. Когда я пожелалъ подѣлиться съ моими крѣпостными чѣмъ могъ — я сдѣлалъ это такъ, безъ всякихъ теорій; но мечталъ—посвятить и имъ половину моей души, поднять ихъ быть, подтолкнуть, направить. Для нихъ и самъ сталъ учиться всякой всячинѣ, надолго забросилъ главную работу моей жизни. Что жъ! Изъ *эстаго*,—выговорилъ онъ, пожавъ плечами, — не вышло ничего. Петръ Великій добился другихъ результатовъ, потому что у него была въ рукахъ всесильная дубинка... А я только предлагалъ и убѣждалъ, и давалъ образцы. Кое-что привилось въ кустарномъ дѣлѣ; но двѣ трети села — когда-то цвѣтущаго, при моихъ родителяхъ—теперь живутъ впроголодь.

— И даровая земля не помогла?—спросилъ Лыжинъ.

— Вѣдь съ тѣхъ поръ втрое больше душъ стало на той же землѣ. Земля-то еще есть кое-какая, а лѣсъ давно перевели и пахать-то не на чемъ. Такой новый мужицкій недугъ водворился повсемѣстно: *безлошадіе*.

— Безлошадіе!—повторилъ Кострицынъ.—Мѣткое слово! Оно ваше, князь?

— Не знаю! Я его не сочинялъ... И ежели придетъ, хоть на одинъ годъ, настоящий недородъ — я не говорю голодъ,—моимъ сазоновцамъ не подняться никогда — на одной землѣ. Тутъ они помянутъ и чудака князя Иларіона Ивановича, когда его не будетъ. Возьмутся, быть-можетъ, за умъ и вспомнить, чему онъ ихъ даромъ училъ.

Старикъ всталъ. Поднялись вмѣстѣ и оба его гостя.

— Стало-быть, князь,—спросилъ Кострицынъ, приближаясь къ нему,—вы сами сознаете, что потрачено слишкомъ много силъ на неразумную толпу, которая и поднять-то васъ не хотѣла, — а тѣмъ самымъ вы обдѣляли ровно настолько же вашу собственную мыслящую личность. Служеніе абсолютной истинѣ выше непрощенныхъ жертвъ.

— Положимъ, что оно и такъ,—выговорилъ князь медленно и опять съ грустной усмѣшкой.—Но зато умру съ чистой совѣстью. Каковы бы они ни были,—провелъ онъ рукой въ ту сторону, гдѣ стояло село Сазоново,—передъ ними я чистъ, и они меня лихомъ поминать не будутъ. Нужды нѣтъ, что и у нихъ молодежь—нынѣшняя-то, что

въ *спинжакахъ* ходить и *цыгарки* курить—называетъ меня „блаженненькій князь“.

Кострицынъ поглядѣлъ на Лыжина, и они оба почували, какъ трезво смотреть на себя и на свое „юродство“ этого обломокъ канувшей въ вѣчность эпохи.

XXVIII.

Ида получила отъ Лыжина письмо дня черезъ четыре послѣ открытія школы—уже изъ Москвы.

„Ушелъ я изъ вашихъ мѣстъ, какъ владѣлецъ, совсѣмъ ушелъ, дорогой другъ мой,—писалъ ей Лыжинъ,—и вы за это на меня не попеняете. Къ вамъ я думаю набѣзжать, и чаще, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалъ. Меня не будетъ уже смущать вопросъ: почему я самъ не сажусь на землю и не превращаюсь въ *опростѣлаго интеллигента*—какъ только, бывало, попадалъ къ вамъ. Мужъ великолѣпной Нины, коммерсантъ Кумачевъ, даетъ мнѣ, окончательно, хорошую цѣну. Лучше никто не дастъ. Что я стану дѣлать въ Москвѣ—еще пока не знаю. Я, другъ мой, слишкомъ усталъ отъ возни съ самимъ собой и погони за тѣмъ: какъ жить, что достойно усилій мыслящаго и честнаго человѣка и что недостойно. Просто, хочу *жить* на первыхъ порахъ—хотя бы изо-дня-въ-день, только безъковырья въ себѣ самомъ. Быть-можетъ, возьму какое-нибудь немудрое дѣло, безъ всякихъ задачъ и громкихъ программъ. Тотъ „амбарный Сократъ“, съ наружностью сидѣльца, котораго я пригласилъ къ вамъ на открытіе школы, господинъ Кострицынъ,—соблазняетъ меня предложеніемъ, котораго я пока еще не принялъ. Случиться можетъ, что пріѣду къ вамъ на-дняхъ, потолковать именно объ этомъ. Если вы скоро ждете пріѣзда вашего друга—Елены Константиновны Акридиной,—жду ей руку и хотѣлъ бы съ ней повидаться, тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Москву, гдѣ она остановится, вѣроятно, все у той же великолѣпной Нины, какъ и дядя Нины—князь Пларіонъ.

„Со мной она—на особый ладъ—любезна; только это меня—тоже на особый ладъ—не то что раздражаетъ, а по-калываетъ“.

Ида тихо усмѣхнулась, перечитывая послѣднія строки, и мысленно повторила выраженіе: „на особый ладъ“.

Ей сдавалось, что „Юрій“ начинаетъ подпадать подъ то, что она на своемъ языкѣ называла „*suggestion féminine*“. А у „Нины“—этого было достаточно во всемъ: въ

„великолѣпной“ наружности, въ изящныхъ туалетахъ, въ тонѣ, въ талантахъ.

Она читала письмо у лампы. Шелъ восьмой часъ. На дворѣ не было метели, какъ въ тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ, въ первый разъ, Юрій Петровичъ. Стояли послѣдніе дни полнолунія, и сквозь щели ставень, выходившихъ на террасу, видѣлся свѣтъ, отраженный снѣжными глыбами сада.

Свою пріятельницу—Елену Константиновну Акридину—она ждала съ-часу-на-часъ. Наканунѣ пришла отъ той депеша изъ Петербурга, но съ какимъ поѣздомъ она оттуда выѣдетъ—не значилось въ депешѣ. Съ Еленой не видалась она около двухъ лѣтъ. Это было еще за границей. Потомъ Акридина дѣлала ученую экспедицію въ Малую Азію, производила тамъ раскопки, имя ея стало извѣстнымъ и въ Европѣ, ее выбрали членомъ-корреспондентомъ одной заграничной академіи. И она много печатала въ ученыхъ изданіяхъ. Много ѣздила, въ этотъ же промежутокъ времени, и по Россіи, была на Кавказѣ и за Кавказомъ—и тамъ рыла курганы.

Но это все—работа головы. Неужели она совсѣмъ не живетъ сердцемъ, съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла? Вдовѣтъ Елена больше пяти лѣтъ и въ мужа своего не была влюблена, уважала его, считала себя его ученицей—и только. Дѣтей у нея нѣтъ и не родилось. Она еще не стара—онѣ съ ней погодки: ей самой пошелъ тридцать шестой, а Еленѣ—тридцать седьмой. Въ письмахъ, за послѣдніе мѣсяцы, Елена про себя, про свои чувства и настроенія писала мало, всего чаще коротенькія записки или письма побольше—фактическія, полныя именъ и своихъ маршрутовъ.

Врядъ ли въ ней, такой живой и смѣлой по своимъ взглядамъ, съ большимъ самолюбіемъ и жаждой всякихъ впечатлѣній, заглохла потребность любить!

Когда Ида у нея объ этомъ спрашивала, та отговаривалась недосугомъ или повторяла свою характерную фразу: „мой часъ еще не пробилъ“.

Ида этому не вѣрила. У ней сложился въ душѣ особый догматъ: каждая женщина обречена на то, чтобы быть живой жертвой, приносимой ненасытному идолу—любви. Одиѣ сразу погибають въ его раскаленномъ жерлѣ; другія до самой смерти ходять съ надрѣзаннымъ сердцемъ, откуда сочится кровь; третьи—и она въ томъ числѣ—до-

живають, отравленные любовнымъ ядомъ, который высосалъ жизненный сокъ изъ ихъ души и оставилъ ихъ дотягивать до смерти, превратясь въ тѣнь того, чѣмъ онѣ были когда-то. Тѣ же, кто устоялъ,—совсѣмъ не женщины...

И Елена не изъ такихъ. Еще два-три года—и она уже старушка, какой Ида и себя считала безъ всякой рисовки.

Она сильно задумалась—и эта дума объ Акридиной заставила ее потянуться къ альбому, гдѣ былъ и портретъ ея, снятый въ какомъ-то полу-мужскомъ восточномъ платьѣ и высланный съ годъ назадъ, съ Кавказа, хотя этотъ портретъ Ида не любила: на немъ Елена смотрѣла старымъ безусымъ мальчикомъ-подросткомъ.

Въ коридорѣ хлопнули дверью и раздались мягкіе шаги въ валенкахъ Финогена; черезъ нѣсколько секундъ и его борода выставилась изъ двери.

— Отъ станціи кто-то къ намъ заворачиваетъ, Лидія Павловна. Чтò прикажете?

— Отчего же колокольчика я не слыхала? — спросила Ида, не смущенная и не обрадованная вѣстью о какомъ-то гостѣ.

— Ъдутъ на легковомъ, въ пошевняхъ, парой.

— Что жъ! Просите и скажите Настасѣ, чтобы самоваръ былъ готовъ.

— Слушаю-съ.

И пяти минутъ не прошло, какъ Ида и Елена уже обнимались въ коридорѣ.

— *Sans crier gare!*—ласково упрекала Ида, развязывая, при помощи Евгеніи, башлыкъ на головѣ своей пріятельницы.—Я бы выслала за тобой.

— Некогда было, милая! Заторопилась вчера, на скорый поѣздъ не попала. И депешу послать забыла. Прости.

Елена говорила быстро, мало связно, очень высокимъ голосомъ, звукомъ и тономъ молодой дѣвушки.

— Озябла! Сядь къ печкѣ.

Ида ввела ее въ гостиную, поддерживая за талію—она была повыше Елены—и, поставивъ противъ лампы, осмотрѣла ее пристально, щуря на нее свои глубокіе и грустные глаза, оживленные пріѣздомъ друга.

— Постарѣла?—спросила Елена, кидая свой башлыкъ на стулъ, и встряхнула волосами.

Голова ея, большая по росту, курчавая, съ черными, густыми волосами, выступала изъ широкихъ плечъ, закинутаая, по привычкѣ, нѣсколько назадъ. Лицо отъ мо-

роза разгорѣлось, еще свѣжее, съ полными щеками. Носъ, крупный, прямой, говорящій о характерѣ, и толстоватыя губы дѣлали ее похожей на молодого мужчину. Но руки и ноги были маленькія, чисто женскія, и грудь полная.

На ней ловко сидѣло дорожное фланелевое платье, полосками, и кофта песочнаго цвѣта. Одѣвалась она не особенно модно, но безъ умышленной небрежности.

— Постарѣла? — повторила она и тотчасъ же, подбѣжавъ къ изразцовой печкѣ, приложила ладони заложенныхъ за спину рукъ.

— Нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ! — серьезно отвѣтила Ида. — Только...

— Будетъ непременно предательское „только“! Чтò же только, Ида, моя милая?

И она еще разъ порывисто обняла ее и поцѣловала въ губы.

— Только ты — какъ на томъ портретѣ — смотришь мальчикомъ.

— Тѣмъ лучше!.. Это сохранять.

Глаза Елены, съ широкимъ разрѣзомъ и голубые, при черныхъ волосахъ, задорно блеснули.

Ея возбужденность пахнула на Иду чѣмъ-то молодымъ. Она еще никогда не видала Елену такой непохожей на женщину, ушедшую въ ученые труды и разѣзды. Прежде, бывало, она сейчасъ же начнетъ говорить, безъ устали, о своихъ работахъ — въ обязательно серьезномъ тонѣ. Теперь ей, впервые, хотѣлось, прежде всего, болтать, по-пріятельски, забывъ, что она — Елена Константиновна Акридина, ѣдущая въ Москву на ученый конгрессъ, гдѣ она будетъ читать блистательные рефераты о своихъ раскопкахъ и разныхъ тонкостяхъ по археологін.

— Чаю, конечно, хочешь?

— О! Чаю, чаю! Поль-царства за самоваръ! — вскричала Елена.

— Сейчасъ будетъ готовъ... Ты надолго ко мнѣ?

— Хотѣла бы на цѣлую недѣлю, да меня потянутъ раньше... До субботы проживу.

— Только?

— На возвратномъ пути опять... дня два, можетъ, и больше.

— Ты у своей племянницы, la belle Nina?

— Да, она проситъ, хотя мнѣ не очень это улыбается.

Ида, стоя против нея, положила ей руки на плечи; та продолжала грѣть свои ладони, прикладывая ихъ къ гладкимъ изразцамъ кафельной печки. Тутъ же рассказала она про письмо Лыжина и, прищурившись, дала понять, что его, кажется, начинаетъ интересовать Нина, и онъ, вѣроятно, будетъ часто бывать у Кумачевыхъ.

— Лыжинъ!.. Въ какихъ онъ теперь? Въ толстовцахъ?

— О, нѣтъ! — протянула Ида. — *Il a liquidé! Il veut simplement vivre.*

— И это всего лучше! — горячо выговорила Елена и, взявъ Иду за талию, заходила съ ней по гостиной.

XXIX.

Было уже поздно; онѣ все еще не расходились спать. Въ гостиной догорала лампа. Ида лежала на диванѣ; Елена прилегла на короткой кушеткѣ, поджавъ подъ себя ноги.

Безъ умолку говорила она, за чаемъ, о своихъ планахъ, разъѣздахъ и работахъ. Въ гостиной тонъ ея сталъ вдругъ совсѣмъ иной, даже въ голосѣ слышались болѣе низкія ноты, и фразы не сыпались такъ быстро, съ обычнымъ, рѣзковатымъ ритмомъ.

Она стала спрашивать Иду про ея послѣдній романъ. Та отвѣчала односложно, не то чтобы нѣхотя, а какъ о вещи, безвозвратно канувшей въ вѣчность.

— Неужели ты похоронила свое сердце? — воскликнула Акридина среди этого разговора.

— *J'ai engraissé!* — возразила Ида, своимъ всегдашнимъ французскимъ терминомъ.

— *Engraissé! Engraissé!* — подхватила Акридина. — Это тебѣ только такъ кажется. Еще если бъ на твоемъ мѣстѣ была женщина, способная удариться во что-нибудь другое — въ науку или въ благочестіе, въ дѣтей, въ пропаганду... А вѣдь у тебя такихъ ресурсовъ нѣтъ. Какъ же ты проживешь?

— Живу, — откликнулась кротко и спокойно Ида, — и мнѣ не нужно прежняго постыднаго рабства передъ мужчиной.

Она отвѣчала по-французски. Елена вела разговоръ больше по-русски. У нея не было такой привычки думать на чужомъ языкѣ, какъ у ея друга.

— Рабство! — опять съ какимъ-то новымъ для Иды оттѣнкомъ задора повторила Елена. — Это, милая моя,

фразы! Все рабство! Безъ кислорода воздуха ты не про- живешь трехъ минутъ. И это тоже рабство? Нѣтъ ни одного сильнаго ощущенія, ни идей, ни высокихъ чувствъ и дѣлъ—безъ жертвы; другими словами—безъ преклоненія передъ чѣмъ-нибудь, выше насъ стоящимъ, безъ боли, безъ потерь.

— У тебя больше умѣнья говорить, Елена, и я спорить не буду. Ты меня спрашиваешь. Я отвѣчаю: теперь мнѣ легче, мнѣ совсѣмъ легко. Нельзя любить всю жизнь. На все—своя пора. И въ мужчинахъ это такъ же; только они испорченнѣе и менѣе смѣшны, когда влюбляются съ сѣдыми волосами.

— Ты ошиблась—вотъ и все,—говорила медленно и вдумчиво Елена, лежа на кушеткѣ, съ подушкою, которую она обняла одной рукой.—Ты ошиблась, милая,—и жестоко ошиблась. Дурной выборъ былъ сдѣланъ цѣлыхъ два раза. Они могли и совсѣмъ тебя раздавить—такіе два опыта. Ты не потеряла, однакожь, ничего, кромѣ призрака счастья.

— Какъ ты можешь знать?

— А ты знаешь?—Акридина приподняла голову и уперла ее на ладонь руки.—Если ты думаешь, что сердце твое заморожено навѣки—ты можешь грубѣйшимъ образомъ ошибаться! Давно какой-то мудрецъ сказалъ, что одна жизнь въ состояніи показать намъ, порочны мы или праведны. Такъ точно и въ дѣлѣ любви.

Ида слушала ее не безъ нѣкотораго удивленія, все съ возрастающимъ интересомъ. Она не могла отвѣчать ей иначе; но тутъ дѣло шло не объ одномъ ея счастьи. Въ своей пріятельницѣ зачуяла она что-то новое, и ей невольно припомнилось то, что она думала объ Еленѣ, еще сегодня, у лампы.

— Ты пойми,—доходилъ до нея вздрагивающій голосъ Елены.—Пойми, Ида: мужчина—только поводъ, или объектъ, по ученому выраженію. Но отправленіе...

— La fonction?—переспросила Ида серьезно, точно хорошая ученица на урокъ.

— Ну да, функція, сила, стремленіе, высшій жизненный позывъ сидитъ въ тебѣ, въ насъ, во всѣхъ насъ—женщинахъ. И если ты этой функціи не лишилась—ничто не потеряно... И это не о тебѣ одной, милая... Ты испытала любовь, и она тебѣ дорого обошлась; другія и до твоей поры дожили, и ничего не испытали. Имъ, быть-

можетъ, сдается, что имъ не дано этой силы души, что они—нравственные уроды. И вдругъ—толчокъ, искра!..

— Un monsieur plein de suffisance et d'égoïsme crasseux,—добавила Ида безстрастно и вѣско.

— Не въ этомъ дѣло! Одинъ—негодяй, другой—герой и праведникъ... Не въ этомъ совѣмъ дѣло! Но онъ—именно онъ, а не другой кто—заронить искру, и женщина сразу познаетъ, какая въ ней дремала сила и сколько эта сила въ состояннн дать радости. Или страданій—это все равно! Но какихъ страданій? Великихъ, захватывающихъ!

Голосъ Елены оборвался и точно всхлипнулъ. Въ этомъ звукѣ далъ себя знать не простой задоръ женщины, любившей „принципіально“ споръ,—что-то иное.

Идѣ припомнился другой, такой же долгій разговоръ, ночью,—это было въ Парижѣ,—и Елена, послѣ утѣшеній, въ ея послѣднемъ любовномъ ударѣ, стала негодовать, какъ женщина срамить себя, точно она неспособна ни на что, кромѣ страсти къ мужчинѣ, что для нея вся суть жизни—въ *этомъ*, въ страсти, и во всемъ, чтó съ нею связано; а какъ только ее не хотятъ больше любить, она—бездельное, никуда не годное существо, безъ идей, безъ таланта, безъ энергіи, безъ малѣйшей любви къ труду, къ человѣчеству, къ истинѣ.

Ей припомнилось даже извѣстное изреченіе, которымъ Елена заклеивала женщинъ:

— „Гробы повапленные!“

И тогда она попросила ее объяснить ей это выраженіе: евангеліе она читала по-англійски и славянскаго языка до сихъ поръ хорошенько не понимаетъ, кромѣ самыхъ употребительныхъ молитвъ.

Лампа стала гаснуть.

— Ah, mon Dieu!—слабо воскликнула Ида и торопливо встала съ дивана.

— Погаси ее. Свѣту не нужно. Останемся впотьмахъ... Я люблю.

Ида погасила и вернулась на диванъ. Онѣ продолжали разговаривать, и темнота охватила обѣихъ особеннымъ настроеніемъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, впотьмахъ.

— Елена!—окликнула ее Ида вполголоса.—Ты совѣмъ другая... Неужели?..

Она не договорила своего вопроса.

— Ахъ, милая!—Акридина заложила руки за голову и

лежала навзничь, смотря въ темноту, куда чуть-чуть проникалъ свѣтъ лунной ночи и отражался на изразцахъ печи. — По правдѣ тебѣ сказать, я чувствую, что во мнѣ происходитъ...

Она не сразу нашла слово.

— Une crise—quoi?—спросила Ида.

— Пожалуй! Что жъ грѣха таять — я злоупотребляла работой ума... Это хорошо: мужское дѣло — и женщина должна за него браться, если не желаетъ быть вѣчно на правахъ малолѣтней... И вотъ, милый мой другъ, съ нѣкоторыхъ поръ, когда много уже сдѣлано... успѣхъ, репутація — все это идетъ въ гору, совсѣмъ не того хочется!

„Я знаю—чего“, — подумала Ида и улыбнулась; не злобно, а съ горечью за свою подругу.

— Ты понимаешь—археологія, раскопки... все это прекрасно, только сушь это непомѣрная, какъ ни приправляй ее всякимъ гарниромъ.

— Oui, — выговорила шутливо Ида, — *ce n'est pas du dernier drôle!*

— Талантъ хочется выразить въ чемъ-нибудь другомъ... въ краскахъ, въ звукахъ или въ образахъ. Иной разъ меня защемило досада на то, что я не занималась ни живописью, ни музыкой. Даже ни одной повѣсти не написала за цѣлую жизнь.

— Пиши.

— Легко сказать!

— Попробуй. Если есть талантъ—это сейчасъ будетъ видно.

— И не одно это, — продолжала какъ бы вслухъ мечтать Акридина, такъ же вполголоса и гораздо медленнѣе, — не одно это! Встряхнуться, идти на борьбу не съ отвлеченной идеей, а съ живымъ человѣкомъ.

— Avec un mâle, — проронила Ида.

Елена точно не слыхала этихъ словъ.

— Все бросить, хоть на время, и узнать, что такое, когда забываешь себя, когда новал, сладкая сила подниметъ тебя надъ землею и понесетъ, какъ въ сказкѣ.

— Mais, mon vieux, — выговорила громче Ида, — *tu veux aimer!*

— Не знаю, — вымолвила она почти съ горечью.

— Или ты уже любишь?

— И не думаю! — болѣе весело вырвалось у Акриди-

пой.—Однако, пойдѣмъ спать, а то мы—какъ двѣ инстинтутки на вакаціи.

Ида зажгла свѣчу и, взявъ, съ блуждающей улыбкой, свою подругу за талию, повела ее въ ея комнату.

Горничная спала, и онѣ ея не будили.

Дверь комнаты „для гостей“ приходилась наискосокъ спальни Иды. Онѣ оставили обѣ двери открытыми, чтобы можно было переговариваться.

Свѣчи были уже потушены.

— Елена, ты спишь?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хочется.

— Здѣсь ночевалъ Юрій Лыжинъ.

— Какое онъ теперь?—спросила возбужденно Елена.— Постарѣлъ? Опустился?

— Au physique—point. Il peut plaire.

— Ну, а душой?

— Очень милый, но утомленный... Мы понимаемъ другъ друга.

— Отчего же ты нейдешь за него?

— Онъ не сватается,—полусмѣясь отвѣтила Ида.

— Чего же ему еще надо?

— Мы оба мужчины.

— Не вѣрю,—протянула Елена.—Прощай! Пора, милая.

— Прощай!

Все смолкло; только на дворѣ собака-овчарка тявкнула разъ, другой, и опять забила въ конуру.

„Cette pauvre Hélène a quelque chose“,—убѣжденно подумала Ида и стала засыпать.

XXX.

Сосновый лѣсъ стоялъ безмолвно, окрашенный съ одного конца косвенными лучами заката. Тропка, расчищенная вдоль просѣки, вела къ усадьбѣ.

Впереди шли рядомъ Акридина и Боярцевъ.

Онъ поѣхалъ утромъ поблагодарить Лидію Павловну за приглашеніе на открытіе школы и переговорить о какихъ-то формальностяхъ насчетъ училищнаго совѣта. У нея въ домѣ онъ былъ въ первый разъ. За завтракомъ у нихъ съ Акридиной зашелъ разговоръ, до какихъ она была такая охотница, и продолжался на прогулкѣ въ лѣсъ.

Ида уже замѣтила, что этотъ стройный и красивый блондинъ, съ его особеннымъ серьезнымъ тономъ и симпатичнымъ голосомъ, сразу вызвалъ въ ея подругѣ жела-

ніе помѣряться съ нимъ идеями и вкусами. Онъ далъ понять, что знаетъ ее по репутаціи и самъ интересуется русскими древностями. Къ концу завтрака у нихъ вышелъ уже споръ, и Елена сказала ему довольно рѣзко:

— Извините меня, я занимаюсь археологіей, какъ наукой; но руссофильства на деревянномъ маслѣ не придерживаюсь.

Боярцевъ смолкъ и до конца завтрака говорилъ почти исключительно съ Идой. Это задѣло Акридину, и въ лѣсу, когда Ида, двигаясь очень медленно, отстала отъ нихъ, она возобновила разговоръ въ другомъ, болѣе сдержанномъ тонѣ.

Внутренно она волновалась и теперь, идя съ нимъ въ ногу, еще явственнѣе для самой себя, чѣмъ за завтракомъ.

Въ профиль она находила Боярцева еще красивѣе. Черты были, правда, нѣсколько мелки для такого видаго роста. Общій обликъ правился чистотой линій и выраженія. Щеки розовѣли, совсѣмъ какъ у юноши. Она уже замѣтила за завтракомъ, что онъ не разучился краснѣть, хотя былъ совсѣмъ не застѣнчивъ и говорилъ убѣжденно, хорошо владѣя фразой. Она уже сообразила, что Боярцевъ университетскаго образованія и очень начитанъ. Можетъ-быть, онъ даже магистрантъ: нынче не рѣдкость и въ уѣздѣ, въ званіи предводителя, встрѣтить такихъ. Въ немъ—въ его языкѣ, звукѣ голоса, манерахъ, тонѣ, во всемъ—сидѣлъ настоящій москвичъ, „барское дитя“, какъ она мысленно опредѣлила его,—но барское дитя, „вкусившее интеллигенціи“—и въ значительной долѣ.

— Вы, пожалуй, — заговорила Елена и взглянула на него вбокъ, — въ правѣ были счесть меня за нестерпимую сектантку... за нигилистку, можетъ-быть, ха-ха...

Елена уже знала, что его зовутъ Романъ Денисовичъ, но не называла его по имени и отчеству.

Боярцевъ заморгалъ—это у него часто бывало въ разговорѣ—и поправилъ рукой бровную шапку. Одѣтъ онъ былъ въ дорожный тулупчикъ, съ таліей, на мерлушкѣ, со стоячимъ воротникомъ, что его еще болѣе моложавило.

— Нисколько, — отозвался онъ, подумавши. — Мы, кажется, не одного лагери; но развѣ я такъ отзываюсь деревяннымъ масломъ?

— Ха-ха!—Елена разсмѣялась очень молодо и, остановившись, протянула ему руку.—Sans rancune! Я беру свои слова назадъ.

Боярцевъ пожалъ ея руку съ двойственной усмѣшкой. Она почувствовала себя задѣтой. Этотъ „аристократишка“ хочетъ все давать ей уроки такта и обращенія. Вѣдь и она не разночинка и не выскочка. И ее воспитали какъ барышню. Это не помѣшало ей стать тѣмъ, что она есть, и свое душевное и умственное добро защищать всегда и вездѣ по-мужски.

— Можно,—сказалъ Боярцевъ, помолчавъ опять,—не быть ни ханжей, ни даже руссофиломъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и чувствовать между собою и народомъ своимъ коренную связь.

И онъ поглядѣлъ на нее вбокъ, съ полуопущенными рѣсницами.

— Я этого не отрицаю.

— И мнѣ кажется,—мягче и задушевиѣ продолжалъ Боярцевъ,—для тѣхъ, кто, какъ вы, изучаетъ, между прочимъ, и нашу старину, тяжело сознавать, что между вами и народомъ—пропасть, во всемъ, чѣмъ онъ духовно живетъ.

„Вонъ ты куда пробираешься!“—подумала она и чуть замѣтно закусил губу.

— Его духовной жизнью мы и занимаемся—его религіей, бытомъ, преданіями и искусствомъ...

— Не спорю. Я васъ... Елена Константиновна,—тономъ полувопроса произнесъ онъ,—недостаточно знаю, въ смыслѣ вашихъ основныхъ идей и вѣрованій; но мнѣ кажется, что у многихъ изслѣдователей народной души отношеніе къ нашему народу—точно къ какимъ паузамъ. Это для нихъ такой же предметъ, какъ и каннибалы, какъ первобытные народы въ эпоху матриархата, полиандрія, общности женъ или кровомщенія.

— Наука стоитъ выше отжившихъ пристрастій и вѣрованій!—выговорила Акридина опять болѣе твердымъ, мужскимъ тономъ.

Въ ней забродило сложное чувство: этотъ „дворянчикъ“, въ званіи предводителя, который и сегодня, за завтракомъ, крестился съ какой-то особой обстоятельностью,—человѣкъ не ея лагеря. Она такихъ уже встрѣчала и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и въ интеллигенціи, часто и среди ученыхъ. Многіе ея коллеги по археологіи и первобытной культурѣ „зашибаются“ славянофильствомъ и руссофильствомъ. Пускай бы и этотъ, во всякомъ случаѣ, дилетантъ, хотя и начитанный, вѣрилъ во что ему угодно.

Не это ее теребило, а то, что онъ держится съ ней тона молодого человѣка, ведущаго умный разговоръ съ специалисткой извѣстной репутаціи и извѣстныхъ мыслей.

Дорогой она нѣсколько разъ, незамѣтно для него, взглядывала на Болрцева. Онъ—еще совсѣмъ молодой человѣкъ; на видъ ему много двадцать четыре года, хотя Пда и говорила ей, что ему подъ тридцать.

И рядомъ съ нимъ она уже дама, годится ему въ старшія сестры, а злобный шутникъ скажетъ: „и въ тетеньки“. Женщины онъ въ ней точно совсѣмъ не замѣчалъ.

Быть-можетъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, испытывала она около молодого мужчины такое раздвоеніе своей личности. И женщина въ ней заговорила сильнѣе специалистки и сторонницы строго научныхъ взглядовъ, не желающей вдаваться ни въ какой мистицизмъ, чѣмъ бы онъ себя ни прикрывалъ.

Съ нѣкотораго времени она стала гораздо больше заниматься своимъ туалетомъ, и Ида уже замѣтила это ей сегодня съ одобреніемъ. Но она пошла гулять въ шубѣ „по талѣ“, отзывавшейся третьегодней модой. Она ей была узковата. Шапочка тоже не особенно шла къ ней. На ногахъ большія калоши—„бахилы“, какъ говорятъ въ Москвѣ.

Все это она должна была обновить, какъ только поселится у своей племянницы, Нины Кумачевой.

— Вы живете въ имѣніи или только наѣзжаете сюда?—спросила она, не безъ желанія перемѣнить тему разговора, чтобы не выдавать себя.

— У меня въ Москвѣ—*pied-à-terre*, зимой, но я больше въ усадьбѣ.

— И ваша должность васъ интересуетъ?

Противъ ея воли вопросъ звучалъ скептически.

— Весьма!.. Должность эта теперь, — онъ протянулъ слово,—очень вліятельная и очень серьезная.

— Будто?

— Увѣрю васъ.

И во взглядѣ его слегка прищуренныхъ глазъ она могла прочесть:

„Какъ же это вы, сударыня, занимаетесь отечествовѣдѣніемъ, а не знаете: какъ живетъ теперь русскій уѣздъ и какую серьезную роль можетъ играть въ немъ предводитель?“

— Вы считаете и земскихъ начальниковъ важнымъ институтомъ?

Не сразу отвѣтилъ Боярцевъ.

— И они могутъ быть очень полезны. Народъ нашъ нуждается въ хорошемъ руководствѣ.

— Но если вы народникъ, какого бы то ни было отънка, вы не должны ему навязывать опеку.

— Я не считаю себя народникомъ, какъ вамъ, быть-можетъ, угодно думать,—медленно выговорилъ Боярцевъ, точно прислушиваясь къ своему голосу.—Правду и добро, все, что есть въ нашемъ крестьянствѣ здороваго и благо-творнаго, — оно воспитало въ себѣ на общечеловѣческой почвѣ...

— Какой же?—нетерпѣливо подхватила Акридина.

— Христовой вѣры.

„Ну да, ну да... такъ и есть“,—подтвердила она, и ей стало досадно на самое себя: она все волнуется въ разговорѣ; а у него—прекрасный тонъ.

— Подождите Иду!—сказала она у опушки лѣса.

Ида догнала ихъ черезъ три-четыре минуты. Она за-пыхалась, и щеки ея порозовѣли. Воротникъ живописно обрамлялъ ей интересную голову.

— Все въ спорахъ?—сказала она, подходя къ нимъ.

— Нисколько!—отвѣтила за обоихъ Акридина.

Боярцевъ сталъ прощаться, не входя въ комнаты; ему надо было попасть засвѣтло на станцію.

— Вы вѣдь знакомы съ Ниной? —спросила Акридина Боярцева.

— Встрѣчалъ.

— Мы еще увидимся... Вы посѣтите нашъ съѣздъ?

— Постараюсь.

— Я попрошу моего знакомаго Лыжина дать вамъ знать о пріѣздѣ Иды.

Боярцевъ молча поклонился и пожалъ имъ обѣимъ руки.

Его сани дожидались тутъ же, у крыльца.

XXXI.

Все было готово къ отъѣзду Акридиной въ Москву послѣ ранняго завтрака.

Ида ходила по гостиной и подносила изрѣдка папи-росу къ своимъ блѣднымъ губамъ. Къ ней иногда воз-вращалось желаніе курить, но чаще въ разговорѣ, чѣмъ въ одиночествѣ.

Наклонившись надъ кожаннымъ дорожнымъ мѣшкомъ, Елена укладывала въ него какія-то брошюры.

— Ты даешь мнѣ слово прїѣхать въ Москву? — живо окликнула она Иду.

— Развѣ это нужно? Вѣдь ты еще заѣдешь сюда?

— Милая! Я не могу ручаться, что меня не начнутъ таскать по разнымъ обществамъ и вечерамъ, и я, противъ воли, заживусь.

— Если такъ... я прїѣду.

— Ты у Нины не остановишься?

— Съ какой стати?

Елена защелкнула замокъ мѣшка и, сдѣлавъ жестъ руками, похожій на тотъ, когда аплодируютъ, подошла къ Идѣ.

— Видишь ли... я сама не очень рада тому, что буду гостить у Нины. Но я не хотѣла ее обидѣть. Въ ол родственныя чувства — между нами — я не очень вѣрю. Она и мужъ ся интересуется мною, потому что я — на виду. Въ нѣкоторомъ родѣ феноменъ,—со смѣхомъ добавила она.

И тотчасъ же, о чемъ-то подумавъ, она остановила Иду и положила ей руки на плечи своимъ любимымъ жестомъ.

— Помнишь, мы видѣли съ тобой въ Парижѣ или въ Петербургѣ... кажется, въ Петербургѣ, какую-то пьесу, она еще меня возмутила... гдѣ главное лицо — женщина-врачъ?

— La doctoresse?

— Да, да! И когда она попадаетъ въ семейство клоуновъ, ей старшая дочь говоритъ: „Vous êtes phénomène... Moi aussi je fus phénomène!“

Онѣ обѣ засмѣялись.

— Вотъ и я для Нины феноменъ,—повторила Елена.

— Тебѣ будетъ тамъ хорошо. Юрій сегодня встрѣтитъ тебя.

— Ты развѣ писала?

— Я послала ему депешу.

— Зачѣмъ?

— Il faut qu'il se dégourdisse un peu.

— Ты думаешь, что Нина... lui donne sur la peau? — кончила она по-французски.

— Peut-être.

— Не надо этого желать, милая. Онъ можетъ увлечься.
А у Нины здѣсь, кажется, ничего нѣтъ.

Она указала на сердце.

— Любить ему—поздно,—сказала Ида.--Онъ слишкомъ утомленъ.

— Отчего? Настоящей жизнью онъ не жилъ, только дѣлалъ опыты. Вы съ нимъ, Ида, слишкомъ рано ликвидировали.

— Не такъ жили. Ты вотъ собираешься, кажется, заново жить?

Ида поцѣловала подругу и взглянула на нее игриво.

— Le beau blond? Hein?—вполголоса выговорила она.

— Какой?

— Боярцевъ.

— Вотъ глупости какія!

— Ты покраснѣла!.. Елена, ты покраснѣла!

— И не думала! Если это и герой, то не моего романа.
Онъ еще мальчуганъ. Я ему въ тетки гожусь.

— Qui sait!—протянула Ида.

Изъ дверей показалась борода Финогена, съ обычнымъ выраженіемъ, говорящимъ: „все готово“.

— Пора?—спросила его Елена.

— Пора, Елена Константиновна, къ поезду только что такъ.

— Хорошо. Вещи вынесъ?

— Такъ точно.

Елена отдала ему мѣшокъ, въ коридорѣ поспѣшно одѣлась съ помощью Евгени и нѣсколько разъ поцѣловала Иду въ лобъ и въ губы.

— Пріѣзжай. Тебѣ надо встряхнуться. Я не хочу, чтобы ты заживо себя похоронила.

— Хорошо.

Ида укутала ее въ бѣлый пуховый платокъ и хотѣла проводить въ сѣни; Елена остановила ее.

— Простудись. Поклонись отъ меня твоей учительницѣ. Она мнѣ очень понравилась. Толковая и скромная.

Елена посѣтила наканунѣ школу и оставалась тамъ до обѣда.

— Чтò въ ней краснаго?—вполголоса спросила Ида.

— Ничего! Я доложу господину Кумачеву, что онъ сдѣлалъ просто гадость. Но ей у тебя не хуже. Ну, прощай.

Онѣ еще разъ обнялись, и Елена бодро сбѣжала со ступеней крыльца и сѣла въ пошевни, покрытыя ковромъ.

Финогенъ погналъ лошадей. Всѣ собаки провожали ихъ съ радостнымъ лаемъ. Дорога была уже укатана, морозъ легкій, и пріятный свѣтъ лился съ блѣднаго неба.

— Что не погостили у насъ подольше, милостивая государыня? — спросилъ Финогенъ, обернувши къ ней улыбающееся лицо.

— Пора въ Москву.

— Барышню нашу не соблазнили попасть въ столицію?

— Пріѣдетъ. Обѣщала.

— Разлюбезное бы дѣло... Авось и женишка. А то все въ одиночествѣ обрѣтаются.

И, не докончивъ, Финогенъ ударилъ по лошадамъ; но внезапно опять обернулся и добавилъ:

— Вы меня не обезсудьте, милостивая государыня... я отъ своего убогаго разумія.

Она весело кивнула ему головой и внутри ея все смѣялось отъ его „милостивой государыни“.

Собаки продолжали скакать по сторонамъ и впереди саней. Лошадки такъ и рвались. Финогенъ пускалъ особое гиканье, и онѣ сбивались тогда вскачь.

До прохода поѣзда въ Москву оставалось всего четверть часа. Финогенъ суетливо сталъ выгружать изъ саней вещи и пригласилъ Елену Константиновну, „пожаловать“ въ пассажирскую залу и поручить ему покупку билета и сдачу багажа.

Онъ со всѣмъ этимъ справился очень быстро. Билетъ онъ взялъ перваго класса, о чемъ Акридина немного пожалѣла; но потомъ подумала, что за ней, вѣроятно, выйдетъ Нина и поморщится, видя, какъ ея тетка вылезаетъ изъ вагона втораго класса.

Совсѣмъ уже смерклося, когда оберъ-кондукторъ усадилъ ее въ дамское отдѣленіе, гдѣ она оказалась одна и одной просидѣла до самой Москвы.

Читать ей не хотѣлось, хотя спальный кондукторъ, заглянувъ къ ней, предлагалъ свѣчу. Она легла на одинъ изъ дивановъ и, съ закрытыми глазами, въ сизомъ полусвѣтѣ, который шелъ отъ фонаря, завѣшеннаго матеріей, раздумалась.

Сначала объ Идѣ. Она уѣзжала отъ нея точно отъ тяжело-больной, не сознающей, что ее давно приговорили къ смерти. Ида не жаловалась, увѣряла ее, что ничего

не желаетъ, кромѣ тишины, свободы и хорошаго одиночества. Школа, правда, занимаетъ ее; но она не кладетъ въ нее всей души. Да и что же такое школа? Развѣ она можетъ такъ захватить? Есть хорошая учительница... Каждый день надзирать и опекать — это только путать безъ толку.

Нѣтъ, она не вѣрила, чтобы Ида покончила жизнь женщины. А если—да, то она—мертвецъ. Безъ любви ея существованіе не имѣетъ смысла.

И это слово „любовь“, выговоренное ею мысленно, какъ-то непроизвольно вызвало въ головѣ картинку. Они идутъ по лѣсной тропѣ съ предводителемъ... Ида напрасно думаетъ, что „le beau blond“ задѣлъ ее. Однако, оставилъ какое-то чувство не то досады, не то задора, не то любопытства, если не яркаго желанія — приглядѣться къ этому „спиритуалисту“: такъ она его и назвала—для себя.

До сихъ поръ вездѣ, гдѣ она играла первую роль, мужчины — даже и не оя лагеря — или говорили общія лестныя фразы, или спорили, въ деталяхъ. Этотъ „дворянчикъ“ едва ли не первый сказалъ ей сразу, что между нею и народомъ, который она изучаетъ, лежитъ пропасть, и до души этого народа—ей дѣла нѣтъ! Это—неправда. Она всегда жалѣла и любила народъ, — разумѣется, не на основѣ „деревяннаго масла“.

Въ родѣ Боярцева она встрѣчала мужчинъ въ послѣдніе три-четыре года; совершенно похожаго — нѣтъ. И по виѣшности—также.

Подъ качающій ритмъ поѣзда она забылась, и ей, въ полуснѣ, опять среди свѣжой природы, видѣлось мужское лицо, съ тонкими, некрупными чертами, съ нѣжной краской щекъ. И голосъ — высокій, почти юношескій — слышался, вплоть до манеры произносить отдѣльные слова.

Какъ иглой проколола ей мозгъ мысль: „Я гожусь ему въ тетеньки“.

Елена раскрыла глаза и быстро подняла голову.

Поѣздъ вѣхалъ уже подъ сводъ вокзала и электрическій свѣтъ заливалъ все, забираясь и въ полутемноту вагона.

Первый подошелъ къ ней на платформѣ высокій мужчина въ сибирскомъ ермолѣ и бурой войлочной шапкѣ.

Она очень обрадовалась .Ижину и звонко поцѣловала его въ щеку, когда онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Здѣсь Антопина Борисовна,—сказалъ онъ ей, улыбувшись изъ-подъ своихъ длинныхъ усовъ,—и вашъ знакомый—Эсауловъ.

Нина уже подходила къ ней, съ другой стороны, и шуба, свѣтло-гороховая, съ богатымъ шитьемъ, подбитая розовымъ тибетскимъ мѣхомъ, въ первую минуту совѣмъ озадачила ее.

— Ma tante!—музыкально воскликнула Нина, сіяя своимъ чудеснымъ цвѣтомъ лица.—Вы со мною, въ каретѣ. Monsieur Эсауловъ, — указала она на своего пріятеля, — пріѣхалъ привѣтствовать васъ.

— Мы старые знакомые, — замѣтила Елена, и тутъ же почувствовала, какъ она мала ростомъ, не молода и не нарядна рядомъ съ этой „великолѣпной“ Ниной, въ ея шубѣ на розовомъ мѣху, придававшей ей что-то полусказочное въ волнахъ голубоватаго электрическаго свѣта.

XXXII.

Шторы были еще спущены въ тѣхъ двухъ комнатахъ куда Нина помѣстила Акридину, въ первомъ этажѣ, по другую сторону сѣней, гдѣ не такъ давно была дѣтская, переведенная наверхъ.

Наканунѣ Елена вернулась въ третьемъ часу ночи съ совѣщанія, которое затянулось и кончилось очень длиннымъ, чисто московскимъ ужиномъ, съ рѣчками и здравницами. Взглянувъ на часики, поставленные на ночномъ столикѣ, она застыдилась своего „безобразія“ и тотчасъ же вскочила съ постели.

Горничной она не звала. Она привыкла — давнымъ-давно—обходиться безъ прислуги. Все было приготовлено съ вечера на ея умывальномъ столѣ, и платье висѣло въ шкапу, вынутое изъ чемодана.

Обѣ комнаты — спальня и родъ гостиной — составляли особое помѣщеніе и были отдѣланы съ солидной, англійской роскошью. Такъ помѣщаютъ своихъ гостей только въ англійскихъ усадьбахъ. Она даже вспомнила такія двѣ комнаты, отведенныя ей въ коттеджѣ, въ окрестностяхъ Лондона, у одного богатаго адвоката, имѣющаго имя въ соціальныхъ наукахъ; только тамъ была еще ванна, а въ домѣ Кумачевыхъ она помѣщалась особо.

Все, начиная съ вида и костюма горничной и до последней подробности комфорта, поражало въ русскомъ домѣ своей добротностью и изяществомъ. Ничего подоб-

наго не видала она и въ самыхъ богатыхъ барскихъ домахъ. Тамъ, почти всегда, парадныя комнаты, будуаръ, спальня хозяйки отдѣланы роскошно, а остальное — кое-какъ, даже въ деревенскихъ домахъ, съ десятками комнатъ.

Родители Нины прожили большое состояніе, и она помнитъ, какъ ея мать бросала деньги на разныя затѣи, но если бы ей пришлось у нихъ гостить, въ Россіи или за границей, — ее бы помѣстили въ тѣсную комнату съ желѣзной койкой и плохимъ умывальникомъ.

Послѣшно одѣваясь, Елена не могла не думать о новомъ классѣ русскихъ людей, откуда вышелъ супругъ великолѣпной Нины — купчикъ Кумачевъ, паходлящійся на прямой линіи къ камеръ-юнкерству и къ должности лорда-мэра, когда придетъ его чередъ. И она еще не знала, кто кого перевоспитываетъ на свой фасонъ: Нина — Захара Лукьяновича, или онъ — жену? Кажется, происходитъ, — какъ она вчера замѣтила, засыпая, — органическій „экзосмозъ“ и „эндосмозъ“, проникновеніе взаимно притягивающихся элементовъ.

И вчера же, уѣзжая послѣ обѣда на совѣщаніе, она невольно поставила рядомъ двѣ фигуры и двѣ фізіономіи: коммерсанта Кумачева и предводителя Боярцева. При всемъ ихъ несходствѣ — въ обонхъ есть что-то общее. Они оба — одной полосы и того же десятилѣтія. Въ обоихъ — сознательный и довольно твердый консерватизмъ, съ національной окраской, хотя одинъ, кажется, идеалистъ, а другой — несомнѣнный практикъ.

Еленѣ стало почти непріятно, что Кумачевъ напомнилъ ей о Боярцевѣ.

Она еще вчера, за завтракомъ, спрашивала, знакомы ли Кумачевы съ Боярцевымъ. Нина встрѣчала его въ одномъ строгомъ дворянскомъ домѣ; мужъ ея зналъ его по какой-то комиссіи, гдѣ они оба засѣдали, какъ гласные. Но у нихъ онъ не бываетъ. Нина тотчасъ же предложила ей позвать его обѣдать, на что она отвѣтила, что знакома съ нимъ слишкомъ еще мало.

Съ Ниной онъ на „вы“. Она ей приходится теткой, но самой отдаленной: она была троюродная сестра ея матери, чуть не на двадцать лѣтъ моложе той. На это она обратила вниманіе Захара Лукьяновича, чего съ ней никогда не случалось. Своихъ лѣтъ она никогда не скрывала и даже любила повторять, что ей подъ-сорокъ, когда

ей было только „сильно“ за тридцать. И она ощутила— за тѣмъ же разговоромъ о Боярцевѣ — явственное удовольствіе, когда мужъ Нины на ея замѣчаніе, что онъ „юнъ“, обстоятельно отвѣтилъ:

— Это только такъ кажется... Я полагаю, что ему за тридцать, не меньше тридцати двухъ-трехъ.

Стало-быть, онъ моложе ея на какихъ-нибудь три-четыре года, а можетъ—и ровесникъ.

Въ гостиной, пока Акридина спала, все было готово для утренняго чая—и опять въ англійскомъ вкусѣ—даже и гренки столли въ серебряномъ штативѣ, и приборъ для бараньихъ котлетъ, и чашечка для яицъ всмятку. Стоило только позвонить — и официантъ сейчасъ все внесетъ и уставить. Нина сама предложила ей пить утромъ чай у себя, „какъ въ отелѣ“, — прибавила она, и если она желаетъ, то у себя же и завтракать.

И какъ въ хорошемъ отелѣ, на одинъ звонокъ являлся лакей, на два—горничная, на три—швейцаръ.

Два официанта въ темно-коричневыхъ ливрейныхъ фракахъ сразу внесли серебряный самоваръ и горячую ѣду.

Одинъ изъ нихъ, уходя, доложилъ ей:

— Господинъ Лыжинъ приказали спросить: могутъ ли они пройти къ вамъ? Они теперь въ кабинетъ Захара Лукьяновича.

Это ее обрадовало. Вчера она мелькомъ видѣлась съ нимъ; а въ этотъ прїѣздъ ей о столькомъ надо было переговорить съ нимъ по душѣ.

Лыжинъ нашелъ ее за ѣдой и шутливо попенялъ ей позднее вставаніе—было уже около двѣнадцати. Отъ чая и яицъ онъ отказался.

Лицо Елены нашелъ онъ несвѣжимъ, съ красноватыми вѣками отъ вчерашняго ужина. Туалетъ ея, хотя она и очень быстро одѣвалась, былъ уже не домашній, а приготовленный къ выѣзду, и онъ шелъ къ ней. Но, какъ всегда, она смотрѣла скорѣе мальчикомъ, чѣмъ дамой за тридцать.

— Спасибо, Юрій Петровичъ, большое спасибо, что зашли именно теперь. И, черезъ полчаса, улечу, и на цѣлый день. А я такъ жажду бесѣды съ вами. Извольте, прежде всего, говорить о себѣ... Чаю хотите?

— Чашку выпью.

Лыжинъ сидѣлъ сбоку стола, наклонивъ голову, и тихо улыбался. Съ Акридиной ему было не такъ легко и по-

койно, какъ съ Идой; но онъ теперь уже не боялся ея „прямолинейности“ и готовъ былъ прямо сказать ей, что считаетъ себя „нравственнымъ банкротомъ“.

На это ему не нужно было никакихъ подходовъ; да и она отъ Иды слышала про его теперешнее настроеніе.

— Что жъ, Лыжинъ,—говорила она ему, прихлебывая изъ чашки послѣ котлеты,—вамъ надо осмотрѣться и просто пожить.

— И это и дѣлаю.

— Но не думать, что вы ликвидируете. Нѣтъ! Вы кончили съ временнымъ сектантствомъ... И прекрасно. Я васъ за это хулить не буду. Довольно! Это все бунтъ противъ науки. Я вотъ не считаю себя падшей душой оттого, что, признавая знаніе, не желаю создавать себѣ кумира не изъ чего—нилотъ до народа.

— У васъ есть наука... а у меня?

— А передъ вами—вся книга жизни. Берите изъ нея что хотите.

Елена оглядѣла его своими близорукими большими глазами, гдѣ заискрилась ласка.

— Да вы еще—интересный мужчина! Нужды нѣтъ, что виски серебрятся. Вы и Ида—„des malades imaginaires“—каждый по своей части, ха-ха! И слѣдовало бы вамъ кончить бракомъ.

— Куда!

Лыжинъ комически тряхнулъ головой.

— Ничего! И вообще, другъ мой, вы мнѣ кажетесь совсемъ не заштатнымъ, убитымъ жизнью. Вздоръ!

Понизивъ тонъ, она спросила его быстро:

— Вы продаете ижѣніе Кумачеву?

— Уже продалъ. Послѣзавтра—купчая.

— И неужели будете простымъ буржуемъ? — подчеркнула она съ усмѣшкой.—Купоны отрѣзывать?

— Представьте...—Лыжинъ еще придвинулся къ ней и сталъ говорить вполголоса. —Этотъ миллионеръ, черезъ своего фактотума, очень курьезную личность — нѣкоего господина Кострицына...

— Я вчера съ нимъ здѣсь обѣдала. Онъ, кажется, изъ интеллигентовъ?

— Еще изъ какихъ! Такъ вотъ Захаръ Лукьяновичъ сначала черезъ него позондировалъ почву—не согласусь ли я принять должность... какъ бы это сказать—оберъ-контролера, что ли—его двухъ мануфактуръ и лѣсныхъ угодій?

— Да развѣ вы смыслите въ фабричномъ дѣлѣ?

— Контроль, понимаете, общій: положеніе рабочихъ, дѣйствія мѣстной администраціи, надсмотръ за лѣснымъ хозяйствомъ — въ немъ я кое-что смыслю, какъ бывшій землевладѣлецъ. И господинъ Кострицынъ — я его прозвалъ: „амбарный Сократъ“ — подошелъ очень ловко: „Въ васъ-де, все-таки, сидитъ до сихъ поръ народолюбецъ, такъ чего же лучше, какъ не быть посредникомъ между капиталомъ и трудомъ?.. Захаръ-де Лукьяновичъ не долюбиваетъ фабричныхъ инспекторовъ, потому что они умничаютъ и носъ во все суютъ. Онъ надумалъ имѣть контроль по своему почину, столько же въ интересахъ хозяйской экономіи, сколько въ интересахъ трудовой массы“.

— Идея хороша... Но нѣтъ ли тутъ подвоха?

— Не знаю.

— Можетъ-быть, — она подмигнула, — тутъ есть починъ моей великолѣпной племянницы?

— Врядъ ли.

— А Ида думаетъ, — выговорила Акридина совсѣмъ тихо, — что она... *qu'elle vous donne sur la peau*, — добавила она по-французски.

— Очень ужъ скоро было бы.

И онъ спросилъ звукомъ ниже:

— Такъ какъ вы находите?

— Попробуйте. Берите. Къ чему васъ это обязываетъ? Вы сейчасъ очутитесь въ самомъ пеклѣ жизни.

— Но вѣдь это, голубушка, опять къ той же приведетъ перазрѣшимой дилеммѣ: народъ, его нужды, заботы или — капиталъ, невозможность повалить его.

— Да, тому Лыжину, который страдалъ исканіемъ абсолютныхъ морали и справедливости, стало бы тяжело; но вѣдь теперешній Лыжинъ сбросилъ съ себя иго всякихъ прописей?

И вмѣсто свободы и простой, тихой жизни, попадетъ въ пекло, какъ вы сейчасъ выразились.

— Попробуйте!.. Одно то, что это васъ сдѣлаетъ своимъ человекомъ въ домѣ Нины. А ея, какъ типомъ, стоить заняться.

— Я не писатель.

— Во всякомъ случаѣ, васъ здѣсь по-своему оцѣнятъ. Она встала и положила салфетку на столъ.

— Мнѣ пора! Такая досада. Завтра я ваша, цѣлый вечеръ.

И какъ бы вскользь, она кинула ему, уходя въ спальню, докончить туалетъ:

— Вы вѣдь познакомились у Иды съ Боярцевымъ? Какъ вы его нашли?

— Онъ интересенъ.

— Не правда ли? Инна предлагала мнѣ просить его обѣдать. Но надо сначала, чтобы онъ заѣхалъ ко мнѣ... Вы, быть-можетъ, встрѣтитесь съ нимъ...

— Если онъ васъ интересуетъ, я вамъ его добуду.

— Мерси! Други!—оживленно откликнулась она и еще разъ кивнула ему головой на прощанье.

XXXIII.

Въ приходѣ „Успенья-на-Могильцахъ“ небольшой барскій особнякъ съ мезониномъ уютно помѣщался на углу переулка. Передъ домомъ шель чистенькій палисадникъ изъ подстриженныхъ тополей, съ широкой дорожкой, покрытой красноватымъ пескомъ. Подъѣздъ былъ со двора, по-старинному.

Часу въ десятомъ утра въ домѣ стояла глубокая тишина; но въ немъ и господа, и прислуга давно уже встали.

Мезонинъ занималъ Боярцевъ, когда жилъ въ Москвѣ; низъ дома—его мать; принималъ онъ менѣе близкихъ знакомыхъ и по дѣлу—въ залѣ.

Сегодня, какъ и ежедневно, мать его, Татьяна Егоровна Боярцева, уже пошла пѣшкомъ къ поздней обѣднѣ. Сынъ проснулся часовъ въ восемь и, до полного разсвѣта, читалъ больше часа у себя въ мезонинѣ, гдѣ онъ изъ тѣлой его половины устроилъ себѣ обширный кабинетъ, весь уставленный книжными шкапами. Письменный столъ, пианино и токарный станокъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими креслами и кожанымъ диваномъ, дополнили обстановку.

Уже много лѣтъ, какъ Татьяна Егоровна Боярцева вдовѣетъ. Ея старшій сынъ живетъ въ другой губерніи и служить тамъ по земству. Дочери она внезапно лишилась два года назадъ, и эта смерть наложила на ея жизнь еще болѣе строгую тѣнь. Она почти нигуда не выезжала, кромѣ одного общества, гдѣ была членомъ совѣта, и двухъ-трехъ институтскихъ подругъ, изъ которыхъ одна понала недавно въ игуменьи. Къ ней Боярцева ѣздила каждую недѣлю.

Цѣлые дни, когда сынъ жилъ въ усадьбѣ, она или чи-

тала—часто духовныя книги, или вышивала воздухи и ковры для своей приходской церкви и въ церкви обоихъ селъ, гдѣ ея сыновья жили. Компаньонки или чтицы она не держала: глаза у нея прекрасно сохранились; она даже не надѣвала очковъ, когда работала за пальцами, и только при лампѣ читала въ очкахъ.

Въ передней сидѣлъ пожилой человѣкъ. При молодомъ баринѣ состоялъ въ камердинерахъ его посыльный изъ уѣзднаго города, гдѣ Боярцеву приводилось бывать каждую недѣлю. Это постоянное переѣзжанье изъ уѣзда въ Москву и обратно сначала утомляло его; теперь онъ привыкъ.

И кабинетъ его, и спальня—въ задней половинѣ мезонина—смотрѣли чинно и скромно, держались въ большой чистотѣ, безъ всякихъ модныхъ излишествъ мебели, бронзы и стѣнныхъ украшеній. Въ спальнѣ, въ углу, стоялъ цѣлый кіотъ и горѣла „неугасимая“ лампада. Ее поддерживала няня Ульяна, выходившая всѣхъ дѣтей Татьяны Егоровны.

Чай сынъ пилъ у себя; но каждый день, какъ только мать вернется изъ церкви, сходилъ внизъ, цѣловалъ у нея руку и оставался нѣкоторое время съ нею въ угловой, гдѣ она пила не чай, а кофе.

Сегодня ему хотѣлось, до выѣзда, кончить статью въ духовномъ журналѣ, по расколу. Онъ вообще имъ очень интересовался. Читалъ онъ, ходя короткими шагами по кабинету, отъ одного шкапа къ другому.

Дома онъ безсмысленно носилъ синюю военную блузу и смотрѣлъ еще моложе, чѣмъ въ сюртукѣ или во фракѣ.

И до смерти отца, и послѣ нея онъ привыкъ чувствовать себя „сыномъ своей матери“—точно онъ все еще носилъ блузу гимназиста и каждый день, надѣвъ ранецъ, бѣжитъ въ ближайшую гимназію, гдѣ высиживаетъ семь полныхъ лѣтъ; или студентомъ, который еще не носилъ формы, и, одѣтый безъ франтоватости, также пѣшкомъ отправлялся къ Арбатскимъ воротамъ и оттуда на Моховую, по Воздвиженкѣ.

Мать воспитывала его гораздо замѣтнѣе и глубже, чѣмъ отецъ—въ послѣдніе годы больной—или школа, или аудитория. Отъ нея перешли къ нему серьезность, интересъ къ вопросамъ нравственнаго „бытія“, религіозное чувство—безъ ханжества, любовь къ родинѣ, уваженіе къ родовымъ традиціямъ, сознаніе долга „просвѣщеннаго че-

ловѣка и дворянина“—передъ всѣмъ тѣмъ, что онъ долженъ поддерживать и защищать и въ своемъ сословіи, и въ народѣ.

Она поощряла его любовь къ нимъ и была бы рада видѣть его на ученомъ поприщѣ. Его оставляли при университетѣ, и онъ серьезно думалъ о магистерскомъ экзаменѣ, но попалъ въ деревню, которой надо было заняться, и это его затянуло въ общественное дѣло. На свою должность смотрѣлъ онъ такъ, какъ говорилъ объ этомъ съ Акридиной, когда они шли по лѣсу. Книга, міръ идей—всего больше религіозно-философскихъ и на почвѣ народно-бытовой исторіи—не теряли своего обаянія на Боярцева. Въ деревнѣ и въ уѣздномъ городѣ, внѣ службы, онъ постоянно читалъ, и бібліотека у него въ усадьбѣ была такихъ же размѣровъ, какъ и здѣсь, въ мезонинѣ.

Въ Москву онъ возвращался каждый разъ съ юношескимъ, почти дѣтскимъ влеченіемъ домой, туда, гдѣ личность его матери служила ему оплотомъ и вѣчно живымъ примѣромъ тихаго мужества передъ натискомъ жизни съ ея утратами и неизбѣжнымъ концомъ. Что бы ему ни готовила судьба, онъ ничего не желалъ, какъ дожить свой вѣкъ такъ же чисто, строго и безобидно, съ такой же ясностью и твердостью души, какъ его мать. У него являлось всегда особенное настроеніе въ Москвѣ, въ своемъ мезонинѣ, чувство той прочности, какое у большинства людей бываетъ только въ дѣтствѣ и въ ранней молодости, когда отчій кровь защищаетъ какъ бы отъ возможности какого бы ни было удара.

Вотъ и теперь—мраморные часы на письменномъ столѣ показывали половину одиннадцатаго — онъ, доканчивая статью, зналъ, что черезъ десять минутъ раздастся внизу слабый звонокъ въ передней, мать его вернется отъ обѣдни—непремѣнно съ просфорой—и онъ сойдетъ къ ней, въ угловую, гдѣ она будетъ пить кофе, и на ея ясномъ, немного строгомъ лицѣ, въ глубокихъ, до сихъ поръ красивыхъ глазахъ, прочтетъ все ту же убѣжденную покорность Промыслу и вдумчивость, лишенную всякаго малодушнаго страха за свою особу, свое здоровье или посѣщеніе смерти.

Звонокъ раздался нѣсколькими минутами раньше.

Боярцевъ дочелъ статью и минутъ черезъ пять, тихо ступая по нѣсколько скрипучимъ ступенямъ старой деревянной лѣстницы, спустился внизъ и прошелъ въ угловую.

Татьяна Егоровна встрѣтила его на порогѣ своей любимой комнаты, откуда палыды никогда не выносились.

Большого роста, совсѣмъ сѣдая, въ черномъ, съ креловой накаткой на головѣ, она немного горбилась на ходу, но сохранила станъ молодой женщины и не носила ни серегъ, ни браслетъ. Большіе, совсѣмъ черные глаза и прямой носъ дѣлали ея лицо съ мягкимъ оваломъ нѣсколько суровымъ. Ротъ, со свѣжими, довольно крупными зубами, она держала полуоткрытымъ, и это смягчало выраженіе лица.

— Здравствуй, дитя мое.

Она поцѣловала его въ лобъ и слегка дотронулась лѣвой рукой до его плеча. Ея руку онъ цѣловалъ всегда съ такимъ же точно чувствомъ, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ кончалъ курсъ въ гимназіи.

— Вотъ, мамъ, — заговорилъ онъ своимъ высокимъ теноромъ, — статья. Она тебя очень заинтересуетъ.

Татьяна Егоровна взглянула на обертку журнала.

— Опять объ ученіи Толстого? — спросила она своимъ низкимъ голосомъ, котораго не передала сыну.

— Нѣтъ, о штундѣ.

— Прочту.

Кофе она сама себя заварила на маленькомъ столикѣ, на машинкѣ, и въ это время разговоръ съ матерью напомнилъ Боярцеву цѣлый рядъ такихъ бесѣдъ, съ тѣхъ поръ, какъ у него утра стали свободны, по окончаніи курса, и когда отца уже не было въ живыхъ.

— Ты будешь посѣщать засѣданія съѣзда? — спросила Татьяна Егоровна, поправляя спиртовую лампочку.

— По археологій? Да, я, было, готовилъ и рефератъ по обычному праву — въ Купріиновой волости. Да все время ушло на сессіи.

— Что дѣлать!

Должность сына Татьяна Егоровна ставила очень высоко и не считала потерей времени никакихъ, даже и скучныхъ обязанностей. Она всегда спрашивала его о деревенскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, и серьезность ея тона какъ-то особенно бодрила его, не допускала до лживаго и высокомернаго отношенія къ должности.

И ему тутъ же захотѣлось сообщить ей объ одномъ столкновеніи, которое онъ имѣлъ на-дняхъ, чтобы выслушать ея приговоръ. Такъ онъ поступалъ всегда, и на

душѣ у него не было ни одного важнаго поступка, не извѣстнаго его матери.

— Романъ Денисовичъ, — окликнулъ его отъ дверей степенный и глухой голосъ лакея, — васъ желаютъ видѣть.

Онъ подалъ на подносикѣ карточку.

Боярцевъ прочелъ на ней: „Юрій Петровичъ Лыжинъ“.

Не сразу вспомнилъ онъ фигуру гостя Радиной на открытіи школы.

На карточкѣ внизу приписано было: „Отъ Елены Константиновны Акридиной“.

О знакомствѣ съ этой „ученой“ женщиной онъ вчера не успѣлъ сообщить матери и передать ей разговоры за завтракомъ и въ лѣсу. *Такихъ* женщинъ онъ встрѣчалъ рѣдко и никогда не искалъ ихъ общества, но въ ней ему понравилась убѣжденность и даже мужской складъ фразы. Рѣзкость тона не оттолкнула его.

— Попроси, — сказалъ онъ человѣку, и по-французски пояснилъ матери, кто это и отъ кого.

Онъ принялъ Лыжина внизу, въ залѣ, гдѣ обыкновенно принималъ своихъ посѣтителей.

— Извините, что немного рано, — сказалъ Лыжинъ тономъ человѣка, желающаго поддержать случайное знакомство.

— Помилуйте... Я съ восьми на ногахъ.

— Елена Константиновна просила меня передать вамъ карту на входъ въ ея отдѣленіе. Она слышала, что вы интересуетесь обычнымъ правомъ... Можетъ, не прочтете ли рефератъ?

Боярцевъ покачалъ головой и улыбнулся.

— Во всякомъ случаѣ, Романъ Денисовичъ, — Лыжинъ нарочно справился о его имени и отчествіи у человѣка, — Елена Константиновна надѣется видѣть васъ на засѣданіяхъ... А она дома, въ свободные часы, до обѣда, съ четырехъ.

— А когда она собирается читать?

— Въ концѣ этой недѣли. Объ этомъ будутъ объявленія.

— Если не придется ѣхать въ уѣздъ — постараюсь.

Лыжину тонъ Боярцева показался чопорнымъ. Какъ будто его посѣщеніе имѣло видъ зазыванія. Ему стало несовсѣмъ пріятно и за свою пріятельницу. Онъ и поспѣшилъ сейчасъ же удалиться, показавъ, что самъ

онъ не желаетъ вовсе навязываться съ своимъ знакомствомъ.

— Благодарю васъ и Елену Константиновну.

Боярцевъ проводилъ Лыжина въ переднюю и спросилъ:

— Она гдѣ же квартируетъ?

— У Кумачевыхъ.

— Это—урожденная княжна Жеребьева?

— Елена Константиновна приходится ей родственницей.

— Она у нихъ и гостить?

— У нихъ... занимаетъ отдѣльное помѣщеніе.

И когда Лыжинъ вышелъ на крыльцо, то ему все еще было совѣстно, и онъ спросилъ себя: „хорошо ли я дѣлаю, что сближаю ихъ?“

XXXIV.

Въ трактирѣ, въ Петровскихъ Линіяхъ, подѣ грохотъ машины, гдѣ, кромѣ трубъ, слышалось и механическое фортепіано, Лыжинъ доканчивалъ свой завтракъ.

Отъ Боярцева онъ проѣхалъ къ нотаріусу, у кого писалась купчая по продажѣ имѣнія Кумачеву. Потомъ надо было еще побывать въ одномъ мѣстѣ и застать Акридину. Она просила завернуть къ ней около двухъ.

Дни его начали наполняться сами собою, и, незамѣтно, онъ отставалъ отъ „самоковырѣнія“, — такъ онъ называлъ привычку подводить итоги и сдавать самому себѣ экзамены.

Сейчасъ, визитъ къ Боярцеву, хотя онъ и продолжался всего десять минутъ, заставилъ его подвигнуться. „Дворянчикъ съ направленіемъ“ — онъ вспомнилъ выраженіе Акридиной—во всемъ себѣ вѣренъ. Въ немъ есть что-то несомнѣнно прочное и новое. Этотъ знаетъ, чтѣ онъ дѣлаетъ—даже и на предводительскомъ мѣстѣ. И самая зала, гдѣ онъ припималъ его, отзывалась прочными семейными преданіями. И ему нельзя не позавидовать. Вѣроятно, и Акридину привлекаетъ въ Боярцевѣ внутренняя чистота помысловъ и ясность идей и правилъ, исходящихъ совсѣмъ не изъ того источника, который она считаетъ единственно вѣрнымъ, какъ „выученица“ своего покойнаго мужа—позитивиста.

Въ послѣднія двѣ недѣли Лыжина затягивала жизнь постороннихъ, и Москва, гдѣ онъ давно не проводилъ зимъ, съ ея теперешнимъ „букетомъ“ — онъ вспомнилъ

при этомъ обѣдѣ у Кумачевыхъ — представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. Онъ не хотѣлъ ни особенно возмущаться, ни мирволить тому, что находилъ „пакостнымъ“. Онъ чувствовалъ только, что надо больше знать эту центральную „машинищу“, этотъ городъ, куда стекаютъ всѣ ручьи русской жизни.

И свои дѣла получили въ его глазахъ другой оборотъ, новую окраску. Продажа имѣнія развязала ему руки. Онъ достаточно колебался—продавать его или нѣтъ. Чувство связи съ землей удерживало его до послѣдней минуты; но взяла все-таки верхъ потребность стряхнуть ярмо безплоднаго, набившаго оскомину если не сектанства, то „направленства“; это слово онъ употреблялъ всего охотнѣе, когда думалъ про себя словами, что онъ дѣлалъ почти всегда. Скучающимъ „буржуемъ“, обреченнымъ на отрѣзываніе „купончиковъ“, онъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ. Капиталь не настолько большой, чтобы на него жить порядочно; а жаться онъ не желалъ, довольствуясь мизерабельнымъ прозябаніемъ какого-нибудь парижскаго рантѣе, считающаго себя на верху блаженства, если онъ можетъ каждый день выпивать свой абсентъ въ четыре часа и ѣсть въ дешевомъ рестораникѣ обѣдъ изъ всякой подозрительной стряпни, за полтора франка.

Сегодня онъ долженъ заѣхать въ Кумачеву въ амбаръ, на Ильинку, и весьма вѣроятно, что тотъ упомянетъ ему о томъ предложеніи, о которомъ онъ говорилъ третьяго дня съ Акридиной. Кострицынъ еще разъ возвращался къ этому вчера, зайдя къ нему поутру.

Съ „амбарнымъ Сократомъ“ у Лыжина установилось нѣчто въ родѣ пріятельства. Кострицынъ продолжалъ интересоваться его. И ему, видимо, хотѣлось, чтобы Лыжинъ пошелъ въ „инспекторы“ къ Захару Лукьяновичу. На счетъ „подхода“ Лыжинъ уже не перебиралъ въ головѣ и сознавалъ, что серьезныхъ доводовъ противъ такой службы нѣтъ. Отъ него будетъ зависеть—сдѣлаться обычнымъ посѣтителемъ дома Кумачевыхъ и кавалеромъ „великолѣпной“ Нины Борисовны. Ея „образъ“ и отталкивалъ, и привлекалъ его. Все равно, тамъ гостить Елена. Тамъ же будетъ жить и князь Пларіонъ Ивановичъ—старикъ, стоящій болѣе близкаго знакомства.

Половой, въ однихъ усахъ и съ короткой стрижкой, подошелъ къ Лыжину дробной походочкой и спросилъ наклонившись:

— Кофею прикажете?

— Хорошо.

— А какой угодно номеръ поставить на машинѣ?

Лыжинъ полуудивленно взглянулъ на него.

— Чтобы не очень барабанила... Изъ „Евгенія Онѣгина“, вальсъ.

— Сію минуту-съ.

Только что отошелъ половой, какъ изъ двери, ведущей въ проходную комнату, показалась приземистая фигура Кострицына.

Онъ первый завидѣлъ Лыжина и быстро, съ перевальцемъ, подошелъ къ нему.

— *Хайрэ полита!*

И съ этими словами онъ протянулъ ему руку черезъ столъ.

— Это по-каковски, Иванъ Кузьмичъ? — весело спросилъ Лыжинъ.

— Извините.. Такая у меня греческая прибаутка образовалась привѣтствовать тѣхъ... кому искренно желаю всего хорошаго.

— Это что же значить?

— Буквально—„радуйся, гражданинъ!“ А въ вольномъ переводѣ: „добраго здоровья, землякъ!“

Кострицынъ сейчасъ же присѣлъ къ столу.

— Вы у Захара Лукьяновича еще не бывали?

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Лыжинъ, кладя салфетку на столъ.

— Онъ васъ навѣрно будетъ ждать къ часу, въ амбарѣ.

— Знаю. И сейчасъ двинусь туда.

— Юрій Петровичъ, — Кострицынъ поднялъ на него взглядъ, гдѣ блеснула ласковая пытливость,—какъ же вы рѣшили? Вчера мой принципаль пощупалъ меня маленько насчетъ того, дѣлать ему предложеніе самолично и какъ—на письмѣ или устно. У него большая амбиція и осторожность... И вы понимаете... Иначе и не можетъ быть. И въ древнемъ Римѣ, equites—всадники, по-теперешнему коммерсанты, отличались большей амбиціей, чѣмъ родовитѣйшіе патриціи.

— Чтò же вы ему сказали?

— То, чтò позволялъ мнѣ нашъ послѣдній разговоръ. Я сказалъ, что вы, повидимому—замѣтите, только повидимому—ничего не имѣете противъ этого въ принципѣ.

— Мнѣ кажется,—мягко возразилъ Лыжинъ,—въ принципѣ-то все и дѣло.

— Почему же? Сколько я васъ разумѣю, Юрій Петровичъ, въ вапемъ теперешнемъ отношеніи къ тому, что творится на Руси, нѣтъ принципиальнаго препятствія.

— Вамъ лично развѣ хочется, чтобы я служилъ вмѣстѣ съ вами у коммерсанта Кумачева?

— Хочется! Идея такой должности принадлежитъ, уверяю васъ, самому Захару Лукьяновичу. И только...

— Указали на меня?

— Что жъ! Развѣ я васъ этимъ обидѣлъ? Не есть это—съ другой стороны—и *captatio benevolentiae*—какъ бы подходить къ добрымъ чувствамъ. Не такая это благодать. Вы человѣкъ независимый—въ полномъ смыслѣ. Поладите—хорошо; нѣтъ — и мое почтеніе, Захаръ Лукьяновичъ, я удаляюсь.

— Ужъ если пошло на исповѣдь, Иванъ Кузьмичъ, скажите мнѣ, — если вы не смотрите на это какъ на профессиональную тайну, — Кумачевъ сейчасъ же схватился за ваше указаніе?

— Сейчасъ!. Даю вамъ слово и не думаю, что поступаю дурно, разоблачая это. Захаръ Лукьяновичъ—человѣкъ тонкій... вы увидите. И если онъ держится вообще охранительно-патріотическихъ началъ, то, какъ представитель капитала, онъ очень широкихъ взглядовъ на положеніе и даже правъ рабочихъ—только бы они не волновались съ политическимъ оттѣнкомъ.

— Прекрасно,—перебилъ Лыжинъ.—А супруга Захара Лукьяновича?

Кострицынъ усмѣхнулся глазами.

— На это ничего не могу вамъ сказать положительнаго.

— Вѣдь онъ навѣрно говорилъ ей?

— Нина Борисовна даже афишируетъ свое невмѣшательство въ дѣла мужа.

Говоря это, Кострицынъ своей миной какъ бы показывалъ, что онъ не ручается за то, что Нина Борисовна подсказала бы Захару Лукьяновичу такой именно выборъ.

И это почему—то задѣло Лыжина, и въ головѣ его всплыло тотчасъ же восклицаніе:

„Хорошо же!“

Онъ допилъ свой кофе и, вставая, сказалъ:

— Ёду. Если принципаль вашъ представитъ дѣло такъ, какъ вы мнѣ говорили, можно будетъ посмотреть.

— Въ добрый часъ, Юрій Петровичъ!

Кострицынъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Вы, значитъ, туда?.. И я черезъ полчаса. Теперь наскоро закушу.

Онъ довель Лыжина до передней и еще разъ пожалъ руку.

Въ началѣ второго Лыжинъ, на плохенькомъ извозчикѣ, спускался по Ильинкѣ на Красную площадь, мимо новаго гостиннаго двора, еще заставленнаго лѣсами. Онъ приказалъ ванькѣ ѣхать Кремлемъ, въ Никольскія ворота. На минуту онъ хотѣлъ завернуть къ себѣ, чтобы запереть деньги и документы, а къ тремъ заѣхать въ домъ Кумачевыхъ—сказать Еленѣ, что онъ исполнилъ ея порученіе.

Разсѣянно смотрѣлъ онъ по сторонамъ.

Отъ подъѣзда историческаго музея отѣхали парные сани съ сипей сѣткой. Въ саняхъ сидѣла дама.

— Лыжинъ!..—окликнула его дама.

Онъ узналъ Акридину, соскочилъ съ саней и подошелъ къ ней, немного путаясь въ своемъ длинномъ ергаѣ.

— Вы ко мнѣ, другъ?—спросила она его.

На ней была красивая шапочка съ бобромъ и новая шуба съ какимъ-то сѣрымъ заграничнымъ мѣхомъ.

— Къ вамъ—въ три.

— Милый!.. Я не попаду домой къ тремъ. Вы были у Боярцева?

— Былъ и передалъ. Опъ вамъ нанесетъ визитъ.

— Когда?—живо спросила она.

— Я сказалъ, что вы дома въ четыре.

— Спасибо!

— Какая вы нынче блистательная! Въ обывательскихъ грандѣрахъ,—указалъ онъ на сани и лошадей.

— Нина предложила для визитовъ.

— Совсѣмъ по-московски!

— Да!.. А что, другъ,—Акридина весело оглянула площадь,—вѣдь городъ—единственный?

— Единственный!—повторилъ Лыжинъ и кивнулъ ей вслѣдъ, когда пара вороныхъ тронулась по направленію къ Никольской.

XXXV.

На другой день, часу въ пятомъ, Кострицынъ выходилъ изъ кабинета Захара Лукьяновича Кумачева. Тотъ не заѣжалъ въ албартъ въ теченіе дня: вернулся съ тор-

жества въ пріютѣ, гдѣ онъ состоялъ попечителемъ, а теперь собирався тоже на официальный мужской обѣдъ.

Иванъ Кузьмичъ былъ рѣшительно доволенъ разговоромъ, бывшимъ у него сейчасъ съ патрономъ. Лыжинъ принималъ предложеніе Кумачева подъ условіемъ осмотрѣться въ своей должности и черезъ мѣсяцъ — много шесть недѣль — рѣшить: въ состояніи ли онъ будетъ исполнять ее „безъ серьезныхъ недоразумѣній“.

Кострицыну нравился этотъ „интеллигентъ“, пришедшій на распутѣ, послѣ всякихъ надъ собою опытовъ. Къ начинавшейся симпатіи примѣшивалось тайное желаніе: довести Юрія Петровича до полного освобожденія отъ разныхъ „прописей“, какія онъ переписывалъ слишкомъ долго.

Еще глубже лежало и другое желаніе — вдвоемъ переливать Нину Борисовну во всемъ, что не ея женское царство, хотя въ Захарѣ Лукьяновичѣ онъ признавалъ, рядомъ съ влюбленностью въ жену, настоящій характеръ и выдержку.

Швейцаръ подавалъ Кострицыну шубу, когда въ сѣни вошелъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Очень радъ!

Кострицынъ подбѣжалъ и сталъ крѣпко жать руку.

— Очень радъ! — тише повторилъ онъ. — Вы согласны?

И онъ показалъ головой въ ту сторону, гдѣ помѣщался кабинетъ Кумачева.

— Условно, — выговорилъ Лыжинъ, не понижая голоса.

Ему не хотѣлось, ни подъ какимъ видомъ, мѣнять въ чемъ бы то ни было своей манеры держаться и говорить въ домѣ будущаго „принципала“. И это сейчасъ же принялъ Кострицынъ.

— Все равно. Вы будете довольны Захаромъ Лукьяновичемъ. Вы къ нему теперь?

— Нѣтъ, я къ Еленѣ Константиновнѣ.

— Василій! — окликнулъ швейцара Кострицынъ. — Госпожа Акридина у себя?

— У себя-съ.

— Всего хорошаго. И если вамъ меня за чѣмъ-нибудь нужно — пустите депешку. Я забѣгу!

Онъ суетливо запахнулъ въ свою короткую шубу и исчезъ за дверью.

Елена только что пріѣхала, и Лыжинъ засталъ ее въ первой комнатѣ, на кушеткѣ, очень утомленной.

Свѣтъ косвенно падалъ на нее изъ-подъ широкаго абажура лампы. Лицо осунулось; подъ глазами потемнѣло.

— Вы нездоровы? — участливо спросилъ ее Лыжинъ, подсаживаясь.

— Нѣтъ. Я плохо спала и измучена отъ разнаго ученаго вздора, отъ суесловія и пустоболтанія.

— Гдѣ? На засѣданіи?

— Гдѣ же иначе!

Она приподняла голову и рукой оправила волосы.

— Что такъ строго?

— Сколько мертвечины! — продолжала Акридина. — И какіе это ископаемые... нѣкоторые изъ моихъ коллегъ!.. Одинъ въ особенности... чистѣйшій ихтиозавръ!

Лыжинъ тихо разсмѣялся.

— И такъ меня вдругъ охватило сегодня, Юрій, — пронизало меня чувство ужасной пустоты!..

На глазахъ ея блеснули слезы.

— Вдругъ захандрили!

— Такъ сдѣлалось пусто-пусто въ груди!.. Слушаю, и кромѣ тоскливаго чередованья звуковъ — ничего не ощущаю. И говорятъ ужасно, мямлятъ и топчутся на одномъ мѣстѣ, вяло, безжизненно или со смѣшнымъ задоромъ. Толкуетъ о какой-нибудь суздальской колокольнѣ, точно онъ повѣствуетъ о красотахъ эллинскаго Пареннона.

— А какъ же? — весело перебилъ Лыжинъ. — Ничего вѣдь всему своему надо кадить взапуски.

— Постѣзавтра я дѣлаю свой главный докладъ — и нѣтъ у меня ни малѣйшей охоты. Право, я была бы рада заболѣть.

— Неужели трусите?

— Вовсе нѣтъ! — Акридина сдѣлала жестъ правой рукой. — Охота пропала. Вся мертвечина представляется какимъ-то буквоѣдствомъ, какой-то работой маниака, считающаго — сколько приходится на мѣсяць минутъ и сколько въ десять лѣтъ родится телятъ, если въ стадѣ двадцать коровъ.

— Просто вы утомлены. Вамъ бы произвести маленькую диверсію, на тройкѣ, что ли...

— Куда это? Въ „Стрѣльну“? Ха-ха! Елена Константиновна Акридина! Какой скандалъ!

Она не докончила и спросила:

— Вы вѣдь вчера были у Болъпева?

— Вчера.

— Онъ еще не пожаловалъ. Вотъ хоть бы станіе у насъ были. Нужды нѣтъ, что онъ немного на лампадномъ маслѣ. И наши ихтиозавры тоже вѣдь пропахли византійщиной и суздальщиной. Въ немъ что-то есть цѣльное и новое.

— И я того же мнѣнія.

Лыжинъ улыбался глазами, взглядывая на свою пріятельницу.

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Ничего—пока. Вотъ жизненная задача для женщины:—обратить такого новаго человѣка изъ его вѣры въ свою.

— Не берусь. И вообще, другъ Лыжинъ, мнѣ порядочно-таки пріѣлись всякія препирательства. Надо жить, а не „выгораживать только свое обличье“, какъ любилъ, кажется, выражаться покойный критикъ Аполлонъ Григорьевъ.

— Будемъ жить,—повторилъ Лыжинъ, все съ той же усмѣшкой въ глазахъ.—Я не успѣлъ вамъ сказать вчера тамъ у музея...

— О себѣ?

— Да. Я ѣхалъ отъ Захара Лукьяновича.

— Имѣніе вы окончательно продали?

— И купчая подписана. Но вы забыли... Я вамъ говорилъ насчетъ предложенія его степенства, — прибавилъ онъ, не опуская голоса.

— Да, да! Помню. Вы соглашаетесь?

— Соглашаюсь условно. Беру мѣсяцъ на испытаніе—и себя, и моего будущаго хозяина.

— Что жъ! И прекрасно, другъ! Пускайтесь въ настоящую жизнь. Это гораздо лучше, чѣмъ пребывать въ неблагоустроенномъ амбула опростѣлаго дворянина, не знающаго, къ чему примоститься.

Она нагнулась къ нему и сбавила тонъ:

— Присмотритесь къ четѣ моихъ родственниковъ. Сдѣлайтесь здѣсь первымъ номеромъ.

— Съ какой стати?

— Это непременно нужно. Пускай они оба прыгаютъ подъ вашу дудку.

— Ну, кажется, ни тотъ, ни другая не изъ такихъ... особенно Нина Борисовна.

Акридина поглядѣла на него пристально.

— Да она вамъ нравится?

.Лыжинъ промолчалъ.

— Какъ наша Ида говорить: *vous donne-t-elle un frisson nouveau*?

— Очень ужъ скоро... да и къ чему?

— Нравится—тѣмъ лучше. Вы предлагаете мнѣ обратиться въ свою вѣру убѣжденнаго предводителя — вотъ и вы бы производили такой же экспериментъ надъ Ниной. Придайте ей лиризма. Она чудовищная материалистка... А у меня нѣтъ охоты исправить ее.

Въ портьерѣ показался лакей.

— Прикажете принять? — спросилъ онъ, подавая карточку.

— *C'est lui!* — быстро и съ блескомъ въ глазахъ кинула .Лыжину Акридина. — Просите.

Она встала съ кушетки и, наклонившись къ .Лыжину, шопотомъ сказала:

— Примите его. Я сейчас... Надо поправить волосы.

И пробѣжала въ спальню. .Лыжинъ улыбнулся ей вслѣдъ.

„Хандру какъ рукой сняло“, — подумалъ онъ, вставая, и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

XXXVI.

Оживленіе Акридиной замѣтно усилилось при Боярцевѣ. Глаза ея расширились и стали блестяще, ротъ получилъ игривую складку; вся она какъ-то подтянулась и, сидя у лампы, смотрѣла совсѣмъ молодой женщиной, принимающей въ своемъ салонѣ.

Боярцевъ — въ черномъ сюртукѣ и свѣтломъ галстукѣ — въ нѣсколько церемонной позѣ сидѣлъ по другую сторону стола и положилъ на него одну руку — очень красивую, съ удлинненными пальцами, съ нѣжнымъ окрашиваніемъ кожи.

.Лыжинъ сѣлъ нѣсколько поодаль, у этажерки, и такъ, что оба они были для него видны въ широкомъ пятнѣ свѣта лампы. Минутами онъ закрывалъ глаза и слушалъ ихъ голоса. По тѣмбру голосовъ они казались совершенно однихъ лѣтъ; но онъ считалъ Акридину года на три или на четыре старше Боярцева. У Елены голосъ минутами звучалъ рѣзковато, но и самая эта рѣзкость моложавила ее. Боярцевъ говорилъ высокимъ теноромъ, слабѣ звукомъ и гораздо сдержаннѣе, чѣмъ она.

— Вы читаете послѣзавтра? — спросилъ онъ ее, слегка наклонивъ голову надъ столомъ.

— Да, я вотъ уже говорила другу моему Лыжину,— во мнѣ нѣтъ священнаго огня.

— Почему? Я читалъ программу. Это чрезвычайно живой вопросъ: связь первобытныхъ вѣрованій съ нравственнымъ положеніемъ женщины въ семьѣ и общинѣ.

— Вы будете?—какъ бы вскользь спросила Акридина.

Лыжинъ, въ звукѣ ея вопроса, почувалъ, что для его пріятельницы не безразлично—придетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Непремѣнно постараюсь,—отвѣтилъ Боярцевъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ.

„Постараюсь“,—мысленно повторилъ за нимъ Лыжинъ, и въ этомъ „постараюсь“ ему почудилась вся дальнѣйшая исторія борьбы, которая можетъ завязаться между Еленой и Боярцевымъ: натискъ пойдетъ отъ женщины; самозащита—отъ мужчины.

„А кто побѣдитъ?—спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ.— Тотъ, кто меньше потратится“.

— Очень лестно,—слышался ему вибрирующій голосъ Акридиной, — но впередъ прошу снисхожденія. Знаю, меня будетъ замораживать ближайшій антуражъ.

— Какой?—не понявъ сразу, спросилъ Боярцевъ.

— Ахъ, Боже мой! Тѣ окаменѣлые собраты по специальности, которые будутъ сидѣть за почетной загородкой, подъ каедрой.

Она засмѣялась немного напряженно, и Лыжину стало почти жутко оттого, что Елена повела разговоръ въ такомъ именно тонѣ. Боярцевъ могъ принять это за ненужное кокетство, за желаніе быть остроумной и игривой, что ему могло показаться лишнимъ въ женщинѣ, имѣющей научное имя. Вообще она волновалась, а Боярцевъ не выходилъ ни на минуту изъ своего ровнаго и теперь менѣе сдержаннаго тона.

— Вы къ нимъ относитесь критически.

— Да развѣ археологія,—выговорила она,—не превратилась въ какой-то благонамѣренный спортъ, въ родъ велюсипеда?

— Почему же—благонамѣренный?

На вопросъ Боярцева, сдѣланный повеселѣе, Лыжинъ замѣтилъ со своего мѣста:

— Елена Константиновна очень вѣрно опредѣлила эту отрасль знанія. Она, по нынѣшнему времени, самая благонамѣренная и поощряемая.

— Можетъ-быть,—отозвался Боярцевъ, опять съ серьез-

ной миной на своемъ красивомъ и ясномъ лицѣ.—Но если оно и такъ, то это только законная реакція...

— Противъ чего?—не дала ему досказать Елена, и на ея полныхъ щекахъ выступила краска.

— Противъ недавняго отрицанія, противъ рабскаго преклоненія передъ всѣмъ западнымъ, противъ равнодушія къ исторіи своего народа, его духа и его вѣковой борьбы съ природой и исконными врагами.

Тираду Боярцева, хотя она и была длинная, Лыжину не нашелъ книжной, заученной. Въ ней только вылился обычный складъ его мыслей и чувствъ къ родинѣ.

— Хорошо, кабы такъ!—воскликнула Аиридина, и вся встрепелась, —но всего чаще это только мундиръ или признакъ умственной анестезіи,—если выразиться помягче.

Боярцевъ тихо разсмѣялся и спросилъ, наклонивъ голову:

— Вы считаете такое опредѣленіе мягкимъ?

— Конечно! Ха-ха!

Но онъ не сталъ вторить ея смѣху, и снова Лыжину начало дѣлаться непріятно за Елену.

„Теряетъ подпорки“, — подумалъ онъ, видя, до какой степени личное тревожное настроеніе можетъ отнимать у женщины тактъ. Вѣроятно, съ тѣмъ же отсутствіемъ самообладанія повелъ бы и онъ самъ разговоръ съ женщиной, съ которой начинается какая-то „игра“.

Мягкій шумъ портьеръ, въ глубинѣ комнаты, заставилъ его поднять голову.

Вошла Нина въ плюшевой, темно-огненнаго цвѣта накидкѣ съ собольей отдѣлкой. Брильянты въ ушахъ и на кольцахъ рукъ заискрились. Надъ косою высилась золотая узкая гребенка, и ея матовый блескъ придавалъ головѣ ея еще больше живописности.

Оба мужчины встали. Нина, плавно выступая крупнымъ шагомъ, остановилась по ту сторону стола и протянула руку Боярцеву.

— Мы съ вами встрѣчались,—сказала она съ легкимъ величавымъ наклономъ головы. —Очень рада, что вы — гость Елены Константиновны. Надѣюсь, будете и нашимъ.

Боярцевъ молча поклонился низкимъ поклономъ.

— Юрій Петровичъ, здравствуйте!

Когда Нина, пройдя позади кресла Боярцева, пожимала руку Лыжину, отъ прикосновенія этой свѣжей, атласистой руки съ нажимомъ колець по всему его тѣлу про-

бѣжала струйка; мгновенно онъ ощутилъ приливъ къ ушамъ и смутился—замѣтно только для него.

— Мужъ говорилъ мнѣ, — вполголоса выговорила она, благосклонно играя глазами, — что вы согласны. Я чрезвычайно рада, хотя въ его дѣла и не вхожу. Вы дома обѣдаете?—спросила она, отвернувъ тотчасъ же голову къ Еленѣ, и сѣла между мужчинами.

— Нѣтъ, милал, я отозвана на официальный обѣдъ.

— Туда, куда мой мужъ долженъ ѣхать?

— Именно.

— И вы?—спросила Нина, обращаясь къ Боярцеву.

— Нѣтъ. Я не имѣю никакихъ правъ.

— Будто бы меньше, чѣмъ мой мужъ? Вѣдь нынче всѣ—любители старины. Это въ большой модѣ.

— Елена Константиновна сейчасъ сравнила археологію со спортомъ, — замѣтилъ Лыжинъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе: онъ вдругъ забоялся, что не сумѣетъ ничего вставить въ общій разговоръ.

— Да?—весело окликнула Нина и, обращаясь больше къ Боярцеву, добавила:—Вы не находите?

— Если это и спортъ, — отвѣтилъ онъ, — то спортъ загородный.

— Во всякомъ случаѣ—патріотическій, а отечество свое надо любить, — выговорила Нина полусмѣя, полунаставительно, и сейчасъ же поднялась.

— До свиданія, ma tante.

При словахъ „ma tante“, соскочившихъ съ яркихъ губъ Нины легко и, кажется, безъ всякой задней мысли, Акридина привстала и косая усмѣшка повела ея энергичный ротъ.

— До свиданія, Нина, — отвѣтила она Кумачевой тономъ подруги.

Это не ускользнуло ни отъ Лыжина, ни отъ Боярцева.

— Въ день засѣданія, когда Елена читаетъ свою работу, — Нина обратилась къ обоимъ мужчинамъ, — не хотите ли отобѣдать у насъ... съ бенефицианткой?..

— Нина!—не то конфузно, не то съ упрекомъ остановила ее Елена.

— Разумѣется, это будетъ вашъ бенефисъ... Мы можемъ разсчитывать на васъ?

Нина, протягивая руку Боярцеву, обволакивала его своимъ холодновато-ласковымъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, — утвердительно вымолвилъ онъ.

— И вы, Юрій Петрович?

И опять пожатіе ея свѣжей и атласисто-твердой руки прошло съ змѣйкой по спинѣ Лыжина.

Онъ молча поклонился и нарочно нагнувъ низко голову, чтобы избѣжать ея глазъ.

Только ей вслѣдъ поглядѣлъ онъ, и ея голова, съ золотой гребенкой въ античномъ комочкѣ волосъ, мелькнула и исчезла въ портьерѣ дальней двери.

Боярцевъ уже не присаживался и собрался уходить.

— Посидите! — упрашивала его Акридина, нагнувшись всѣмъ станомъ надъ столомъ. — Куда же вы спѣшите? У меня еще много времени. Обѣдъ — поздній. Сядутъ не раньше половины седьмого.

— Теперь уже шесть, — серьезно выговорилъ онъ, поглядѣвъ на часы.

— Вамъ еще надо перемѣнить туалетъ, — прибавилъ и Лыжинъ.

Она съ упрекомъ поглядѣла на него.

Гость сталъ прощаться.

— Гдѣ вы сядете? Хотите поближе?

— За перегородкой... гдѣ ископаемые? — тихо усмѣхнувшись, спросилъ Боярцевъ.

— Это не хорошо — такъ ловить. Это — не по-товарищески.

Она провожала его до самыхъ дверей въ переднюю и два раза пожала ему руку.

Съ Лыжинымъ Боярцевъ раскланялся привѣтливо и, уходя, проговорилъ:

— До свиданія.

Оставшись одни, они съ минуту молчали. Акридина ходила возбужденно по комнатѣ, и ея рука, безпрестанно приглаживала волосы на правомъ вискѣ — ея любимый жестъ.

— Елена Константиновна? — пріятельскимъ полупопотомъ окликнулъ ее Лыжинъ.

— Чтò, другъ?

— Дворянчикъ съ направленіемъ васъ интересуеть?

— Ну, такъ что жъ?

— И вы не боитесь пойматься?

— Я ничего не боюсь!

— Вотъ какъ!

— Вы чтò же хотите сказать этимъ вопроснымъ пунк-

томъ? Что я — стара? Гожусь ему въ тетки?.. И Нина со своимъ „ma tante“...

— Это у ней такъ сорвалось... безъ язвы.

— Почему вы знаете?

Акридина подошла къ нему и взяла его за обѣ руки.

— А вы, другъ, не боятесь?

— Чего?

— Что моя племянница, — подчеркнула она съ ироніей, — захлестнетъ васъ? Вы что-то сейчасъ притихли при ней. Такъ притихаютъ только когда женщина даетъ мужчинѣ...

— Un nouveau frisson?

— Именно. Не лгите. Признайтесь.

— Не знаю, — тихо и вдумчиво выговорилъ Лыжинъ, и стыдливо-боязливое чувство вползло ему въ сердце. — Намъ такая — не ко двору.

— Вздоръ, милый! Вздоръ! Нечего въ старики записываться. Любите, коли любится, и другимъ не мѣшайте.

И оба они опять смолкли, охваченные, каждый по-своему, чѣмъ-то и жуткимъ, и отраднымъ, точно ощущеніемъ холоднаго лезвея, за которымъ ждешь острой боли.

Часть вторая.

I.

Въ томъ самомъ „Дворянскомъ гнѣздѣ“,—гдѣ Лыжинъ рѣшилъ провести всю зиму,—въ бель-этажѣ, окнами на дворъ, подъ № 13, жила, съ ноября, постоялица, которая значилась на черной доскѣ, вывѣшенной внизу, подъ фамиліей Днѣпровской.

Въ рождественскій сочельникъ, днемъ, въ сѣни этого меблированного дома вошелъ высокій, статный военный.

Бѣлая фуражка и дорогій бобровый воротникъ шинели, на шелковой подкладкѣ, красивый носъ и черныя тонкіе усы,—все это сразу подѣйствовало на молоденькаго второго швейцара, въ длиннѣйшей ливреѣ, и онъ подбѣжалъ къ офицеру, дѣлая подъ козырекъ своего картуза съ галуномъ.

— Госпожа Углова?

— Такой нѣтъ-съ,—удивленно отвѣтилъ швейцаръ.

— Какъ нѣтъ! Она въ этихъ номерахъ. Я знаю.

Голосъ у офицера былъ очень пріятнаго тембра.

— Олимпиада Дмитриевна?—спросилъ онъ менѣе увѣренно.

— А! Олимпиада Дмитриевна Днѣпровская?

— Она подъ этой фамиліей здѣсь значится?

— Такъ точно. Съ самаго перваго дня.

И швейцаръ сдержанно усмѣхнулся, что-то вспомнивъ.

— По паспорту онъ дѣйствительно госпожа Углова. А это по театру-съ.

— Дома?—перебилъ построже гвардеецъ.

— Дома. Пожалуйста. Я проведу-съ. Лѣстницей выше.

Швейцаръ, подбирая полы ливреи, побѣжалъ вверхъ. Офицеръ неторопливо шелъ за нимъ, все еще кутаясь въ богатый серебристый воротникъ своей драповой шинели.

Они повернули налѣво, и швейцаръ постучалъ въ двери тринадцатаго номера и, не дожидаясь отвѣта, пріотворилъ и просунулъ голову.

— Олимпиада Дмитриевна... къ вамъ можно? Господинъ одинъ желаетъ.

— Проси!—довнесся до офицера знакомый ему голосъ.

— Антоша! Антошка! Гадкій! Такъ свалиться съ неба! Не прислать денешни!

Гвардеецъ еще не успѣлъ ни сбросить шинели, ни снять бѣлой фуражки.

— Липа! Отпусти!

Полная, рослая женщина, въ розоватомъ фланелевомъ пеньюарѣ, обнимала его. Она и смѣялась, и хмурила свои густыя темно-русые брови, и цѣловала его. Въ сѣрыхъ огромныхъ глазахъ ея блестѣли двѣ слезинки.

— Дай снять,—просилъ онъ,—шинель... жарко.

Онъ сбросилъ шинель на стулъ, стоявшій въ темной половинѣ первой большой комнаты: она служила гостиной. Безъ фуражки онъ былъ еще красивѣе: лобъ высокій, волнистые черные волосы, коротко остриженные, темные глаза съ полустрогой усмѣшкой, цвѣтъ лица — еще нѣжный, молодецкія плечи, очень высокій воротникъ и золотые погоны. Онъ съ утра надѣлъ вицмундиръ и былъ при шпагѣ, а не съ шашкой на перевязи.

— Садись! Садись! Вотъ сюда!

Липа шумно усадила его на диванчикъ.

— Гадкій! Ничего не писать больше двухъ недѣль, и даже депеши не пустить... И ты прямо оттуда?

— Да, изъ Даниловки.

— Въ городъ не заѣзжалъ?

— Заѣхалъ... на одинъ день.

— Ну, не буду приставать, Антошенька. Красавецъ вы мой! А я безъ тебя изнывала здѣсь... Такая вышла мерзость!

Она чуть замѣтно повела верхней губой.

— Pardon! Извините!—шутовски, по-военному, передернула она плечами. — Ваши баронскія уши оскорбляютъ!.. Нѣтъ, милая моя Антоша является въ самый моментъ. Я тебѣ пропою, какъ Рембѣ въ „Робертъ-Дьяволъ“:

О, мой спаси-и-тель,

Мой искупн-и-тель,
Мой избави-и-тель,
Какъ счастливъ я!

И, сдѣлавъ гримасу, она — по-театральному, въ сторону — пустила басомъ, подражая Бертраму:

Жертва моя!

Офицеръ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ свободной рукой, какъ будто онъ хотѣлъ имъ сказать:

„Вѣчно ты съ своими дурачествами, Липа!“

Онъ вѣдь знаетъ, что Липа измѣниться не можетъ, и ее надо брать и любить, какова она есть.

— Что же, — серьезнѣе остановилъ онъ ее, — твой дебютъ... не удался?

— Гадость какая! Я тебѣ говорила, что лучше было сразу въ Большомъ. Либо панъ, либо пропасть. Разумѣется, надо поработать надъ этимъ... А тутъ частная сцена — лавочка! И у нихъ — *сосьете*, — выговорила она нарочно совсѣмъ по-русски. — Дѣла пошли скверно.

— Скверно? — переспросилъ баронъ Гольцъ: такъ звали офицера.

— Теперь немножко получше. Поставили „Игоря“ и „Лоэнгрина“. А въ началѣ сезона было — швахъ. И у нихъ свои премьерши. Завѣдующій рѣшилъ: сейчасъ же назначить мнѣ дебютъ.

— И что жъ?

— Ну, Антошенька мой милый, и вышелъ — куакъ. Горло перехватило послѣ второго акта.

— Ты выступила въ „Карменъ“?

— Да! и приѣмъ былъ превосходный, за первый актъ. А потомъ, Богъ его знаетъ, что сдѣлалось... отъ нервности... Точно мнѣ голосъ подмѣнили.

— Партія сильна. Я тебѣ говорилъ, Липа. Одно дѣло — оперетка, другое — большая опера.

— Пустяки!

Липа махнула рукой рѣзкимъ жестомъ, выбѣжала на середину комнаты и запѣла, зычно и хриловато, изъ того же „Роберта-Дьявола“:

Рембд сказалъ мнѣ: другъ прекрасный,
Клянусь любить тебя душой!

Глазами и бровями, и ртомъ она гримасничала.

Но баронъ не разсмѣялся. Онъ уже привыкъ къ выходкамъ Липы, и онѣ ему теперь, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, стали нравиться еще меньше.

— Все это пустяки!—сказала она.

— Ты и теперь хрипишь!

— Еще бы! У меня инфлуэнца была форменная. Три дня валялась. А ваша баронская милость и не догадывалась. Ахъ, баронъ, баронъ!

Липа подскочила опять къ нему и взяла за шею своей сильной, бѣлой рукой и, длинными пальцами охвативъ правую щеку, дернула за усь.

— Полно! Чтѣ за дурачество!—почти сердито откликнулся гвардеецъ и даже началъ краснѣть.

— Прощенья просимъ. Антоша, не ломайся! Я бы имѣла право разнести тебя... Истерику на себя напустить, выгнать тебя за такое гнусное поведеніе. Не важничай. Ты—баронъ Гольцъ. Важная персона! И я—дочь генерала... да еще какого... кавказскаго. А Гольцевъ-то много. Тамъ, въ Чухляндіи... гдѣ ревельская килька водится.

И она запѣла мужскимъ голосомъ, дробно и очень забавно:

Бѣжитъ баронъ пѣшкомъ

Съ мѣшкомъ.

Въ Москву пришелъ, ридкомъ

Съ крыльцомъ

Въ трактиръ скромномъ поселился.

— Ну, ладно, ладно!

Она повелъ красивымъ ртомъ, полупокрытымъ усами, съ блескомъ отъ брильянтина.

— Ничего!.. Все это вы, Антошенька, изволите брешить. У меня голосъ есть и въ достаточномъ количествѣ для оперы, особенно на частной сценѣ... Я хочу сдѣлать опытъ и сдѣлаю.

— Школа нужна.

— Мало я драла горло на вокалізахъ! Цѣлое лѣто прокоптѣла въ Парголовѣ и своему итальянцу сколько деньжищъ снесла. А консерваторія-то на что? Вѣдь я въ оперетку-то случайно попала. Мнѣ не сорокъ лѣтъ. Чему я училась—тѣ я помню.

Ей было даже и не тридцать, всего двадцать восемь; но она на цѣлыхъ три года оказывалась старше его и, при ея полнотѣ, смотрѣла уже тридцатилѣтней женщиной.

И это онъ зналъ; она объ этомъ рѣдко думала.

— Въ чемъ же дѣло?—сдвинувъ брови и съ неопредѣленной усмѣшкой спросилъ гвардеецъ.

— Въ томъ, душечка моя, что вамъ слѣдуетъ произвести нѣкоторое давленіе.

— Почему же мнѣ?

— А то кому же? Ты что же, испугался? Денежную взятку давать управляющему трупшой или рецензентикамъ? Не бойтесь. Не разорю!.. А просто показать свою бѣлую фуражку, баронскую корону на карточкахъ, пожать руку и въ „Эрмитажъ“ или въ „Славянскомъ Базарѣ“ угостить завтракомъ. Они,—прибавила она быстрѣе и безъ дурачества въ голосъ,—не отказываютъ мнѣ въ дальнѣйшихъ дебютахъ. Но непременно въ другой роли.

— Совершенно правильно,—выговорилъ баронъ тономъ серьезнаго кавалериста, обсуждающаго выѣздки лошади.

— А я хочу опять въ „Карменъ“. То былъ не дебютъ, а инцидентъ. Перехватить горло и у Патти, и у Зембрихъ можетъ... И рецензентикамъ слѣдуетъ утереть носъ и довести ихъ до сознанія, что они—сволочь!

— Ахъ, Липа!

— Pardon! Извините! — она снова сдѣлала шутливую военную жестъ плечами.—Не угодно ли полюбоваться. Я вотъ покажу тебѣ фельетонку одного такого пасквилянта... господина Сподѣева. Одна фамилія чего стоить!

Липа грустно подбѣжала къ письменному столу.

II.

Пока Липа рылась въ обоихъ ящикахъ стола, гдѣ въ безпорядкѣ валялось множество писемъ, афишъ и всякой другой мелочи, баронъ, привычнымъ движеніемъ военнаго завернувъ короткую полу вицмундира, вынулъ изъ рейтузъ серебряную папиросницу и закурилъ.

Лицо его приняло спокойное, строгое выраженіе, усвоенное еще въ корпусѣ. Такъ смотрѣлъ онъ и на ученѣ, въ манежѣ, и на маневрахъ, когда стоялъ со своимъ взводомъ, занимая „моментъ“; такъ и на медвѣжьей охотѣ, поджидая звѣря у опушки. И тотчасъ дѣлался старше на видъ.

Это выраженіе онъ унаслѣдовалъ отъ покойнаго отца, на него онъ и похожъ; только черные волосы передала ему мать, русская—по себѣ—княжна Тукманова, татарскаго рода. Отецъ былъ уже православный; дѣдъ лютеранинъ—изъ дворянъ Балтійскаго края, и всѣ—изъ поколѣнія въ поколѣніе—военные, кавалеристы.

Въ Москву онъ пріѣхалъ по вызову пріятеля и родствен-

ника—по матери—дожить свой отпуск и „покончить“ съ холостой жизнью.

— Antoine, il faut faire une fin, — говорилъ ему его старшій братъ, изъ лиценстовъ, предводитель въ ихъ уѣздѣ, тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, и гдѣ, въ прошломъ году, купилъ Липѣ Угловой цѣлый хуторъ.

Она пѣла въ губернскомъ городѣ, въ опереткѣ. Сближеніе произошло быстро, и въ первую зиму онъ былъ сильно въ нее „врѣзамшись“, — какъ самъ любилъ выражаться въ полку, когда чувствовалъ себя не остзейскимъ барономъ, а настоящимъ русакомъ.

Но онъ не первый обладалъ Липой. У ней оказалось прошлое—и довольно-таки сложное. До поступленія на сцену она побывала и въ „стриженныхъ“, даже привлечена была къ какому-то дѣлу, да успѣла по-время уѣхать за границу. Уже десять лѣтъ живетъ она на своей волѣ, и ее только могила исправить.

Оставшись одинъ, въ деревнѣ, онъ сталъ убѣждаться, что затягивать себя съ нею на неопредѣленное время нельзя. Она слишкомъ—личность, да еще „шальная“—тоже его слово. Когда влюбленность остывала, онъ началъ находить ее слишкомъ рѣзкой, неизящной въ своихъ шутковскихъ выходкахъ, отъ которыхъ ему не было смѣшно, бѣшеной, когда разсердится или начнетъ ревновать, и то и дѣло способной впадать въ „мерехлюдію“, — какъ онъ выражался,—и тогда нести всякую опасную и тошную для него „лухту“—его корпусное слово.

Теперь она опять его окунула въ то же жуткое чувство своимъ тономъ, и свиданіе съ нею его не радовало.

Липа нашла, наконецъ,—много разъ громко выбранившись,—то, что она называла „фельетошкой“, и такъ же шумно подѣла къ барону.

— Вотъ, душечка, не угодно ли полюбоваться?

Онъ зажмурилъ одинъ глазъ отъ дыма папиросы и взялъ изъ ея рукъ длинную и узкую вырѣзку изъ газеты.

— Да это не фельетонъ, а статья.

— Этотъ милашка Спондѣевъ каждый день пишетъ. Видишь, называется: „Слухи и толки“. И обо всемъ болтается, и вретъ, и обливаешь помоями, вторгается въ закусную и домашнюю жизнь.

Баронъ пробѣжалъ первый параграфъ и пожалъ плечами.

— Съ какой же стати ты хочешь, coûte que coûte — выступать въ той же „Карменъ“?

— И выступлю!

Она ударила кулакомъ по столу.

— Напрасно.

— Это мое дѣло! А твое, Антоша, пустить въ ходъ золотую каску съ птицей и ослатливить всѣхъ этихъ скотовъ своимъ вниманіемъ.

— И этого пасквилянта также?

— Его не нужно. Есть и другіе. Тѣ помягче, не такъ безстыжи.

— Нельзя ли меня во все это не вмѣшивать?

— Не извольте пугаться, баронъ Антонъ Федоровичъ, не впутаетъ васъ ни въ какую исторію. А не пожелаете приласкать кого слѣдуетъ, то и сами обойдемся. Если они мнѣ не дадутъ выступить въ „Карменъ“ — я подписываю ангажементъ въ Херсонъ. Но мнѣ уже обращался агентъ.

— Въ оперетку?

— И сдѣру съ нихъ здорово—тысячу рублей въ мѣсяцъ и два бенефиса—сейчасъ по пріѣздѣ и на масленицѣ.

„Тысячи рублей она не получитъ,—подумалъ онъ,—а по семисотъ въ мѣсяцъ ей платили“.

— Вотъ это—десятое дѣло. Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, сейчасъ подписалъ ангажементъ.

— Только бы спустить меня отсюда? — спросила она, бросивъ на него острый взглядъ. — Вамъ, баронъ, безъ меня будетъ здѣсь неизмѣримо пріятнѣе. А то еще какъ-нибудь скомпрометирую, — выговорила она, подчеркнувъ въ концѣ слова букву „н“.

— Ну, пошло!

— Не извольте обижаться. — Она поцѣловала его въ щеку. — Это дѣла, и о нихъ еще успѣемъ. Ваша милость гдѣ остановилась?

— Въ „Дрезденъ“.

— Куда вѣзжаютъ сановники? Такъ вамъ и подобаетъ. Можетъ, невѣсту пріѣхали высматривать?

— Невѣсты еще нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ чуть замѣтной зѣвотой.

Липа положила оба локтя на столъ и, опустивъ голову знакомымъ ему жестомъ, продолжала глядѣть на него вбокъ.

„Вотъ сейчасъ начнется“, — подумалъ онъ и перемѣстилъ папиросу изъ лѣваго угла рта въ правый.

— Антоша, — заговорила Липа ушаннымъ сразу голосомъ,

и ея боковой взглядъ, скользнувъ по его лицу, ушелъ въ пространство,—ты вѣдь никакой вѣры не имѣешь въ меня, не признаешь во мнѣ никакого дарованьишка.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Да, въ опереткѣ, гдѣ нужно юбочкой передергивать, пьяненькую Периколу изображать... Нужды нѣтъ, что у меня голосъ не первой свѣжести, — я это и сама знаю, — но во мнѣ лирическая артистка кроется. Мнѣ драма нужна.

— Иди въ драматическія.

— Ты меня не понимаешь. То—не уйдетъ! Когда совсѣмъ спаду съ музыкальнаго голоса—буду играть Марію Стюартъ, и Медею, и Клеопатру. А пока есть тонъ и красивый звукъ—душа моя просится выразить себя и пѣніемъ, и игрой въ одно время. Эхъ! Антоша! Ты ничего этого не понимаешь.

— Почему же?—сдержанно спросилъ онъ.

— Ты—*фэмъ-де-сьекль*, — выговорила она полудурачливо.—Равновѣсія этого самаго въ тебѣ много... Нѣмецкая кровь пополамъ съ татарско-московской. И вотъ что я тебѣ скажу, любезный другъ: ежели у меня на оперѣ выйдетъ настоящая осячка—прости-прощай.

— То-есть, какъ же это?

Онъ поднялъ голову и поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Да ужъ такъ...

— Покончишь съ собой, что ли?

— Это мое дѣло. Очень ужъ, Антоша, тошно дѣлается. Еще пока на драму перейдешь, пока что—оперетка меня совсѣмъ доконаетъ... Такъ пакостно, такъ пакостно!

— Это ты такъ говоришь... а сама очень рада.

— Вотъ какъ ты до сихъ поръ меня понимаешь! Поздравляю!

Въ голосѣ что-то у ней зарокотало.

— Послушай, — остановилъ онъ ее и положилъ свою лѣвую руку на ея плечо,—не будемъ это перебирать сегодня. Ты только разстроишься и наживешь мигрень,—онъ разсмѣялся сквозь свои крупные и бѣлые зубы,—и толку никакого отсюда не выйдетъ.

Онъ вынулъ часы изъ узкой прорѣхи своихъ рейтузъ, тотчасъ подъ таліей.

— Видишь... я долженъ спѣшить.

— Куда?

— Надо сдѣлать обязательно три визита, а теперь уже четвертый...

— Обѣдаемъ гдѣ?

— Я сегодня званъ.

— Антоша! Какъ назвать такое поведеніе?

— Да, милая... Сегодня день рожденія моего пріятеля Верховцева.

— Какого такого? Ты мнѣ о немъ никогда не говорилъ.

— Чтѣ жъ изъ этого?

— Почему же не могъ прислать его ко мнѣ?

— Онъ женатый.

— Скажите пожалуйста. Какія нѣжности!

— Ну, прости, не догадался.

— Значить, совсѣмъ не думалъ обо мнѣ? Впрочемъ, какая мнѣ сухота! Бѣгать за тобой не стану. Ежели желаешь—будемъ завтра обѣдать въ „Славянскомъ Базарѣ“.

— Почему тамъ? Лучше у Тѣстова.

— А вашей милости нельзя нанести визитъ, въ самый этотъ „Дрезденъ“?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Или это рискованно? Да ты и въ самомъ дѣлѣ не женихъ ли?

Липа вышла изъ-за стола и прочла по-театральному:

— Прошу мнѣ дать отвѣтъ, безъ думы... Полноте смущаться!

За ней поднялся и баронъ, подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Завтра я заѣду, передъ обѣдомъ,—торопливо выговорилъ онъ, надѣвая шинель.

— Завтра, завтра... Смотри, Антоша! Завтраками кормить тебѣ не пристало.

И равнодушнымъ тономъ она сказала ему вслѣдъ:

— Я сыта... по-уши сыта.

III.

Раннимъ вечеромъ у Липы часто собиралось молодое общество.

И сегодня она, послѣ своего обѣда въ семьдесятъ пять копеекъ, съ одной свѣчой на письменномъ столѣ, въ полусумеркахъ, лежала на кушеткѣ и курила.

Очень рѣдко Липа закуритъ папиросу. Это, каждый разъ, доказательство того, что у ней на душѣ забродило.

„Финтить Антошка!“ — думаетъ она, на разные лады, съ самаго ухода барона.

Она зачуяла, что за нее онъ больше не держится. И она сама должна была сознаться: это не поразило ее, не дало жгучей боли... Къ тому шло.

Она по немъ почти не соскучилась, съ поздней осени, когда они простились. Безъ него ей было даже удобнѣе въ Москвѣ готовиться къ оперному дебюту. И „осѣчку“ легче было испытать—не на его глазахъ. Онъ, навѣрно, по своему баронско-гвардейскому самолюбію, настаивалъ бы на томъ, чтобы сейчасъ же скрыться изъ Москвы. Добиваться своего — онъ это понимаетъ только для собственной особы.

Она писала ему довольно часто; однако, не торопила его, не звала сюда. Обрадовалась она ему искренно, и ее сразу защемило—но не отъ самолюбія ли?—когда она поняла, что онъ „финтить“.

Съ тѣхъ поръ, какъ они сошлись, прошло уже около двухъ лѣтъ. Ему она за многое благодарна. Онъ въ нее влюбился быстро, чѣмъ она въ него. Вскорѣ и въ ней взяло верхъ влеченіе болѣе пылкое. Его мужская красота, молодость, тонъ, особаго рода выдержка взяли свое, и когда онъ, по прошествіи полугода, купилъ ей имѣніе, небольшой хуторъ съ усадьбой, она приняла это безъ всякаго укола совѣсти. О женитьбѣ онъ не обмолвился; да и она никогда не настаивала, и свободой своей дорожила больше всего.

Да онъ и не женился бы на такой! Въ отставку онъ не выйдетъ, а въ его полку нельзя быть мужемъ опереточной пѣвицы. Лгать она не хотѣла и не могла: сошлась она съ нимъ не съ первымъ, и ему не очень-то нравилось, когда она начнетъ вспоминать время, по выходѣ изъ консерваторіи, тогдашнюю любовь—и какую!—и того, кто сталъ ее перевоспитывать, увлекъ въ свое „дѣло“, самъ погибъ, и она еле уцѣлѣла.

Связь съ барономъ Гольцемъ давала Липѣ что-то похожее на опору,—не денежную—она отъ него не получала денегъ—а скорѣе нравственную. Ее ни къ кому не тянуло, и ей не стоило усилий быть ему вѣрной, и въ провинціи, и въ Москвѣ. Онъ считался красавцемъ, былъ въ ея вкусѣ, молодъ, служилъ въ „первомъ“ полку, какъ онъ самъ считалъ его, характера скорѣе ровнаго, воспитанъ, довольно деликатенъ, если сравнить его съ другими мужчинами,

особенно съ такими, которые могутъ всегда имѣть успѣхъ у женщинъ. Нынче всякій актерикъ зазнается выше всякой мѣры и, добившись своего, дѣлается тотчасъ же грубъ и нахалень.

Но и съ барономъ бываетъ тяжело. У него голова съ „загородками“, многого онъ не можетъ понять, боится ея „припадковъ“—такъ онъ называетъ настроеніе, когда вся ея теперешняя жизнь и то, что вокругъ нея, сразу ей „огадить“, и она готова бываетъ бросить все и бѣжать куда глаза глядятъ. Этимъ, конечно, его не привлечешь. Съ нимъ нужно быть всегда ровной, веселой и въ мѣру пускать свои дурачества.

Теперь, передумывая все это, Липа не въ первый разъ чувствовала, что она злоупотребляла своимъ полушутовскимъ обращеніемъ съ барономъ, привычкой звать его „Антошкой“ и „ваша баронская милость“, и пускать въ ходъ всё свои, какъ онъ выражается, „каботинскія“ прибаутки и штучки.

Если все это такъ, то какъ же ей не слушаться зова къ серьезному искусству? Оно—не что другое—ее поддержитъ. Иначе засосетъ тоска, и будешь все падать ниже и ниже.

Липа бросила окурокъ папиросы и съ закрытыми глазами лежала недвижно, сложивъ на груди руки.

Мысли, горькія и всегда въ одномъ и томъ же направленіи, одоляютъ ее сейчасъ же, если ей не имѣть передъ собою какой-нибудь блестящей и притягивающей точки—„бляхи“—называла она. Откажись она теперь отъ оперы или, въ случаѣ полного провала, отъ драмы, что ей останется? Все та же „огадившая“ ей оперетка, кочеваніе по городамъ и ярмаркамъ, случайныя связи. А тамъ не за горами и спускъ къ роковому предѣлу женщины подъ сорокъ.

Любовь всякаго молодого мужчины, особенно такого, какъ ея баронъ—гвардейца, дѣлающаго карьеру—что такое она? Развѣ можно на нее опереться? Уйди она теперь вся въ страсть къ „Антошкѣ“, что бы у ней теперь осталось на душѣ? Вотъ пріѣхалъ бы такой „соколикъ“, и выпустилъ бы изъ нея весь духъ. И глотнула бы она раствора спичекъ или ціанъ-кали. А то и того хуже. Потянулся бы „адъ кромѣшный“ „бабьей дурости“—истерики, ревъ, дикія выходки брошенной женщины, безсонницы, бредъ, галлюцинаціи, быть-можетъ, безуміе.

Теперь у ней есть все-таки „поддержка“.

Это слово: „поддержка“ привело ее къ мысли о разныхъ другихъ поддержкахъ, которыя она допускала, и не въ видѣ однихъ подарковъ въ бенефисы, а просто такъ. Правда, она никогда не брала ничего отъ тѣхъ, кто ей не нравился. Баронъ подарилъ ей цѣлый хуторъ, и сдѣлалъ это мило, деликатно, привезъ ее туда на пикникъ и, ставъ на колѣни, подавъ на подносѣ „дарственную запись“. Хуторъ этотъ доходу почти что не даетъ. Это—усадьба для житья, на какихъ-нибудь два мѣсяца. Но все-таки это имѣннице устроенное, съ фруктовымъ садомъ, съ инвентаремъ. Тысячъ двѣнадцать навѣрно стоить, если продать, „на охотника“. Она приняла это тогда, въ самый разгаръ ихъ влюбленности другъ въ друга. Предлагала выдать ему вексель—онъ не согласился. Говорилъ онъ тогда складно и съ чувствомъ:

— Липа, это подарокъ отъ чистаго сердца. Я не деньги тебѣ предлагаю. Ну, ты меня бросишь, или я къ тебѣ охладѣю—онъ и это сказалъ,—у тебя останется память о нашей любви. Заболѣешь или утомишься—у тебя будетъ свой уголокъ... un pied-à-terre.

И вотъ эта минута, кажется, близка. Сама она его не бросала и даже въ помышленіи у ней не было сдѣлать ему хоть крошечную невѣрность. А въ Москвѣ случаевъ представлялось не мало.

Все-таки у ней останется подарокъ, цѣлое имѣніе, когда онъ напишетъ ей: „Милый другъ, будь счастлива, я женюсь на княжнѣ Мурзахановой“. Хорошо ли это? Опрятно ли?

— Вотъ еще глупости какія!—вслухъ выговорила Липа и вскинула своими руками, которыми баронъ такъ часто восхищался.

Она не выманила у него это имѣніе. Приняла она его въ даръ уже тогда, когда они сошлись, и она полюбила его не за деньги... Не помнить даже—попала ли къ ней въ руки отъ него хоть одна радужная ассигнація.

— Олимпиада Дмитриевна?—раздался въ дверяхъ—ихъ отворили очень тихо—молодой женскій голосъ.—Вы спите?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Леля, входите. Вы одна или съ Катей?

— Она придетъ позднѣе. И приведетъ студента... Знаете, того, что былъ распорядителемъ на вечерѣ въ пользу акушеровъ, гдѣ мы читали, въ „Докторскомъ клубѣ“.

— Очень рада!

Липа быстро встала съ кушетки и поцѣловала Лёлю Божеярина, слушательницу театральнхъ курсовъ, ея „юную подругу“, какъ она называла ее.

Лёля не успѣла еще снять съ себя кофточку съ мѣховымъ воротникомъ и бѣлую баранью шапочку, подъ шелковымъ платкомъ. Отъ нея повѣяло морозомъ.

— Холодно?—спросила Липа.

— Не очень.

Голосъ Лёли раздавался въ просторной, полуосвѣщенной комнатѣ съ пріятной вибраціей, такой же почти низкій, какъ и у Липы.

Безъ шапки она явилась блондинкой. Пепельные волосы, взбитые на лбу, и маленькая кучка волосъ на маковкѣ дѣлали ея голову живописной, въ античномъ вкусѣ. Она была прекрасно сложена, виднаго роста; цвѣтная шелковая рубашка съ кушакомъ очень красила ее.

— Какая здѣсь темень!—вскричала Липа.

Ея гостья начала сама ловко заправлять лампу.

— Вы цѣлый день дома?—спросила она Липу.

— Да, валялась... Такая гадость.

О пріѣздѣ барона она ничего ей не сказала. Да и никто изъ ея теперешняго кружка не зналъ о ея связи съ нимъ. Иногда она упоминала о немъ вскользь, какъ о пріятелѣ, котораго ждетъ сюда.

IV.

Къ восьми часамъ цѣлое общество собралось у стола, гдѣ Лёля Божеярина разливала чай, поставивъ лампу на письменный столикъ. Ея товарка по курсамъ, Катя Мухина, сидѣла тутъ же, черненькая, пухленькая, маленькаго роста, въ темномъ платьѣ. Прекрасные блестящіе волосы, пышный ротъ и ямочки на щекахъ дѣлали ее болѣе хорошенькой, чѣмъ Божеярина; но та смотрѣла значительнѣе и болѣе обращала на себя вниманіе.

Катя привела съ собой студента Шипилина. Онъ сразу попалъ въ тонъ этого кружка. Пришло еще двое мужчинъ: худой, высокій брюнетъ, съ ріпсе-пез на короткомъ носу—газетный сотрудникъ Петровичъ—и такой же молодой человекъ, и такой же худой, длинноволосый, молчаливый, съ блуждающимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, въ листриновой блузѣ, художникъ Лукошкинъ.

Липа уже больше мѣсяца какъ водила дружбу съ „дѣвочками“—она такъ называла обѣихъ ученицъ и ихъ то-

варокъ. Онѣ молодили ей душу, отъ нихъ вѣяло на нее любовью къ сценѣ, мечтами о славѣ, свѣжестью задора и хорошаго усилія достичь, понять, усвоить себѣ, найти призваніе, опредѣлить свое „амплуа“. Онѣ забѣгали къ ней во всякое время разсказать про свои классы, роли, обиды, интриги, любовныя увлеченія, просили помочь, чѣмъ можетъ, какой-нибудь бѣдненькой ученицѣ. Липа уходила въ жизнь этого молодого муравейника, и это переносило ее самоё къ консерваторскимъ годамъ.

Божеярина уже готовилась къ выпуску. Ее считали самой умной и начитанной, бойкой на разговоръ съ преподавателями. Кто-то въ шутку называлъ ее „мать-казначей“, и это прозвище осталось за ней. По фигурѣ и лицу она могла бы мечтать о „Маріи Стюартъ“, но ее влекло къ бытовой комедіи и къ старушечьимъ ролямъ.

Разговоръ пошелъ прежде всего о сценѣ. Обѣ дѣвушки, Петровичъ и студентъ Шипилинъ, разъ попавъ на тему о „Маломъ театрѣ“, вперебивку хвалили и бранили, сообщали слухи о новыхъ пьесахъ, по ниточкамъ разбирали игру. Имена любимыхъ актрисъ и актеровъ безпрестанно соскакивали у нихъ съ губъ.

Липа, слушая ихъ, понимала, какъ въ Москвѣ сцена захватываетъ всѣхъ—драма гораздо больше оперы. И ее потянетъ къ драмѣ, и она все сильнѣе вѣритъ въ нее, какъ въ прочное убѣжище, если опера „не выгоритъ“. Она училась въ Петербургѣ и тамъ не помнила ничего подобнаго. То же находилъ и литераторъ Петровичъ, южанинъ, жившій въ Москвѣ всего второй годъ. Онъ только что сейчасъ сказалъ, обращаясь къ Шипилину, съ которымъ встрѣтился сегодня въ первый разъ:

— У васъ, въ Москвѣ, три культурныхъ центра. Университетъ, Малый театръ и трактиръ „Эрмитажъ“.

Дѣвушки засмѣялись молодо и звонко.

Художникъ Лукошкинъ не вторилъ имъ, и только глаза его слегка вспыхивали.

— Вотъ, Олимпиада Дмитріевна,—заговорила Катя Мухина,—Шипилинъ у насъ въ родѣ дирижера, когда нужно кого поддержать изъ артистовъ. Такая досада, что мы съ Лелей прежде его не знали. Тогда, на представленіи „Карменъ“...

— Клики мнѣ не нужно, хотя бы и добровольной,—остановила ее Липа.—Студенты всегда меня балуютъ, и въ провинціи.

— Да, мнѣ извѣстно, Олимпиада Дмитріевна, — обратился къ ней Шипилинъ, — что наши васъ все-таки под-держивали.

— Какъ же, какъ же! — подтвердила Божеярина. — Только тогда мало было студентовъ.

Всѣ три женщины, каждая по-своему, чуяли, что студенчество здѣсь сила — вездѣ, гдѣ публика рѣшается.

— Мы, Олимпиада Дмитріевна, — сказалъ Шипилинъ, и голосъ его чуть-чуть вздрогнулъ, — были возмущены выходкой Спондѣева.

— Стоить вспоминать! — отозвалась отъ самовара Божеярина. — Это извѣстный пасквилянтъ. Онъ петербургскимъ ругателямъ подражаетъ. Ихъ выученикъ!

— Павелъ Кирилловичъ! — окликнула Катя Мухина Петровича. — Вѣдь вы въ той же газетѣ пишете, а?

И она плутовато усмѣхнулась.

Петровичъ поправилъ ринсе-пез и, немного смущенный, отвѣтилъ:

— Съ нимъ я не солидаренъ. Господинъ издатель очень за него держится.

— Подписку набиваетъ? — спросила Божеярина.

— Такихъ публика одобряетъ.

Петровичъ говорилъ съ мягкимъ южнымъ акцентомъ и „г“ звучало у него съ придыханіемъ.

Художникъ Лукошкинъ, низко нагнувшись къ стакану съ чаемъ, выговорилъ какъ бы про себя:

— И когда только прекратится все это сквернословіе...

Онъ громко вздохнулъ.

Шипилинъ оглянулъ всѣхъ веселымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— До второго пришествія не прекратится! — вскричалъ онъ и тряхнулъ головой. — Пресса извѣстнаго сорта стала силой. Для улицы работаетъ, потому и уличный языкъ явился, и такія же чувства.

— Однако, позвольте!.. — остановилъ его Петровичъ, заволновавшись. — Если бъ сама публика протестовала... и не то, что улица, въ тѣсномъ смыслѣ, а молодежь... Помилуйте, куда ни придите — въ гостиницу, въ кофейную Филиппова, въ любую пивную — студенты зачитываются фельетонами господина Спондѣева. Развѣ это не правда? — спросилъ онъ, кивнувъ въ сторону Шипилина.

— Совершенно вѣрно! — горячо выговорилъ Шипилинъ. — Вы думаете — я стану защищать студентовъ? Мало

ли есть какіе! И ихъ сотни. Въ томъ-то и бѣда, что у насъ теперь тоже завелась толпа, улица. Чтò ей ни дашь—она все потребляетъ, только смѣши ее, паясничай, зубоскаль. Но кто этихъ господъ развращалъ, когда они зубрили аористы? Все та же доблестная уличная пресса.

— Еще бы!—глухо воскликнулъ художникъ, и глаза его сильнѣе вспыхнули.

— Разумѣется!—вырвалось однимъ звукомъ у дѣвушекъ.

— Понятно!—подтвердила и Липа.

Ее, съ самаго начала разговора, подмывало „отдѣлать скандалистовъ“, но она щадила Петровича и сознавала въ то же время, что это „подло“.

Положимъ, онъ порядочный человѣкъ, пасквилями не занимается, и нѣтъ повода накидывать на него. Но ей *надо* было щадить всякаго „писульки“, работающаго въ газетахъ. Напроломъ идти нельзя, когда у тебя нѣтъ такого голоса, который сразу приводитъ въ бѣшеный восторгъ всю залу.

— Павелъ Кирилловичъ, — ласково обратилась она къ Петровичу. — Мы на васъ не нападаемъ. Вы не хозяинъ газеты.

— Да, это такъ, — полуобидчиво перебилъ Петровичъ, — но каждый въ правѣ сказать: почему такой-то пишетъ въ органѣ, гдѣ подобные господа задаютъ тонъ.

— Какъ же не задать подобнаго вопроса? — вдумчиво и мягко спросилъ художникъ, остановивъ взглядъ на литераторѣ.

— Вопросъ неизбежный, — продолжалъ, все сильнѣе волнуясь, Петровичъ. — Но если каждому изъ насъ, начинающихъ и неспособныхъ идти рука объ руку съ господами Спондѣевыми, воздерживаться отъ работы, — пресса будетъ наводнена ими окончательно.

— Разсужденіе — обоюдоострое, — откликнулся Шининъ. — Это еще не извѣстно, чтò въ такомъ случаѣ произойдетъ. Гораздо легче самому поддаться господствующему теченію.

За перегородкой прихожей Липа первая услышала шаги.

— Кого Богъ несетъ? — довольно громко спросила она.

Божеярина приподнялась и поглядѣла черезъ самоваръ.

— Господа! — полушопотомъ выговорила она, — Бранцевъ.

Тотчасъ же и она, и Катя Мухина, какъ-то особенно подтянулись. Мужчины замолкли. Хозяйка шумно отодвинула свое кресло и пошла навстрѣчу гостю.

— Бранцевъ? Артистъ?—спросилъ художникъ студента.
— Да! Левъ Александровичъ. Онъ самый!
— Добро пожаловать! Вотъ это хорошо, что вспомнили меня.

Липа крѣпко пожала руку актера. Она съ нимъ познакомилась только въ этотъ прїѣздъ въ Москву и проходила съ нимъ роль „Карментъ“—„для игры“.

Теля и Катя—обѣ были его поклонницы и прїятно заволновались, безпрестанно переглядываясь между собою.

Бранцевъ, широкій въ плечахъ, рослый мужчина, блондинъ, съ короткими волосами и крупнымъ носомъ, снисходительно улыбался, дѣлая общій поклонъ. Студента онъ зналъ и подаль ему руку.

Липа назвала ему остальныхъ двухъ мужчинъ и ученицъ. Божеярина, бойкимъ тономъ, напомнила ему, что онъ ее видѣлъ на ученическомъ спектаклѣ и одобрилъ.

V.

Въ Бранцевѣ Липа видѣла передъ собой примѣръ того, какъ человѣкъ умѣлъ преодолѣть въ себѣ многое, что ему мѣшало: рѣзковатый голосъ, малую гибкость фигуры и лица, недостатокъ чувства—и въ три-четыре года занялъ самое видное положеніе въ труппѣ. Его знакомствомъ и поддержкой она очень дорожила, только не хотѣла „лебезить“ передъ нимъ и строго слѣдила за собою, не пускала своихъ шутовскихъ выходокъ, даже когда они бывали и съ-глазу-на-глазъ. Какъ мужчина, онъ на нее не дѣйствовалъ, и она жестоко издѣвалась надъ тѣми „дѣвулями“, которыя „склонномъ“ изнывали по немъ и писали ему огненные признанія въ любви.

— Левъ Александровичъ, вамъ какого прикажете?—спросила Божеярина Бранцева.

— Покрѣпче, если позволите.

Актеръ сидѣлъ съ выпрямленной грудью и красивымъ поворотомъ головы. Держался онъ нѣсколько чопорно, и въ его говорѣ отчетливость произношенія соединялась съ отбѣнкомъ особой вѣжливости, которая устраняла безцеремонное обращеніе собесѣдниковъ?

— Такъ хорошо будетъ?—обратилась къ нему Божеярина.

Онъ отвѣдалъ и съ прїятной улыбкой своихъ карихъ узковатыхъ глазъ выговорилъ звонко:

— Благодарю васъ... Очень хорошо!

Оглянувъ всѣхъ, онъ отпилъ изъ стакана и спросилъ:

— У васъ, господа, была оживленная бесѣда, когда я вошелъ сюда. Я прервалъ ее — извините. Тема, кажется, весьма горячая?

— Вотъ,—пояснила Липа,—литераторъ со студентомъ схватились насчетъ нынѣшнихъ милыхъ газетчиковъ-пасквильнтовъ, и студентовъ тоже задѣли.

— Я за нашихъ безусловно не стою! — выѣхался Шипилинъ и быстро затянулся папирсой. — И я убѣжденъ — и Левъ Александровичъ согласится со мною. Если у насъ завелась „улица“ въ аудиторіяхъ, то ее создала на двѣ трети, а то и на три четверти, вотъ эта самая милая пресса, какъ Олимпиада Дмитриевна сейчасъ выразилась.

Шипилинъ уважалъ въ Бранцевѣ не одного артиста, а также и человѣка съ образованіемъ, и ему хотѣлось, при немъ, постоять за себя.

— Видите ли, — отвѣтилъ Бранцевъ, глядя въ сторону Шипилина, — я самъ былъ студентомъ и не Богъ знаетъ какъ уже давно... Положимъ, десять-двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Катя Мухина подъ столомъ — она сидѣла рядомъ съ Божериной — толкнула ее колѣномъ, и обѣ стали слушать актера напряженно, не мигая.

— Если считать съ года поступленія, — поправилъ себя актеръ, — положимъ, пятнадцать лѣтъ, тогда почти еще не было этой милашки, — протянулъ онъ, — уличной прессы.

— Была! — возразилъ Петровичъ.

— Положимъ, была, но мы, когда выходили изъ гимназій, были полны, — онъ не сразу нашелъ слово отъ желанія красиво выразиться, — полны были совсѣмъ другихъ стремленій! Насъ всякая пошлость коробила.

— Помилуйте! — возразилъ опять Петровичъ и пожалъ плечами. — Да еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ завелось зубоскальство фельетонистовъ и рецензентовъ... Пошли личности, портреты, пасквильные стихи, издѣвательства. Только — подъ другимъ флагомъ, въ радикальномъ духѣ.

Актеръ одобрительно кивнулъ головой.

— Да, это было. Иногда переступали мѣру. Но мы видѣли въ такихъ выходкахъ нѣчто другое. Мы тогда вѣрили въ искренность чувства памфлетистовъ.

— Они показали потомъ, какова была ихъ искренность... Отъ этихъ радикальныхъ пасквильнтовъ, по пря-

мой линии, идутъ и теперешніе Спондѣвы. Это вѣрно!— вставилъ отъ себя Шипилинъ.

— Я не спорю, господа. Но мы-то вѣрили въ нихъ, и тогда они смѣялись большею частью надъ тѣмъ, что и намъ было противно.

— Смѣялись и просто здорово-живешь,—возразилъ Петровичъ,—травили людей ни въ чемъ неповинныхъ.

— Но, господа,—актеръ, не оставляя своей сдержанной манеры, нѣсколько поднялъ тонъ,—не отрицаю я этого. Я хочу сказать только, что студенчество моего времени—второй половины семидесятыхъ годовъ—не поддавалось такъ гризенькой и пошленькой печати, какъ теперь. По крайней мѣрѣ, меня завѣряютъ въ этомъ молодые люди изъ моихъ знакомыхъ.

— Я первый заявляю это!—почти крикнулъ Шипилинъ.

— Пресса извѣстнаго сорта,—Бранцевъ презрительно усмѣхнулся,—это чистая египетская казнь: на все, къ чему она только ни прикоснется, прилипаетъ сейчасъ нѣчто,—онъ выпятилъ губы,—смердное. Мы, артисты, чувствуемъ это сильнѣе, чѣмъ кто-либо.

Катя и Леля переглянулись, и въ ихъ глазахъ мелькнуло восклицаніе: „Вотъ умница!“

Липа невольно поддакнула Бранцеву, кивнувъ головой, и забыла въ эту минуту свою „политику“ съ Петровичемъ; послѣдній, въ концѣ концовъ, могъ обидѣться. А онъ ей нуженъ.

— Никогда еще не было,—Бранцевъ оживился и чопорность его совсѣмъ прошла,—никогда еще не было, говорю я, такого невѣжества и безпардоннаго третированія артистовъ; авторовъ, всѣхъ, кто что-нибудь творить, какъ теперь. Всякій недоучившійся гимназистъ можетъ попасть въ рецензенты, и вы должны безнаказанно глотать всю эту возмутительную болтовню, какую онъ изрыгаетъ послѣ cadaго перваго представленія.

Онъ сдѣлалъ энергичный жестъ правой рукой и, предупреждая возраженіе, повернулъ голову къ Шипилину.

— Весьма печально, что подобная пресса можетъ вліять на учащуюся молодежь; но что уровень и складъ молодыхъ идеаловъ понизился—на это позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ, и не изъ самаго послѣдняго времени. Это было года четыре назадъ. Поставили съ полнымъ текстомъ „Донъ-Карлоса“. Не знаю, давали ли его здѣсь за цѣны полвѣка. Признаюсь,—онъ посмотрѣлъ на сту-

дента,—я не безъ смущенія ждалъ сцены маркиза Позы съ Филиппомъ. Впервые съ русскихъ подмостковъ раздались такіа слова. Мы—я и мои товарищи—думали, что рѣчь Позы вызоветъ тутъ же взрывъ аплодисментовъ, наверху, гдѣ сидѣло до ста студентовъ. И это навѣрное знаю... И что же?.. Ни одно слово, ни одна пламенная рѣчь не были подхвачены. Послѣ занавѣса вызывали, какъ всегда, шумно, безпорядочно, но вызывали актеровъ, ободряли ихъ, а о Фридрихѣ Шиллерѣ, авторѣ тѣхъ безсмертныхъ словъ и порывовъ, никто и не думалъ. Ни въ этомъ актѣ, ни послѣ, въ той картинѣ, когда Донъ-Карлосъ изливаетъ свою негодующую душу передъ лицомъ деспота-отца, надъ трупомъ только что гнусно убитаго Позы!.. А мы думали, что театръ рухнетъ отъ взрывовъ энтузіазма у молодежи!

Бранцевъ, горячо кончивъ тираду, повелъ плечами и смолкъ.

Дѣвушки не выдержали и захлопали.

— Что жъ!—воскликнулъ студентъ.—Это возможно. Я тогда не былъ на этомъ представленіи. — Онъ усмѣхнулся.—Меня и въ Москвѣ тогда не было, — прибавилъ онъ съ удареніемъ.— Но то, что вы рассказали, не удивляетъ меня. Быть-можетъ, изъ этой сотни студентовъ, что сидѣли наверху, ни одинъ и не читалъ никогда „Донъ-Карлоса“... Нынче такихъ — сколько угодно!.. Изъ самыхъ первыхъ учениковъ!

— Значить, тутъ не одна пресса виновата,—замѣтилъ Петровичъ, мотнувъ головой.

Вышла пауза.

— Эхъ, господа!—вдругъ заговорилъ художникъ,—все это не то!

— Что не то?—спросила Липа.

Всѣ прислушались.

— Да вотъ то, что говорите хотя бы про прессу. И про студентовъ! И про искусство! Не то! — повторилъ онъ и оглянулъ всѣхъ затуманенными глазами. — Не къ тому надо стремиться... Если ты внутренняго челоѣка въ себѣ воспитываешь—ничто не страшно! И все получаетъ смыслъ.

— Эхъ, батюшка! Это толстовщина!—крикнулъ Шининъ и переглянулся съ актеромъ.

— Изувѣрство! Погибель искусства!—подтвердилъ Бранцевъ.

— Не скажите, господа! — пустилъ грудной, высокой

потои Петровиць и сталъ развизать цѣлую теорію „нугра“, съ которыми только и естъ — въ искусствѣ ли, въ наукѣ ли — спасеніе отъ бездушія и дилетантства.

Разомъ всѣ заспорили. И Липа, охваченная налетѣвшей на нее потребностью забыть, что она „актерка“, стала на сторону Петровица и Лукошкина. Катя и Леля, съ раскраснѣвшими щеками, тоже заспорили съ художникомъ, а потомъ и между собою.

Бранцевъ положилъ конецъ нестихавшему спору, поднявшись съ мѣста въ двѣнадцать часовъ. Послѣ его ухода остальные, утомившись, стали притихать.

Было около часа, когда Липа, провожая Лелю и Катю, сошла на нижнюю площадку, гдѣ швейцаръ уже спалъ, въ ливрѣ.

Выпустивъ барышень, онъ подошелъ къ ней, наклонился и вполголоса выговорилъ:

— Баронъ Гольцъ были.

— Когда? — встревоженно спросила она.

— Такъ, съ полчаса будетъ. Я доложилъ, что у васъ гости... Они не изволили подняться.

— Хорошо! — отвѣтила Липа и вспыхнула.

Она быстро поднялась въ коридоръ верхняго этажа. Сначала она похвалила „Антошку“ за его деликатность: онъ не хотѣлъ являться при гостяхъ такъ поздно. Но второе ея чувство кольнуло ее и заставило горько задуматься у самой двери.

„Какъ съ содержанкой поступилъ! — рѣшила она. — Рыскалъ цѣлый день по барынямъ, а потомъ — сюда. Можетъ, ужинать поѣхалъ, а часа въ три пожалуетъ“.

И она нервно щельнула задвижкой, войдя къ себѣ.

VI.

Вороной рысакъ въ одиночныхъ саняхъ мчалъ Нину Кумачену по Пречистенскому бульвару къ Сивцеву-Вражку.

Ея пріятельница, Напон Верховцева, просила ее сегодня обѣдать и пріѣхать пораньше, засвѣтло. Наканунъ Верховцевъ съ барономъ Гольцемъ были на медвѣжьей охотѣ, убили нѣсколько штукъ и въ томъ числѣ одну огромную медвѣдицу. Вотъ этихъ-то мертвыхъ звѣрей и хочетъ Напон показать ей, вмѣстѣ съ товарищемъ своего мужа — барономъ. Обѣдъ будетъ запросто, вчетверомъ. Захара Лукьяновича позвали больше, кажется, изъ пріличія; но у него случился какой-то офиціальнй обѣдъ.

Дня три назадъ Нина заѣзжала къ Еленѣ Акридиной, и кстати хотѣла сдѣлать визитъ Идѣ. Елена перебралась къ Радиной въ меблированный домъ, гдѣ живетъ Лыжина. Сдѣлалось это подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ хотѣли быть вмѣстѣ. Нина не стала удерживать своей „тетеньки“ и внутренно была рада, не изъ скупости, а потому, что „тетенька“ начала „умничать“, дѣлать ей замѣчанія и пускать въ ходъ „тоны“ въ либеральномъ направленіи. Разъ чуть не дошло и до настоящей схватки.

Племянница очень скоро замѣтила, что Елена увлекается Боярцевымъ, была съ нимъ любозна, приглашала обѣдать. Но какъ-то позволила себѣ подтрунить надъ ея „лассией“ къ добродѣтельному предводителю и пожелать ей „побольше успѣха“. Акридина не выдержала и дала ей отпоръ—рѣзкій и быстрый. Нина обратила все въ шутку и черезъ день заговорила стороной о скоромъ пріѣздѣ въ Москву дяди, князя Иларіона Ивановича, и о желаніи помѣстить его у себя все время, пока онъ проживетъ въ Москвѣ.

Понять было не трудно, и какъ только Ида пріѣхала въ Москву на цѣлый мѣсяцъ, Елена перебралась къ ней въ гарні, гдѣ онѣ обѣ ютятся въ трехъ комнатахъ.

И тамъ же она, проходя по коридору, увидала офицера въ бѣлой фуражкѣ и шинели. Его лицо и ростъ заставили ее оглянуться. Онъ съ кѣмъ-то прощался у полуотворенной двери.

Нина успѣла замѣтить и съ кѣмъ. Молодая женщина, съ полуобнаженными руками, въ свѣтломъ пеньюарѣ, красивая, смахивающая на кокетку!

Эта пара запала ей въ память, и теперь, на пути къ Верховцевымъ, она подумала:

„Не этотъ ли гвардеецъ—баронъ Гольцъ?“

А та женщина? Если ей захотѣлось бы непременно узнать кто она, можно это сдѣлать черезъ Иду Радинову или Лыжину. И онѣ тамъ живетъ.

Глаза и ротъ той женщины, точно живые, всплыли передъ ней.

Конечно, это какая-нибудь содержанка или, много, актриса. Но ей показалась въ лицѣ ея особенная такая устышка, какъ будто она, провожая офицера, только что сказала ему колкость. Такія выраженія бываютъ послѣ сценъ между мужемъ и женой или у любовниковъ.

Ухабъ заставилъ ее встрепенуться.

Было уже очень близко до дома Верховцевыхъ. Повернули на Сивцевъ-Вражекъ. Солнце играло въ стеклахъ одной стороны домовъ. Нинѣ было дѣтски-весело и безпечно на душѣ, что въ послѣднее время она рѣдко замѣчала въ себѣ. Можетъ-быть, переѣздъ отъ нея „тетеньки“ дѣйствовалъ въ такомъ именно родѣ. Тетенька для нея только „*femme savante*“ въ Мольеровскомъ вкусѣ: читала рефератъ, удостоилась овацій и почетныхъ приглашеній на обѣды въ „Эрмитажъ“, произносила речи, принимала у себя разныхъ уроковъ по археологiи—Нина вспомнила одного, съ фамиліей „*Θεοπεμπτοу*“,—а сама, какъ кошка, врѣзалась въ этого предводителя „на лампадномъ маслѣ“—такъ сама Акридина назвала его разъ Нинѣ, раззадоренная тѣмъ, что онъ „не поддается“.

Жалки и потѣшны кажутся Нинѣ женскія претензіи ея „тетеньки“. Она воображаетъ себя чуть не красавицей, съ ея толстымъ носомъ, широкими, часто красными вѣками и этими безвкусными туалетами... И умѣнье одѣваться признаетъ она за собой непогрѣшимое. Всего одинъ разъ Нина и замѣтила ей что-то насчетъ отдѣлки лифа; та сейчасъ зашипѣла на нее:

— Пожалуйста, милая, безъ менторства! Всякая одѣвается, какъ умѣетъ!

А того не понимаетъ, что она, со своими старомодными платьями изъ плохого манчестера, въ которыхъ отправляется на засѣданія, похожа на пѣмку-фокусницу или пѣвицу, дающую концертъ гдѣ-нибудь въ провинціальномъ захолустьѣ.

„И на здоровье!“ — выговорила Нина мысленно, и ея бѣлые зубы блеснули на солнцѣ отъ недоброй улыбки ея вкуснаго рта.

Въ послѣдній визитъ Идѣ она нашла у ней, кромѣ Елены Константиновны, и Лыжина.

Онъ ихъ общій другъ. Кто знаетъ, пожалуй, подъ шумокъ, состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Идой—такъ, по старой памяти. Вѣдь эта „дѣвица“,—подумала Нина съ веселой злобностью,—конечно, только для виду „забастовала“. Не можетъ быть, чтобы такая особа „съ прошедшимъ“, у которой были, безъ числа, романы по всей Европѣ,—и вдругъ теперь обрекла себя на жизнь затворницы, тамъ у себя, въ имѣніи, и ударила въ либеральную благотворительность, въ устройство школъ и яслей.

Нина была, однако, довольна тѣмъ, что нашла у этихъ „сентницъ“ Лыжина. Онъ и тамъ велъ себя такъ, какъ въ послѣднее время и у нея. Въ немъ она видитъ желаніе держаться съ ней тона равнаго съ равной, а не служащаго у ея мужа. Что жъ! Она это допускаетъ, и Захаръ Лукьяновичъ взялъ его себѣ въ „ревизоры“ съ ея же одобренія. Въ сущности Лыжинъ будетъ принадлежать къ ея штату гораздо больше, чѣмъ къ штату ея мужа. Онъ гордъ, знаетъ себѣ цѣну; однако, менѣе красный, чѣмъ она думала. Кажется, съ Кострицынымъ онъ очень ладитъ, и тотъ на него влияетъ. Въ Лыжинѣ она зачуяла и еще что-то. Онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на нее, и глаза вспыхнутъ и потухнутъ. И въ голосѣ прорываются ноты особенныя.

Пускай! Это ее не стѣсняетъ. Гораздо лучше, чтобы такой „ревизоръ“ чувствовалъ надъ собою обаяніе ея красоты, ея породы, изящества, ума, а то сейчасъ и зазнается, будетъ показывать всѣмъ, что онъ оказываетъ благодѣяніе, принявъ мѣсто у Захара Лукьяновича.

Лыжинъ не очень молодъ, но лицо у него интересное. И тонъ хорошій. Онъ болѣе баринъ, чѣмъ хотя бы ея „приятель“, преисполненный самоуваженія Эсауловъ, съ его говоромъ въ носъ и наружностью регента цѣвчихъ, нѣвшаго съ купчихами „des bonnes fortunes“. Надо только довести Лыжина до другой манеры одѣваться, привить ему употребленіе *смокина*, каждый разъ, какъ онъ обѣдаетъ у нихъ или она позоветъ его вечеромъ. Много труда это не будетъ стоить; слушаться ее онъ скоро привыкнетъ.

Кучеръ лихо направилъ сани, немного паизволокъ, въ широкія ворота. Передъ одноэтажнымъ особнякомъ, подъ слоемъ снѣга, покоились низкорослые кустарники цвѣтника.

Между крыльцомъ и сосѣднимъ заборомъ Нина, выскочивъ изъ савей, не замѣтила экипажа и тотчасъ же подумала, что баронъ Гольцъ могъ и отпустить своего извозчика.

Впустилъ ее мальчикъ въ ливрейномъ полуфрактѣ.

— Кто у васъ? — спросила Нина тономъ близкой знакомой.

— Никого нѣтъ-съ.

— А баронъ Гольцъ?

— Не пріѣзжали еще.

Мальчикъ плутовато глядѣлъ на нее сѣрыми, красивенькими глазами.

Хозяйка встрѣтила ее на порогѣ залы и сейчасъ же увела къ себѣ въ будуаръ-кабинетъ, занимавшій уголъ дома, надъ которымъ поднималась башня съ изразцовой крышей.

— Tonton сейчасъ будетъ, и вѣстѣ съ Гольцемъ.

Мужа ея звали Платонъ Николаевичъ; но за нимъ давно удержалось прозвище „Tonton“, какъ за его женой „Nanon“; ее звали по имени и отчеству Анна Алексѣевна.

— Ravissante, cette robe! On la mangerait!—заговорила Nanon, оправляя своими быстрыми, худыми пальцами пышные бархатные рукава платья Нины.

Обѣ онѣ стояли посрединѣ комнаты и оглядывали одна другую.

Сама Nanon была въ свѣтлой фланели, и ея худощавая фигура, съ маленькой головой и нервно-возбужденнымъ лицомъ, очень шла къ отдѣлкѣ ея комнаты и вообще къ обстановкѣ ихъ дома, гдѣ все смотрѣло молодо, франтовато и изящно-небрежно, съ отбѣнкомъ свѣтской цыганщины. Оба они такъ и жили, проживая много, дѣлая долги и мало сокрушаясь этимъ.

— А мужъ?—спросила Нина.

— Онъ съ Гольцемъ поѣхалъ смотрѣть конюшни у того богача... enfin ce marchand-chic, qui possède un yacht... à Nice.

„Yacht“ Nanon выговорила съ обязательнымъ горловымъ „х“, какъ принято нынче произносить это по-французски.

Слово „marchand“ соскочило у ней съ языка. Она не желала употребить его при Нинѣ, зная, что та этого не долюбиваетъ.

И тотчасъ же она ее обняла и поцѣловала въ щеку цѣлыхъ три раза.

— Ахъ! Какая ты вкусная! И свѣжая! Съ морозу... Мужчины сейчасъ будутъ. А звѣри уже лежатъ на дворѣ, мертвые.

— Comment est-il?—спросила Нина.

— Le baron?

— Oui.

— Très bien. Un beau mâle. И не глушь. Даже, по моему, немножко себѣ на умѣ.

— А-а!—протянула Нина, и обѣ онѣ, взявшись за талию, перешли въ гостиную.

VII.

Дворъ, густо покрытый морознымъ снѣгомъ, блестѣлъ искрами, и блѣдно-голубое небо стояло надъ нимъ мягко и низко.

Въ рядъ, подъ окнами задняго фасада, лежали четыре медвѣжьи туши, уже окоченѣлыя отъ мороза. Одинъ медвѣдь былъ чернѣе, короче и толще другихъ. Длинная, огромныхъ размѣровъ, бурая съ сѣдиной медвѣдица глядѣла пастью вверхъ, и ея глазъ такъ и застылъ въ выраженіи неподвижнаго испуга.

Ими любовались хозяева и гости: баронъ Гольцъ и Нина.

Баронъ былъ въ пальто, съ мерлушковымъ воротникомъ, въ накидку. Онъ улыбался сдержанно и правой рукой накручивалъ усъ. Фуражка сидѣла на немъ немного назадь, какъ онъ носить ее всегда въ полку, и это придавало ему очень молодой и небрежно-молодцоватый видъ.

Нина отвела глаза отъ туши огромной медвѣдицы къ красивому и статному офицеру, но сдѣлала это незамѣтно, въ ту минуту, когда онъ не смотрѣлъ на нее.

Изъ этихъ четверыхъ звѣрей три были убиты имъ—этимъ молодцомъ въ бѣлой фуражкѣ, — въ томъ числѣ и медвѣдица.

Только что передъ тѣмъ Верховцевъ рассказывалъ имъ, какъ Гольцъ, стоя одинъ, безъ егеря, убилъ эту медвѣдицу, тотчасъ за ея сыномъ-подросткомъ, котораго положили рядомъ съ нею, морда въ морду.

— Если бѣ осѣчка,—слышался ей голосъ Платона Николаевича,—Антоша бы—капуть. Егеръ былъ занятъ съ убитыми звѣремъ.

Верховцевъ былъ немного влюбленъ въ Гольца; даже охотничья зависть молчала въ немъ. Мужъ ея пріятельницы — на нѣсколько лѣтъ старше барона — сошелся съ нимъ въ полку, куда тотъ поступилъ вольноопредѣляющимся: въ корпусъ онъ не доучился, по болѣзни. „Топ-тон“ смотрѣлъ мужчиной сильно за-тридцать. Въ Москвѣ онъ много ѣлъ, не меньше того пилъ, спалъ до полудня, и только охота да изрѣдка карты подбадривали его. Его смуглое, калмыцкое лицо казалось гораздо старше отъ бороды и широкихъ казацкихъ усовъ, которые онъ запускалъ поверхъ бороды, въ видѣ двухъ атагановъ.

Ростомъ Гольцу по плечо и уже плѣшивый, онъ разжи-
рѣлъ въ туловищѣ.

И теперь онъ смотрѣлъ на медвѣдицу и, подмигивая
женѣ и Нинѣ, восхищался.

— Какова мадамъ? А? Fichtre! Этакая—если бѣ обняла
Антошу... Что бы ты предпринялъ, мой другъ?

— Со мной ножъ былъ,—спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ
очень юпо отвѣтилъ Гольцъ.

— И вы бы сумѣли съ ней справиться? — спросила
Нина, и глаза ея строго и задорно блеснули ему въ лицо.

— Постарался бы...

— *Тэмъ можэ!*—вскричалъ Верховцевъ, хлопнувъ гвар-
дейца по спинѣ.

Эту польскую прибаутку изъ довольно неприличнаго
анекдота онъ употреблялъ часто. Значенія ея ни Напон,
ни Нина, къ счастью, не понимали.

„Да, онъ сумѣлъ бы“, — повторила про себя Нина и
подошла близко къ пріятельницѣ. Напон, въ короткой
мерлушковой кофтѣ, съ платкомъ на головѣ, поглядывала
на нее возбужденно, взглядомъ молодой москвички, любя-
щей все лихое: охоту, опасность, ужины, тройки—и все
съ оттѣнкомъ юмора.

Глаза ея спрашивали Нину:

„Каковъ у насъ Антоша, даромъ что изъ нѣмецкихъ
фронтавъ?“

И Нинѣ стало какъ бы пріятно, что для нихъ — для
мужа и жены—этотъ нѣмецко-русскій богатырь былъ все-
таки „Антоша“, что они, любясь имъ и поднося его ей
на обѣдъ, не церемонились съ нимъ, не поднимали на
пьедесталь.

Ее скорѣе влекло къ такому красавцу — она иначе не
могла назвать его про себя,—влекло и что-то сердило въ
немъ вмѣстѣ.

Не то ли, что этотъ офицеръ держался въ обществѣ
женщины, какъ она, слишкомъ просто, безъ малѣйшаго
желанія прихорашиваться, безъ особыхъ тоновъ и ма-
ленькихъ движеній, въ чемъ сказывается мужское вни-
маніе. Точно онъ гдѣ-нибудь съ товарищами, въ пользо-
вомъ манежѣ, или съ родными. Не грубъ, не безцеремо-
ненъ; но и ничего больше.

Въ ней уже загорѣлось желаніе заставить его „пере-
мѣнить фронтъ“.

„Кажется, онъ — не изъ пущихъ?“ — подумала Нина,

вспомнивъ выраженіе своего мужа Захара Лукьяновича, когда тотъ хотеть сказать про кого-нибудь, что онъ-де не особенно далекъ.

Такой овалъ лица, лобъ, прямой, немного удивленный взглядъ свѣтлыхъ глазъ и чуть скользящая по свѣжимъ губамъ усмѣшка бываютъ у недалкихъ мужчинъ: она видала.

„Это жалъ!“—тотчасъ же прибавила Цина и сравнила его съ наружностью мужа.

Захаръ Лукьяновичъ, по-своему, не менѣе видный мужчина, и лицо у него, пожалуй, также красиво. Но только „по-своему“. У этого Немврода — она уже назвала такъ барона, когда они шли смотрѣть медвѣдей—складъ лица и стана обличаетъ породу. Въ немъ видѣлся потомокъ какого-нибудь меченосца ливонскаго ордена; только черты смягчала примѣсь барской мягкости, переданной русской матерью.

Сомнѣніе—умень ли онъ—продолжало сидѣть въ ней. Тѣмъ лучше: легче будетъ привести его къ тому, что она желала бы въ немъ видѣть.

— Вагон,—вдругъ обратилась она въ его сторону, посмотрѣвъ на него смѣло и съ полуопущенными рѣсницами, отчего стала сразу очень красива, — *est-ce que vous comptez séjourner à Moscou?*

— Онъ поживетъ, поживетъ, — отвѣтилъ за него Верховцевъ.

— *Je me plais à Moscou*,—сказалъ Гольцъ Нинѣ, безъ торопливости, и улыбнулся ей глазами—опять такъ, какъ будто они уже съ годъ знакомы.

„Мальчишка!.. Избалованъ женщинами... Но какими?“

Сцена прощанія въ дверяхъ, въ меблированномъ домѣ, гдѣ жили Акридина и Лыжинъ, встала передъ ней, и ей захотѣлось поиграть съ нимъ.

Полчаса назадъ, когда Гольцъ вошелъ въ гостиную съ Верховцевымъ, она сейчасъ же узнала его. Сказать объ этомъ своей пріятельницѣ не успѣла ни въ комнатахъ, ни на дворѣ; можетъ-быть, не нашла и нужнымъ.

Теперь у ней былъ козырь въ рукахъ противъ этого „Антоши“ — ей уже нравилось такъ называть его про себя.

— *Le baron a peut-être des raisons particulières pour aimer Moscou*, — сказала она, повернувшись спиной къ медвѣжьимъ тушамъ.

— Vrai? — дурачливо спросила ее Nanon, подмигнувъ ему.—А? Есть что-нибудь?

— Кто его знает? — шумно вмѣшался Верховцевъ. — Онъ скрытенъ. Во всякихъ дѣлахъ, не то что уже въ сердечныхъ... Антоша! Признавайся.

— Нѣ въ чемъ,—отвѣтилъ Гольцъ, но щеки его, хотя и розовыя отъ мороза, измѣнили цвѣтъ.

— Покраснѣлъ, покраснѣлъ! — закричала Nanon и захлопала въ ладоши.

— Вовсе нѣтъ!—уже серьезно и какъ бы съ сердцемъ выговорилъ Гольцъ.

— En êtes-vous bien sûr? — тихо и съ задоромъ въ глазахъ спросила Нина.

— Ну, полноте, Нина Борисовна, не мучьте вы моего барона по первому же абцугу, — даромъ, что онъ изъ такихъ, что первый пардону не попросить... Провофій!—прикнулъ Верховцевъ егерю, стоявшему поодаль, — можешь прибрать! Нина Борисовна, вы позволите поднести вамъ и супругу вашему окорокъ отъ моего медвѣжонка?

— Merci!.. Est-ce que c'est bon?—спросила Нина.

— Excellent! — вскричала Nanon. — А вы, голубчикъ, какое сдѣлаете подношеніе?

И она указала глазами на Нину.

— Если Нинѣ Борисовнѣ угодно будетъ принять отъ меня,—она сама выберетъ.

— Très flattée, baron, — замѣтила Нина приподнятымъ тономъ,—mais pour quoi faire?

— Какъ на что? — подхватилъ Верховцевъ. — Шкуру.. подъ ноги... подъ полость. Или чучелу... въ сѣни.

— Фи!.. Это будетъ отзываться охотничьимъ клубомъ! Однако, господа, мнѣ холодно, идемте! — пригласила хозяйка и пошла первая впередъ.

— Merci! — выговорила замедленнымъ звукомъ Нина, проходя къ крыльцу рядомъ съ Гольцемъ. — Mes compliments! — сказала она на крыльцѣ, прямо глядя ему въ лицо,—votre amie a des bras splendides!

Онъ сейчасъ понялъ, о комъ она говорить, и ничего не сказалъ, только повелъ плечомъ.

Дворъ опустѣлъ. Четыре темныя туши лежали недвижно, дожидаясь возвращенія егеря, поспѣшаго за конюхами.

Небо, такое же ясное и низкое, глядѣло на нихъ.

VIII.

Двѣ извозчичьихъ пары — „голуби“, какъ ихъ зовутъ москвичи,—летѣли къ Триумфальнымъ воротамъ. Въ переднихъ саняхъ сидѣли Нина и Гольцъ. Свади ѣхали Верховцевы. Въ такомъ же порядкѣ отправились они и послѣ обѣда пить чай въ „Яръ“.

Nanon, смѣясь, повторяла, когда они одѣвались въ передней:

— Я съ Tonton! Это не дѣлается—мужъ съ женой. Но я предоставляю Нинѣ молодого человѣка! И барону—моего друга Нину. A tout seigneur—tout honneur.

Когда они неслись туда, разговоръ, хоть и послѣ обѣда, гдѣ выпито было не мало вина, шелъ отрывочно.

Нина не находила „good style“—это было ея любимое выраженіе—опять задѣвать офицера насчетъ той женщины, въ померахъ, съ роскошными руками. Но въ ея тонѣ это сквозило и за обѣдомъ, когда она къ нему съ чѣмъ-нибудь обращалась, и по дорогѣ въ „Яръ“.

Гольцъ какъ будто не понималъ этого или, скорѣе, точно это было уже „извѣстно и переизвѣстно“ и онъ не считаетъ нужнымъ ни стѣсняться, ни обѣгать этого самъ. А скажутъ—онъ отвѣтитъ что-нибудь спокойное.

Однако тамъ, на дворѣ, онъ покраснѣлъ. Стало-быть, онъ не циникъ, не любитель женщинъ, давно уже потерявшій способность измѣняться въ лицѣ.

За чаемъ въ „Яръ“—они, разумѣется, занимали комнату съ пушкинскими стихами на стѣнахъ—у нихъ не вышло никакого а рарте, хотя Nanon раза два уходила гулять съ мужемъ по залѣ. Это даже не понравилось Нинѣ.

Разговоръ былъ общій, офицерскій, полковой. Верховцевъ съ Гольцемъ вспоминали разныя смѣшныя вещи, за время ихъ общей службы, вспоминали про полковыхъ дамъ, товарищей, кто когда ушелъ изъ полка, исторіи на маневрахъ. Верховцевъ сводилъ на неприличныя анекдоты. Баронъ его не поддерживалъ. По тону онъ оказывался гораздо выше мужа ея подруги, и въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какое-то „себѣ на умѣ“. Или это своего рода фатовство и расчетъ раззадорить „бабенку“. Ей давно извѣстно, что мужчины и свѣтскихъ женщинъ такъ называютъ между собою.

За чаемъ Верховцевъ подливалъ ей ликеру. Она не такъ крѣпка, какъ Nanon. Та можетъ выпить сколько

угодно. Она же очень краснѣетъ, и это ей неидетъ. Ее разбирало чувство задора противъ „Антони“, для котораго женщины точно всѣ равны: и родовитыя княжны, какъ она, и танцовщицы, и кокотки; пожалуй, и горничныя. Не отъ испорченности это, а такая натура. Съ гороромъ... Ревельскій баронъ!

Однако она никакихъ намековъ въ ресторанѣ больше не позволяла себѣ, и даже когда Верховцевъ началъ подшучивать надъ пріятелемъ насчетъ его любовныхъ тайнъ, то она первая завела разговоръ о другомъ и сдѣлала это съ желаніемъ показать, что она-де умѣетъ вести себя съ тактомъ и другихъ поучить.

Теперь, на морозѣ, вѣтерокъ дулъ ей прямо въ лицо, полузащищенное платкомъ. Въ головѣ ея, отъ ликеровъ, немного сильнѣе зашумѣло.

Вѣдь какъ этотъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ ни финти—у него есть связь, и не со вчерашняго дня. Та женщина—его возлюбленная. Можетъ-быть, просто содержанка. Это все равно: надо только знать, держится ли онъ за нее или нѣтъ. Да и наконецъ, въ какихъ бы онъ чувствахъ къ ней ни былъ, такая „барыня“ не Богъ знаетъ что за кладъ. Этого еще недостаточно, чтобы вести себя съ такими женщинами, какъ она, точно они десять лѣтъ знакомы, не дѣлать ни малѣйшей разницы между нею и первой попавшейся дѣвчонкой изъ кордебалета. Только съ той онъ бы держалъ себя повольнѣе. И то врядъ ли! Эти нынѣшніе, спокойные, если они не нахалы, ставятъ себѣ въ правило ни съ кѣмъ не „зарываться“, даже и съ-глазу-на-глазъ.

Пара проскакала влѣво отъ Триумфальныхъ воротъ; извозчикъ сдѣлалъ на полномъ бѣгу крутой поворотъ, и сани подскочили къ ухабѣ.

— Тише!—крикнула Нина и не смогла сдержать нервного движенія.

И въ ту же минуту сильная рука легла вдоль ея талии, поверхъ ея модной шубы съ крашенымъ тибетскимъ бараномъ. По дорогѣ туда и назадъ, до воротъ, Гольцъ сидѣлъ рядомъ съ нею, не прикасаясь рукой до ея талии.

Нина нервно вздрогнула, но ничего не сказала. Держать даму въ узкихъ саняхъ принято и въ ея обществѣ, между хорошими знакомыми. Ей стало вдругъ тепло и на особый ладъ покойно. Какую-то прочность ощутила она.

„Онъ силачъ,—подумала она, не оборачивая къ нему

лица.—На медвѣдя можетъ идти одинъ-на-одинъ. Оттого я не хочу ни передъ кѣмъ прыгать“.

— Не бойтесь!—выговорилъ Гольцъ смѣшливой нотой.

Она хотѣла сказать: „Теперь можете отнять руку“—и не сказала. Вѣдь ей, наконецъ, рѣшительно все равно—поддерживаетъ онъ ее за талію, или нѣтъ.

Руку его она продолжала чувствовать сквозь сукно и кѣхъ шубы.

Они вдругъ поглядѣли другъ на друга, и въ его глазахъ промелькнуло что-то новое, но не дерзкое, не похожее на заигрыванье женолюбиваго и увѣреннаго въ себя красавца.

— Вы позволите нанести вамъ визитъ?—спросилъ онъ другимъ тономъ: въ голосѣ была какъ бы шутка.

Ей не нравилось чисто московское выраженіе: „нанести визитъ“. У него это вышло просто, опять почти по-пріятельски. Гольцъ вообще говорилъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Видно было, что онъ не мало жилъ и въ деревнѣ. Французить онъ не любилъ, и его французскій жаргонъ былъ не изъ особенно бойкихъ, правильный и, по звуку, жестковатый.

— Пожалуйста! — отвѣтила Нина серьезно, даже строго, но въ ея глазахъ онъ какъ будто что-то прочелъ.

Можетъ-быть, противъ ея воли, во взглядѣ ея промелькнулъ вопросъ:

„А дама сердца позволить?“

— Верховцевъ, — заговорилъ Гольцъ медленно и опустивъ немного голову, —выставляетъ меня какимъ-то хитрецомъ, тайнымъ...

Онъ не сразу нашелъ слово.

— Донъ-Жуаномъ, что ли, — почти смѣшливо кончилъ онъ.

— Et vous ne l'êtes pas? — спросила Нина заинтересованно, но не обернула къ нему головы, хотя ей это и захотѣлось.

— Non, je ne le suis pas, madame, — отвѣтилъ Гольцъ и опять опустилъ голову.

Прибавка слова „madame“ у другого была бы неизбѣжной свѣтской прибавкой въ первый день знакомства. У него отзывалась опять чѣмъ-то полужутливымъ, пріятельскимъ.

Это ее почти разсердило.

— Послушайте, — начала она по-французски, быстро,

довольно рѣзко. — Вы не болтаете о ваших побѣдахъ, чѣмъ наши мужчины такъ грѣшатъ; но въ васъ чувствуется...

Она остановилась, боясь слишкомъ рѣзкаго слова.

— Кто?—спросилъ Гольцъ, хмуро-ласково взглянувъ на нее, и отъ этого взгляда сталъ очень хорошъ.

— Un homme à femme!

— Такъ сказать, красавецъ-мужчина?

— Какъ хотите!

Онъ привелъ ее къ русскому разговору. Это ее не стѣсняло, но дѣлало гораздо менѣе блестящей.

— Вы ошибаетесь, Нина Борисовна, жестоко ошибаетесь.

Нина не выдержала и спросила:

— А дама съ открытыми руками?

— Что жъ дама?

И, не мѣняя спокойнаго, товарищескаго тона, онъ продолжалъ:

— Дама — ничего не доказываетъ. Напротивъ. Развѣ впередъ знаешь, чѣмъ встрѣча съ женщиной можетъ кончиться?.. Думаешь, ничего... и поймаешься.

— Вы и поймались?

— Всегда можно найти средство...

— Разорвать?—подсказала Нина.

— Я никого не соблазнялъ. И не давалъ обѣщаній.

Онъ это выговорилъ какъ бы самъ для себя.

— Насчетъ клятвъ—я не мастеръ. И считаю это порядочной пошлостью.

„Каковъ!—воскликнула про себя Нина.—Вотъ, влюбись въ такого идола! Онъ тебѣ и покажетъ... Il vous roulera comme rien du tout,“—добавила она мысль свою по-французски.

— Но допускали себя любить? — почти злобно сказала она.

— Почему же—„допускалъ“? Развѣ мужчина и женщина не равны... въ такихъ дѣлахъ?

„Въ такихъ дѣлахъ!“—повторила про себя Нина.

Ей онъ показался въ этомъ разговорѣ, несовсѣмъ умѣстномъ съ его стороны, рѣшительно „не изъ пущихъ“. Какая-то туповатая простоватость сквозила слишкомъ явно.

И въ то же время въ немъ сидѣло что-то вовсе не глупое и смѣлое, а главное несложное, ясное, съ чѣмъ надо считаться.

Она знавала военныхъ въ такомъ родѣ, петербургскихъ. Но тѣ были болѣе дерзки, влюблены въ себя или „мальчишки“, которымъ она умѣла „давать по носу“.

— И вы разрываете, когда вамъ вздумается?—спросила Нина и засмѣялась.

— Мужчина всегда немножко виноватъ.

— Немножко?—переспросила она.

— Меньше, чѣмъ потомъ начнутъ кричать.

„Оправдывается!“ — съ отгѣнкомъ презрѣнія подумала она.

— Только этимъ смущаться нечего.

— Когда совѣсть чиста?—съ новымъ взрывомъ смѣха подсказала Нина.

— Понятное дѣло, — отвѣтилъ онъ какимъ-то кадетскимъ звукомъ.

„Онъ просто глупъ“, — рѣшила Нина и замолчала. Замолчалъ и Гольцъ.

Сани, вслѣдъ за первой парой, уже повернули къ бульвару, гдѣ стоялъ домъ Кумачевыхъ.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, въ отдѣленіи, которое занимала Ида въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, у самовара сидѣли трое: она, Акридина и Боярцевъ.

Они говорили уже больше получаса; бесѣда все разгоралась и переходила въ споръ между Еленой и ея гостемъ.

Щеки Акридиной разгорѣлись; на лбу у нея—всегда въ горячемъ разговорѣ—чолка поднималась въ своеобразный вихорь. Боярцевъ, отодвинувшись немного отъ стола, съ одной рукой; загнутой за спинку стула, держался, какъ всегда, прямо, и на его губахъ лежала нѣсколько сладковатая усмѣшка.

Ида глядѣла на нихъ изъ-за самовара, курила и, пока, не поддерживала споръ ни съ одной стороны. Въ серьезныхъ вещахъ, особенно съ литературнымъ отгѣнкомъ, русская рѣчь ее все еще стѣсняла. Она боялась сдѣлать ошибку: „dire un mot bête“,—говорила она.

— Помилуйте! Какой же это жоржандизмъ? Вотъ выкопали старье!—вскричала Акридина, вся всколыхнувшись на стулѣ и порывисто отпила изъ своего стакана.

— Конечно, жоржандизмъ, — повторилъ спокойно и

твердо Боярцевъ. — Вы читали, напримѣръ, хотя бы „Лелію“?

Елена подумала немного и повела отрицательно головой.

— Да я вообще мало ее читала. Соціальныя вещи—да. „Ногасе“... И этотъ—какъ его... ты не знаешь, Ида? Гдѣ увірѣшь—членъ рабочаго союза?..

— „Le compagnon du tour de France“, — подсказалъ такъ же спокойно Боярцевъ. — Въ этомъ госпожа Зандъ перелагала въ сказки то, что ей проповѣдывали ея друзья, въ родѣ Пьера Леру. Нѣтъ, возьмите вы ея настоящіе, женскіе романы, гдѣ личность женщины требуетъ реабилитаціи своего я — прежде всего своей плоти, своихъ вожделѣній, прикрывая ихъ порываніемъ въ высшія сферы.

— Почему же непременно плоти? — задорно повторила Елена.

— Духовныя ея стремленія еще печальнѣе. Вы почитайте эту „Лелію“. Что это такое! Господи! Что за чудовищная изломанность и грѣховное озорство женскаго естества!

— Вы начинаете, Романъ Денисовичъ, говорить библейскимъ слогомъ.

— Извините! — Боярцевъ придвинулся къ столу, — какъ умѣю.

— Но къ чему всѣ эти сравненія?

— Въ женщинахъ вашего поколѣнія...

— Оно и ваше! — подсказала Акридина и тотчасъ же разсердилась на себя за этотъ возгласъ.

— Я не спорю, — возразилъ онъ такъ серьезно, что это можно было принять за тонкую иронию.

— Ну, и что жъ?

— Въ нихъ видно то же самое, только съ другой окраской. Наука! Идеи! Протесты! Желаніе играть, во что бы то ни стало, роль. И никакого основанія.

— Въ чемъ же?

Щеки Елены разгорѣлись, и она нервно трясла кончиками ногъ.

— Никакого общенія съ основами народнаго духа, — продолжалъ Боярцевъ тише звукомъ и медленнѣе, съ полужакрытыми глазами.

— Почему же вы думаете, Боярцевъ, что у меня нѣтъ общенія съ народомъ? Развѣ вы взяли привилегію на это? Народъ мы изучаемъ, какъ умѣемъ.

— Да, какъ предметъ любопытства, или сверху внизъ, въ просвѣтительно-доктринерскихъ цѣляхъ, на извѣстный ладъ. Женщина сбилась съ пути, — вернулся онъ съ видимою охотою къ своей главной темѣ, — она мечется и бьется, не знаетъ, куда ей дѣвать свою горемычную голову. На что ей опереться? Вѣры нѣтъ... Бракъ оскверненъ! Даже материнство, и то въ загонѣ или превратилось въ жалкое баловство дѣтей, въ рабство передъ ними, во имя теоріи...

— Все это прекрасно, — менѣе зазорно остановила его Елена, — но — не ново. Мы это слышимъ теперь и отъ людей, которымъ вы, Романъ Денисовичъ, врядъ ли подадите руку.

— Если они говорятъ *это* такъ же искренно, какъ я въ настоящую минуту, — почему же не подать? Я никакихъ книжекъ и лагерей не боюсь, Елена Константиновна, и многое, что кажется ретрограднымъ, признаю.

— Изъ чего? Изъ упорства?

— Почему же не изъ убѣжденія? Но позвольте... Не будемъ переходить на личную почву.

— Безлично я не могу что-нибудь обсуждать и отстаивать.

— Кто говоритъ — безлично? Но *sine ira et studio*... Мнѣ жаль русскую женщину именно вашего поколѣнія — и старше. Она ни въ чемъ почвы не нашла и не могла найти. Мозгъ свой она только сожигаетъ, но ничего создать не можетъ. А вмѣсто призывовъ сердца ея владли инстинкты, безпорядочная страсть, исканіе какого-то искусственнаго эдема, душевный морфинизмъ, наполовину съ настоящимъ. А потомъ — полная прострація, когда еще старость не пришла.

Ида, съ своего мѣста хозяйки, разливающей чай, кивнула ему головой.

— Ты согласна? — кинула ей Акридина.

— Это правда, — выговорила Ида, тихо улыбнувшись имъ обомъ.

— Правда?

— А то развѣ нѣтъ? *Monsieur a raison pour beaucoup d'entre nous*, — прибавила она и опустила голову.

Вошелъ Лыжинъ, и такъ тихо, что Акридина не сразу услышала.

Боярцевъ поклонился ему молча, и тогда только она обернулась.

— Другъ, Юрій Петровичъ!—все такъ же возбужденно обратилась она къ нему, пожимая руку. — Вы попадаете въ разгаръ нашего спора.

— О чемъ?—спросилъ Лыжинъ, подсаживаясь къ Идѣ.

— О томъ, есть ли у женщины... ну, хоть такой, какъ я, почва или нѣтъ.

— Про васъ лично я не говорилъ, — нѣсколько чопорнѣе откликнулся Боярцевъ.

— Къ чему эти оговорки, Романъ Денисовичъ? Разумѣется, вы читали сейчасъ мораль: и мнѣ, и Идѣ. Она съ вами согласилась—это ея дѣло.

— А вы отстаиваете свою позицію?—шутливо спросилъ Лыжинъ, принимая стаканъ изъ рукъ хозяйки.

— Романъ Денисовичъ развиваетъ идеи Домостроя, только прикрытаго спиритуализмомъ... въ ново-дворянскомъ вкусѣ.

Щеки Боярцева стали мѣнять окраску.

— И въ крестинствѣ тѣ же основы,—выговорилъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

— Да въ чемъ же собственно вопросъ?

Лыжинъ и Ида встрѣтились глазами и поняли другъ друга.

„Зачѣмъ она съ нимъ такъ задорно спорить?“ — подумали они оба разомъ, и имъ стало за нее неловко, а еще болѣе—жалъ эту Елену. Оба они догадывались, что чувство къ Боярцеву захватываетъ ее не на шутку. Если бъ оно было иначе, она, съ ея прямолинейностью и упорствомъ, никогда бы не стала дорожить обществомъ такого „дворянчика на лампадномъ маслѣ“, какъ она, уже на первыхъ порахъ, называла его.

Ида по-женски боялась за свою пріятельницу. Въ Лыжинѣ къ дружескому чувству прилипло и нѣкоторое какъ бы злорадство... Вотъ она—чистѣйшій экземпляръ женскаго „принципизма“—и поймалась, все равно, что первая попавшаяся барышня безъ всякихъ идей и взглядовъ, какъ любая безпутная бабѣнка.

— По-вашему, что же русской мыслящей женщины дѣлать, какъ ей жить? — съ новымъ натискомъ спросила Акридина, встала съ мѣста и начала прохаживаться между столомъ и окномъ. Щеки ея уже пылали.

— Что дѣлать? — медленно, будто смакуя, повторилъ Боярцевъ. — То, что дѣлали доблестныя женщины когда-то, когда устои жизни были одинаковы и у черносош-

наго мужика, и у владыки его, князя. Что дѣлала святая Ольга, что дѣлала царица Анастасія, что дѣлала Марѳа Борецкая, что дѣлала Іуліанія Вяземская?

— Это еще какая такая? — со смѣхомъ вскричала Елена.

— Вотъ видите, Елена Константиновна... Вы — ученая женщина, знаете, вѣроятно, этнографію всѣхъ краснокожихъ племенъ, а про Іуліанію Вяземскую не слыхали.

— Грѣхъ небольшой! Впрочемъ, теперь вспомнила... Мы ни въ святыхъ, ни въ святоши не мѣтимъ. Женщина жаждетъ живого дѣла и дѣльной мысли.

— Но не можетъ подняться надъ чужимъ толкомъ, надъ тѣмъ, что ей навязано, носить мундиръ и страдаетъ въ немъ, вертится, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Что жъ! Романъ Денисовичъ правъ вотъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, — выговорилъ Лыжинъ и, отхлебнувъ, поставилъ свой стаканъ на столъ.

Акридина, съ своего мѣста за столомъ, окликнула его:

— Лыжинъ!

— Что угодно?

— Это вы обмолвились... или такъ, по любви къ парадоксу?

— Ни то, ни другое. Романъ Денисовичъ хочетъ сказать: будьте доблестны, только дерзайте быть настоящими женщинами, а не подпасками мужчинъ.

— Вотъ вы какъ!

Ида поглядѣла на Лыжина, и ея взглядъ говорилъ:

„Ужъ вы ее не добивайте!“

Боярцевъ всталъ и, обращаясь къ обѣимъ женщинамъ, сказалъ ласково, тономъ добраго знакомаго:

— Долженъ васъ оставить. Матушка у меня нездорова. Какъ-нибудь на-дняхъ заѣду.

— Стало, — спросилъ опять шутливо Лыжинъ, — продолженіе диспута впредь?

— Нѣтъ, довольно! — крикнула Елена и пошла провожать гостя въ коридоръ, строго поглядѣвъ на Лыжина.

Х.

Когда она вернулась, Лыжинъ присѣлъ еще ближе къ Идѣ и что-то ей только что сказалъ очень тихо.

Акридина оглянула ихъ бокомъ и, все еще съ раскраснѣвшимъ лицомъ, окликнула:

— Вы это, друзья, обо мнѣ изволите?

— Да, объ васъ, голубушка, — отвѣтилъ за обоихъ Лыжинъ.

Въ первый разъ это слово „голубушка“ показалось ей совсѣмъ неумѣстнымъ.

Положимъ, они пріатели, но все-таки...

— И что же вы, позвольте узнать, — продолжала она, когда съѣла на свое прежнее мѣсто, — обо мнѣ нашіптывали Идѣ? Въ какомъ вкусѣ?

— Сѣтовали... голубушка, сѣтовали.

— О чемъ это, смѣю спросить?

— Да вы, милая Елена Константиновна, напрасно весь вашъ порохъ такъ сразу изводите.

— Въ какомъ смыслѣ? Я не понимаю вашей остроты, Лыжинъ.

— Будто? Намъ за васъ съ Лидіей Павловной обидно... Право!.. Ужъ вы меня извините пожалуйста... Но вѣдь мы здѣсь... между собою... Три старыхъ пріателя.

— Безъ увертокъ, Лыжинъ. И пократче.

Она начала нервно щипать кончикъ сухарика и потомъ, переломивъ его, стала грызть.

— Право, обидно!.. Не такъ ли, Лидія Павловна?

Ида ничего ему не отвѣтила и наклонила голову съ неопредѣленнымъ жестомъ правой руки, красиво выступившей изъ короткаго рукава ея полуплатья, полупеньюара.

— Почему же? — глуше, сдерживая себя, вымолвила Елена.

— Помилуйте! Видимое дѣло, вы имѣете въ Боярцевѣ человека совсѣмъ не вашего лагеря... Сами вы ему давали оцѣнку... быть-можетъ, слишкомъ жестокую... Онъ малый искренній, не крѣпостникъ, у него есть кое-что за душой.

— Я у васъ не прошу защиты Боярцева.

— Ого, голубушка, на какомъ вы взводѣ! Ну, ничего! Обругайте меня, если я провинюсь; но я свое все-таки скажу. Онъ вамъ не поддастся. Вы его не передѣлаете. Но если бъ вамъ особенно дорого было повліять на его убѣжденія, то не такъ надо вести дѣло. Вы горячитесь какъ дѣвочка. Вы ему показываете свои карты. Вы—умница; а, ей-Богу, онъ былъ въ правѣ чувствовать свое превосходство мужчины и хранителя древне-русскихъ началъ. Когда такъ къ человеку относишься, надо же рассчитывать хоть немного свои ходы.

— Стойте!—почти крикнула Акридина и, поднявъ голову, упорно стала глядѣть на Лыжина черезъ столъ. — Ваши намеки я имѣю право не принимать. Съ какой стати? Чтò вы ими хотите сказать? Никто, даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не долженъ залѣзать другому въ душу... даже и подъ предлогомъ дружескихъ совѣтовъ и указаній. Это слишкомъ избитый пріемъ.

— Ecoute!—остановила ее Ида,—*tu te monte trop.*

— *Laisse-moi tranquille!*.. — почти со слезами воскликнула Акридина. — Я ненавижу эти вторженія. И оттого, что я женщина, сейчасъ ко всему примѣшиваютъ Богъ знаетъ чтò.

— Чтò же, голубушка? — немного смущенно спросилъ Лыжинъ.

— Пожалуйста, безъ увертокъ!

Лыжинъ переглянулся съ Идой: они оба понимали, что дергается и мутитъ ихъ пріятельницу, *отчего* она и въ спорѣ съ Боярцевымъ, и теперь такъ себя ведетъ.

— Ну, я замолчу!

— И хорошо сдѣлаете. Къ чему тутъ приплетать дружбу, когда вы первый, не замѣчая этого, вдаетесь, съ нѣкоторыхъ поръ, во что-то совсѣмъ на васъ непохожее, на того Лыжина, котораго я привыкла любить.

— И уважать?—прибавилъ онъ.

— Да, и уважать! Иронизировать тутъ не у мѣста. Что это за поддакиваніе—въ вопросѣ о женщинѣ и ея жизненныхъ задачахъ—господину Боярцеву? — съ усиліемъ выговорила она. — *C'est du nouveau, n'est-ce pas?* — спросила она Иду.

— Что жъ! Человѣкъ развивается, — полушутливо откликнулся Лыжинъ.

— Безъ прибаутокъ, Юрій Петровичъ. Вы лучше бы на себя оглянулись... Неужели прекрасныя очи моей племянницы, ея бюстъ и ея женскій престижъ во вкусѣ *fin de siècle*... Знаете, это можетъ далеко завести... И въ нашемъ званіи ревизора на фабрикахъ коммерсанта Кулачева—поставить васъ на сторонѣ машины противъ рабочаго...

Лыжинъ поднялся. Съ лица его сошла усмѣшка. Онъ почти смущенно сказалъ:

— Полноте... Вы волнуетесь. Я уйду.

— Какъ угодно!

— Hélène!—отозвалась Ида, тоже вставая.—Tu es impossible!

— Дайте ручку... Сложите гнѣвъ на милость.

— Не хочу, не хочу я, Лыжинъ, вашего прибауточного тона. Вы меня стали усовѣщивать, и сами налетѣли. Хорошо, если и за васъ, въ скоромъ времени, мнѣ не будетъ обидно.

— Ее ничѣмъ не смягчишь, — обратился Лыжинъ къ Идѣ, цѣлуя у ней руку.—Завтра я ѣду въ уѣздъ на цѣлыхъ три дня. Вы, авось, успокоитесь.

— Желаю вамъ вникать поусердиѣ въ интересы вашего принципала! — крикнула ему вдогонку Акридина и заходила опять между столомъ и окномъ.

Ида позвонила. Пришелъ офиціантъ и началъ прибирать со стола.

Гостиняя служила имъ и столовой.

Онъ обѣ молчали, пока человѣкъ убиралъ. Не сразу начался разговоръ и по уходѣ его.

— Hélène!—тихо, но не своимъ обычнымъ тономъ окликнула Ида.

Она уже сидѣла въ широкомъ креслѣ, около столика, куда человѣкъ поставилъ лампу по ея указанію.

— Что надо?—отвѣтила Акридина, стоя близко лицомъ къ окну.

Ея губы вздрагивали.

— Поди сюда!—продолжала по-французски Ида,—я не могу говорить на такомъ разстояніи.

Молча и медленно Елена подошла къ столику и опустилась на ближайшую кушетку.

— За что ты его обидѣла? — спросила Ида серьезно, почти сурово.

— Онъ мнѣ надоѣлъ.

— Этого мало. Онъ не виноватъ, что ты теряешь голову.

— Пожалуйста!

— Теряешь. И я скажу—мнѣ за тебя обидно... И жаль тебя! Поди! Я не могу такъ.

Ида протянула ей обѣ руки. Въ ея голосѣ задрожали чудесные звуки. Елена вдругъ очутилась у ея ногъ и упала головой ей въ колѣни.

Беззвучно, со вздрагиваніемъ плечъ и шеп, она все сильнѣе прижималась къ колѣнамъ Иды. И не сразу слышались глухія рыданія.

Рука Иды гладила ее по волосамъ, какъ маленькую. На глазахъ у ней не показывалось слезъ: но все лицо, блѣдное и точно прозрачное, очевидно было чѣмъ-то страдающимъ и яснымъ.

— Mon pauvre vieux! — вырвалось у ней ея любимое восклицаніе. — Mon pauvre vieux!

Она такъ любила называть свою пріятельницу.

— Ты любишь, — продолжала она, какъ бы про себя. — Страсть пришла-таки! Пришла... И ты — раба.

— Не знаю! Ничего не знаю! — съ глухимъ плачемъ говорила Елена и отняла отъ колѣнъ Иды заплаканное, красное въ эту минуту, почти искаженное лицо.

— Сядь туда.

— Нѣтъ, не надо.

И Елена сѣла, вмѣсто кушетки, тутъ же, у ногъ Иды и опять положила ей голову, но уже бокомъ, тоже дѣтскимъ движеніемъ. Ида нагнулась и поцѣловала ее.

— Послушай, — начала она кротко и медленно, — вѣдь ты мнѣ вѣришь. Я твой другъ не на однихъ словахъ. И я жила... не такъ, какъ ты. Меня ты можешь спросить, что такое любовь, что такое для женщины мужчина, когда полюбишь его?

— Да, да, — прошептала безпомощно Елена.

— Стало-быть...

— Говори, говори! Ради Бога!

— Ты не огорчайся. Но ему ты не нравишься. Ваши споры... вздоръ! Развѣ это важно въ любви? Одна вѣрить въ одно, другой — въ другое, и все-таки любовь ихъ покоряетъ... И ты ему простишь все, только бы онъ полюбилъ тебя.

— Это гадко!

— Глупости говоришь, Елена. Глупости! Брось его, а не можешь — брось эти споры. Наввно — раздражать любимого человѣка, дѣлаться смѣшной, некрасивой, старой. Да, ты сегодня — я смотрѣла на тебя — постарѣла на десять лѣтъ.

— Я не могу измѣнить тому, что признаю!

— Та-та-та! Ничему ты не измѣнишь! Полюбить онъ тебя, тогда не станетъ спрашивать, чему ты вѣришь и чему нѣтъ. Бѣдная моя! — Ида нагнулась къ ней, обняла ее шею и привлекла къ своему лицу. — Еще есть время. Уѣдемъ отсюда! А лучше совсѣмъ уѣзжай. Ступай въ Це-

тербургъ. Ступай за границу. Ты себя измучаешь. Ты всю свою жизнь изломаешь. Умоляю тебя!

Ида начала цѣловать ее въ голову, и въ этомъ порывѣ вылилась вся душа женщины, заживо скоронившей себя для всякой новой любви.

— А почему же я не имѣю права хоть на кусочекъ счастья!—вскричала Елена и быстро встала на ноги.— Почему? Если этотъ человѣкъ первый далъ мнѣ почувствовать, что я до сихъ поръ не жила какъ женщина, онъ мнѣ еще дороже!

— Хорошо! Успокойся!

Ида встала, взяла Елену за талию и повела ее къ спальнѣ.

— Успокойся, лягъ... Но только не веди ты себя съ нимъ, какъ сегодня.

— Ты права!—съ блескомъ въ глазахъ заговорила Елена у дверей своей комнаты.—Тысячу разъ права! Надо по-другому. Ты слышала, у него мать заболѣла.

— И что же?

— Я навѣщу его.

Ида ничего не отвѣтила и только печально усмѣхнулась.

„Всѣ мы обречены на жертву тому же чудовищу“,—подумала она.

XI.

Лыжинъ проснулся позднѣе обыкновеннаго.

Вчера онъ ушелъ отъ своихъ пріятельницъ довольно рано, но долженъ былъ просматривать разныя бумаги и легъ въ два. Онъ могъ заниматься. Выходка Акридиной только проскользнула по немъ.

Будь это годъ-другой раньше, обида взволновала бы его. А вчера онъ, придя къ себѣ, сказалъ вслухъ:

— Шала!я!

И на этомъ успокоился. Когда онъ проснулся сегодня, то еще въ кровати ему вспомнилась вся сцена у Иды, и онъ, безъ раздраженія, пожалѣлъ Елену и ея запоздалую любовь.

Если она, увлекшись, ничего не найдетъ, кромѣ горя, пусть пеняетъ на самой себя. Не это въ ней кажется ему если не возмутительнымъ, то старомодно-задорнымъ, а главное—ея учено-радикальный „мундиръ“. Не только „по-своему“, и вообще Боярцевъ говорилъ вещи совсѣмъ не

глупыя. Такія женщины, какъ она, мечтаютъ, играютъ въ науку; въ сущности, имъ смертельно тошно со всей ихъ антропологіей и археологіей, и онѣ платятъ дорогой цѣною за то, что во-время не умѣли или не хотѣли жить сердцемъ.

Съ такимъ выводомъ онъ и всталъ съ постели.

Его кабинетъ, куда онъ вышелъ пить кофе, смотрѣлъ совершенно такъ же, какъ и за два мѣсяца передъ тѣмъ, когда къ нему, въ первый разъ, явился отъ Кумачева „амбарный Сократъ“—такъ онъ сначала, не безъ язвы, звалъ Кострицына—теперь его пріятель, съ которымъ онъ, не нынче—завтра, будетъ на „ты“.

И миллионщикъ Кумачевъ, фабрикантъ „пунцового товара“—его „патронъ“. Вотъ уже не первая недѣля, какъ онъ его „ревизоръ“. Правда, онъ выговорилъ себѣ право, осмотрѣвшись, придти и сказать: — „Нѣтъ, я остаюсь у васъ, Захаръ Лукьяновичъ, не могу“. Но ему еще не хочется уходить. Онъ только еще приглядывается и начинаетъ находить, что мѣсто интересное, если не повторять задовъ, не плакаться безъ толку надъ долей черной трудовой массы, а узнавать на практикѣ, какъ ей именно живется и такъ ли она несчастна.

Вчерашній обличительный „разносъ“ Акридиной—истерическая выходка. Къ Кумачеву онъ поступилъ вовсе не изъ-за однихъ „прекрасныхъ глазъ“ Нины Борисовны. Теперь и Нина интересуется его гораздо больше, чѣмъ это было на первыхъ порахъ. И мужъ ея, и она сама—люди новой формации. Кострицынъ правъ, только у того на Нину взглядъ строгонекъ. Можетъ-быть, въ этомъ именно разночинецъ и выдаетъ себя. Она—личность. Самое ея замужество уже нѣчто такое, гдѣ звучитъ новый камертонъ жизни.

Елена прямо бросила ему въ лицо такъ дерзко и такъ задорно, что онъ уже на заднихъ лапахъ передъ ея роскошной племянницей.

Такъ ли это?

Онъ не слѣдилъ за собой въ послѣднія двѣ недѣли. Просто жилъ. Да ему и посылало всякое „ковыряніе“ въ себѣ, все, что говорило бы ему о прежнемъ Лыжинѣ, съ его вѣчными опытами надъ собственной особой.

Вспомнилъ онъ, принимаясь за первую чашку кофе, недавній эпизодъ своихъ поисковъ „правды“, когда онъ, цѣлые полгода, жилъ на юго-востокѣ Россіи, въ общинѣ

интеллигентовъ, стряхнувшихъ съ себя всякую барскую и культурно-развратную нечисть, продѣлывалъ свое „возрожденіе“.

Тогда онъ уже черезъ недѣлю сталъ, каждый день, шупать себѣ „душевный пульсъ“, не способенъ ли онъ грѣховно вожделѣть къ одной изъ своихъ „сестеръ“ по духу, молодой бабенкѣ, приставшей къ общинѣ Богъ знаетъ зачѣмъ, полной всякихъ совѣмъ не евангельскихъ позывовъ. Работала она и въ полѣ, и вокругъ дома, споро и ловко, и то на первыхъ только порахъ, но, работая, показывала такія „вкусныя“ руки и плечи, и такъ играла огромными глазами, можетъ и не желая того, что двое изъ „братьевъ“ попали въ ея сѣти. Ну, и онъ себя исповѣдывалъ: не вызываетъ ли она и въ немъ любовныхъ помысловъ?

Все это теперь представлялось ему чѣмъ-то курьезно-нелѣпнымъ. Они вѣдь тамъ доходили до еженедѣльной громкой исповѣди. Мало ли до чего еще не доходили... А кончилось: для всѣхъ — печальнымъ разладомъ, для него — полнымъ душевнымъ банкротствомъ. „Община“ была послѣдней каплей яда въ его жизненной чашѣ.

Нѣтъ, онъ не слѣдилъ за собой, да и не желаетъ. Нина — яркое пятно на картинѣ, чтò мечется передъ нимъ въ домѣ Кумачевыхъ. И развивать онъ ее не собирался, приводить къ другимъ взглядамъ, даже вліять черезъ нее на Захара Лукьяновича. Она хочетъ во всемъ занимать положеніе „особы“, не входящей въ дѣла своего мужа. И прекрасно! Это не мѣшаетъ ей играть роль нумера перваго. Съ нимъ, лично, она ведетъ себя умно, не важничаетъ, выказываетъ даже видимое желаніе сдѣлать его членомъ кружка *своихъ* близкихъ знакомыхъ.

Кострицынъ помогаетъ ему проще и смѣлѣе смотрѣть на то человѣчество, съ какимъ ему теперь надо водиться. И за это онъ ему очень благодаренъ. До сихъ поръ, правда, этотъ умный и даровитый парень немножко кокетничаетъ, не показываетъ ему прямо своихъ картъ. Откуда, собственно, идутъ его взгляды, въ какихъ книжкахъ онъ ихъ вычиталъ, у какого нѣмца позаимствовалъ? Складъ его мыслей не похожъ ни на что, около чего грѣлся или охлаждѣвалъ самъ Лыжинъ.

Нужды нѣтъ. Его съ такимъ именно человѣкомъ не напрасно свела судьба.

Кончая кофе, Лыжинъ съ удовольствіемъ сообразилъ,

то Кострицынъ, по дорогѣ въ „городъ“, вѣроятно завернеть къ нему, попозднѣе. Отправляясь въ свой первый, серьезный объѣздъ, онъ весьма радъ будетъ кой-о-чемъ спросить Кострицына.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ, стукнувъ въ дверь. лакей.

Лыжинъ подумалъ сейчасъ же о Кострицынѣ и спросилъ:

— Ко мнѣ кто-нибудь?

Безъ доклада онъ давно уже не приказывалъ принимать.

— Такъ точно.

— Кто же?

— Господинъ Воденягинъ.

— А онъ развѣ все здѣсь еще живетъ?

— Такъ точно.

— Просите.

Выговорилъ это Лыжинъ безъ гримасы, но визиту Воденягина онъ не былъ особенно радъ и не устыдился своего чувства.

— Мое почтеніе!—раздался отъ порога непріятный для него голосъ Воденягина.

И вся его фигура, все въ той же, точно обязательной блузѣ, показалась ему обрюзглою, болѣе ожирѣлою, чѣмъ была два мѣсяца назадъ.

Онъ почти забылъ о его существованіи.

— Здравствуйте!—встрѣтилъ онъ его свѣтскимъ звукомъ, просто и сухо. — Не прикажете чашку кофе?

— Я не охотникъ. А чайничалъ я довольно дома. Вотъ покурить—разрѣшите.

Немного посапывая, Воденягинъ грузно разсѣлся у стола и закурилъ.

— Вы все у насъ?

— Какъ же. Совсѣмъ собрался выѣзжать, да компанія здѣсь нашлась. Хорошій народъ тутъ... у одной артистки. Вы ее не знаете? Днѣпровская она, по театру.

— Нѣтъ, не имѣю понятія.

— Какъ же... Дебютировала здѣсь. Петровичъ бываетъ... Хорошій паренекъ... фельетонистъ.

— Не имѣю удовольствія,—почти перебилъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Воденягина онъ, съ первыхъ его словъ, схватилъ такое выраженіе:

„Вотъ, молъ, ты теперь къ буржуямъ въ услуженіе пошелъ“.

А за этим сидѣло, вѣроятно, желаніе сейчасъ же, черезъ него, чего-нибудь добиться, за кого-нибудь просить.

— Вы, я слышалъ, служите у богача Кумачева?—спросилъ Воденягинъ, качнувъ опущенной головой, съ неуловимымъ выраженіемъ лица.

— Пока еще присматриваюсь только, — возразилъ Лыжинъ.

— А-а!—протянулъ Воденягинъ. — Сказывали мнѣ, вы какъ бы инспекторъ будете. Что жъ! Съ его стороны это ловко! Значить, онъ какъ бы хочетъ сказать: я-де самъ предупреждаю казенный надзоръ. Не глупъ! И если только это не для отвода—можно тутъ не мало хорошаго уладить.

— Будемъ стараться, — шутливо и не совсѣмъ своимъ тономъ выговорилъ Лыжинъ.—Но я дѣлаю это безъ всякихъ особенныхъ замысловъ.

Слово „замысловъ“ онъ подчеркнулъ.

— Зачѣмъ непременно замыслы? Просто—не допускать свинства и хозяйскаго грабежа.

Губы Воденягина повела усмѣшка, отъ которой Лыжину стало не по себѣ. Спорить онъ не хотѣлъ; уклонился бы и отъ всякаго принципиаго обмѣна идей.

Къ чему все это?

И весь этотъ Воденягинъ пахнулъ на него чѣмъ-то затхлымъ, такимъ старьемъ жалкихъ словъ и общихъ мѣстъ! Ему трудно сдѣлалось самому оживить разговоръ. Пауза вышла даже довольно томительная.

— Вы, можетъ, торопитесь?—спросилъ Воденягинъ.

— Нѣтъ, я къ вашимъ услугамъ.

— Юрій Петровичъ! Зачѣмъ такъ офиціально? Вѣдь мы съ вами не чиновники... а-съ? Ваше нутро я не имѣю ни намѣренія, ни права зондировать. Но позвольте вѣрить, что въ извѣстныхъ вопросахъ мы одного... толка... что ли?

Лыжинъ отвѣтилъ двойственной улыбкой.

„Такъ и есть,—подумалъ онъ,—будетъ о комъ-нибудь просить—въ *своемъ* направленіи“.

— Конечно,—продолжалъ Воденягинъ скорѣе и отведъ голову, — вы можете и уклониться... Дѣло — пустяковое. Но я къ вамъ подумалъ обратиться не просто... не съ бухта-барахта. Вы теперь въ такомъ именно обществѣ вращаетесь. Первый: вашъ—какъ бы это назвать—принципалъ, что ли...

Слово „принципалъ“ Воденягинъ выговори́лъ скосивъ ротъ, и Лыжинъ про себя сказалъ:
„Зачѣмъ же ты извишь, коли пришелъ просить?..“

XII.

Дверь широко растворилась. Кострицынъ, въ мѣховомъ пальто и калошахъ, съ краснымъ отъ мороза лицомъ, стоялъ на порогѣ.

— Иванъ Кузьмичъ, входите! — крикнулъ ему весело Лыжинъ.

Этотъ приходъ, раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, очень его обрадовалъ.

— Я на минуточку. На перепутьѣ озябъ. Ъздилъ, батенька, на Пятницкую.

— Я васъ ждалъ. Раздѣвайтесь скорѣе. Выпъете чашку кофе?

— Не откажусь.

Воденягинъ какъ-то бокомъ поглядѣлъ на Кострицына, и только когда тотъ повернулся отъ вѣшалки, снявъ пальто, глуховато выговорилъ:

— Мое почтеніе... Мы встрѣчались.

— Какъ же! — звонко откликнулся Кострицынъ, на ходу подавая ему руку.

Онъ сейчасъ же сообразилъ, что видитъ Воденягина не проста; пріятельства Лыжинъ съ нимъ не водилъ.

— Я, можетъ-быть, помѣшалъ? — спросилъ онъ, присаживаясь къ круглому столу, у котораго Лыжинъ обыкновенно пилъ кофе.

— Что жъ! Секретнаго тутъ ничего нѣтъ, — заговорилъ Воденягинъ, поводя жирными плечами. — Даже и естатн.

И, взглянувъ пристально на Кострицына, онъ спросилъ:

— Вы, вѣдь, если не ошибаюсь, тоже служите у Кулачева?

— Какъ же.

Кострицынъ поглядѣлъ выразительно на своего новаго пріятеля.

— Господинъ Воденягинъ съ чѣмъ-то хотѣлъ обратиться ко мнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда вы вошли.

— Дѣло, господа, вотъ въ чемъ! — Воденягинъ усиленно перевелъ дыханіе и всталъ. — Вы, быть-можетъ, помните, — повернулся онъ къ Лыжину, — какъ-то мы съ вами поздно

встрѣтились на площадкѣ и отъ меня уходилъ молодой малый... черноватый.

— Помню,—подумавъ, выговорилъ Лыжинъ.

— Фамилія его Хозькинъ. Онъ парень чрезвычайно даровитый... Стихотворецъ... Пишетъ подъ псевдонимомъ.

— Въ какомъ родѣ? Въ гражданско-элегическомъ? — спросилъ Кострицынъ, и глазки его заискрились.

— Во всякомъ,—сухо отвѣтилъ Воденягинъ.—Разумѣется, не о вечерней зарѣ и не тоску по милой поетъ, а въ болѣе здоровомъ направленіи.

— Понимаю,—добавилъ Кострицынъ, принимаясь за чашку.

— И что же онъ?—спросилъ Лыжинъ.

— Вы припомните, пожалуй, и то, что онъ еврей?

— А-а! — протянулъ Кострицынъ и сжалъ на особенный ладъ губы.

— И, кажется, успѣлъ вамъ сообщить — онъ ни университета диплома, ни аттестата зрѣлости не имѣетъ... Жить ему здѣсь нельзя.

— Разумѣется! — вырвалось у Кострицына.

— Одно время онъ значился въ услуженіи у своего единовѣрца. Но штуку эту пронюхали, и въ его служительскую профессію не вѣрятъ.

— Фортель слишкомъ извѣстный.

Слова эти Кострицынъ сказалъ въ сторону Лыжина и довольно тихо; но Воденягинъ ихъ услышалъ.

— Не особенно,—возразилъ онъ съ характернымъ пожиманіемъ плечъ, — не особенно... Случай такой, въ литературныхъ, по крайней мѣрѣ, кружкахъ, едва ли не первый... И сестра у него есть.

— Тоже писательница? — спросилъ Лыжинъ безъ особеннаго ударенія въ голосъ.

— Она учиться сюда пріѣхала. Тоже нельзя. Не знаетъ, какъ ей и быть. Просто хотъ пріобрѣтай особаго рода билетъ.

— Какой это? — почти съ беспокойствомъ спросилъ Кострицынъ.

— Прежде его какъ-то особенно называли. Теперь онъ, кажется, обыкновенный. Такъ его же родственница въ Петербургѣ принуждена уже была такъ сдѣлать, чтобы ее оставили въ покоѣ.

— Это анекдотъ! — вскричалъ Кострицынъ и заходилъ по комнатѣ.

— Извините, но апекдогъ, а фактъ.

Воденягинъ посмотрѣлъ на него въ упоръ и выговорилъ эти слова медленно, упирая на каждое слово.

— Вольному воля!

— Вы полагаете?—такъ же въ упоръ спросилъ Воденягинъ, и лицо его сразу пошло пятнами, но онъ себя сдержалъ и, тряхнувъ головой, повернулся къ Лыжину.

— Юрій Петровичъ, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ человѣку съ извѣстнымъ прошедшимъ.

Лыжинъ нервно потянулся и остановилъ его движениемъ руки.

— Прошедшее... зачѣмъ же перебирать? — отозвался онъ.—Человѣкъ развивается. Мало ли во что вѣришь и что признаешь даже и не будучи молоденькимъ.

Глаза Воденягина съ упорнымъ выраженіемъ вопроса уставились на него. Лыжинъ чувствовалъ тяжесть этого взгляда, но не смутился. Въ немъ поднялось желаніе дать по носу этому неисправимому обломку того корабля, на которомъ и онъ когда-то собирался плыть.

— Словомъ, — поправилъ онъ себя и выпрямился, не покидая своего мѣста на диванѣ.

— Словомъ,—повторилъ за нимъ Воденягинъ,—вы теперь не считаете себя солидарнымъ съ тѣми, кого когда-то уважали и за кѣмъ...

— Позвольте-съ!—вступился Кострицынъ и близко подошелъ къ Воденягину.—Мое дѣло тутъ сторона. Но это немножко похоже на экзаменъ по части того, что якобы называли „сертификатъ цивилизма“.

— Не знаю-съ,—уже жестче и суровѣе заговорилъ Воденягинъ.—Ежели вы,—онъ сдѣлалъ опять громкую передышку,—ежели вы настроены на особый ладъ въ этомъ вопросѣ, то я полагаю, что Юрій Петровичъ откликнется на мою просьбу.

И, обернувшись къ Лыжину, онъ продолжалъ мягче, съ блуждающей усмѣшкой:

— Что вамъ стоитъ... заинтересовать господина Кумачева? У него большія связи здѣсь... въ городѣ. Мы не просимъ, чтобы онъ взялъ несчастнаго поэта въ свои приказчики, онъ и по закону не имѣетъ на это права, а замолвилъ бы за него словечко кому слѣдуетъ.

— Захаръ Лукьяновичъ на это не пойдетъ! — вскричалъ Кострицынъ съ удареніемъ на словѣ „это“.

— Вы увѣрены? — откликнулся Воденягинъ искренней нотой.

— Насколько я его знаю!.. Ни за что не пойдетъ. Это было бы нарушеніе порядковъ, которымъ онъ сочувствуетъ.

— Сочувствуетъ? — переспросилъ Воденягинъ и опять уперся взглядомъ на Лыжина.

— Конечно, — отвѣчалъ за Лыжина Кострицынъ. — И у него это не блажь, не модный лозунгъ, а убѣжденіе. Онъ человѣкъ „программы“. Если онъ когда-нибудь будетъ баллотироваться по городскимъ выборамъ, то онъ, конечно, явится передъ избирателями съ такой именно программой.

Лыжина начало разбирать нѣчто въ родѣ смущенія. Въ глазахъ Воденягина онъ могъ прочесть:

„И такого *хозяина* ты себѣ выбралъ по доброй волѣ?“

— Наконецъ, — заговорилъ снова Воденягинъ и отвелъ отъ него взглядъ, — кажется, вы близко знакомы съ госпожей Акридиной?

— И что же?

— Она, конечно, будетъ готова посодѣйствовать съ своей стороны. Вѣдь она, кажется, и стоитъ въ домѣ Кумачевыхъ, приходится родственницей женѣ его?

— Елена Константиновна живетъ здѣсь уже съ недѣлю, — отвѣтилъ сухо вато Лыжинъ.

Ему захотѣлось сейчасъ же отвѣтить отказомъ и выпроводить этого „экзаменатора“.

— Все равно... Намъ извѣстно, что она вхожа въ разные барскіе дома... Къ старухѣ Козлишевой, на примѣръ... А тамъ бываютъ разные народы — знаете, какъ здѣсь говорятъ, „сильные въ губерніи“. Первый — генералъ Кишкетовъ. Запасный генералъ... Но мы знаемъ, — прибавилъ Воденягинъ совсѣмъ особымъ звукомъ, — что этотъ генералъ — особа съ самыми специальными ресурсами. Авось, вашей пріятельницѣ и удастся настроить его... Такъ вотъ въ чемъ дѣло.

Сдѣлавъ передышку, Воденягинъ всталъ въ позѣ челоуѣка, готоваго сейчасъ же удалиться, какъ только получить отвѣтъ.

— Весьма сожалѣю, — заговорилъ Лыжинъ, разставляя какъ бы нарочно слова, — я не могу быть посредникомъ въ этомъ ходатайствѣ ни передъ госпожей Акридиной, ни передъ господиномъ Кумачевымъ.

— Почему же, смѣю спросить?

— Съ Акридиной у насъ вышло нѣчто, не позволяющее мнѣ обращаться къ ней съ просьбой. А къ Захару Лукьяновичу я не хотѣлъ бы обращаться, даже будь онъ совершенно такихъ же убѣжденій, какъ вы. Я вступаю съ нимъ въ дѣловыя отношенія и не хочу до поры до времени о чемъ-либо просить его.

— Не очень ли ужъ выгораживаете вы, Юрій Петровичъ, свою неприкосновенность?

— Можетъ-быть! Но это—не капризъ съ моей стороны. Вы сейчасъ слышали, — Лыжинъ указалъ рукой на Кострицына, — вотъ довѣренное лицо Захара Лукьяновича, и онъ прямо объявляетъ, что тотъ ни за что не вмѣшается въ такое дѣло.

— Ни за что! — подтвердилъ Кострицынъ.

— Съ какой же стати я буду нарываться на полнѣйшее фіаско?

— Логично! Прощу извинить, — сказалъ Воденягинъ, переходя взглядомъ отъ одного къ другому. — И то сказать! Москва хоть кого передѣлаетъ. Помните, господа, въ одной знаменитой параллели говорится про Питеръ, что, молъ, тамъ есть мѣстечко, гдѣ передѣлываются не только образы мыслей, но и образы мыслителей? Въ Москвѣ образы мыслителей дѣлаются, пожалуй, благообразнѣе, упитаннѣе; зато мысли подлежатъ еще скорѣйшему превращенію. Хе-хе!.. Доброго здоровья!

Грустно повернувшись, Воденягинъ выдвинулся изъ полуотворенной двери, и его широкая спина, когда онъ исчезъ, еще нѣсколько секундъ виднѣлась мысленно Лыжину.

XIII.

— Браво, Юрій Петровичъ! браво!

Кострицынъ захлопалъ въ ладоши и даже подскочилъ.

— Что такое?

Лыжину сдѣлалось опять неловко—еще сильнѣе, чѣмъ было при Воденягинѣ.

— Такъ и надо! Давно пора! — продолжалъ съ тѣмъ же возбужденіемъ Кострицынъ, отбѣгая къ двери, гдѣ онъ всталъ спиной и схватился одной рукой за ручку.— Подѣлѣмъ. И прекрасно!

— То-есть, что же собственно прекрасно?

— Какъ что? Точно вы не разумѣете, добрѣйшій!..

Хвалю васъ, сто кратъ хвалю, что вы не пошли на подстрекательства этого шестидесятника. И еще было бы лучше, если бы вы, Юрій Петровичъ, безъ всякой дипломатіи, не указывая на ваши отношенія къ Кумачеву или Акридиной, прямо отрѣзали: „не желаю, дескать, выручать іудейскаго стихотворца,—имѣй я и полную возможность“.

— Ну, это слишкомъ!

Лыжинъ поглядѣлъ на Кострицына съ вопросительной улыбкой въ глазахъ, почти сконфуженно.

Лицо Кострицына, сначала задорно-веселое, перемѣнило выраженіе. Глаза стали сразу больше, лобъ наморщился. Онъ, все еще стоя спиной у двери, высвободилъ руку и съ широкимъ жестомъ крикнулъ:

— Такъ ихъ и надо!

— Почему же? — уже серьезнѣе и смѣлѣе выговорилъ Лыжинъ.

Онъ могъ не очень плакаться о судьбѣ какого-то тамъ „еврейчика“-стихотворца и его сестры, но до такого грядуса онъ еще не дошелъ. Ему вспомнился первый обѣдъ у Кумачева и раскаты голоса петербургскаго чиновника, отзывавшіеся какимъ-то каннибальствомъ, когда тотъ смаковалъ вареніе единоплеменниковъ этого самаго стихотворца „въ собственномъ соку“.

Неужели и онъ такъ скоро очутился въ такихъ же чувствахъ?

— Такъ далеко я не иду,—выговорилъ онъ мягко, но съ довольно рѣшительнымъ жестомъ.

— Полноте! — Кострицынъ подошелъ къ столу и, разставивъ ноги, подперъ себя руками бока. — Въ васъ говорить устарѣлый предразсудокъ. Вы не хотите, добрый Юрій Петровичъ, вникнуть въ то, что съ собою принесла эта раса въ европейскую культуру, въ весь нашъ душевный строй.

— Я знаю что.

— Только формально знаете. Но суть-то, суть-то какая?

Кострицынъ совсѣмъ преобразился: его короткая, приземистая фигура казалась крупнѣе и лицо стало тоньше; голову держалъ онъ высоко и правую руку вытянулъ, нервно издрагивая пальцами.

Такимъ Лыжинъ видѣлъ его впервые.

— Вы мнѣ скажите, суть-то какая? Откуда въ человечество проникла ядовитая струя ненависти, злобы, за-

висти, расхищенія, какъ не отъ нихъ — отъ этихъ поспешителей идеи униженныхъ и оскорбленныхъ, нищихъ и убогихъ, прокаженныхъ и противныхъ, забытыхъ и придавленныхъ?..

— Ну, такъ что же? — спросилъ Лыжинъ, все еще не схватывая того, куда клонить Кострицынъ.

— Вамъ этого мало? Они, ихъ пророки и учителя, поколебали вѣковѣчное и здоровое понятіе о добрѣ и злѣ. По ихъ ученію вышло, что все, что испоконъ вѣку было хорошо, другими словами: сильно, блестяще, богато, даровито, великодушно, храбро, — все это начало считаться зломъ, порокомъ, окалнствомъ, кромѣшнымъ мракомъ, за которыми ожидается скрежетъ зубовой.

— Это дѣло вѣрованій!

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Да неужели вы меня не понимаете! Что мнѣ за дѣло до религіозной вражды, до того, какого Бога кто почитаетъ. Что мнѣ за дѣло и до того, что они разводятъ по городамъ кассы ссудъ или занимаются еще болѣе темными гешефтами! Не они — такъ другіе. И наши русачки на руку охулки не положить. Вся разница будетъ только въ томъ, что мы опять все дороже станемъ покупать у своихъ. Не это для меня важно, не это я не могу имъ простить и никогда не прощу, а то, что ихъ мораль, сотканная изъ мести и безсильной злобы, ославила зломъ и порокомъ все, чѣмъ человѣкъ поднялся надъ звѣремъ.

— Какой же выводъ? — перебилъ Лыжинъ.

— Какой выводъ? А вотъ какой: я радуюсь тому, что вспыхнулъ, наконецъ, повсемѣстный бунтъ противъ этой нищенски-больничной морали. Помните, — еще стремительнѣе заговорилъ Кострицынъ, подсаживаясь на диванъ, — помните обѣдъ у Кумачевыхъ... когда тотъ петербургскій чинушъ...

— Прекрасно помню! — остановилъ Лыжинъ.

— Вы думаете, онъ мнѣ пріятенъ какъ личность! Не хуже я никого разумѣю — какалъ такимъ чинушамъ цѣна! Но онъ — безсознательное орудіе новаго духа.

— Иванъ Кузьмичъ! Какого же новаго! Помилосердствуйте!

— Древняго, если хотите, но обновленнаго. Того, что создало могучее, красивое человѣчество, Элладу, Римъ, эпоху Возрожденія, богоподобныхъ богатирей, мнѣнческихъ героевъ, завоевателей, творцовъ, которые не охали

и не лили слезы, а зпали одно — развивать свое я, держать и посягать, показывать всѣмъ, изъ-за чего стоить на свѣтѣ жить, а не разводить стада ноющихъ „неврастениковъ“, для которыхъ земля—юдоля плача, готовыхъ извести все, что только высоко носить голову, что сильно и безстрашно, и живетъ, прежде всего...

— Для себя?—добавилъ Лыжинъ.

— А то какъ же? Не для себя, а для торжества зиждительнаго начала—вотъ для чего-съ! Этого мало, что человѣконенавистникъ, распѣвавшій на рѣкахъ вавилонскихъ, овладѣлъ всѣмъ міромъ. Языческій Римъ — у его ногъ; Римъ христіанскій — у его ногъ! Всѣ аріицы, всѣ потомки безстрашныхъ племенъ пляшутъ по его дудѣ, проповѣдуя разрушеніе всего, повторяютъ его ученіе, одухотворенные его злобой и его ненасытной враждой ко всему радостному, здоровому, могучему и торжествующему. Такіе господа, какъ вотъ этотъ самый господинъ Воденягинъ,—нужды нѣтъ, что они свободные мыслители,—вотъ уже тридцать лѣтъ твердятъ все одно и то же: „покайтесь, падите ницъ передъ отребьемъ человѣчества, будьте грязны, нищи, ненавидьте красоту и силу, т. е. высшую ступень человѣческихъ свойствъ и даровъ природы, и добивайтесь того, чтобы всѣмъ было одинаково скверно!“

— Я съ этими господами уже не солидаренъ, — выговорилъ Лыжинъ.

Онъ сидѣлъ точно прихлопнутый потокомъ рѣчей Кострицына.

„Вотъ что,—думалъ онъ,—вонъ онъ куда идетъ“.

И будь онъ менѣе захваченъ горячими и грозными доводами Кострицына, онъ бы спросилъ его:

„А откуда, милый мой, вы это вычитали?“

Можетъ-быть, и вычиталъ откуда-нибудь, но все это звучало не красноречіемъ, не выходкой умника, пожалавшаго поразить пріятеля новизной парадокса.

Кострицынъ еще присѣлъ къ нему и дотронулся рукой до его плеча.

— Послушайте, дружище, — заговорилъ онъ тише и задумчивѣе, — вы думаете, я это—съ бухта-барахта?.. Не мало ночей ушло у меня на бесполезныя, на иной взглядъ, умствованія. И я глубоко убѣжденъ въ томъ, что извращеніе понятій добра и зла идетъ отъ нихъ, не отъ тѣхъ, что маклачатъ въ Зарядѣ, а отъ тѣхъ, что удалялись

въ пустыни и побивали камнями всякаго, кто былъ представитель могущества, красоты, здоровья...

— И хищничества!—добавилъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Батюшка! Въ васъ еще прежній человѣкъ сидитъ—изъ того времени, когда вы изнывали по сказочной царь-дѣвицѣ, которую зовутъ „меньшая братія“. Полюбуйтесь, во что превращается добренькій, умненькій, тихенькій современный человѣчекъ. Отъ него смердитъ! На него тошно глядѣть! Лучше ужъ было, по моему, держаться древне-эллинскаго рабства, какъ твердыни культурной жизни, чѣмъ вырождаться въ слюня, воспитавшаго въ себѣ только одну огромную анестезію духа и плоти.

— Но поэтъ Ходзькинъ-то тутъ при чемъ?

— Я сознательно радуюсь тому безсознательному бунту противъ духа, враждебнаго тому, что я ставлю выше всего въ исторіи человѣчества. Пускай господа въ родѣ петербургскаго чинуши дѣлаютъ свое дѣло! Ихъ резоны возмутительны для васъ, и для меня—не очень красивы; но пускай ихъ! Въ концѣ-то концовъ и здѣсь, и тамъ, и у насъ, и по всему Западу, подниметь голову начало жизни, а не мертвечины. Народится поколѣніе, которое крикнетъ: „жить хотимъ, а не посыпать главу пепломъ, хотимъ посягать и наслаждаться, а не хныкать и не отдавать все, что сами создали, завоевали и украсили, на съѣденіе грязной, дикой и злобной толпѣ! Никогда!“ И такое поколѣніе уже снова нарождается, другъ Юрій Петровичъ!.. Оно и тридцать лѣтъ назадъ уже народилось. Только его не поняли и совсѣмъ исказили его символъ вѣры.

— Будто бы?—удивленно остановилъ его Лыжинъ.

— А то какъ же? Базаровскія-то слова развѣ не помните насчетъ мужика? Мужичокъ будетъ блаженствовать, а изъ меня „лопухъ“ вырастетъ? А? Что же это такое, какъ не протестъ, который во мнѣ заклокоталъ сегодня такъ неудержимо въ вашемъ присутствіи? И тургеневскій лѣкарь—умѣйшее лицо нашей литературы. Только его умирилъ авторъ, зная, что ему бы все равно не жить. Ха-ха!

Кострицынъ поднялся, вышелъ на средину комнаты и шутливо проговорилъ:

— *Dixi et animam levavi!* А теперь—поѣдемъ завтракать и еще покалываемъ. Вы вѣдь отправляетесь въ объѣздъ.

XIV.

Входя въ переднюю дома Кумачевыхъ, послѣ завтрака въ трактирѣ съ Кострицынымъ, Лыжинъ спросилъ, откушали ли господа.

— Откушали,—доложилъ ему швейцаръ и прибавилъ:— Дяденька барыни прѣхали, князь Иларіонъ Ивановичъ, и теперь сидятъ въ кабинетѣ. Пожалуйста.

— Здѣсь будетъ жить?

— Какъ же. Они ужъ ночевали. Въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Елена Константиновна стояли,—прибавилъ швейцаръ менѣе почтительнымъ тономъ.

Акридину прислуга не долюбивала.

Лыжинъ приказалъ официанту, стоявшему у дверей половины Захара Лукьяновича, доложить о себѣ.

Въ кабинетѣ онъ нашелъ всѣхъ троихъ. Дѣтей только что увела англичанка. Ихъ въ первый разъ показывали дѣдушкѣ.

Войдя, Лыжинъ заглядѣлся на старика.

Онъ стоялъ, въ эту минуту, по самой срединѣ обширной и высокой комнаты. Нина сидѣла на углу турецкаго дивана, поджавъ одну ногу. Мужъ ея курилъ въ своемъ дубовомъ креслѣ, передъ письменнымъ столомъ.

На дворѣ стоялъ ясный день и полоса свѣта упала на фигуру князя съ его живописной сѣдой головой и богатырскими плечами. Короткій свѣтло-сѣрый пиджакъ—онъ былъ одѣтъ по-городскому—дѣлалъ его еще выше ростомъ.

— Здравствуйте!—первый привѣтствовалъ онъ Лыжина.

— Вы меня узнали, князь?—спросилъ тотъ, подавая ему руку.

— Еще бы! Помилуйте! Я вѣдь еще не впалъ въ „рамолисментъ“. Ха-ха!

Смѣхъ, басовой и немного хриплый, разлился по кабинету, и широкая улыбка осталась въ глазахъ; на морщинистыхъ нижнихъ вѣкахъ дрожали капельки пота.

— Вы—у Захара Лукьяновича, я слышалъ... и породовался.

Кумачевъ, приподнявшись надъ столомъ, подаль руку Лыжину. Нина сдѣлала ему пріятельскій жестъ рукой, безъ пожатія.

— Вы, можетъ-быть, съ важнымъ дѣломъ?—продолжалъ князь, ходя поперекъ комнаты грузнымъ шагомъ,

и вскинулъ головой въ сторону Кумачева. — Такъ мы съ Ниной удалимся.

— Особенныхъ дѣлъ нѣтъ. Я ѣду сегодня и пришелъ сообщить объ этомъ Захару Лукьяновичу.

Въ первые дни, когда Лыжинъ говорилъ Кумачеву, при постороннихъ, что-нибудь дѣловое, онъ слѣдилъ за собою, какъ бы у него не вышло тона подчиненнаго. Но теперь онъ уже зналъ, что бояться ему нечего. И вообще въ домѣ и передъ „принципаломъ“ онъ поставилъ себя независимо, и въ его тонѣ всегда чувствовался баринъ, а не приказчикъ „его степенства“.

— Нѣтъ, ничего, князь! — вмѣшался Кумачевъ. — О чемъ надо было переговорить съ Юріемъ Петровичемъ — мы уже переговорили... Этотъ объѣздъ будетъ, пожалуй, рѣшительный.

— Въ какомъ смыслѣ? — спросилъ князь.

— Да вѣдь Юрій Петровичъ еще вглядывается... Ежели что ему покажется не такъ, онъ выговорилъ себѣ право и удалиться.

— Вотъ какъ! Что жъ! Хвалю! Хвалю! Сколько я понимаю: онъ (князь о третьемъ лицѣ употреблялъ мѣстоименіе женскаго рода, третьяго лица) ставитъ себя добровольно въ положеніе живого организма между... какъ бы это выразиться?.. Да! Между молотомъ и наковальней.

— Какъ же это, князь? — окликнулъ Кумачевъ. — Молоть — это кто же?

— Молоть?.. Вы, другъ мой! Вы — капиталъ... Сила! Безпощадная и слѣпая.

— Почему же слѣпая?

— А когда она зрячая, то она отдана стремленію къ призрачному бытію.

— Не понимаю!

— Призрачно, мой милый, то, что не одухотворено высшей идеей, что служить только ограниченному явленію — будь то мошна капиталиста, или чувственная похоть развратника.

— Однако, позвольте...

— Доказывать это — длинная исторія, милый мой... Словомъ, молоть — это мошна, а наковальня — трудъ, спина и руки рабочаго, и его мозгъ въ придачу. Вещь пассивная, видимому; но отъ ея сопротивленія все зависить.

— Какъ же это? — сдержанно волнуясь, спросилъ Кумачевъ.

— А то какъ же? Если бѣ вмѣсто желѣза или стали наковальня была изъ глины—какую же бы ось на ней можно наварить?.. А? Ха-ха!

Смѣхъ князя заразилъ всѣхъ. И Кумачевъ засмѣялся, и раньше его Нина.

Ея взглядъ перехватилъ Лыжинъ, присѣвшій ближе къ дивану. Ея лицо, особенно какъ-то блестящее въ это утро, точно говорило:

„Нужды нѣтъ, что онъ Богъ знаетъ какія вещи говорить и называетъ мужа „мой милый“, какъ я говорю дворецкому. Онъ—князь Иларіонъ Ивановичъ! *Мой* дядя! И его присутствіе въ домѣ даетъ всему оттѣнокъ, котораго Захаръ Лукьяновичъ не придастъ.“

Лыжинъ не сразу отвелъ отъ нея глаза. Она была одѣта не такъ, какъ обыкновенно одѣбалась къ завтраку: въ свѣтломъ суконномъ платьѣ, съ бархатными короткими рукавами, открытыя, отъ локтя, руки въ браслетахъ; въ ухахъ горѣли два камня.

— Такъ слышите, Юрій Петровичъ, — окликнулъ его Кумачевъ, — въ какой передѣлкѣ вамъ придется быть, если согласиться съ княземъ?

— Князь употребилъ сравненіе... И оно, кажется, подходитъ къ дѣлу.

Лыжинъ не договорилъ. Болѣе чувство, чѣмъ мысль, кольнуло его, въ видѣ вопроса:

„Развѣ ты уйдешь по доброй волѣ?“

Взгляни на него Нина — онъ бы смутился, пожалуй сталъ бы краснѣть.

— Дядя!.. Вы зачѣмъ же запугиваете Юрія Петровича?.. Прежде всего, онъ противъ своихъ убѣжденій не пойдетъ.

Эти слова были сказаны съ красивымъ движеніемъ головы и произвели въ Лыжинѣ ощущеніе пріятной щекотки.

— Я не спорю! И всячески сочувствую такой примиряющей роли. Но можно ли примирить эту антиномію? Добрыхъ желаній недостаточно.

— Князь!—остановилъ его Кумачевъ.—Если такъ разсуждать, такъ надо сейчасъ же промысловое дѣло остановить—на всемъ свѣтѣ...

— Дядя!—заговорила Нина, вставая,—Юрій Петровичъ не можетъ вести пренія. Ему надо на вокзалъ. Вы когда ѣдете, съ какимъ поѣздомъ?—спросила она Лыжина.

— Съ почтовымъ.

— Вотъ видите... А миѣ еще надо васъ спросить...—

она не договорила и, обратясь къ князю, продолжала:— Мы оставим ихъ на минуту. Пройдемте въ дѣтскую— я вамъ еще не показала, какъ они живутъ. Вы мнѣ сдѣлаете ваши замѣчанія. Я приму ихъ съ благодарностью.

Она какъ бы замѣтила мужу, что съ дядей вступать въ споръ не слѣдуетъ. Надо его выслушивать, что бы онъ ни проповѣдывалъ. Онъ—Жеребьевъ-Зарайскій!

Проходя мимо Лыжина, она сказала ему:

— Вы найдете меня въ моемъ кабинетѣ. Чаю дать вамъ?

— Не откажусь.

Ея тонъ сегодня особенно ласкалъ его. Какъ будто подъ этимъ былъ расчетъ. Совершенно даромъ врядъ ли Нина Борисовна будетъ что-нибудь дѣлать.

Но онъ тотчасъ же отбросилъ эту мысль. Такъ узко и зло смотрѣть на женщину потому только, что она имѣетъ репутацію себялюбивой личности, которую очень не трудно раскусить! Съ какой стати, по первымъ впечатлѣнιάмъ, сейчасъ строить выводъ и считать его непогрѣшимымъ? Кострицынъ ему не указъ. Да и онъ начинаетъ говорить о ней въ другомъ духѣ.

И опять, противъ воли, онъ заглядѣлся на линіи ея шеи и бѣлаго затылка съ круто завернутымъ пучкомъ волосъ и высокой черепаховой гребенкой.

Рука князя опустилась къ нему на плечо—онъ шелъ за племянницей къ выходной двери.

— La suite au prochain numéro... Буду имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами на свободѣ... А тотъ вашъ пріятель... Захаръ Лукьяновичъ!—обернулся онъ въ полъ-оборота къ Кумачеву,—какъ, мой милый, фамилія вашего ученаго бухгалтера?

— Вы про Ивана Кузьмича?—Кострицынъ... Онъ не бухгалтеръ, а завѣдуетъ цѣлымъ отдѣленіемъ конторы.

— А-а!.. Очень радъ... Вѣдь онъ, — князь повернулъ голову къ Лыжину, — кажется, имѣетъ высшую ученую степень?

— Собирается держать, — сказалъ Кумачевъ, — который уже годъ.

— Отчего же все только собирается? Ваша цифирь не позволяетъ?

— Время есть. Онъ только до обѣда занятъ. Знаете, по-московски, съ прохладцей. Надъ нами не каплетъ.

— Какого же онъ толка?—спросилъ князь Лыжина и повелъ своими густыми бровями.—Позитивнаго?

— Не могу вамъ сказать, князь.

— Какъ же это такъ? Пріятель, и не знаете, какого онъ мировоззрѣнія.

— Мировоззрѣнія—положительнаго, — отозвался Кумачевъ.

— То-есть, какъ же это: житейски или философски?

— Житейски. Въ философію я не вдаюсь.

— Мнѣ сдается, что мы съ господиномъ Кострицынымъ еще будемъ имѣть турниръ.

— На это онъ мастеръ! Хлѣбомъ не корми.

Кумачевъ тихо разсмѣялся.

— Однако... Нина ждетъ. Если она желаетъ отъ меня педагогическихъ совѣтовъ... я—увы!—не Песталоцци. До свиданія! Спасибо, что нашли мое сравненіе молота и наковальни не глупымъ.

Князь крѣпко пожалъ руку Лыжина и оставилъ его въ кабинетѣ съ Кумачевымъ...

XV.

— Какъ вы его находите?

Нина сидѣла подъ своимъ балдахиномъ полулежа, глубоко подавшись назадъ, на подушки.

Вопросъ она предложила объ Эсауловѣ.

Лыжину онъ не нравился. Съ того обѣда, когда онъ въ первый разъ увидалъ его, онъ встрѣчалъ его и у Елены Акридиной.

— Какъ нахожу?—переспросилъ онъ и отхлебнулъ изъ чашки.—Недостаточно его знаю, Нина Борисовна.

— Это уклончиво и на васъ не похоже. Онъ не въ вашемъ вкусѣ, скажите?

— Эсауловъ—вашъ пріятель. Вы его давно знаете и успѣли одѣннить.

— Да полноте, Юрій Петровичъ. Вы видите, я съ вами говорю откровенно. Разумѣется, онъ не въ вашемъ вкусѣ. Въ немъ есть сухость. Онъ избалованъ своей репутаціей и потомъ, — она зачялась, — думаетъ, что ни одна женщина не устоитъ, если онъ приласкаетъ ее. Кажется, вашъ другъ и моя тетенька Елена Константиновна не очень съ нимъ ладить.

— У нихъ разговоры особенные.

— Ученые? Ахъ, Юрій Петровичъ!—Нина всѣмъ корпусомъ пододвинулась къ нему, взяла подушку и подло-

жила ее себѣ подѣ грудь. — Скажите, съ вами можно о хоей тетенькѣ говорить... совсѣмъ просто?

— Отчего же нѣтъ? Правда, мы съ ней давно считаемся пріятелями.

— Только считается? А въ сущности?

— Во многомъ я уже не тотъ, что былъ прежде, Нина Борисовна, да и она стала въ послѣднее время...

— Тоже другая? Ха-ха! Какъ будто вы не знаете, отчего?

Глаза Нины игриво и злобно заблестѣли.

Лыжинъ усмѣхнулся и промолчалъ.

— Умираетъ?.. А?

Онъ понялъ намекъ, но ему не хотѣлось подтрунивать надъ Еленой.

— Если оно такъ, надо пожелать ей успѣха.

— Полноте, — Нина заговорила почти шопотомъ, — это безуміе. Она ему годится чуть не въ тетки.

— Онъ врядъ ли на много моложе ея.

— Развѣ это не все равно? Вѣдь ей подѣ-сорокъ. А впрочемъ, — она сдѣлала жестъ головой, — любовь можетъ переродить... Придать ей больше кротости... и скромности, — добавила она дурачливо.

Въ первый разъ она говорила съ нимъ въ такомъ тонѣ о своей „тетенькѣ“. Это и было ему немного неловко, и приближало его къ ней. И раньше онъ догадывался: Нина не очень была восхищена тѣмъ, что Акридина гостить у нея.

— И двѣ подруги теперь взаимно изливаются? А?

Она опять злобно повела глазами и еще ближе пододвинулась.

Ея обнаженная съ локтя рука блестѣла своими браслетами и бѣлизной. Что-то было въ этой рукѣ нестерпимо красивое и тревожащее. Смотрѣть на нее прямо ему стало жутко. И онъ тутъ только понялъ, что Нина позвала его къ себѣ пить чай, чтобы о чемъ-то его выспросить.

Но о чемъ же? О любви Елены къ Боярцеву? Такъ она сама знаетъ объ этомъ. Ида, кажется, ее совсѣмъ не интересуетъ. И не настолько она банальна, чтобы вызывать его на сплетническій разговоръ объ этихъ двухъ женщинахъ. Она менѣе мелочна и злобна, чѣмъ, можетъ-быть, опредѣляетъ ее Кострицынъ. Къ Еленѣ она относится недружелюбно. Но, вѣроятно, та ей просто надоѣла своимъ тономъ, замашками, умничаньемъ.

— Ну, хорошо, — заговорила Нина, такъ же тихо, но съ опущенными рѣсницами. — Вы--вѣрный пріятель, и въ васъ я это очень цѣню, Юрій Петровичъ.. Вы живете тамъ, въ garni, уже давно?

— Съ пріѣзда въ Москву.

— И знакомы и съ другими дамами, кромѣ Иды и Елены?

Тутъ только она подняла рѣсницы и остановила на немъ взглядъ.

— Кажется... ни съ кѣмъ больше.

— Припомните. А какая это красивая брюнетка стоитъ въ бель-этажѣ, въ одномъ коридорѣ съ Идой? Я ее мелькомъ видѣла. Вы не знаете?

Это было сказано отрывисто, совсѣмъ простымъ, пріятельскимъ звукомъ.

Ижинъ сначала подумалъ.

— Не встрѣчалъ.

— Ахъ! Какой вы скрытный!.. Это не хорошо, Юрій Петровичъ.

— Да увѣрю васъ, не встрѣчалъ.

И что-то припомнивъ, онъ сказалъ:

— Можетъ-быть, это та... артистка, актриса, кажется.

Онъ уже вспомнилъ, что Воденягинъ говорилъ ему сегодня про какую-то Днѣпровскую, у которой собирается компания, какой-то „хорошій народъ“, — хорошій на его вкусъ.

— Слышалъ сегодня, — продолжалъ онъ съ улыбкой въ глазахъ, — про госпожу Днѣпровскую. Это можетъ оказаться она. У нея, говорятъ, собирается цѣлый кружокъ.

— Мужчинъ? — слишкомъ порывисто, не выдержавъ тона, спросила Нина.

— Вѣроятно. Но утверждать не могу. А васъ это развѣ интересуетъ, Нина Борисовна?

— Да, я хотѣла бы знать; отчего бы вамъ съ ней не познакомиться?

И она ему подмигнула. Это его неприятно кольнуло — за нее. Съ какой стати предлагаетъ она ему такое именно знакомство?

Смутное чувство мужской обиды защемило его. Стало-быть, онъ для нея совсѣмъ не существуетъ, какъ мужчина, еще не старый, котораго никто уродомъ не считалъ. И она, какъ пріятель, совершенно по-мужски, указываетъ ему на красивую бабенку, предполагая, что та

доступна, и говорить ему: „Что жъ вы, батенька, пло-
шаете—познакомьтесь и добейтесь своего“.

Опять у него начала выступать въ щекахъ краска, но
Нина могла и не замѣтить этого: въ комнатѣ, съ тяже-
лыми портьерами, стоялъ полусвѣтъ.

— Самъ я не имѣю желанія. Да и некогда... Развѣ
вамъ это было бы... нужно?

Онъ набрался смѣлости и посмотрѣлъ на нее довольно
прямо.

Нина откинулась немного на подушку и, вытянувъ ноги,
повела плечами.

— C'est pour rire!—выговорила она.

— И только?—спросилъ Лыжинъ, и тотчасъ же у него
внутри точно похолодѣло: онъ испугался смѣлости своего
вопроса.

— Вамъ надо сначала бросить вашу сдержанность...
Юрій Петровичъ. Я хотѣла бы видѣть васъ среди своихъ
друзей. Тогда у насъ пойдетъ на ладъ... Вы не хотите
простить женщинѣ простое любопытство. А еще такой
умный!

„Ты хитришь, — быстро подумалъ онъ, — тутъ что-то
другое“.

Иъ-за спины его, у дверей въ гостиную, раздался до-
кладъ лакея:

— Баронъ Гольцъ.

Въ одинъ мигъ Нина перемѣнила позу, еще глубже
сѣла на диванъ, такъ что ея ноги приходились на краю
его, и поправила волосы привычнымъ и красивымъ же-
стомъ, въ то время, какъ говорила лакею:

— Проси!

Лыжина она спросила тише:

— Вы его знаете?

— Въ первый разъ слышу.

— Кажется, вы его уже видѣли у Закки?

— У кого? — переспросилъ Лыжинъ, забывъ, кого она
такъ зоветъ.

— У мужа!

— Нѣтъ. А кто это?

— Вы увидите.

— Да мнѣ ужъ и пора.

— Посидите! Такъ нельзя! Вы убѣдите, точно затѣмъ,
чтобы меня оставить...

Она не договорила. Въ сосѣдней гостиной, смягченный ковромъ, раздался звукъ шпоръ.

И въ эту минуту ихъ взгляды столкнулись. Ему показалось, что щеки ея порозовѣли. Тотчасъ же подумалъ онъ, что между тѣмъ, кто носить шпоры, зазвучавшія въ гостиной, и женщиной, про которую она спрашивала, есть связь.

— Bonjour, vaion! — небрежно, совсѣмъ другимъ звукомъ, выговорила Нина и такъ же небрежно кивнула головой вбокъ.

Лыжинъ долженъ былъ встать: около дивана помѣщался только низенькій стулъ, гдѣ онъ сидѣлъ. Офицеръ, выше его ростомъ, на ходу сдѣлалъ общій поклонъ и потомъ приблизился къ дивану, чтобы взять руку хозяйки. Это можно было сдѣлать только сильно нагнувшись.

— Monsieur Лыжинъ,—баронъ Гольцъ, — представила она ихъ.

Лыжинъ нигдѣ не видалъ этого гвардейца, но у него вдругъ явилось соображеніе, и онъ, когда подавалъ ему руку, спросилъ его:

— Васъ, баронъ, я, кажется, уже видѣлъ на-дняхъ?

Онъ выдумывалъ, и эта выдумка ему зачѣмъ-то была нужна. И не глядя на Нину, онъ почувалъ, что она насторожила уши.

— Гдѣ же?—спросилъ Гольцъ совершенно просто.

— Въ garpi, гдѣ я живу.

Онъ называлъ улицу.

— Весьма возможно,—отвѣтилъ Гольцъ.

И тутъ только Лыжинъ взглянулъ на Нину: въ глазахъ у нея что-то промелькнуло.

„Такъ и есть!“—рѣшилъ онъ, и этотъ выводъ его обжегъ. Останься онъ еще—а надо было торопиться—ему будетъ тяжело присутствовать въ качествѣ третьяго лица.

— Куда же вы торопитесь?

Нина поглядѣла на него такъ, что онъ почувствовалъ себя ея „сообщникомъ“. И улыбка была въ ея глазахъ, и желаніе дать ему понять, что она не просто спрашивала про красивую брюнетку.

— Опоздаю на поѣздъ, Нина Борисовна,—выговорилъ Лыжинъ.

Онъ не отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ.

— Возвращайтесь скорѣе!

Она, по-английски, пожала ему руку. Офицеръ еще разъ поклонился, опустивъ одну голову на грудь.

„Такъ вотъ это кто!“—выговорилъ онъ мысленно, спускаясь въ сѣни. Ростъ, профиль, цвѣтъ лица, волосы барона еще мелькали передъ нимъ. И его защемила могучая молодость этого гвардейца.

XVI.

Лакей подаль чашку чаю барону Гольцу и удалился.

Нина и позднѣе, съ четырехъ, не разливала сама, кромѣ средъ, когда у ней бывали большіе „five o'clock“, которые Захаръ Лукьяновичъ называлъ просто „клуби“,— не по незнавію англійскаго: онъ владѣлъ имъ свободно и зналъ гораздо больше про Англію и англичанъ, чѣмъ его жена.

Гольцъ сидѣлъ на томъ же низкомъ стульчикѣ, какъ и Лыжинъ, четверть часа раньше, вытянувъ свои длинныя ноги.

— Изъ какихъ же онъ собственно?—спросилъ баронъ.

Они говорили о Лыжинѣ.

— Я не знаю, какой на немъ чинъ. Онъ былъ помѣщикъ и продалъ имѣніе мужу. А потомъ принялъ отъ него мѣсто... какъ бы сказать?—ревизора.

— Надъ чѣмъ?

Лицо Гольца сейчасъ перемѣнило выраженіе. Оно сначала тихо улыбалось, и тонъ былъ полусутиливый, все съ той же спокойной безцеремонностью, который подзадоривалъ Нину, безъ всякаго желанія показать хоть намекъ на то, что онъ способенъ оцѣнить ее какъ женщину и хозяйку салона. Но какъ только рѣчь зашла о Лыжинѣ и его теперешней службѣ у Захара Лукьяновича, тонъ сейчасъ же перемѣнился у него. И это ее кольнуло, но она продолжала говорить о Лыжинѣ сочувственно и серьезно, какъ бы съ намѣреніемъ.

И вопросъ Гольца: „надъ чѣмъ“ звучалъ совершенно серьезно.

— Онъ будетъ наблюдать, какъ содержатся рабочіе.

— А-а! Вотъ что! Да онъ самъ-то какихъ взглядовъ? Красный?

На красивой переносицѣ барона легла складка.

— Не думаю... Прежде, можетъ-быть, за нимъ это вошло. Но теперь... Il en est revenu!

— Все-таки же... такихъ господъ не совсѣмъ-то без-

опасно пускать... Я знаю это по опыту. Вотъ въ имѣньѣ нашемъ... Мы съ братомъ тоже выписали одного... изъ академіи, ученаго агронома. А онъ, вмѣсто того, чтобы фосфоритомъ заниматься, сталъ мутить батраковъ на фермѣ и насчетъ платы, и насчетъ часовъ работы. Эти господа теперь притворяются, хитрятъ. Они опаснѣе, чѣмъ были прежде, когда прямо выдавали себя, одѣвались Богъ знаетъ какъ и сразу грубили... Умнѣе стали.

То, что онъ говорилъ и какъ это у него выходило, должно бы ей нравиться. И онъ, и ея „Закки“ такихъ же взглядовъ. Не его направленіе задѣвало ее, а его манера говорить съ нею, точно будто передъ нимъ сидитъ самъ Захаръ Лукьяновичъ, да и передъ нимъ онъ будетъ имѣть болѣе свѣтски-почтительный тонъ.

— Это дѣло Закки. Я въ его хозяйство не вхожу.

Она на него взглянула при этихъ словахъ, точно желая ему дать понять, что они оба—люди „du même bord“ и имъ нечего спорить. У нихъ долженъ быть *свой* разговоръ.

Но этого онъ не хотѣлъ понять.

— А вы его... и къ своей особѣ приставили?

— Dans quel sens?—совсѣмъ строго спросила Нина.

— Comme confident... Да нѣтъ,—поправился онъ и полусмѣшливо поглядѣлъ на нее,—вамъ наперсникъ не нуженъ. Вамъ нечего рассказывать. Знаете... Вотъ какъ въ трагедіи?... Я Сару Бернаръ видѣлъ въ „Федрѣ“.

— Какой примѣръ!

Она рѣшительно сердилась на этого полуѣмцакаго bellâtre.

— Я только такъ... Вѣдь это все равно. Вамъ не то что уже въ любви къ тому... какъ его зовутъ по песнѣ... къ пасынку, что ли... ха-ха! а вообще не въ чемъ каяться.

— Какъ же вы можете знать?

Нина приняла другую позу на краю дивана.

— Это сейчасъ видно.

Гольцъ добродушно засмѣялся и повелъ рукой, въ которой держалъ папиросу: курить она ему разрѣшила.

— Que c'est bête!

Это восклицаніе вышло у нея почти грубо.

— Pardon, madame, ce n'est que franc et flatteur pour vous. Вашъ супругъ можетъ спать спокойно.

— Супругъ мой тутъ ни при чемъ.

Слово „супругъ“, хотя Гольцъ выговорилъ его просто,

показалось ей новой дерзостью. Этотъ „баронъ“ хочетъ показать, что мужъ ея—купчишка, и какъ бы жалѣть ее за „mésaillance“.

— Да онъ и не изъ такихъ,—продолжалъ, не мѣняя тона, Гольцъ.

— Не изъ какихъ это?

Еще одно слово—и она способна была дать на него окрикъ.

— А вотъ изъ нынѣшнихъ... Des maris complaisants. Цѣтъ, онъ не такой. Это тоже сейчасъ видно.

Ей смертельно захотѣлось сказать ему:

„Вы, стало-быть, ухаживаете только за женами тѣхъ, кто вамъ не страшенъ?“

— Вы наблюдательны,—сказала она съ недобримъ смѣхомъ.

— Это чувствуется.

— Да... Закки, прежде всего, человѣкъ съ характеромъ и ни передъ кѣмъ не сниметъ шапки первый. Les titres ne lui en imposent pas,—не выдержала она и даже взглянула на него. — Мой дядя, князь Иларіонъ, гоститъ у насъ.

— Князь?—вопросительно перебилъ ее Гольцъ, и опять лицо его стало серьезно.

— Князь Зарайскій... Братъ моего отца.

— Кое-что, кажется, слышалъ про него. Онъ большой чудакъ?

— Почему же чудакъ?

— Какъ же... Роздалъ все крестьянамъ и живетъ въ шалашѣ... Онъ, значить, толстовецъ?

— И не думаетъ. Онъ еще тридцать лѣтъ до эмансипаціи отпустилъ крестьянъ на волю.

— Они ему, конечно, и показали, какую онъ глупость сдѣлалъ.

Опять она должна была бы согласиться съ нимъ. Развѣ она про себя не считала князя Иларіона полусумасшедшимъ, и если не подсмѣивалась надъ нимъ, то потому только, что онъ — ея дядя, князь Зарайскій, и имъ она желаетъ держать мужа въ еще большемъ уваженіи къ тому, кѣмъ она была, когда выходила за него.

— Это до меня не касается,—сухо выговорила она и, рѣзко мѣняя разговоръ, спросила:—Вы будете у старухи Кобалишевой?

Она знала черезъ Напон, что онъ званъ.

— Явлюсь,—отвѣтилъ онъ, почему-то наклонивъ голову въ видѣ поклона.—Полученный раутъ будетъ...

— Да, ея дочь—довольно противная педантка.

— Ей бы замужъ... Оттого она и въ ученость ударилась.

— Ce sera très disparate... И мою тетку Акридину будутъ фетировать. Вы ея не знаете?

— Не имѣю удовольствія.

— Un bas bleu.

— Кажется, и дѣвочки будутъ... свѣженькія.

— Дѣвочки?—переспросила Нина и сжала губы.

— Pardon! Мы такъ дѣвицъ зовемъ.

— Гдѣ? Въ манежѣ?

— Вездѣ. Онѣ не обижаются.

Она только повела плечами и подумала: „Да онъ просто—дурачокъ! Хороша и я!“

— Ну, да. Внучки старухи. Незбѣжныя Модъ и Маджъ.

— Англизированные... Ростомъ онѣ вышли!

„И какъ этотъ баронъ мѣтко выражается по-русски: ростомъ вышли!“—подумала Нина.

— Des nullités! — выговорила она уже прямо презрительно.

— Eh, madame, toutes les femmes sont bonnes!

И баронъ махнулъ рукой уже совсѣмъ безцеремонно.

Онъ даже не спросилъ, собирается ли она на этотъ раутъ, а ей, вопреки его глупому поведенію, хотѣлось туда сильнѣе, чѣмъ вчера и третьяго дня.

Онъ поставилъ чашку на восточный столикъ, окуроевъ папиросы бросилъ въ пепельницу и потянулся. Ей показалось даже, что онъ сдержалъ зѣвоту.

Нина чуть не спросила:

„Вы, кажется, зѣваете? Съ нихъ, съ этихъ „конюховъ“ въ пѣвѣнныхъ фуражкахъ, теперь все станется“.

И она горько упрекнула про себя первую свою подругу Напон: въ обществѣ *такихъ* женщинъ всѣ эти мужчины невыносимо балуются и привыкаютъ чувствовать себя вездѣ, какъ въ трактирѣ съ арфистками — хуже, потому что за тѣми они, хоть и пошло, но ухаживаютъ.

Красивый офицеръ сидѣлъ передъ ней, подобравъ ноги въ безукоризненную позу, и падѣвалъ замшевую перчатку на правую руку.

Перчаткой своей онъ занимался съ особенной серьезностью и какъ бы забылъ о существованіи Нины. Это

продолжалось не болѣе полминуты, но впечатлѣніе Нина получила именно такое.

Послѣ того онъ всталъ, слегка отряхнулся, благодушно улыбаясь, протянулъ ей руку и опять поклонился, опустивъ голову на грудь, своимъ форменнымъ поклономъ кавалериста и гвардейца.

— Bonjour, — медленно сказалъ онъ и, повернувшись съ особой, важной тяжеловатостью, пошелъ къ двери.

— Bonjour, — небрежно отвѣтила она ему вслѣдъ.

Ей не удалось кончить разговоръ чѣмъ-нибудь такимъ, что его совсѣмъ бы „приплюснуло“.

Около самой двери, но уже въ гостиной, звукъ шпоръ стихъ и раздался голосъ Захара Лукьяновича. Она не разслыхала фразъ, которыми они обмѣнялись. Вставать ей не хотѣлось. Она, какъ въ разговоръ съ Лыжинымъ, почти легла вглубь дивана и подперла себѣ грудь шелковой подушкой, расшитой золотомъ.

— Нина! Ты здѣсь? — окликнулъ ее мужъ.

— Здѣсь... А что?

Захаръ Лукьяновичъ подсѣлъ къ ней на диванъ. Онъ улыбался и, переждавъ съ полминуты, тихо сказалъ:

— Красивый „калегвардъ“, — и онъ протянулъ это жаргонное слово, вычитанное у Щедрина, — а кажется не изъ пущихъ. Какъ ты скажешь?

— И очень.

— То-то... Однако, производитъ давленіе?

— Какое? — со смѣхомъ спросила Нина.

— Мужскимъ естествомъ?

— Не знаю.

Она взглянула на Захара Лукьяновича, и весь его видъ былъ такой, что слова барона выступили у ней въ головѣ: „да, Захки не изъ нынѣшнихъ мужей“.

„Тѣмъ лучше!“ — почти вслухъ выговорила она.

— А все-таки, Нина, я его позвалъ обѣдать въ субботу. Знаешь, такой офицеръ — въ родѣ какъ каріатида или ваза на столѣ.

„Вотъ какъ!“

Она возмущилась за себя, и сейчасъ же весь „изумительный“ туалетъ, какой она надѣнетъ къ Козлишевой, представился ей. И глаза ея блеснули. Въ нихъ было написано: „посмотримъ“.

Мужъ вѣжно поцѣловалъ ея руку.

XVII.

Извозчикья карета, съ пѣвучимъ свистомъ промерзлыхъ колесъ, тащилась въ гору отъ бульвара на Остоженку. Морозъ былъ градусомъ въ двадцать пять.

Укутанныя въ шали, сидѣли въ каретѣ Ида и Акридина. Старуха Козлишева настояла на томъ, чтобы на ея первый раутъ, по приѣздѣ ея дочери Смоквиной изъ-за границы, Ида явилась непременно. Отъ нея трудно было отвертѣться, когда она чего-нибудь захочетъ. По крайней мѣрѣ пять записокъ получила отъ нея Ида — одна другой курьезнѣе по стилю.

Пришлось уступить ей. Ида больше всего боялась всякой „исторіи“ изъ-за нея. „Выѣзжать“ она не хотѣла, кромѣ театра и музыкальныхъ вечеровъ въ собраніи. У нея и платья не было въ гардеробѣ подходящаго къ такому рауту.

Но старуха въ послѣдней своей запискѣ, дѣлая ошибки на обоихъ языкахъ, писала ей:

„Вечеръ мы съ дочерью даемъ какъ бы въ честь вашего друга, Елены Константиновны, и вамъ, безцѣнная моя, нельзя отказаться. Vous appartenez aussi à l'intelligence“.

Она перевела такъ слово „интеллигенція“ и еще два раза его повторила. Обѣ онѣ не мало смѣялись, и Елена послѣ того стала звать Иду изъ одной комнаты въ другую:— „Chère intelligence, écoute donc!“

Имъ обѣимъ предстояло и еще удовольствіе — дочь Козлишевой, вдова Смоквина. Она не попадала на съѣздъ, гдѣ Елену такъ принимали, но хотѣла себя „вознаградить“, какъ она выразилась, дѣлая визитъ Акридиной. Этотъ визитъ длился цѣлый часъ, и обѣ онѣ отъ него пострадали. Смоквина считала себя передовой и начитанной женщиной и ставила себѣ въ немалую заслугу то, что у себя въ имѣніи раскопала два кургана и въ одномъ изъ нихъ нашла запястье.

Она называла его „фѣбулой“ по-древнему, и это слово произносила она съ мягкимъ „л“ — фѣбуля — и нараспѣвъ. Не менѣе десяти разъ употребила она его въ теченіе своего визита.

Когда она, наконецъ, уѣхала, то Елена вскинула руками и закричала, забѣгавъ по гостиной:

— Ида! Я отказываюсь отъ археологiи! Это ужасно! Это ужасно! Такая мадамъ!

И между собою онѣ ее прозвали „фйбуля“.

Ида побѣхала и потому еще, что боялась за свою подругу. Она знала, что Боярцевъ будетъ у старухи. Елена, скрывая это, дѣлала большія приготовленія къ вечеру, заказала себѣ новый туалетъ. Ей надо было загладить, во что бы то ни стало, впечатлѣнiе послѣдняго спора съ Боярцевымъ. За собою ей необходимо слѣдить, сдерживать себя... Нельзя ее предоставить самой себѣ. Добрымъ „товарищемъ“ Ида всегда была; а теперь, когда у нея нѣтъ никакой личной жизни чувства, въ дружбѣ она стала еще строже къ себѣ и еще добрѣе съ своими прiателями—и женщинами, и мужчинами.

Какъ Елена ни скрывала свои хлопоты о платьѣ, но Ида и тутъ должна была помочь ей. Благодаря ея совѣтамъ, у ней сегодня очень милый туалетъ, изъ чернаго фая съ бархатомъ и съ большой кружевной бертой, молодить ее и вообще чрезвычайно идетъ.

И себѣ Ида заказала въ магазинѣ „A la ville de Lyon“ темный туалетъ, который ее старилъ: она это знала и почти нарочно выбрала себѣ цвѣтъ матерiи и покрой, чтобы Елена, ея ровесница, смотрѣла моложе ея.

Та поняла это и, безъ словъ, поблагодарила, поцѣловала ее горячо въ лобъ, когда онѣ обѣ, выйдя каждая изъ своей спальни, сошлись въ гостиной.

Дорогой они молчали: и та, и другая боялись простуды—Елена больше Иды. Лакея они не нанимали. Карета была валкая и раскатывалась то и дѣло съ одной стороны улицы на другую.

Съ такимъ же визгомъ колесъ въѣхали онѣ въ ворота длиннаго дворянскаго особняка, ярко освѣщеннаго по всему фасу.

Въ передней, гдѣ пахло смѣсью керосина и курительнаго порошка, еще не сидѣло ни одного чужого лакея.

— Мы первыя,—сказала Акридина вполголоса, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Я тебѣ говорила, — отвѣтила ей Ида тономъ старшей сестры.

Торопилась Елена, и она не хотѣла ей противорѣчить.

Когда обѣ онѣ входили въ первую комнату, залу, чистую и очень свѣтлую, съ бѣлой старинной мебелью, всякій бы нашелъ Елену гораздо моложе Иды. Та, на-

рочно, одѣлась и причесалась „подъ цвѣтъ своихъ волосъ“, какъ она пошутила, садясь въ карету. Прежняя Ида только и выдавала себя какими-то необычайными духами и парижскими перчатками безъ пуговицъ. На ея худощавыхъ рукахъ онѣ дѣлали множество складокъ.

Елена, въ своемъ новомъ туалетѣ, заказанномъ во французскомъ магазинѣ, и съ прической, которая молодила ее, въ новомъ корсетѣ, какъ-то вся подтянулась, и лицо, слегка напудренное, смотрѣло свѣжѣе; вѣки не были красны.

У старухи, по-заграничному, лакей, стоя въ портьерѣ гостиной, выкрикивалъ фамиліи.

— А-а!.. Мои подруги! — раздался зычный голосъ Катерины Яковлевны.

Но ея самой еще не было видно.

Она сидѣла сбоку на диванѣ, заставленномъ низкими шелковыми ширмами. Гостиная, хоть и освѣщенная люстрой, смотрѣла хмуро съ ея темной триповой мебелью и закоптѣлыми картинами.

Козлишева сидѣла имъ ручкой издали и, не стѣсняясь, продолжала свою сцену съ дочерью.

Смоквина была еще молодая женщина. Небольшого роста, она начала уже толстѣть; атласное сиреневое платье сидѣло на ней въ обтяжку, съ полуоткрытыми руками и большимъ вырѣзомъ на груди.

На всемъ ея бѣломъ и жирномъ лицѣ точно лежалъ слой лака—такъ оно блестѣло.

— Душечка мама,—угovarивала она мать, смягчая до приторности звукъ голоса, — я тебѣ говорю, что тебѣ нельзя здѣсь сидѣть—изъ того окна дуетъ, и ты на самомъ сквозномъ вѣтрѣ. Опять всю ночь будешь кашлять.

— Вотъ... милая моя сосѣдка, — Козлишева притянула къ себѣ Иду и поцѣловала ее въ лобъ, — и вы, дорогая моя Елена Константиновна,—моя дочь изволить муштровать меня.

— Привѣтствую,—торжественно заговорила Смоквина, подавая руку Еленѣ,—въ лицѣ вашемъ...

— Постой! Дай мнѣ кончить!—почти крикнула мать.— Ты еще успеешь душиить ихъ своими фразами. Я вамъ говорю, mesdames, она меня своими приставаньями въ гробъ вгонить! — старуха не разставалась съ клюкой и стукнула ею о коверъ. — Живу я въ деревнѣ, чуть на лыжахъ не хожу—и по вѣтру, по морозу, и на гумно, и

въ лѣсъ... Какъ только Варвара Сергѣевна пожалуется изъ теплыхъ странъ—пойдетъ муштрованье матери.

— Какъ тебѣ угодно! — промолвила Смоквина, сѣла бокомъ и сложила губы бутонъ.

— Да! Мнѣ угодно, чтобы ты меня не мучила.

— Mesdames, prenez place! — пригласила вдова и сдѣлала живописный жестъ рукой.

— Онѣ и безъ тебя сядутъ. Вотъ сюда, поближе! — командовала имъ Козлишева.— Не бойтесь, отъ сквозного вѣтра не схватите воспаления. Нѣтъ! — воскликнула она и обернула къ нимъ свое мужеподобное лицо, въ эту минуту раздраженное не на шутку. — Вы себѣ, дорогія мои подруги, не можете представить, какъ дочь моя способна уходить человѣка только одной своей любовью!

— Матап, я думаю, нашимъ прелестнымъ...

— Помолчи, сударыня! Сама виновата! У меня слишкомъ накупѣло. Ты мужа своего тоже свела въ гробъ любовью!

— Матап!

— Ничего, матушка. Да, сладостью своей и приставаньями. Изъ здороваго мужчины сдѣлать ипохондрика! Такъ ты его пугала, точно на жизнь его покушались всѣ, такъ задерживала! Ну, и кончилось тѣмъ, что отъ чистѣйшаго вздора сошелъ въ могилу.

Старуха, начавъ шутливо, перешла въ обычный тонъ разнosa.

Елена и Ида сидѣли тихо и старались не глядѣть ни другъ на друга, ни на хозяйку съ дочерью.

Но имъ обѣимъ было скорѣе пріятно присутствовать при разностѣ этой слащавой и льстиво-торжественной „бабы“, какъ ее называла Акридина.

Смоквина старалась кротко улыбаться; ее выдавали два круга, выступившіе на щекахъ. Но мать ея не боялась и, по-своему тщеславная, умѣла ее разоблачать и съ глазу-на-глазъ, и при постороннихъ.

— То же будетъ и съ дочерью. Варвара Сергѣевна изволитъ воспитывать принцессу крови, да еще не простую, а вотъ что въ сказкахъ, подъ стеклянныиъ колпакомъ. Все по часамъ... Дѣвочкѣ хочется шалить, бѣгать, посмотрѣть на гостей! Помилуйте! Высочайшій регламентъ, и никто не смѣй до ней дотронуться. Никто не смѣй сказать ей „ты“. Боже избави! Она какъ царь-дѣ-

вица! За золотой рѣшѣткой! И всѣ должны падать ницѣ и цѣловать ея ножки!

— Я молчу.

Смоквина повела плечами и посмотрѣла на Иду и Елену съ выраженіемъ жертвы своей дочерней добродѣтели.

— И выйдетъ недотрога-царевна! Безъ крови! Кукла на пружинахъ!

Громкій голосъ лакея прервалъ потокъ рѣчей старухи.

XVIII.

Протянулся цѣлый часъ. Гости разбрелись по тремъ комнатамъ.

Было, въ общемъ, томительно. Еленой овладѣла Смоквина и представляла ее всѣмъ незнакомымъ съ нею, называя непремѣнно: „наша знаменитая соотечественница“ или: „наша звѣзда“. Около нея она усадила въ особый уголъ двоихъ ея „собратовъ“, порядочно надоѣвшихъ ей и на съѣздѣ, специалистовъ. Одного звали Θεопемитовъ, другого — Разказовъ. Первый давно пріѣлся ей своимъ стариковскимъ чудачествомъ, съ разговоръ на „онъ“ и семинарскими шуточками; второй раздражалъ хлѣсткой убѣжденностью „русакъ“ и задорными выходками противъ всего, что не отзывается „чистотой суздальскаго стиля“ и красотами древне-русскихъ колокольных „шатровъ“.

Посидѣлъ около нея и Эсауловъ, погримасничалъ, раздваивнувшись и откочевалъ отъ нея, какъ только явилась Нина Кумачева, вся въ брильянтахъ.

Въ своемъ ученомъ углу Елена томилась. Иду она видѣла далеко отъ себя, въ разговорѣ съ двумя пожилыми мужчинами. Она знала, что высокій — губернаторъ изъ провинціи; другой — маленькаго роста — генералъ въ запасѣ. Смоквина представляла ей обоихъ, но ихъ фамиліи тотчасъ же вылетѣли у ней изъ головы.

Безпрестанно глядѣла она въ сторону двери, въ залу. Боярцева все не было. О чемъ-то оба специалиста заговорили и обращались къ ней. Она имъ отвѣчала невпопадъ или совсѣмъ не отвѣчала.

И такъ она стала себѣ смѣшна, особенно послѣ фразъ Смоквиной, которая ее „продюжизировала“, точно какого рѣдкаго звѣря! Вспомнилось ей, изъ дѣтскихъ годовъ, дурачество ея дяди, когда тотъ представлялъ пѣмца, выхваляющаго звѣрей въ клѣткахъ на ярмаркѣ:

„Это есть большой африканскій левъ, три годъ старъ, ошенъ молёдой“.

Исчезнуть бы отсюда невидимкой и очутиться въ комнатѣ у него, въ мезонинѣ, куда она до сихъ поръ не проиякла. Она была-таки—узнать о здоровьѣ его матери. Боярцевъ принялъ ее внизу, благодарилъ, но казался стѣсненнымъ и наверхъ къ себѣ не попросилъ.

Можетъ-быть, онъ посмотрѣлъ на ея визитъ какъ на простую уловку. Это ее грызло.

И вдругъ ей не удастся сегодня имѣть съ нимъ разговоръ, какого она жаждетъ. Эта Смоквина будетъ опять водить къ ней разный народъ на поклонъ, точно прикладываться къ мѣстному образу.

Никогда еще извѣстность не тяготила ее какъ сегодня. Да и никто тутъ ея, въ сущности, не интересуется, даже и два тошннхъ специалиста, чтò мѣшаютъ ей вырваться изъ того угла, куда ее запихала Смоквина. Хоть бы Ида подошла и взяла ее. Но та на нее не смотритъ.

Недоброе чувство заняло у ней въ груди. Ида хоть и неэффектно одѣлась, но была интересна, и сѣдьющіе волосы не мѣшали ей казаться молодой женщиной. Теперь только она вполне поняла: Ида нарочно сдѣлала такъ, чтобы не смотрѣть моложе и интереснѣе ея. Такое великодушіе нисколько ее не трогало; напротивъ, обижало.

Ида замѣтила уже, что Еленѣ совсѣмъ не весело съ своими „собратами“. Ей хотѣлось, чтобы Боярцевъ поскорѣ явился. Можетъ-быть, старуха устроить въ залѣ танцы—молодыхъ дѣвицъ она уже замѣтила нѣсколько—и тогда Елена можетъ улучшить минуту и сѣсть съ нимъ въ уголовой комнатѣ, если только хозяйки, въ особенности эта ужасная Смоквина, оставятъ ее въ покоѣ.

Изъ двухъ ея кавалеровъ одинъ ей былъ очень не-пріятенъ. Онъ остался съ ней сидѣть; другой, пріѣзжій губернаторъ, отошелъ къ Нинѣ Кумачевой. Этого дѣлающаго служебную карьеру барина она нигдѣ до того не встрѣчала, и его тонъ она нашла довольно банальнымъ.

Но того, кто остался съ нею, генерала Кишкетова, она знавала за границей и встрѣтиться съ нимъ никакъ не желала.

Кишкетовъ - худой, небольшого роста, бритый, съ длинными, по-модному растрепанными усами - держался не-много сутуловато, ловко носилъ очень узкій фракъ и не-

вынималъ изъ лѣваго глаза монокль. Трудно было признать въ немъ генерала въ запасѣ. Говорилъ онъ отрывисто, увѣренно, исключительно по-французски. Издали онъ смотрѣлъ еще молодымъ мужчиной. Ему шелъ уже седьмой десятокъ. Онъ красился; по желтоватому лицу ползли тонкія морщины. Зубы были также вставные.

Ида видала его въ Парижѣ, гдѣ онъ бываетъ часто, въ ту полосу ея жизни, когда она была наканунѣ второго крушенія. Онъ зналъ ея француза... зналъ, кажется, и про ихъ отношенія.

У него достало такта, чтобы не начать ее спрашивать о ихъ общемъ парижскомъ знакомствѣ, но тотчасъ же, какъ они остались одни, онъ, злобно усмѣхнувшись, заговорилъ съ ней на особенный ладъ, какъ говорятъ съ женщинами „безъ устарѣлыхъ предразсудковъ“ изъ одного съ нимъ общества виверовъ, и его узкіе глаза, съ металлическимъ блескомъ, досказывали ей все остальное.

— Зачѣмъ вы здѣсь, въ Москвѣ?— спросилъ онъ, пожавъ плечами.—Почему не тамъ? Изъ экономіи?

Всѣ эти вопросы онъ дѣлалъ быстро, своимъ сухимъ, пронизывающимъ голосомъ.

Идѣ не хотѣлось отвѣтить ему любимымъ словомъ:

— J'ai enragé!

Ей онъ былъ теперь непріятенъ до-нельзя и сразу напомнилъ ей тотъ Парижъ, откуда она пріѣхала „старухой“, съ холодащей пустотой и равнодушіемъ. А тогда она выносила подобныхъ молодящихся развратниковъ. Они ей не были омерзительны, хотя про Кишкетова она слышала не мало возмутительнаго.

Пересиливъ свое внезапное отвращеніе, Ида сказала ему съ прежними интонаціями:

— Вы теряете время. Идите вонъ туда. Посмотрите, какъ хороша Нина.

— Кто? А!.. Кумачева? Чудесныя плечи. Но она еще глупа. Охраняетъ свою добродѣтель. Злитъ, вѣроятно, на то, что стала купчихой.

— Все равно,—перебила его уже безцеремоннѣ Ида,—идите къ ней.

Въ дверяхъ показался Боярцевъ и увидалъ ее первый. Но его перехватила-было Смоквица и что-то ему отчитывала слащаво и громко. Онъ направился въ сторону Иды.

— Вы съ нимъ знакомы?— спросилъ ее Кишкетовъ съ гримасой.—Онъ пропахъ добродѣтелью.

И когда Боярцевъ подходилъ къ Идѣ, генераль поднялся и сказалъ:

— Уступаю ему мѣсто. Вижу, что мнѣ съ вами не везетъ.

Это было сказано въ томъ же дерзко-фамиллярномъ тонѣ, какого онъ держался со всѣми женщинами, кромѣ нѣкоторыхъ, очень высокопоставленныхъ.

Сухо-въжливо раскланялся онъ съ Боярцевымъ и отошелъ къ Нинѣ.

— Защитите меня!—сказала Ида, протягивая руку Боярцеву.

Она замѣтила, что онъ блѣденъ и разстроенъ.

— Отъ кого?—равнодушно улынувшись, спросилъ онъ и сѣлъ.

— Отъ обѣихъ хозяекъ... Не садитесь около меня. А то одна изъ нихъ увидитъ васъ.

— Я уже говорилъ и съ матерью, и съ дочерью.

— Все равно. Дочь начнетъ намъ объяснять, кто мы такіе.

Боярцевъ тихо разсмѣялся.

— Воображаю, какъ Еленѣ Константиновнѣ уже пришлось натерпѣться.

„Онъ первый о ней вспомнилъ“,—подумала Ида, точно мать или старшая сестра.

— Вы видите, гдѣ она?

— Нѣтъ. Я вѣдь полуслѣпой.

— Вонъ тамъ, въ углу, съ двумя учеными господами.

— Бѣдная!

— Подите ее выручить. Не занимайте меня. Я забьюсь въ уголъ. Мнѣ такъ будетъ лучше. Только скажите,—она остановилась,—вы что-то разстроены... Да? Или я ошибусь?

— Меня беспокоитъ здоровье матушки, — сказалъ онъ по-русски.—Я не хотѣлъ ѣхать.

„Значитъ, онъ общалъ Еленѣ“,—подумала Ида.

— Матушка настояща, — продолжалъ Боярцевъ.

— Но опасности нѣтъ?

— Не знаю, какъ вамъ сказать. Жаръ не спадаетъ... Большая слабость.

Боярцевъ провелъ рукой по лбу и опустилъ голову.

— Подите къ Еленѣ, поспорьте съ ней. Она нынче очень добра, и споръ будетъ пріятный.

И тотчасъ она замѣтила про себя:

„Вѣдь я точно толкаю его къ ней. Затѣмъ?“

Изъ этой любви не выйдетъ для Елены ничего, кромѣ горя, — такъ она рѣшила. И все-таки она жалѣла свою подругу. Она сама столько потратилась на любовь, и ей какъ бы стыдно стало лишать Елену того же наркотическаго снадобья.

Ида успокоилась только тогда, когда Боярцевъ очутился на другой сторонѣ гостиной. Она забилась совсѣмъ въ уголъ, за трельяжъ, и перестала бояться нападеній Смоквиной. Такъ ей странно, почти смѣшно было смотрѣть на весь этотъ нескладный и скучный вечеръ, гдѣ собрался, неизвѣстно для чего, разный народъ. Въ карты не играли, не собирались еще и танцевать; говорили, по группамъ, какъ будто въ ожиданіи чего-то. Можетъ-быть, старуха устала музыкой... Но на это не похоже.

Молодежь, нѣсколько дѣвицъ — двѣ были рослыя, въ свѣжихъ туалетахъ, — два офицера, студентъ, два-три штатскихъ болтали оживленнѣе другихъ, разсѣвшись въ уголовой. Нина Кумачева окружена была мужчинами: кромѣ Эсаулова, губернатора и Кишкетова, подсѣлъ къ ней старикъ съ сѣдой бородой. Ида и его когда-то и гдѣ-то встрѣчала на водахъ.

Главный пунктъ гостиной занимали обѣ хозяйки; съ ними двѣ старухи и еще сухая, некрасивая барыня среднихъ лѣтъ, кажется, жена губернатора, въ наколѣхъ и съ неизбѣжнымъ черепаховымъ лорнетомъ. Тамъ же ширилась спина ея сосѣда Кличъ-Обношина. Сбоку, въ искривленной позѣ, развалился Ковригинъ, котораго Смоквина уже представляла ей и громко, точно на какомъ торжествѣ, провозгласила:

— Monsieur est l'allié des premières familles de notre pays!

Ида сидѣла неподвижно. Ей хотѣлось задремать.

Все это было для неѣ такъ чуждо и ненужно.

Но громкій басъ изобрѣтателя „кавалерійскихъ обителей“ не давалъ ей забыться.

— Кто сказалъ, — крикнулъ онъ на всю гостиную, — что ихъ родъ происходитъ отъ Камбйлы? У меня спросите. Прозваніе сложилось отъ словъ: „шаръ“ и „метать“. Отсюда — „Шаромѣти“.

— Позвольте! — прервалъ его высокій мужской фальцетъ.

— Oh, mon Dieu! — шопотомъ вздохнула Ида и опять закрыла глаза.

XIX.

Нина сидѣла окруженная мужчинами: тутъ были генераль Кишкетовъ, губернаторъ Баявъ и графъ Дулинъ, изъ отставныхъ посольскихъ, съ длинной сѣдой бородой и восковымъ лицомъ.

Всѣ трое оглядывали ея плечи, шею, ея туалетъ и брильянты, и даже въ поблѣклыхъ глазахъ графа вспыхивали огоньки. Всего ближе примостился къ ней губернаторъ и велъ разговоръ въ игривомъ тонѣ. Генераль вставлялъ свои тирады болѣе испорченнаго волокиты.

— Вы—царица! Мы—ваши рабы!—повторялъ губернаторъ.—Что прикажете, то и сдѣлаемъ... Птичьего молока достанемъ. Только вы насъ не слушаете. Не правда ли, генераль?

Кишкетовъ поправилъ монокль и кивнулъ утвердительно головой.

— *Madame est ailleurs!*

И онъ подмигнулъ свободнымъ глазомъ.

Графъ Дулинъ сжалъ многозначительно губы.

— Вотъ это я хвалю,—продолжалъ губернаторъ, упираясь взглядомъ въ бюстъ Нины,—хвалю, что наши хорошенькіе барыньки оставляютъ мужей у себя.

— *Comme un objet parfaitement inutile!*—добавилъ генераль.

— Вашъ другъ, Nanon Верховцева, такая милая барыня, но точно пришита къ мужу... Ея нѣтъ здѣсь?

— Нѣтъ,—небрежно отвѣтила Нина.

— Навѣрно, у ея Платоши животикъ заболѣлъ, обкушался, а одна она не поѣхала.

Всѣ трое мужчинъ разсмѣялись.

Генераль поглядѣлъ въ тотъ уголъ, откуда виденъ былъ профиль Нды.

— *Dites donc!*—и онъ кивнулъ головой Нинѣ, — *c'est une amie à vous... mademoiselle Radine?*

Онъ протянулъ слово „*mademoiselle*“ и наморщилъ бровь, подъ которой торчалъ его монокль.

— *Mon amie?*—переспросила Нина.—*Non pas!*

— Она нынче, кажется, въ добрыя дѣла ударилась?

Губернаторъ переглянулся съ генераломъ.

— *Une pêcheresse sur le retour,*—началъ генераль.

— *Messieurs!*—перебила Нина и перевела своими роскошными плечами.—*Vous devenez infectes de méchanceté!*

— Hein? Infectes?—повторилъ генералъ и злобно-весело воззрился въ нее.

Она готова была бы оборвать любого изъ нихъ еще болѣе рѣзкимъ словомъ. Ихъ ухаживаніе отзывалось для нея чѣмъ-то слишкомъ безцеремоннымъ. И только сегодня ей становилось ясно, что въ этомъ обществѣ, откуда она родомъ, какъ княжна Зарайская, къ ней относятся не такъ, какъ бы она желала. У себя она этого не замѣчала, а въ двухъ-трехъ стародворянскихъ гостинныхъ, куда она являлась съ визитомъ, не хотѣла замѣтить.

Сегодня это сквозило и въ фамильярной ласкѣ старухи Козлишевой, и въ лстивыхъ банальностяхъ ея дочери, и въ особенности въ жаргонѣ вотъ этихъ трехъ „сатировъ“, какъ она мысленно прозвала ихъ. Она уже не Зарайская, а купчиха Кумачева. Сейчасъ этотъ заѣзжій губернаторъ назвалъ ее „хорошенькая барынька“. И этотъ злой развратникъ Кишкетовъ говоритъ съ ней, точно она актриса, или того похуже. Потому, должно-быть, баронъ Гольцъ и не поддается ей. Даже ея пріятель Эсауловъ, снисходительно улыбаясь, перекинулся съ нею нѣсколькими цроническими фразами, присѣлъ къ „интересной“ дамѣ, и у нихъ идетъ оживленный разговоръ; обрывки его достигаютъ до нея и раздражаютъ.

Эту „интересную“ даму, Лили Бахтурину, она знавала въ дѣвицахъ и считала всегда ужасной „poseuse“ и „краснобайкой“, всегда съ какимъ-нибудь новымъ увлеченіемъ: то спиритизмомъ, то гипнотизмомъ, то еще чѣмъ-нибудь. И теперь она тоже носится съ какой-то новой религіей, вывезенной изъ Индіи.

Ея звонкая рѣчь, то по-французски, то по-англійски, съ вставкою русскихъ фразъ, сыплется какъ горохъ. Болѣе сухой и глухой голосъ Эсаулова, съ его короткимъ смѣхомъ, идетъ вперемежку.

Въ сущности, Нинѣ нѣтъ никакого дѣла до того, о чемъ они говорятъ; но ее задѣваютъ почтительные фасоны Эсаулова съ Лили Бахтуриной. Не одну „интересную“ женщину онъ въ ней отличаетъ, а жену родовитаго, настоящаго барина, съ большимъ родствомъ, сдѣлавшую „un beau mariage“, послѣ того, какъ она выѣзжала не меньше десяти лѣтъ на послѣднія крохи.

— Je le sens!—долетаетъ до нея голосъ Лили. — Mon âme a déjà habité un autre corps.

Эсауловъ что-то возразилъ. Лили не унималась и пе-

решила на англійскій языкъ, засыпала какими-то мудреными словами.

И Эсауловъ обрадовался, ему бы только показать свое языкознаніе, пустился въ англійскій разговоръ, щеголяя произношеніемъ. Лили не сдавалась, перебивала его и трещала нестерпимо. Ежесекундно выпаливала она: „I say“, точно она играетъ въ крокетъ или кричитъ съ одного конца „Lawntennis’a“ на другой.

Все это Нина находила „отвратительной“ претензіей и готова была послать сказать своему „другу“, чтобы онъ закрылъ клапанъ и пересталъ форсить англійскимъ акцентомъ.

Наконецъ-то въ дверяхъ залы встала высокая фигура съ худыми ногами, и каска блеснула въ рукахъ Гольца. Имъ овладѣла Смоквина.

Нина выпрямилась и вся себя подтянула. Она боялась, какъ бы внезапная краснота не выдала ее. Подъ корсетомъ она почувствовала ускоренное біеніе, и ладони, подъ перчатками, стали вдругъ влажны.

— Это кто? — спросилъ въ носъ и нараспѣвъ графъ Дулинъ.

— Не знаю, — небрежно отозвался губернаторъ.

— Баронъ Гольцъ, — назвалъ Кишкетовъ.

Смоквина повела его черезъ всю гостиную въ угловую, гдѣ скупились „дѣвчонки“ — Нина иначе не называла дѣвицъ, съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ. И Гольцъ шагаетъ, точно аршинъ проглотилъ, и не смотритъ совсѣмъ въ ея сторону.

Ей до боли захотѣлось сказать одному изъ троихъ „сатировъ“: „Подведите ко мнѣ барона Гольца“.

Но зеленый глазъ генерала, смотрѣвшій изъ-за монокля, удержалъ ее.

Вотъ Смоквина съ барономъ посрединѣ гостиной, въ трехъ шагахъ. Онъ наклонился — Смоквина что-то ему сказала — увидалъ ее, остановился и отдалъ ей военный поклонъ. При этомъ онъ усмѣхнулся, и эта усмѣшка кольнула Нину.

Точно онъ хотѣлъ своей миной сказать:

„Сиди, голубушка, со старьемъ. Я передъ тобой прыгать не намѣренъ“.

Она поклонилась ему горделиво, легкимъ движеніемъ головы.

— А! Генераль!—вскликнулъ губернаторъ.—Каковъ у нашей красавицы поклонъ? Царица!

— Молчите, пожалуйста, Баевъ!—вырвалось у Нины.

Она готова была ударить его вѣеромъ по лицу, такъ его тонъ сдѣлался для нея невыносимъ.

А глаза ея, противъ воли, потянули за длинной и стройной фигурой офицера, въ короткомъ видмундирѣ, съ золотой каской въ рукѣ. Смоквина вела его къ дѣвицамъ.

Оставаться на мѣстѣ Нинѣ было тяжело. Она встала и, не извиняясь передъ своими кавалерами, замѣтила имъ на ходу:

— Съ вами скучно, господа. Вы слишкомъ сладки.

Она быстро пересѣкла гостиную и подошла къ Идѣ, а та сидѣла все въ той же позѣ, съ полузакрытыми глазами.

Нина окликнула ее:

— Vous dormez?

— Presque,—отвѣтила Ида невозмутимо.

— Quelle soirée assomante! Marchons!

Ей надо было съ кѣмъ-нибудь пройти по гостиной, чтобы незамѣтно проникнуть въ угловую.

— Et ma chère tante?—спросила она.

— La voici,—указала Ида.

Акридина сидѣла съ Боярцевымъ въ сторонѣ и что то, въ эту минуту, горячо говорила ему, сдерживая звукъ голоса.

„Даже тетенька обрабатываетъ свой предметъ“,—съ задорнымъ юморомъ подумала Нина, медленно двигаясь подъ руку съ Идой.

Въ другое время она ни за что бы не пошла съ ней подъ руку, какъ пріятельница. Но ей точно нужно было это прикрытіе.

Угловая, освѣщенная фонарикомъ и двумя лампами на штативахъ, занята была, сбоку у дверей, группой дѣвицъ въ свѣтлыхъ платьяхъ. Гольцъ сѣлъ между ними.

Однимъ взглядомъ окинула Нина эту группу: узнала двухъ сестеръ, внучекъ старухи, извѣстныхъ подъ прозвищемъ *Модъ* и *Мэдждъ*. Модъ была ниже ростомъ, блондинка, съ вздернутымъ носикомъ и англійской повадкой, со стрѣлой въ круто задраннымъ пучкѣ волосъ. Мэдждъ—темнорусая, съ плоскимъ бюстомъ, очень высокая. Обѣ, запустивши болтая, безпрестанно двигались на стульяхъ и

дѣлали много широкихъ жестовъ. Ихъ красивенькія лица то-и-дѣло мѣняли выраженіе.

И еще двухъ барышень Пина могла назвать по фамиліямъ, но никогда съ ними не разговаривала. Одна была графиня Тырхова; другая, кажется, Сомова.

Всѣ четыре дѣвицы считались съ приданымъ. Старшей изъ внучекъ старухи тетка, старая дѣва, оставляла, кромѣ того, свое имѣніе.

„Офицеръ прицѣпивается“, — выговорила про себя Пина и беззвучно разсмѣялась.

И быстро перешла она къ тому времени, когда сама была въ дѣвицахъ. Не проживи состоянія ея отецъ, какую бы партію представляла она изъ себя для всякаго гвардейца!

Внутри у ней закипало отъ обиды и желанія сейчасъ же прочитъ этого профессиональнаго красавца, „professional beau“, перевела она почему-то по-англійски, а въ головѣ вертѣлась все одна и та же мысль: баронесса Гольцъ, рожденная княжна Зарайская, чувствовала бы себя иначе. Она бы и не знала о существованіи міра разnochинцевъ, гдѣ такія ужасныя фамиліи, какъ Бумачевъ, играютъ роль.

XX.

У дверей въ угловую Пина сѣла съ Идой, и у ней даже вырвалось слово: Escoutons!

Кружокъ дѣвицъ, съ барономъ посрединѣ, оживленно болтали. Маджъ очень бойко, въ лицахъ, рассказывала, какъ она, съ своими кузенами, ѣздила „въ отъѣзжее поле“. Охотничьи слова такъ и сыпались у ней.

— Будто живого волка брали? — спросилъ ее Гольцъ и поглядѣлъ на нее взглядомъ опытнаго офицера, передъ которымъ корнетъ хвастаетъ въ манежѣ.

— Матерого, понятно, не брала!

„Матерого, — повторила про себя Пина, — вотъ онъ какія!“ — и, наклонившись къ Идѣ, она полугромко сказала:

— Elles sont infectes, ces demoiselles chasseresses!

Гольцъ продолжалъ сидѣть къ ней спиной и, кажется, не догадывался даже, что она тутъ, въ двухъ шагахъ, около двери.

Ида взглядывала на нее сбоку, и чувство жалости опять закралось въ нее, хотя она и не считала Пину способной на такое увлеченіе, гдѣ нѣтъ ничего для тщеславія. Это

знаетъ, и она можетъ пойматься все на томъ же вѣчномъ женскомъ недугѣ—на притягательной силѣ мужчины.

Болтовня дѣвицъ все возрастала. Теперь уже разговоръ перешелъ на живопись, на мастерскія, на натурщиковъ и натурщицъ.

Модъ училась живописи въ Италіи и ходила въ натурный классъ. Она рассказывала про забавные случаи въ мастерской.

— Какъ же,—перебилъ ее баронъ и пододвинулся къ ней.—И мужчины у васъ были?

— Еще бы!

— То-есть, какъ же это... въ натурѣ? Какъ есть?

Всѣ дѣвицы фыркнули.

— Еще бы!

— Мое почтеніе!

Онъ даже мотнулъ головой и щелкнулъ языкомъ.

— Ils ont la culotte!.. — добавила Модъ дѣловымъ тономъ.

— То-то!—наставительно выговорилъ Гольцъ.

Нина жадно прислушивалась.

— Hein? Comment trouvez-vous ces vierges-là? — спросила довольно громко Нина.

Ида только усмѣхнулась.

— Les torses d'hommes n'ont plus de secrets pour elles!

И она сквозь зубы разсмѣялась.

Потомъ пошли разныя словечки жаргона, и хохотъ дѣвицъ возрасталъ.

Говорили про какую-то даму, можетъ-быть, про нее, про ея туалеты, волосы, бюстъ, и кто-то изъ дѣвицъ крикнулъ:

— Фа, фа! Тпру!

Гольцъ разсмѣялся и спросилъ:

— Откуда у васъ это?

— Отъ брата!—отвѣтила дѣвица.

Модъ и Маджъ еще разъ съ особымъ выраженіемъ вскрикнули:

— Фа, фа! Тпру!

Нина переглянулась съ Идой и выговорила:

— Sont-elles assez ignobles!

Но она желала бы очутиться въ кружкѣ ихъ, овладѣть разговоромъ, смѣяться и болтать, употреблять слова этого офицерско-дѣвичьяго языка.

О чемъ-то заспорили, и вдругъ Модъ, или сестра ея Маджъ, пустила стремительно:

— И—никакихъ!

Она хотѣла этимъ непонятнымъ, бессмысленнымъ словечкомъ отличиться передъ Гольцемъ.

Онъ захопалъ въ ладоши, и всѣ были въ восхищеніи. Они отлично понимали, что это значить.

„Господи!—воскликнула про себя Нина, — что же это такое?“

„И—никакихъ!“ — повторила она, беззвучно переводя губами и стараясь запомнить таинственный терминъ.

Въ кружкѣ дѣвицъ перешли къ оцѣнкѣ какого-то сумаскаго драгуна или заѣзжаго гусара.

Модъ, особенно сильная по части офицерскаго жаргона, выговорила, сдѣлавъ забавную мину ртомъ:

— Выправка есть; но у него *энь ума*.

— И это знаете? Ха-ха!

Гольцъ былъ въ восхищеніи. Теперь четыре дѣвицы совсѣмъ окружили его и изъ-за ихъ причесокъ и плечъ видна была только его коротко остриженная аккуратная голова пѣмецкаго склада.

Нина старалась понять, что значить „*энь—ума*“... Вѣроятно, студентъ или юнкеръ изъ алгебры вынесъ этотъ „*энь*“, и вмѣсто „онъ—глуповать“ начали говорить: „у него—*энь ума*“.

И красивый „бѣлофуражникъ“, котораго она не смогла сразу объѣздить,—совершенно въ своей стихіи, болтая съ дѣвчонками, искусившимися во всемъ, что только можетъ сдѣлать ихъ тонъ пріятнымъ для жениховъ.

Ей стало дѣлаться больно за себя. Смѣшно сидить она тутъ, точно всѣми забыта. Никогда она еще не вела себя такъ въ обществѣ. У нея недоставало даже духа завести нарочно разговоръ съ Идой и притвориться, что ей особенно пріятно съ ней разговаривать.

Изъ кружка дѣвицъ смѣхъ раскатами врывался въ уши Нины.

Рассказывала теперь третья дѣвица, графиня Тыркова, небольшого роста, пухлая брюнетка, съ высокой грудью молодой женщины и дѣтскими глазами. Она въ Петербургѣ побывала на поварскихъ курсахъ и взяла дипломъ.

— И школилъ васъ поварь порядкомъ? — донесся до Нины вопросъ Гольца.

— Какъ еще! Пришлось разъ дѣлать глазури для пи-

рожнаго. Сахаръ кинить въ кастрюль... Поваръ кричитъ намъ: „ну-ка, барышни, суньте большой палецъ; коли глазурь сейчасъ обсохнетъ корочкой—тогда ладно!“ А сахаръ-то горячій, какъ кипятокъ!

— Молодецъ!—одобрилъ Гольцъ.

Остальныя дѣвицы прыснули.

— „Суньте!—кричить.—Здѣсь дѣло надо дѣлать, а не кочевряжиться!“

— Кочевряжиться!—подхватили остальные.

— И сунули?—спросилъ серьезно Гольцъ.

— И стали опускать... Только я говорю: „надо бы хоть руки-то вымыть“... А онъ ужасная свинюшка, и рукъ никогда не мылъ. Онъ обидѣлся, но пошелъ—вымыть. Только потомъ отомстилъ мнѣ. Мы готовили по очереди. Я ждала и сидѣла. Поваръ подходитъ: „что вы сидите, прохладжаетесь“... „Не моя очередь“... „Нечего, нечего! Этакія здоровыя руки нагуляли“. Взялъ да и ущипнулъ меня около локтя. „Извольте морковь чистить“.

— И ты пошла?—спросила Модъ.

— Пошла.

— А то какъ же?—одобрилъ Гольцъ. — А мы чѣмъ хуже васъ? Я былъ—рядовой. И вахмистръ Чупренко, какъ подопѣетъ, бывало, кричитъ мнѣ на всю казарму: „Ты хоть тамъ и баронъ, а изволь-ка на конюшню отправляться—лошадей чистить!“... И сколько васъ было?—основательно освѣдомился Гольцъ.

— Семнадцать въ нашемъ выпускѣ. Мы снялись группой, въ курткахъ и беретахъ. Были всякія... одна княжна. И нѣмецкая баронесса была,—курсистки, изъ института, всякія. Три простыхъ... Тѣ намъ сейчасъ сказали: „мы хотимъ въ кухарки“. Очень милыя, мы ихъ любили.

— Навѣрно, толковѣе васъ?

— Одна—да, Даша. И хорошенькая! Очень способная! А другія двѣ—изъ чухонокъ. Тѣ были плохи!

— Будто вы умѣете все готовить?

— Все, что было въ программѣ. И экзаменъ сдавали по нумерамъ. У насъ не вызывали: Тырхова, а номеръ третій—телятина подъ бешемелью!

Тутъ взрывъ хохота дошелъ до припавка. Когда онъ улегся, графиня Тырхова dokonчила свой рассказъ.

— Экзаменовали насъ всего строже изъ мясовѣдѣнія.

— Какъ? Какъ?—подхватили Модъ и Маджъ.

— Мясовѣдѣнія. Такъ называлось въ нашихъ лекціяхъ. Я получила только четверку.

Нина переглянулась съ Идой не въ первый разъ. Онѣ, каждая по-своему, думали объ одномъ и томъ же: какъ вышшія дѣвицы лѣзутъ изъ кожи, чему-чему не учатся, даже и въ томъ обществѣ, гдѣ не въ почетъ курсы и ученость, ведущая къ нигилизму. Брать самой волка, рисовать съ голыхъ мужчинъ, проходить выучку кухарки— и все это зятѣмъ, чтобы было больше шансовъ изловить кого-нибудь.

„Бѣдняжки! — говорила про себя Ида. — Хорошо, если вы найдете въ такихъ талантахъ утѣшеніе, когда узнаете, что такое страсть и мужчина заставитъ васъ сдѣлаться его рабой!“

Другое чувство саднило въ груди Нины. И она была, когда-то, дѣвица съ талантами: знала языки, рисовала по фарфору, пѣла. Но эти дѣвчонки—новѣе ея. Онѣ скачутъ за волкомъ, онѣ не боятся голыхъ натурщиковъ, онѣ ухѣютъ готовить по-ученому и сдаютъ экзамены изъ „мясовѣдѣнія“, онѣ точно изъ одного класса и одной казармы съ своими женихами—штатскими и военными. Съ ними теперешней молодежи веселѣе и удобнѣе.

Четвертая дѣвица казалась „ничевушкой“, и Нина мягче поглядѣла на нее.

— Вы знаете,—обратилась Модъ къ Гольцу, не называя его „баронъ“, — Маня у насъ играла въ прошломъ году по-гречески.

И она положила руку на плечо „ничевушки“.

Та, блѣлая и не рѣчистая, умѣющая только смѣяться, кивнула головой.

— Быть не можетъ!—изумился Гольцъ.

— Понятно, она—фишерка!.. Въ чемъ ты играла, Маня? Какъ, бишь, заглавіе?

— По-русски—„Умоляющія“.

— Понимаете,—пояснила Модъ,—троянки послѣ взятія Трои. Какъ эта главная?

— Гекуба,—скромно проговорила „ничевушка“.

„Ну да, ну да!“—вскипѣла Нина. — Онѣ и по-гречески знаютъ“.

Она чуть-чуть не расхохоталась.

Оставаться тутъ дольше было невыносимо и недѣло.

Шумно подошла къ угловой дочь хозяйки и объявила, что въ залѣ будутъ танцы. Она поручила Гольцу дири-

жировать, отчего онъ хотѣлъ было отговориться. Увидавъ Нину, Смоквина всплеснула руками.

— Вы, красавица, стали невидимкой. Я васъ ищу, ищу... Баронъ, дайте руку нашей звѣздѣ!

Гольцъ тутъ только подошелъ къ Нинѣ и самымъ простымъ тономъ сказалъ:

— Здравствуйте! Я васъ и не видалъ совсѣмъ.

И повелъ ее черезъ гостиную.

— Вы были въ восхищеніи отъ этихъ дѣвчонокъ?—спросила она.

— Смѣшныя!

— И говорятъ вашимъ жаргономъ. Чтò такое значить, скажите мнѣ Бога ради: „И—никакихъ“?

Онъ, не смущаясь, сталъ ей объяснять значеніе этого возгласа кавалерійской команды, лѣниво ведя ее въ залу.

Ида поднялась вслѣдъ за ними, довольная тѣмъ, что ушла отъ приставаній Смоквиной.

На нее налетѣла Акридина, сидѣвшая все время съ Боярцевымъ, въ томъ же углу, блѣдная, съ измѣнившимся лицомъ.

— Милая! Мы ѣдемъ! За нимъ прислали изъ дому. Матери хуже. Я настояла, чтобы онъ позволилъ мнѣ помочь ему и провести ночь у больной.

— Онъ согласился?—спросила Ида.

— Да! Я такъ счастлива.

Елена схватила ее руку и сильно пожала.

— Онъ уѣхалъ?

— Я предложила ему ѣхать съ нами. Но онъ полетѣлъ. Мы за нимъ. Идемъ... Только чтобы старуха насъ не остановила. Ты меня завезешь. Идемъ, идемъ!

Она стремительно взяла ее подъ руку и потащила.

XXI.

Было не больше половины перваго, когда карета, на восьми рессорахъ, подвезла Нину къ дому.

Она уѣхала послѣ вальса и одной кадрили.

Оставаться дольше на этомъ тошномъ вечерѣ она не могла.

Гольцъ протанцовалъ съ ней кругъ вальса и потомъ пошелъ добросовѣстно „поднимать“ всѣхъ этихъ невозможныхъ дѣвчонокъ, берущихъ волка за уши, сующихъ палецъ въ горячую сахарную глазурь, играющихъ по-гречески какихъ-то тамъ троянокъ и пишущихъ съ итальян-

скихъ натурщиковъ, у которыхъ одна только „culotte“. Она приготовила къ кадрили нѣсколько самыхъ язвительныхъ фразъ,—это было бы еще глупѣе!—но на кадрили Гольцъ пригласилъ старшую внучку старухи. Какъ же иначе могъ поступить такой аккуратный полунѣмецъ?

Единственное, что она получила отъ него, это подробное объясненіе нелѣпаго возгласа:

„И—никакихъ!“

Дѣвицы и ихъ кавалеры употребляютъ его тогда, когда надо сказать:

„Нечего тутъ разговаривать, это такъ, или это превосходно“.

Пошло это съ учений, когда взводу или эскадрону офицеръ кричить:

— „Смирно, и никакихъ движеній!“

Вотъ и она должна бы себѣ приказать, какъ взводу гусаръ или конногвардейцевъ:

— И—*никакихъ!*

Она надѣлала на этомъ вечерѣ слишкомъ много всякихъ „движеній“. Ужъ лучше бы она скромненько попросила объясненія и другого нелѣпаго возгласа:

„*Фа, фа! Тпру!*“

Должно-быть, безъ такихъ казарменно-охотничьихъ словечекъ она не заставитъ Гольца поддаться.

Никогда не презирала она себя такъ, какъ теперь, возвращаясь отъ Козлишевой. И тотъ уколъ, который она испытала своему дворянскому чувству тамъ, на вечерѣ, только еще сильнѣе засадилъ, когда она уѣзжала оттуда. Никто и не обратилъ вниманія на ея ранній уходъ изъ залы. Даже сладкая вдова Смоквина какъ бы забыла о ея существованіи.

— Захаръ Лукьяновичъ вернулся? — спросила Нина швейцара, пока выѣздной снималъ съ ея плечъ шубу съ цвѣтнымъ тибетскимъ мѣхомъ.

— Никакъ нѣтъ!

— А князь?

— Князь только что пріѣхали.

— Онъ у себя?

— У себя-съ.

Ей захотѣлось зайти къ дядѣ—потребность въ чемъ-то излиться, о чемъ-то поговорить со свѣжимъ человѣкомъ—именно вотъ съ такимъ чудачкомъ, который стоитъ внѣ всего того, во что живетъ она.

Къ дѣтямъ она не пошла; даже не подумала въ эту минуту о нихъ.

И всѣ эти палаты „дворянящагося купчишки“ дохнули на нее чѣмъ-то раздражающимъ и унижительнымъ. Точно будто она отдала всю себя въ рабство милліонамъ фабриканта „пунцоваго товара“.

Осторожно вошла она въ первую комнату того самаго отдѣленія, гдѣ жила передъ тѣмъ ея „тетенька“. Она замѣтила, какъ, послѣ ея „a parte“ съ Боярцевымъ, они исчезли. Можетъ-быть, поѣхали ужинать этотъ святоша и эта ученая радикалка? И теперь, съ бокалами шампанскаго, цѣлуются... въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Первая комната стояла темной. Изъ спальни виднѣлся свѣтъ.

— Mon oncle!—окликнула Нина.—Васъ можно видѣть?

— Можно, можно, душа моя. Сейчасъ...

— Да вы собираетесь ложиться?

— Нѣтъ!.. Я раньше пѣтуховъ не ложусь.

Въ дверяхъ показался, со свѣчей въ рукѣ, князь, еще одѣтый; только верхнія пуговицы жилета были разстегнуты.

Нина сѣла, и ея бѣлыя руки, безъ перчатокъ, опустились по обѣимъ сторонамъ кресла. Въ полутемнотѣ комнаты брильянты играли веселымъ блескомъ въ ея волосахъ, на шеѣ и у кистей рукъ.

Князь поставилъ свѣчу на столъ и шутливо, барскими интонаціями его времени, спросилъ:

— Faut-il allumer les flambeaux?

— Нѣтъ, дядя, зачѣмъ? И такъ хорошо.

— Была на вечерѣ?

— Убѣжала... отъ Козлишевой. Такъ несносно! Очень рада отвести душу съ вами.

— Мужъ твой тоже въ гостяхъ?

— Да, — отвѣтила она нѣхотя. — Знаете, у меня отъ разнаго вздору, отъ болтовни женщинъ и дѣвчонокъ въ голову вступило... Хотъ немножко отдохнуть въ вашемъ обществѣ.

Старикъ поглядѣлъ на нее своимъ боковымъ проникающимъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Племянница что-то не была съ нимъ до сихъ поръ такъ мила!

Онъ присѣлъ на диванъ и положилъ на круглый столъ обѣ свои могучія руки.

— И вы выѣзжали?—спросила Нина, повернувъ къ нему лицо, съ возбужденнымъ взглядомъ и замѣтной блѣдностью.

— Да, у одного стараго знакома. Отставной профессор Цыбашевъ. Ты не слыхала?

— Нѣтъ, не слыхала, дядя.

— Тряхнули стариной. Но онъ лѣтъ на десять слишкомъ моложе меня. Съ нимъ мы еще можемъ кое-въ-чемъ спѣться. А то я совсѣмъ какъ въ дремучемъ лѣсу среди господъ интеллигентовъ. Такъ вѣдь нынче ихъ зовутъ? Варварское слово!

Домой князь вернулся не очень веселый. Въ Москву онъ пріѣхалъ съ завѣтной мечтой — найти издателя для своей „книги“ и переводовъ „подлинныхъ“ сочиненій „учителя“. Но нигдѣ онъ не находилъ отклика. Настоящихъ единомышленниковъ и совсѣмъ не было. Совсѣстно даже и занкнуться объ этомъ передъ иными господами. Да и денегъ сколько нужно! А у него своихъ нѣтъ. Ну, еще переводы онъ завѣщаетъ Публичной Библиотекѣ; но увидать свою „книгу“ изданной, держать корректуры, сказать свое слово печатно, уходя въ могилу, какъ бы это было превосходно!

Чего ближе бы подѣйствовать на мужа племянницы черезъ нее? Но на это онъ первый не пошелъ бы, хотя Захаръ Лукиновичъ съ нимъ очень почтителенъ и раздѣла самъ заводилъ рѣчь о его „трудахъ“ и оказался даже свѣдущимъ въ основахъ діалектики, помнилъ, по студенческимъ лекціямъ, многое, о чемъ теперь всѣ разомъ забываютъ, какъ только сдадутъ кандидатскій экзаменъ.

Отчего же бы не навести племянницу, именно въ эту минуту, на разговоръ о своей книгѣ?

Онъ колебался. Стыдливое чувство заиграло въ его богатой груди.

— Дядя, — начала Нина и сдѣлала широкій жестъ правой рукой, — несчастный мы народъ.

— Кто, душа моя?

— Да мы, женщины.

— Почему?

— По всему.

— Напрасно, — оттянулъ своимъ жирнымъ басомъ князь Платонъ. — Если только женщина не нарушаетъ сама „амплитуды“ своего существа.

Чего? — переспросила Нина.

Pardon, mon enfant! У меня, знаешь, свой языкъ. Я говорю амплитуды; другими словами — цѣлостности

своего проявленія въ духѣ... Что такое женщина, что она собою обозначаетъ?

Князь грузно всталъ и заходилъ по ковру.

— Ничтожество! Блажь! Вотъ что обозначаетъ!.. Une créature misérable dans tous les sens!..

Слова выходили изъ властнаго и сочнаго рта Нины съ злобнымъ усиленіемъ.

Она клеймила, въ лицѣ своемъ, женщину, оттого, что все ея существо въ ту минуту безповоротно болѣло отъ сознанія, что она уже не племянница вотъ этого Рюриковича, князя Жеребьева-Зарайскаго, а разночинка, жена фабриканта „пунцоваго“ товара, которая должна быть благодарна за то, что ее принимаютъ въ старо-дворянскомъ обществѣ за милліоны ея мужа. Нужды нѣтъ, что этотъ старикъ чудаковатъ, считается полоумнымъ, почти нищій, по доброй волѣ. Но куда онъ ни приди, въ какую угодно гостиную, онъ—„князь Иларіонъ“; свою породу онъ такъ презрѣнно не продавалъ, какъ продала она.

И ея „Закки“—совсѣмъ чужой для нея человѣкъ, хотъ и отецъ ея дѣтей. Онъ просто „Захаръ Лукьяновичъ“, „ваше степенство“...

— Нѣтъ! Не говори этого!—вскричалъ князь и остановился посрединѣ комнаты.—Женщина преобразуетъ собою двѣ идеи: красоту и свободу. Этого и держись! Богъ одѣлилъ тебя благообразіемъ. Это—великій даръ, источникъ радости для всего сущаго, тотъ свѣточъ, безъ котораго мужчина никогда бы не позналъ божественной истины въ формѣ прекраснаго. И свобода женщины также безусловна. Она—царица!

— Царица!..—повторила Нина и нервно расхохоталась.

— Да, царица. Ея „амплитуды“, ея области воздѣйствія никто не можетъ ограничить. Только бы она сама не гналась за воображаемымъ равенствомъ, не уродовала бы себѣ, взваливая на свои плечи мужскую, низменную, разсудочную работу. Но въ тебѣ, дитя мое, я ничего подобнаго не вижу. Ты царишь въ домѣ, радуешь сердце твоего мужа, въ духѣ свободы и красоты, истонныхъ атрибутовъ женщины.

— Ce n'est pas du tout gai, mon oncle!—рѣзко перебила его Нина и выпрямилась въ креслѣ. — Je ne suis qu'une déclassée! Voilà.

— Déclassée! Pourquoi?

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула она нервно и безде-

ремонно. — Вы не хотите понять. Я польстилась на миллионы его степенства Захара Лукьяновича Кумачева, и теперь я — жена купчишки, лѣзущаго въ дворяне.

— *Fi donc, mon enfant!* Къ чему такое низменное, жалкое...

— Ахъ, оставьте!

Нина опустила голову въ полуобнаженные руки и сразу зарыдала. Слезы закапали на ея затканное серебромъ платье, и плечи поводило отъ порывистыхъ подергиваній.

— Полно, полно!

Князь растерялся и заходилъ около нея, не зная, что ему дѣлать.

— Ну, полно же, Нина! Встряхни себя. Это нервы... Душныя залы! Глупые разговоры!

Сдерживая рыданія, Нина старалась найти платокъ, запрятанный сзади тугой юбки, и дрожащими губами говорила съ трудомъ:

— Разговоры!.. Ха-ха! Разговоры! Чудесные! У господъ гвардейцевъ! Фа, фа! Тпру! И никакихъ! Никакихъ!

Слово „никакихъ“ перешло опять въ рыданія, прерываемыя смѣхомъ.

— Я позову твою камеристку. Встряхни себя.

Князь вышелъ изъ комнаты возбужденнымъ шагомъ молодого человѣка. Его племянница прикладывала платокъ ко рту, силясь преодолѣть приступъ истерики.

Припадокъ былъ въ ея жизни счетомъ — первый. Еще этого не доставало: превратиться въ истеричку. Изъ-за чего? Изъ-за того ли, что она „купчиха“, или изъ-за того, что какой-то „бѣлофуражникъ“ не желаетъ признать ее достойной быть его любовницей?

XXII.

У Козлишевой танцы шли тихо.

Баронъ Гольцъ взялъ на себя, не безъ оговорокъ, быть распорядителемъ, но котильонъ не влезся. Онъ сократилъ его насколько возможно.

Ужинали во второмъ часу, очень скудно. Онъ сидѣлъ между Модъ и Маджъ, и ему было бы весело, если бъ не предстояло, прямо съ вечера, ѣхать къ Липѣ.

Когда онъ, у себя въ отелѣ, уже совсѣмъ одѣтый поправлялъ шпагу, ему подали депешу отъ Липы.

„Умоляю пріѣхать сегодня, въ какомъ бы то ни было часу“.

Эта денеша не общала ему ничего добраго. Опять какая-нибудь исторія.

Она была съ отвѣтомъ. Онъ написалъ:

„Буду послѣ вечера у Козлишевой; поздно“.

Въ исходѣ третьяго часа подъѣхалъ онъ къ „Дворянскому гнѣзду“. Ему было неприятно будить своимъ звономъ швейцара, врываться поздно ночью, какъ непорочный человѣкъ, выставять напоказъ свою связь съ „актеркой“.

Но онъ общалъ пріѣхать—и надо исполнить свое слово.

Очень долго звонилъ онъ. Заспанный дневальный, съ пиджакомъ въ накидку, отворилъ наружную дверь.

Ему сдѣлалось просто стыдно проходить мимо этого „хама“.

На цыпочкахъ, чтобы его шпоры не звенѣли по коридору, прокрался онъ къ двери и тихонько постучалъ.

Липа сама отворила, со свѣчей въ рукѣ.

Видно было, что она такъ и не ложилась и не переѣняла платья, надѣтаго передъ обѣдомъ.

Молча повѣсилъ Гольцъ свою шинель и аккуратно снялъ калоши.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, садясь на диванъ.

Онъ ее не поцѣловалъ и даже не пожалъ ей руки.

Глаза ее были заплаканы, щеки блѣдны, прическа не въ порядкѣ; крылья ноздрей вздрагивали.

Не присаживаясь къ нему, Липа сдѣлала нѣсколько короткихъ шаговъ поперекъ комнаты и глухо вскрикнула:

— Ты долженъ, наконецъ, вступить за меня!

— Что такое?—медленно и немного въ носъ спросилъ Гольцъ.

— Если меня всякій презрѣнный пасквилянтъ можетъ такъ безнаказанно позорить, то я покончу съ собою! Слышите! Вотъ полюбуйте, баронъ, извольте прочесть!

Липа схватила съ письменнаго столика давно уже скомаканный листокъ газеты и бросила его на круглый столъ передъ диваномъ, гдѣ сѣлъ Гольцъ.

Онъ, не беря листа въ руку, только поглядѣлъ на нее вкось.

— Опять... газетчики... Стоило вызывать меня въ такой часть!

— По-вашему, не стоило? Извольте, извольте прочесть сами... Я требую.

Дрожащими пальцами развернула она скомканный листок и сунула ему въ руки.

Ея горячее дыханіе коснулось его волосъ. Онъ только шевель плечами.

— Тутъ и вамъ наложили столько же, сколько и госпожѣ Днѣпровской. Вся Москва узнала! Можете быть благонадежны.

Какъ ему все это надоѣло! И зачѣмъ только бабѣ „дѣзетъ“ къ нему? Иѣтъ у нихъ ни въ чемъ мѣры, ни чувства чести, не могутъ онѣ въ-время понять, когда надо оставить человѣка въ покоѣ, ничего не знаютъ, кромѣ своего задора и тщеславія.

Почти съ отвращеніемъ наклонилъ онъ голову и началъ пробѣгать столбецъ, обведенный краснымъ карандашомъ.

Понять было не трудно. Театральная фамилія Липы обозначена прописной буквой Д.; Гольцъ прямо названъ „барономъ“ и „кавалеристомъ“. И хроникеръ-юмористъ, все тотъ же, который уже задѣвалъ Липу, передавалъ слухъ, что баронъ, пріѣхавшій жениться на миллионницѣ, въ видѣ отступного своей содержанкѣ, „отвалилъ кушъ“ дирекціи театра, гдѣ она уже жестоко „провалилась“ на первомъ дебютѣ, и ей даютъ теперь выступить въ той роли, которой она добивалась первоначально.

Замѣтка эта кончалась воззваніемъ къ публикѣ, которая не дастъ себя „провести“, и возмущеннымъ возгласомъ: „пора покончить со всей этой закулисной грязью, вносимой въ искусство жрицами, принадлежащими больше къ явной торговлѣ своими прелестями“.

Протянулась цѣлая минута послѣ того, какъ Гольцъ, прочтя столбецъ, отстранилъ отъ себя газетный листокъ презрливымъ движеніемъ руки.

— Этого мало?—спросила Липа, строго, безъ слезъ въ голосъ, и, стоя по другую сторону стола, она глядѣла на Гольца въ упоръ.

— Чтò же тутъ новаго?.. Это опять то же свистово! Отвѣтилъ онъ и рукой полѣзъ въ рейтузы за папиросницей.

Такой его жестъ точно бросилъ искру въ то, чтò у ней тлѣло въ груди. Она схватила его за обшлагъ, начала трясти и, дрожа всѣмъ тѣломъ, заговорила:

— Да вы развѣ не понимаете, господинъ баронъ, что я тутъ приравнена къ проституткѣ? А вы являетесь милашкой-женихомъ, торгующимъ собою, который бросаетъ

мнѣ передъ свадьбой отступного въ видѣ подкупа дирекціи? Вы этого не понимаете, значить?

— Понимаю! Но плюю.

— Плюешь, когда самъ оплеванъ!

— Прошу безъ этихъ рѣзкостей!.. Я запрещаю вамъ говорить со мною въ такомъ тонѣ.

Въ голосѣ его слышались ноты, ей еще неизвѣстныя; онъ разсердился и сталъ кусать губы.

Липа сѣла къ нему, но не касалась его ни плечомъ, ни рукой.

— Что же это?— глухо и почти растерянно выговорила она.— Выходить, стало-быть, что я для васъ дѣйствительно то, о чемъ этотъ мерзавецъ Спондѣевъ докладывааетъ публикѣ. Вы оставите безъ послѣдствій такое оскорбленіе женщинѣ, которую вы не имѣете права уважать меньше, чѣмъ себя? Вѣдь и вы не праведникъ! И у васъ было прошедшее съ женщинами. Развѣ я продавала себя? Развѣ я васъ подсылала со взяткой къ директору?

— Вы желали вѣшать меня въ ваши интриги. Дебютировать, во что бы то ни стало, когда у васъ нѣтъ настоящаго таланта... Дѣйствовать черезъ меня!

— Вы лжете!— глухо перебила Липа.— Если вамъ не хотѣлось сдѣлать для меня то, что сдѣлалъ бы первый попавшійся добрый знакомый, и не надо! Но вѣдь тутъ позорящая, гнусная клевета. Господи!.. Да всякій мальчишка — кадетъ, юнкеръ — полетѣлъ бы въ редакцію и обрубилъ бы уши этому нахалу, избилъ бы его до полу-смерти... только чтобы угодить какой-нибудь дѣвчонкѣ, которая мизинца моего не стоитъ! А тутъ вѣдь и васъ топчутъ въ грязь!

— Я это игнорирую.

— Ха-ха! Игнорирую! Чего лучше! А васъ ударятъ въ публичномъ мѣстѣ?

— Это другое дѣло.

— Газета тоже публичное мѣсто. Вся Москва знаетъ гдѣ теперь кто этотъ баронъ.

— Для общества, гдѣ я бываю, такіе листки не существуютъ.

— Какъ бы не такъ! И я—ваше общество. И ко мнѣ вы обязаны относиться, если въ васъ есть хоть капля порядочности, какъ относитесь къ вашимъ дамамъ и дѣвицамъ. Слышите?

— Я уже сказалъ вамъ, что такого тона не выношу, и уйду сейчасъ.

— Ступайте!.. Съ трусомъ я не хочу марать себя.

— А-а!

Онъ схватилъ ее за руку и такъ сжалъ, что она заматалась на мѣстѣ.

Не выпуская ея руки и процѣживая слова сквозь зубы, онъ проговорилъ тихо, почти шопотомъ:

— Довольно! Вы сами себя до всего довели. И я не намѣренъ ни драться изъ-за васъ, ни бить этого газетчика. Не вамъ судить—трусъ я или нѣтъ. У меня были дѣла на десять шаговъ, и у меня рука не дрогнула, прошу васъ вѣрить этому. Прошу васъ также оставить меня въ покоѣ совсѣмъ! Я передъ вами, послѣ такихъ выходовъ, ни въ чемъ не обязанъ. Ни въ чемъ! Будь на вашемъ мѣстѣ мужчина, онъ не вышелъ бы отсюда живымъ. Женщинъ не вызываютъ. Порядочный человѣкъ и не бьетъ ихъ. Довольно.

Онъ отпихнулъ отъ себя ея руку, быстро всталъ и прошелъ къ двери. Липа кинулась было за нимъ. У нея позелѣло въ глазахъ... Она способна была подбѣжать къ нему и, не помня себя, ударить его, начать душить. Обида, шедшая отъ человѣка, съ которымъ она жила, какъ честная женщина, полюбившая его искренно, затмевала собою все то, что презрѣнный газетчикъ-пасквильантъ кинулъ ей въ лицо на весь городъ.

Ноги у ней подкосились. Она безпомощно доплелась до постели и опустилась на нее.

— Подлый, подлый!..—беззвучно шептали ея запекшіяся губы.

И все тѣло трепетало. Въ головѣ мутилось. Не было силъ даже подняться, ноги отбило и руки болтались какъ плети.

— Заявляю вамъ,—долетѣли до нея слова Гольца отъ входной двери, — мы другъ друга больше не знаемъ. И вы это вполне заслужили.

Дверь захлопнулась, издавъ знакомый ей мягкій звукъ. По коридору прогудѣли мужскіе шаги съ чуть слышнымъ призываиваньемъ шпоръ; потомъ все замерло. Только на ея бюро бронзовые часы тикали часто и бойко.

Липа двинула руками, заложила ихъ за голову и потянулась. Встать и пройти по комнатѣ она не смогла. Упала на кровать и долго лежала, не раздѣваясь.

Слезъ не было. Въ груди не жгло. Въ глазахъ уже не нестрѣли пѣтныя круги. Въ головѣ вдругъ все прояснилось и она мысленно проговорила:

„Стало, изъ-за такихъ, какъ я, не только не дерутся на дуэли, но и не бьютъ палкой пасквилянтовъ?“

Фактъ былъ на-лицо. Баронъ не трусь. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ дуэли. На медвѣдя ходилъ онъ, у себя въ имѣніи, съ простой рогатиной. И здѣсь, еще недавно, убилъ нѣсколько штукъ, въ одинъ разъ.

Онъ не трусь. Но онъ не пожелалъ, изъ-за нея, рукъ марать. Онъ, а не она. Изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ впутываться въ грязную исторію, когда все это, и она первая, ниже его, какъ что-то нечистоплотное, пакостное?

„Ты, послѣ того, кто же? Липа Углова?“—продолжала она допрашивать самое себя.

„Содержанка! Хуже того! За любовницъ, которыя умѣютъ ихъ держать въ рукахъ, мужчины дерутся до-смерти, по малой мѣрѣ — бьютъ оскорбителя палкой. А за тебя не желаютъ!“

Изъ схватки съ барономъ, изъ всего потока рѣчей и возгласовъ, передъ ея умственнымъ взглагомъ выяснились ей собственныя слова:

„Я покончу съ собой!“

Что же это было? Пошлая выходка? Попугать хотѣла? И не удалось. Ей „прописали“ отставку, бросили ее, какъ вещь, отъ которой нѣтъ ни улады, ни покоя, и она осталась валяться на кровати.

Жить послѣ того — гнусность! Дѣвчонки-гимназистки, изъ-за двойки въ алгебрѣ, покушаются на свою жизнь, а она, наглотаившись позору, будетъ опять обнажать себя въ какой-нибудь „Прекрасной Еленѣ“?!

Глаза ея стали рыскать кругомъ, точно ища того, что можетъ ей помочь покончить съ собою.

Револьверъ-бульдогъ дома есть, но онъ безъ патроновъ.

— Все равно,—вслухъ выговорила она,—не нынче—завтра.

И закрыла глаза, тихо переводя дыханіе.

XXIII.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь?

Лыжинъ остановилъ артельщика въ передней городской

конторы Захара Лукьяновича, помѣщавшейся, рядомъ съ „амбаромъ“, въ одномъ зданіи

— Пожалуйте. Здѣсь они.

Во второй, просторной комнатѣ, увѣшанной видами кумачевскихъ мануфактуръ, у широкаго тройнаго окна, Иванъ Кузьмичъ работалъ, сиди на табуретѣ передъ высокою конторкой.

— А!.. Друже! Какъ я радъ! Почеломкаемся!

Они обнялись и три раза поцѣловались.

— Да какъ же вы расцѣли! На морозѣ-то! Кладите шапку... Вашъ классическій ергакъ оставили тамъ, въ передней?

— Представьте, — весело заговорилъ Лыжинъ, съ утра очень старательно одѣтый, — я теперь гарцую въ хоровой шубѣ.

— Какъ же это! Вѣдь вы для меня—„человѣкъ въ ергакѣ“... Ха-ха-ха!

— Былъ, голубчикъ, былъ! Это очень мѣткое прозвище для того, прежняго Лыжина: *человѣкъ въ ергакѣ*! Сбрую эту буду употреблять только въ кибиткѣ, а въ городѣ превращаюсь въ такого человѣка, котораго стоить встрѣчать... какъ бишь это эллинское привѣтствіе, Иванъ Кузьмичъ?

— *Хайрэ, полита!..*

— Именно.

— Вы когда же изъ объѣзда?

— Сегодня только отъѣвился, чѣмъ свѣтъ, — отвѣчалъ Лыжинъ.

— Ну, и что нашли въ этихъ палестинахъ?

Кострицынъ подбѣжалъ къ стѣнѣ, противъ того дивана, гдѣ они сѣли, и провелъ рукой вдоль длинной панорамы одной изъ мануфактуръ.

— Да что!—воскликнулъ Лыжинъ.—Я нашелъ, милѣйшій мой, что, право, господамъ нытикамъ, ругающимъ всячески презрѣнныхъ буржуевъ, придется прикусить язычки. Сдѣлано для рабочаго если не все, то почти все, что только можно. Начать съ того, что лавки и пекарни—просто одинъ восторгъ. Вѣдь вы знаете, какъ у насъ господа народники и милостивцы меньшей братіи скрежещутъ зубами противъ этихъ видовъ эксплуатаціи. На другихъ фабрикахъ, можетъ, и происходитъ эксплуатація, но у Захара Лукьяновича всѣ цѣны такія, что ниже ихъ ставить — значитъ, на свой счетъ кормить народъ. Все по

оптовымъ цѣнамъ: соль, мука, масло коровье и постное, табакъ, сахаръ, чай.

— И прочая бакалѣя,—подхватилъ, взвизгнувъ, Кострицынъ.—Вотъ видите, друже!

— А устройство пекаренъ просто привело меня въ восхищеніе. Особенно тамъ, на той, дальней мануфактурѣ.

Лыжинъ отодвинулся немного и сталъ, разводя длинными кистями рукъ, помогать своему разсказу.

— Во-первыхъ, самое помѣщеніе. Въ нѣкоторомъ родѣ храмъ: высота потолка, размѣръ оконъ, свѣту масса и воздухъ прекрасный. Когда войдешь—такой вкусный запахъ хорошо пропеченнаго хлѣба... Просто слюнки потекутъ.

— Будто?—какъ бы усомнился Кострицынъ.

— Честной человѣкъ! Печи — заглядѣнье, съ мѣдными заслонками. Чистота образцовая. Все это дѣлается въ строгомъ порядкѣ, безъ всякой лишней возни и пачкотни. Я просто заглядѣлся на самый процессъ печенія, и чернаго, и бѣлаго хлѣба, и саякъ, и баранокъ, и калачиковъ. Папушникъ, вѣсовой, чудесный хлѣбъ, съ румяной коркой, легкой, бѣлый. Корованъ чернаго пропечены превосходно. Я отрѣзывалъ отъ нѣсколькихъ короваевъ.

— И цѣны?

— Цѣны на копейку, на полторы дешевле здѣшней рыночной цѣны; черный хлѣбъ, разные сорта бѣлаго, даже на двѣ и на двѣ съ деньгой ниже базарной, а разнища въ качествахъ—еще больше. Баранки такъ даже роскошны. Я такихъ давно не ѣдалъ. Купилъ себѣ цѣлую вязанку и привезъ сюда.

— Будто заплатили за нихъ? ¹

— А то какъ же!

Оба засмѣялись, и Кострицынъ, слегка хлопнувъ пріятеля по ляжкѣ, выговорилъ, плутовато усмѣхаясь своими глазками:

— Вотъ видите... Изученіе-то дѣйствительности отрезвляетъ и бодритъ. А побывалъ бы тамъ какой-нибудь господинъ Воденягинъ, онъ сталъ бы кричать, что хлѣбъ наполовину съ отрубями и лебедой.

— По-моему, папушникъ слишкомъ даже роскошенъ. И если его покупаютъ всѣ почти рабочіе—я справлялся по заборнымъ книжкамъ—значитъ, у нихъ есть на это достатокъ. Да меньшинство ихъ, мастера въ красильной, и тѣ, что стоятъ при набивныхъ машинахъ, все народъ

хорошо одѣтый, грамотны, похожи скорѣе на заграничныхъ рабочихъ.

— Кажется, слишкомъ уже смахиваютъ на „увріе-
ровъ“,—вставилъ Кострицынъ.

— Ну, это я не скажу, насколько я теперь къ нимъ присмотрѣлся.

— И помѣщеніемъ ихъ довольны?

— Семейные живутъ тѣсно. Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ скверно, но могло бы быть лучше. Больше, раз-
умѣется, отъ собственной неопрятности. Ребятишки, пе-
ленки, кадушки съ капустой.

— Всѣ атрибуты плодущаго великорусскаго племени.
Хе-хе!

— Для холостыхъ на обѣихъ мануфактурахъ устроены
общія спальни. Въ два этажа, койки на желѣзныхъ стол-
бахъ. Вокругъ стѣнъ столы со шкапчиками, гдѣ у нихъ
ѣда. Конечно, постели первобытныя, и ихъ къ чистотѣ
не сразу приучишь. Тюфяки даются даромъ, подушки свои.
Воздуху достаточно и протоплено хорошо.

— А по части здоровья и духовной пищи?

— Больница, на главной фабрикѣ, въ отличномъ со-
стояніи. Докторъ, холостякъ, душевный малый, мягкій,
любимъ всѣми; и фельдшерица — милая дѣвушка, безъ
непріятныхъ замашекъ. Вездѣ, и въ больницѣ, и въ
лѣсахъ, и въ родильномъ покоѣ — чистота такая, что луч-
ше и желать нечего... Два вечера провелъ я въ клубѣ
для рабочихъ.

— Это была идея матушки Захара Лукьяновича. Онъ
сначала упирался.

— До сихъ поръ, по показаніямъ управляющаго, ни-
чего подозрительнаго не замѣчается.

— Раиса Гордѣевна до сихъ поръ все мечтаетъ о теа-
трѣ, по воскресеньямъ.

— Что жъ! Это не плохая идея! Грамотнаго народа,
въ молодежи, уже огромное большинство. Школа, разнѣ-
рами, съ добрую гимназію, съ параллельнымъ классомъ.
До трехсотъ человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Какъ же показался вамъ составъ учительницъ? За-
харъ Лукьяновичъ поочистилъ ихъ въ прошломъ году.

— Прежнихъ замашекъ незамѣтно. Учатъ толково. И
одѣты франтовато, у одной даже стрѣла въ шиньонѣ.

— Вотъ оно куда пошло!

— И двѣ прехорошенькія! На разговоръ очень бойкія...

Даже и не подумаешь, что онъ обѣ изъ поповенъ. Одна завѣдусть библіотекой. И разборъ книгъ большой! Разуѣтся, романы,—любятъ, однако, и путешествія. Первый у нихъ сочинитель какъ бы вы думали, кто?

Господинъ Шпильгагенъ! Знаю! И главный карой—Лео, какъ они произносятъ! И это знаю.

Да, да. Одинъ мнѣ даже сказалъ вечеромъ, въ клубѣ: „кабы теперь у насъ объявился такой баринъ!“

Мало шаталось среди рабочаго люда доморощенныхъ Лео!—вырвалось у Кострицына.

Но все это—добродушно. Озлобленныхъ лицъ, грубыхъ отвѣтовъ, разгула съ оттенкомъ протеста я что-то не замѣтилъ.

Словомъ, вы вернулись къ тѣмъ выводамъ, что вамъ не надо кривить совѣстью, оставаясь у Захара Лукьяновича!

— Не знаю, что дальше будетъ.

— Да полноте, дружище! Порадуйте и его, и меня. Скажите,—Кострицынъ присѣлъ къ нему ближе и взялъ за руку,—развѣ вы не чувствуете теперь въ себѣ душевную норму, съ тѣхъ поръ, какъ стали брать жизнь, какъ она есть? А? Скажите, дорогой Юрій Петровичъ?

Глаза Кострицына ласково и вопросительно заблестѣли и свободной рукой онъ прикоснулся къ плечу пріятеля.

Лыжинъ опустилъ слегка голову и полузакрывъ глаза. Ротъ его тихо улыбался.

— Нормы больше—это такъ! И я вамъ, голубчикъ, обязанъ моимъ, такъ сказать, перерожденіемъ. Дорогой, туда и назадъ, и съ одной фабрики на другую, я много думалъ о вашемъ пониманіи жизни. Знаете, теперь я и взрывъ вашего гнѣва противъ нѣкотораго племени, помните, по поводу поэта, котораго гонять изъ Москвы, больше понимаю. Сами вы сочинили свою философію или почерпнули ее у какого ни на есть глубокаго нѣмца...

— Узнаете, узнаете! Дайте срокъ!—взвизгнувъ Кострицынъ.

— Только я прозрѣваю... И народъ, и предприниматели, весь этотъ Китай-городъ, ряды, амбары, банки и склады, даже гешефтмахерство, проявляетъ жизнь, и чтобы ее улучшить, надо считаться съ ней умѣло и почтительно, а не уничтожать, не подрывать, не умничать, не ставить поверхъ всего свое книжное резонерство.

Кострицынъ захолопалъ въ ладоши и вскочилъ.

— Позвольте васъ поцѣловать, Юрій Петровичъ! Эхъ! Кабы мы были въ трактирномъ заведеніи, я бы потребовалъ шипучаго вина русской флоры и попросилъ бы васъ удостоить меня, убогаго, выпить со мною брудершафтъ. Нѣтъ! Не хочу нѣмецкаго термина! У насъ есть прекрасное слово—побратимство!

Лыжинъ всталъ.

— Пойдемте въ „Славянской“. Тамъ и выпьемъ на ты. Я душевно радъ. Брудершафтомъ я никогда не злоупотреблялъ.

— Ой ли? А для меня, значить, можно сдѣлать исключеніе? Лестно, дружище! И вдругъ, не пройдетъ года, и вы мнѣ бросите въ лицо: „ты, амбарный Сократъ, наполнилъ оцтомъ гнилого ученія душу человѣка въ ергакѣ. Будь ты проклятъ!“

— Что вы, голубчикъ! Какъ страшно... Въ мои года пора перестать гоняться за огненными языками...

— Болотныхъ хлябей!—подсказалъ Кострицынъ.

И оба разомъ захохотали.

XXIV.

Возбужденные разговоромъ за завтракомъ, возвращавшіеся пріятель, выпившіе на „ты“, изъ „Славянскаго Базара“.

Они должны были завернуть на минуту въ „Дворянское гнѣздо“. Лыжинъ забылъ дома двѣ вѣдомости, которыя нужно было показать Захару Лукьяновичу, вернувшись къ нему въ амбаръ.

Второй швейцаръ, „подпасокъ“, какъ его звали въ номерахъ, отворилъ имъ дверь. Онъ былъ безъ картуза и съ перепуганнымъ лицомъ.

На первую площадку выбѣжала незнакомая Лыжину блондинка—это была Теля Божейрина—и окликнула, свѣсившись съ периль:

-- Пришли изъ антеки?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ швейцаръ.

— Ахъ, Господи! Какъ копаются!.. Это ужасно!

И убѣжала.

Шубы свои они сняли внизу.

— Что у насъ такое?—потинше спросилъ Лыжинъ, наклоняясь къ швейцару.

— Неладно у насъ, Юрій Петровичъ.

— Да что именно?

Онъ сейчасъ подумалъ объ Идѣ, которую не видалъ еще по прїѣздѣ.

— У госпожи Дибровской. Пѣвица въ первомъ этажѣ живетъ.

— Ты ее развѣ не знаешь? — спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Нѣтъ,—протинулъ Лыжинъ.

— Въ одномъ домѣ живете... Она недавно здѣсь де-бютировала... И мелкая пресса ее травить. Меня къ ней все тащить студентъ одинъ, Шипилинъ, мой прїатель.

— Заболѣла, что ли, опасно? — обратился опять Лыжинъ къ швейцару.

— Глотнули никакъ чего,—на ухо доложилъ ему тотъ и сдѣлалъ жестъ головой.

— Вотъ какъ! Докторъ былъ?

— Былъ... Уѣхалъ съ полчаса назадъ. И сидѣлка тамъ.

— А кто эта барышня? Справлялась насчетъ аптеки?

— Онѣ изъ школы... въ актрисы готовятся. Фамилія ихъ Божеярина. Къ госпожѣ Дибровской ходятъ часто.

Прїатели переглянулись. И оба смолкли.

Молча поднялись они въ отдѣленіе Лыжина.

— Исторія эта, кажется, довольно сложная, — заговорилъ Кострицынъ, закуривая папиросу, пока Лыжинъ началъ искать нужную ему бумагу въ письменномъ столѣ.

— Ты развѣ слышалъ?

— Не только слышалъ, но кое-что и читалъ. Тутъ, въ мелкой прессѣ, съ успѣхомъ подвизается нѣкій Спондѣевъ, кажется, родомъ изъ дворянъ „Господи помилуй“, побывавшій въ университетѣ. Онъ — достойный эпигоны петербургскихъ борзописцевъ, сплетничаетъ и инсинуируетъ на-славу. И вотъ эту самую госпожу Дибровскую — по слухамъ, весьма красивую особу, съ прошедшимъ—онъ пропекаетъ каждую недѣлю. На-дняхъ явилась его замѣтка, въ рубрикѣ слуховъ, о нѣкоторомъ баронѣ, состоявшемъ въ ея покровителяхъ... Тутъ дѣлъ осложняется... Баронъ этотъ—не кто иной, какъ баронъ Гольцъ, новый знакомый Антонины Борисовны.

Кострицынъ остановился и, подмигнувъ на особый ладъ, прибавилъ:

— Сдается мнѣ, что супруга принципала заинтересована этимъ Немвродомъ-медвѣжатникомъ.

Лыжинъ отошелъ отъ стола.

— Да, я его видѣлъ у нея! — воскликнулъ онъ, заку-
ривая о папиросу Кострицына.

— Вотъ и выходитъ комбинація! Любовный мотивъ
перемѣшался съ обидой артистки. Да и офицеру-то на-
несенъ тѣмъ же строчилой немалый аффронтъ. Можетъ,
и дуэль выйдетъ.

Лыжинъ немного встревожился. Всего больше ему стало
непріятно за Кумачеву, какъ бы ее не впутали въ ка-
кую-нибудь грязную исторію. Къ этому заѣзжему гвар-
дейцу онъ ничего враждебнаго не подмѣтилъ въ себѣ.

Нина напрашивалась на его дружбу. Играть роль на-
персника около женщины, въ которую влюбленъ, было
бы жалкой ролью; но онъ въ нее не влюбленъ. За все
время своего объѣзда онъ ни разу о ней не мечталъ, къ
ней его не тянуло. Только она его теперь больше инте-
ресуетъ — такъ, попросту, со стороны, какъ довольно
нахворный экземпляръ дворянской породы, поставленный
въ курьезную среду, и онъ способенъ относиться къ ней
мягче и терпимѣе, чѣмъ философъ Кострицынъ. Весьма
вѣроятно, что она будетъ помогать упроченію его службы
у Кумачева — и только.

— Вотъ оно что! — вдумчиво выговорилъ онъ. — Но мы-
то, голубчикъ, тутъ не при чемъ... Жаль эту актрису.
Должно-быть, очень невкусно ей пришлось.

— Я не противъ спонтаннаго акта воли. Брутъ про-
игралъ битву при Филиппахъ и бросился грудью на мечъ.
Даже Неронъ, покончивъ съ собою, показалъ этимъ хо-
рошую античную традицію. Спартанцы въ прописяхъ
учили: „лучше сейчасъ умереть, чѣмъ постыдно жить“.
Но у насъ, въ послѣдніе годы, и особенно среди моло-
дежи обоего пола, развелась слякоть какая-то... пакостное
самолюбьишко, трусость, кисляйство! А господа психіатры
и терапевты ихъ по головкѣ гладятъ и навизываютъ
ученія слова: абулія, анестезія, невропатія, гиперестезія.
Абулія! Ну, да. Отсутствие энергіи, слякоть. Ничего нѣтъ
примиряющаго въ этомъ греческомъ терминѣ. Слово въ
словъ: *безволіе* — и больше ничего!

Дверь отворилась, и это прервало рѣчь Кострицына.

Горничная Иды, Евгенія, остановилась въ дверяхъ.

— Я къ вамъ, баринъ, отъ Лидіи Павловны.

Въ рукѣ она держала записку.

Лыжинъ прочелъ:

„De grâce! Descendez au premier, chez la dame qui est en danger de mort. Vous m'y trouverez“.

— Ида Павловна внизу?.. У той барыни?

— Такъ точно. Онѣ просили поскорѣе.

— Сейчасъ!

Лыжинъ подошелъ къ Кострицыну и положилъ ему руку на плечо.

— Ты ужъ одинъ поѣзжай въ амбаръ. Извинись за меня передъ Захаромъ Лукьяновичемъ. Я постараюсь поспѣть къ нему сегодня до обѣда... захватить его еще въ фюрдѣ.

— Твоя пріятельница, значить, знакома была съ этой барыней? — спросилъ Кострицынъ вполголоса.

— Не знаю... Тутъ что-то неладно.

— Женское естество... Древніе-то вѣрили, что боги сами указали женщинѣ — знать свой горшокъ и свою прилеу. А мы ихъ такъ распустили, что придежъ-то мы, вмѣсто нихъ; только пряжа эта—постыдное женолюбіе и рабство передъ женской прелестью. Ступай! Ступай!

Они спустились вмѣстѣ.

Внизу, на площадкѣ второго этажа, Кострицынъ сказалъ Лыжину шопотомъ:

— Захара Лукьяновича въ амбарѣ теперь не захватить.

Извинись за меня. Если опоздаю, буду у него передъ самымъ обѣдомъ.

— Вотъ она Москва!—пустилъ Кострицынъ.—Чревата всѣмъ!

Лыжинъ постучалъ въ двери отдѣленія, указаннаго ему швейцаромъ.

Никто не откликнулся. Онъ пріотворилъ дверь и вошелъ въ первую комнату.

Къ нему выбѣжала Лѣля Божеирина.

— Вы къ Идин Павловнѣ? — быстро спросила она. Глаза ея были заплаканы, но взглядъ рѣшительный и строгій.—Она сейчасъ выйдетъ. Сядьте, пожалуйста.

Дѣвушка скрылась, затворивъ плотно дверь въ спальню. Оттуда раздавались глухіе стоны, и женскій голосъ—это и былъ голосъ Иды — что-то говорилъ просительно. Запахъ лѣкарствъ проникъ уже въ гостиную.

Ида вышла къ нему желтая въ лицѣ, съ впалыми глазами. Она всю ночь не спала и не раздѣвалась.

— Mon ami!

Она порывисто взяла его за руку и отвела въ дальній уголъ.

— La pauvre fille est en danger de mort.

Лыжинъ началъ—было ее спрашивать, какъ она сюда попала, но Ида не дала ему докончить.

— Послѣ расскажу, — продолжала она по-французски же. — Теперь вотъ что... У васъ есть знакомый докторъ... когда-то извѣстный. Онъ теперь живетъ здѣсь. Вы мнѣ говорили... Я не помню, какъ его фамилія.

— Докторъ! А! пріятель Цыбашева, Гурьяновъ... Но я его мало знаю.

— Все равно. Поѣзжайте къ нему, привезите... Ея докторъ плохой! Онъ далъ ей сразу не то противоядіе.

— Стало...

Лыжинъ не договорилъ и выразительно повелъ глазами.

— Да! Да!.. Только молчите, Бога ради! Мы боимся, какъ бы не проникло въ прессу.

И лицо Иды въ эту минуту приняло такой озабоченный видъ, точно она родная мать несчастной, покусившейся на свою жизнь.

— Добрая вы моя!—вырвалось у него, и онъ поцѣловалъ ея руку.—Какъ вы лучше меня!

У нея не было никакой своей жизни, а душа все-таки трепетала. Она точно обрадовалась, что можно ей теперь спасти новую жертву страсти. Она не сомнѣвалась, что тутъ—любовная драма.

— Поѣзжайте! — торопила его Ида, толкая тихонько рукой къ выходной двери.

— Да я не знаю даже, гдѣ живетъ этотъ Гурьяновъ. Надо еще въ адресный столъ.

— Будьте здѣсь какъ можно скорѣе!—мягко приказывала она. И, одумавшись, она прибавила:—Видите, другъ мой... Я могла бы послать къ Нинѣ Кумачевой. У нея, навѣрно, хорошій годовой докторъ. Но и это сдѣлаю, если вы долго не пріѣдете.

Лыжинъ вспомнилъ лицо и фигуру доцента Шахматова, котораго не видалъ у Кумачевыхъ послѣ перваго своего обѣда.

— Дѣлайте такъ, какъ лучше будетъ. Я не стану терять времени.

Онъ попятился къ двери и, взявшись за ручку, шопотомъ спросилъ:

— А Елена?

— Елена!

Ида сдѣлала жестъ рукой.

— Больна? — съ безпокойствомъ спросилъ Лыжинъ. —
Ужъ она не собирается ли продѣлать то же самое?

— Елена поселилась у Боярцева.

— Что вы? Неужели?

Глаза Лыжина изумленно раскрылись.

— Vous n'y êtes pas!

Оба вышли въ коридоръ. Ида въ нѣсколькихъ словахъ
разсказала ему, что Елена ухаживаетъ за матерью Бояр-
цева и съ того вечера, когда она полетѣла туда отъ старухи
Козлишевой, не выходитъ изъ комнаты больной, все еще
очень опасной.

— Ловко! Кончится, пожалуй, законнымъ бракомъ! —
весело выговорилъ Лыжинъ.

— Не знаю,—протянула Ида по-русски,—хотя и желаю
ей хоть немножко счастья.

Лыжинъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и сбѣжалъ въ
переднюю, гдѣ, вмѣсто его классическаго ергака, ждала
шубка на хорьковомъ мѣху.

XXV.

Войдя, черезъ часъ, въ ту же комнату, Лыжинъ на-
шелъ въ ней цѣлое общество.

Кромѣ Иды, сидѣли тутъ обѣ пріятельницы Липы—Лѣля
Божеярина и ея товарка Мухина, писатель Петровичъ и
Воденягинъ.

Всѣ говорили шопотомъ.

Большая заснула, и въ ея спальнѣ осталась только си-
дѣлка.

— Ну, что? Привезли?

На него разомъ налетѣли всѣ три женщины.

— Сейчасъ будетъ. Я его искалъ и ѣздилъ въ два
мѣста.

— Ахъ, Боже мой!—вырвалось у Иды. — А я уже на-
писала Нинѣ... Думала, вы не найдете.

Она говорила теперь по-русски, и Лыжину было странно
видѣть ее въ этой обстановкѣ. Но всѣ, и женщины, и
мужчины, составляли точно одну семью. Даже Воденя-
гинъ, одѣтый прилично, смотрѣлъ менѣе хмуро и глазами
улыбнулся Лыжину, подавая ему руку.

Ни съ дѣвцами, ни съ Петровичемъ его не познако-
мили, да это и не нужно было.

Божеярина сказала ему первая:

— Вотъ вы какой милый!

Мухина прибавила:

— Поцѣловать стѣбитъ!

Всѣ тихо разсмѣялись и, продолжая говорить шопотомъ, сѣли кучкой вокругъ стола.

Особымъ тепломъ молодости повѣяло на Лыжина. И онъ видѣлъ, что Ида совсѣмъ ожила съ этой молодежью.

Приходъ Лыжина прервалъ рассказъ Воденягина. Тотъ отправлялся отъ себя, не будучи знакомъ ни съ кѣмъ изъ мелкой прессы, отыскивать Спондѣева и потребовать отъ него, чтобы онъ, въ ближайшемъ номерѣ, назвалъ вздоромъ и выдумкой все, что онъ напечаталъ въ послѣдній разъ про Олимпиаду Дмитріевну.

Петровичъ, блѣдный, пощипывая свою бородку, заговорилъ спѣшно, обиженнымъ голосомъ:

— Но развѣ на выходки господина Спондѣева кто-нибудь обращаетъ вниманіе?

— Вы видите, что обращаютъ.

Воденягинъ показавъ жестомъ головы на дверь.

— Тутъ другіе есть мотивы,—возразилъ такъ же обиженно Петровичъ. — Мы друзья Олимпиады Дмитріевны, мы можемъ это сказать.

— Положимъ, и другіе! — отрѣзала Лѣля. — А главное, мужчины и ихъ подлость.

— Еще бы! — подтвердила Мухина, и ея пышная фигурка вся затрепетала.

Ида не знала еще, какая именно любовная подкладка была во всемъ этомъ, но Лѣля уже проговорила ей, что тутъ замѣшалась „каска съ птицей“, какъ она назвала Гольда. Она проговорила даже, что написала ему негодующее письмо, и нѣсколько разъ въ теченіе утра повторяла:

— Хорошъ! Хотѣ бы носъ показавъ! Хорошъ!

— Вотъ видите! — обрадованно подхватилъ Петровичъ. — Мы всѣ честные работники журнализма...

— Полноте! — перебилъ его Воденягинъ. — Ужъ лучше бы вы, батенька, примолчали.

— Но почему же? — еще обиженнѣе остановилъ его Петровичъ.

— А потому, что вы, честные, не должны бы терпѣть такихъ товарищей. Протестъ нуженъ. Коллективный протестъ!

— Коллективный? Развѣ теперь это мыслимо?

— Вы видите.

— Но если бъ меня здѣсь не просили молчать, я бы первый сказалъ въ моемъ фельетонѣ...

— Плевать онъ хочетъ на всякія обличенія! — заговорилъ сердитѣе Воденягинъ и, обратившись къ Лыжину, продолжалъ:—Вотъ экземпляръ-то, я вамъ скажу! Чистый продуктъ доблестнаго десятилѣтія. Выходить ко мнѣ, видою точно изъ Солодовникова пассажа приказчикъ въ галантерейномъ магазинѣ, капульчикъ на лбу и съ перстенькомъ на мизинцѣ. И хоть бы чуточку смутился. Такого нахальства я отродясь не видалъ. „Вы, говоритъ, братъ, или мужъ, или интимный другъ госпожи Днѣпровской? Желаете просить удовлетворенія?“ Грѣшный человекъ! Я чуть его не скомкалъ подъ себя. Вотъ, молю, чего я желаю! И когда я ему свое требованіе предъявилъ, онъ осклабился и говоритъ, благоразумно удалившись за конторку: „Интимдировать себя я никому не позволяю... Эта госпожа по имени названа не была. Вѣренъ слухъ или нѣтъ—не мое дѣло. Я хроникеръ, и это мое право—сообщать все пикантное публикѣ“. — Даже и завѣдомую ложь? спрашиваю. И безъ разбора грязно клеветать на женщину?—Знаете, у меня въ вискахъ застучало. А онъ только ухмыляется.—„Должно-быть, говоритъ, была тутъ доля правды, коли героиня накушалась какого-то снадобья, а герой до сихъ поръ что-то не защищалъ своей чести и ко мнѣ не являлся“.

— Стало, онъ все знаетъ?—почти крикнула Божеярина.

— Ему не знать! Этакіе хуже сыщиковъ! Со всѣми околоточными въ дружбѣ.

— Господа,—остановила ихъ Ида,—пожалуйста, умоляю васъ, monsieur,—она затруднилась въ фамиліи.

— Воденягинъ.

— Monsieur Воденягинъ... бросьте этого господина. C'est un misérable! И вы также,—она протянула руку Петровичу,—ничего не печатайте.

— Разумѣется, ничего!—сдерживая голосъ, воскликнула Ида. — Вся гадость идетъ отъ этихъ газетчиковъ. Пойдутъ теперь плести... Еще больше грязи нанесутъ!

— Погодите,—перебилъ ее Воденягинъ,—уходя, я къ нему подошелъ и говорю: если вы хоть какую-нибудь сiletню или слухъ пустите еще о госпожѣ Днѣпровской,

то я вамъ, извините, ребра переломаю, потому что съ такими, какъ вы, не дерутся. Помните это.

— И онъ ничего?—стремительно спросилъ Петровичъ.

— Съѣлъ! Только засмѣялся въ сардоническомъ вкусѣ!

— Все равно сподличаетъ! Еще злѣе мстить будетъ,— съ презрительной миной сказала Божейрина.

Въ спальнѣ кто-то заговорилъ.

Всѣ разомъ смолкли.

Лыжинъ, сидя въ сторонѣ, прослушалъ всю горячую бесѣду. И ему сдѣлалось какъ бы совѣстно, что онъ не чувствуетъ такого же настроенія. Положимъ, онъ въ первый разъ слышалъ о существованіи какой-то госпожи Днѣпровской. Но развѣ Ида знала ее еще сутки назадъ? Да вѣдь ли и Воденягинъ—ее пріятель... Эти дѣвочки, навѣрно, забыли про свои курсы и будутъ проводить дни и ночи около больной.

А кто эта „жертва“? Опереточная актриса, вѣроятно, весьма легкихъ нравовъ, содержанка гвардейца. Если докопаться до самой сути, то все это окажется довольно неоправданнымъ... Но эти дѣвицы не смущаются ничѣмъ, онѣ преданы всей душой своей пріятельницѣ. Ида точно такъ же внѣ всякихъ такихъ чопорныхъ соображеній. Какое ей дѣло, безупречна или нѣтъ эта госпожа Днѣпровская? Она видитъ въ ней женскую страдающую душу. Бѣда этой женщины все изъ того же источника, которымъ и она сама отравлена навѣки.

Всѣ они разомъ слетѣлись сюда: человѣкъ „съ ореоломъ“, мелкій литераторъ, двѣ ученицы и никого изъ нихъ не знавшая Ида. И во всѣхъ этихъ обитателяхъ меблированныхъ комнатъ трепещетъ какой-то общій огонекъ, они понимаютъ другъ друга, они составляютъ одинъ станъ.

Дверь отворилась изъ коридора.

Вошелъ осторожно студентъ Шипилинъ, прямо въ пальто и въ большихъ сапогахъ.

Онъ заговорилъ, возбужденно и быстро пожимая руку Божейриной:

— Неужели правда? Бѣдная Олимпиада Дмитриевна! Этотъ мерзавецъ Спондѣевъ!.. Мы, мой другъ Владиміръ Мечъ и еще нѣсколько однокурсниковъ, хотимъ отправиться въ редакцію этой пакостной газетчечки и потребовать...

— Не надо, не надо!

И Божейрина замахала рукой.

Ида привстала съ мѣста и сказала:

— Пожалуйста... Не дѣлайте ничего. Mademoiselle Углова будетъ тронута вашимъ участіемъ. Но теперь не надо никакой исторіи. Она очень слаба.

Шипилинъ упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Есть, значитъ, опасность?

Изъ дверей спальни показалась голова сидѣлки.

— Барышня!

Божеярина бросилась туда.

Всѣ опять смолкли.

Студентъ пожималъ руки Воденягина и Петровича.

Леля вышла тотчасъ же изъ спальни.

— Каждая у ней сильная! И пульсъ ужасно слабъ.— Глаза ея покраснѣли, безъ слезъ, и грудь вздрагивала.— А изъ аптеки все еще не несутъ.

Она выбѣжала въ коридоръ.

— Я пойду къ ней,—сказала, поблѣднѣвъ, Ида, и легкими, беззвучными шагами пошла къ спальнѣ; Мухина— за нею слѣдомъ.

Остались четверо мужчинъ.

— Да что же съ ней?—спросилъ Лыжинъ Воденягина. Студентъ насторожилъ уши и подсѣлъ къ нимъ.

— Симптомы обыкновенные.

— Чѣмъ же собственно она?—не договорилъ Лыжинъ.

— Должно-быть, препаратомъ опія.

— Захватили во-время?—участливо спросилъ Шипилинъ.

— Кажется.

Влетѣла Леля.

— Докторъ!.. Вашъ!..—сказала она Лыжину.

Онъ всталъ и пошелъ навстрѣчу Гурьянову, котораго онъ не захватилъ ни дома, ни у знакомыхъ, и оставилъ адресъ его женѣ, упросивъ ее тотчасъ же прислать мужа къ больной; въ запискѣ онъ говорилъ о крайней опасности.

Гурьяновъ, съ обычной тихой усмѣшкой, входилъ въ коридоръ, протирая платкомъ замерзлыя стекла своего *pince-nez*.

— Извините... Я позволилъ себѣ обезпокоить васъ... Но такой случай!..

— Ничего!—махнувъ рукой, остановилъ его Гурьяновъ. Лыжинъ шепнулъ ему на ухо, въ чемъ дѣло.

— Вотъ оно что!—добродушно промолвилъ Гурьяновъ, на цыпочкахъ вступая въ первую комнату.

— Здравствуйте, господа!

Всѣ ему молча поклонились.

Леля успѣла еще разъ побывать въ спальнѣ. Мухина держалась у двери и, въ смущеніи, присѣла доктору, какъ присѣдаютъ въ классѣ танцевъ.

Гурьянова переняла Ида на порогѣ спальни и сказала, шопотомъ, по-французски:

— Она очень слаба... Я боюсь новаго припадка.

Докторъ только кивнулъ головой и ничего не сказалъ, входя въ спальню. Дверь за нимъ затворилась—и Мухина припала къ замочной скважинѣ. Всѣ четверо мужчинъ сидѣли въ тѣхъ же выжидательныхъ позахъ... Первый задвигался студентъ.

Онъ быстро пожалъ руку Воденягину и Петровичу и сказалъ:

— Я забѣгу въ университетъ... Ежели пароль такой, чтобы не давать никакого хода исторіи, я такъ и расписажусь.

И, бросивъ взглядъ на дверь спальни, онъ скрылся.

XXVI.

Лыжину было давно пора въ амбаръ Кумачева, но его удерживала въ квартирѣ Днѣпровской общая тревога сочувствія и неизвѣстности—удастся ли спасти молодую женщину, которую онъ даже ни разу не встрѣчалъ въ коридорѣ „Дворянскаго гнѣзда“.

Черезъ десять минутъ послѣ доктора Гурьянова пріѣхалъ посланный Ниной Кумачевой ея консультантъ Шахматовъ. Онъ приходился племянникомъ Гурьянову; но встрѣча ихъ была неожиданная. Лыжинъ не слыхалъ, какъ они заговорили у постели больной. Но ему хотѣлось бы присутствовать при консультаціи этихъ рѣзкихъ образчиковъ двухъ поколѣній. Онъ вспомнилъ, какъ отзывался про своего „племянника“ Гурьяновъ у Цыбашева.

Воденягинъ и Петровичъ удалились. Лыжинъ сидѣлъ одиѣ въ гостиной. Всѣ женщины были въ спальнѣ вмѣстѣ съ докторами. Черезъ пять минутъ доктора вышли въ гостиную.

Шахматовъ уже раскланивался съ Лыжинымъ, проходилъ къ больной.

Онъ держался чопорно, какъ профессоръ, и видимо былъ не особенно доволенъ тѣмъ, что его, извѣстнаго

специалиста, потрвожили точно перваго попавшагося полицейскаго врача—прописывать банальныя противоядія.

Лицо Гурьянова сложилось въ озабоченную мину. Его племянникъ только двойственно улыбался и поправлялъ золотыя очки.

Они вышли совѣщаться.

— Я вамъ, господа, мѣшаю?—спросилъ Лыжинъ.

— Нѣтъ, что же,—отозвался первый Гурьяновъ.—Вѣдь вы здѣсь—свой человекъ.

Лыжинъ хотѣлъ-было возразить на это—и промолчалъ.

— Я могу и удалиться.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ поближе къ Гурьянову и, отвѣдая его въ сторону, спросилъ:

— Не встанетъ?

— Богъ милостивъ, если ничѣмъ не осложнится... Но положеніе серьезное.

Его племянникъ разсѣлся въ креслѣ, въ позѣ человека, которому предстоитъ скучная процедура, не отвѣчающая его ученому достоинству.

Гурьяновъ подсѣлъ къ нему, и консультація пошла исполгоса, по-русски, со вставкой латинскихъ терминовъ, однако, такъ, что Лыжинъ могъ бы, если бъ хотѣлъ прислушиваться, все схватить.

Но его удержало совѣстливое чувство.

Мудренаго діагноза не надо было ставить. Признаки ясны, и оставалось только установить болѣе энергичный способъ лѣченія. Отъ лѣченія Шахматовъ отказался, сказавъ, что за нимъ послали „по недоразумѣнію“. Говорилъ онъ пренебрежительно, процѣживая слова. Никакой симпатіи къ больной онъ не выказывалъ: напротивъ, брезгливо и жестко озирался, точно онъ попалъ въ какое-то непристойное мѣсто.

Совсѣмъ иначе велъ себя его дядя. Онъ, все тѣмъ же пугливымъ и скромно-убѣжденнымъ тономъ, набросилъ планъ лѣченія и кончилъ такимъ восклицаніемъ:

— Сильно еще мучится, бѣдняжка! И такая славная барынька!

Шахматовъ пожалъ плечами и выговорилъ:

— Тутъ цѣлая исторія... Не отъ того, такъ отъ другого! Отойдетъ! Тѣла много!

И онъ всталъ, оправилъ свой вицмундиръ и глазами какъ бы освѣдомился, кто ему вручить лиловую ассигнацію за этотъ визитъ.

Изъ спальни никто не показывался.

Онъ спросилъ Гурьянова:

— Кто же здѣсь собственно хозяинъ?

И поглядѣлъ въ сторону Лыжина.

— Не л!—отвѣтилъ тотъ сдержанно и сухо.

Какъ онъ ни зараженъ уже афоризмами своего друга Кострицына—его симпатіи были на сторонѣ старика, чело-
вѣка шестидесятихъ годовъ, съ характерной складкой
того времени. А его племянника хотѣлось взять за плечи
и вышвырнуть, вмѣстѣ съ его научностью и аккурат-
ностью. Конечно, кромѣ лиловой ассигнаціи и отстаиванія
своего ранга въ городской практикѣ, у него не можетъ
ничего быть за душой.

— Мнѣ пора,—отрѣзалъ деревянно и отчетливо Шах-
матовъ, и щелкнулъ доской своихъ часовъ.

И еще разъ пустилъ особенный боковой взглядъ, какъ бы
желая сказать:

„Значить, здѣсь отпускаютъ консультантовъ съ пустыми
руками?“

Лыжинъ хотѣлъ бы вынуть красненькую, нарочно
красненькую, не больше—и подать ему, но вспомнилъ,
что сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ Шахматова.

Ему даже физически стало лучше, когда тотъ скрылся.
Онъ подошелъ къ Гурьянову и не утерпѣлъ—спросилъ:

— Это тотъ племянникъ, о которомъ вы говорили у
Цыбашева, помните?

И оба они переглянулись, какъ люди, хорошо пони-
мающіе другъ друга.

— Да-съ!.. Человѣкъ текущаго десятилѣтія, — выгово-
рилъ Гурьяновъ.— Не намъ чета!—добавилъ онъ, усмѣх-
нувшись глазами.

Ида и Леля вышли изъ спальни и сейчасъ же окру-
жили Гурьянова.

— Eh bien?—упавшимъ голосомъ спросила Ида.

— Встанетъ?—подказала Леля.

— Встанетъ, встанетъ. Теперь вотъ что — только не
волнуйтесь. Кто у васъ здѣсь главный распорядитель?

— Я, я!—назвалась Леля.

Онъ отвелъ ихъ обѣихъ въ уголъ и обстоятельно все
объяснилъ, прописалъ три рецепта и еще разъ растол-
ковалъ, какъ и что дѣлать.

Тутъ только Леля сказала:

— А какъ же съ лѣкарствомъ, которое первый докторъ прописалъ?

— Вы, сударыни,—мягко сдѣлалъ онъ имъ выговоръ,—должны бы его предупредить. Ну, да онъ меня знаетъ немощно... А ежели обидится—что дѣлать!

— Вы заѣдете, вы заѣдете?—просительно стала спрашивать Лёля.

— Заѣду.

Обѣ пошли провожать его въ коридоръ, и когда вернулись, Божеярина сдѣлала, въ дверяхъ, ручкой.

— Вотъ прелесть—докторы! Лидія Павловна, а?

— Да, очень милый.

— Не то что тотъ важнюшка! Точно женихъ изъ „Дикарки“. И онъ тоже не человѣкъ, а птица!.. Наша Олимпиада Дмитріевна спасена! Я вѣрю!

И что-то вспомнивъ, она опять выбѣжала въ коридоръ.

Въ первый разъ Лыжинъ остался наединѣ съ Идой.

— Вы, голубушка, я думаю, измочалились?—заботливо спросилъ онъ и посадилъ ее на диванъ.

— Нѣтъ, ничего.

Глаза у ней совсѣмъ поблекли. Она не спала съ той минуты, какъ за ней прибѣжала Лёля Божеярина, вся въ слезахъ, и умоляла принять участіе въ Двѣйровской.

И только что онъ хотѣлъ ее разспросить, какъ она попала сюда и знаетъ ли настоящую причину попытки на самоубійство актрисы, опять показалась въ дверяхъ Лёля, и уже не одна. Изъ-за нея выставлялась длинная фигура барона Гольца.

Оба встали и переглянулись.

Теперь Лыжинъ началъ яснѣе понимать, въ чемъ дѣло. Красиваго гвардейца онъ сейчасъ узналъ. Вѣроятно, офицеръ очутился между двухъ женщинъ—актрисой и блистательной Антониной Борисовной.

Ида нервно заморгала. Она тоже узнала Гольца. Его фигура осталась у нея въ памяти, вмѣстѣ со всѣмъ, что она на вечерѣ у Козлишевой замѣтила въ Нинѣ, когда та, взявъ ее подъ руку, повела къ угловой и сѣла слушать разговоръ офицера съ „дѣвчонками“.

— Пожалуйте!—строго поведя бровями, сказала Лёля и, обратясь къ Идѣ, выговорила:—Баронъ Гольцъ, знакомый Олимпиады Дмитріевны.

Гольцъ остановился въ нерѣшительной позѣ, согнувъ немного свою прямую и сухую спину.

Онъ тоже узналъ Лыжина и безстрастно проговорилъ:
— Имѣлъ удовольствіе...

Ида сейчасъ же вышла изъ замѣшательства и тихо спросила:

— Вы желаете ее видѣть?

И такъ при этомъ на него поглядѣла, что нельзя уже было играть роль и притворяться простымъ знакомымъ.

— Я не знаю... можно ли? — гораздо пониже тономъ вымолвилъ онъ и поглядѣлъ вбокъ на Лёлю.

Она „кипѣла“ на него негодованіемъ, но тайно была убѣждена, что Липа будетъ обрадована, и это ускорить ея „спасеніе“.

— Сейчасъ... я скажу.

Лёля пріотворила дверь въ спальню и на цыпочкахъ подошла къ кровати.

Дверь оставила она полуотворенной.

Всѣ трое стояли, въ неловкихъ позахъ, посрединѣ комнаты.

Гольцу было сильно не по себѣ. Уже третій день, какъ онъ не зналъ, чего ему держаться—газетная сплетня проникла всюду. Къ нему еще не приставали съ вопросами; положеніе становилось, однако, „поганнымъ“. Его пріятель Верховцевъ, первый, безцеремонно началъ его наусѣкивать на газетчика; но онъ уперся на томъ, что съ такимъ народомъ не стрѣляются, а бить его онъ не станетъ, какъ перваго попавшагося „хама“.

Письмо Лёли совсѣмъ его ошеломило въ первую минуту.

Онъ не испугался за жизнь Липы, но ему стало совѣстно. Во всякомъ случаѣ, если не вполнѣ, то наполовину онъ былъ причиной ея покушенія на самоубійство.

Въ настоящую минуту онъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобы спасти ее; только, опять-таки, не хотѣлъ возобновлять съ ней отношеній. Съ такими „шалыми“ нельзя больше связываться.

Лёля, стоя у изголовья кровати, довольно громко спросила:

— Олимпиада Дмитриевна... Дорогая... вы только не волнуйтесь... не говорите... Лежите молча... Можно войти на минутку барону Гольцу?

Никому изъ стоявшихъ въ гостиной не видно было кровати.

Слабо, но явственно слышался голосъ Липы.

— Зачѣмъ явился этотъ господинъ?—спросила она, медленно выговаривая слова.—Ему здѣсь нечего дѣлать.

Дверь, точно нарочно, не прикрывали изнутри.

Лыжинъ, чувствуя большую неловкость, отвернулъ голову. Ида стояла, не двигая ни однимъ мускуломъ своего утомленнаго лица, съ впалыми глазами.

Баронъ сдѣлалъ движеніе къ двери и, точно онъ ничего не разслышалъ, спросилъ вполголоса въ дверь:

— Нельзя?

— Это вы?—строго и сильнѣе звукомъ спросила Липа.

— Я.

— Вамъ здѣсь нечего дѣлать, баронъ... Только... пожалуйста, не думайте, что я... изъ-за васъ...

Она не окончила.

— Вы этого не стоите!—почти крикнула она и застояла.

Дверь изнутри стремительно заперли.

Ида съ Лыжинымъ уже сидѣли на диванѣ.

Гольцъ пожалъ плечами и, старательно выговаривая, сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— У ней, должно-быть, бредъ. Извините.

И, не ускоряя шага, выдвинулся изъ комнаты.

Ида и Лыжинъ молча поглядѣли другъ на друга.

„Celui-ci est très fort,—подумала по-французски Ида.— Il va rouler beaucoup de femmes!“

„Изъ молодыхъ, да ранній!“ — рѣшилъ по-русски Лыжинъ.

XXVII.

Ночное хмурое небо сѣяло снѣгъ частыми хлопьями и смягчало шумъ санной ѣзды.

На Тверской, противъ пекарни Филиппова, яркая пелена бѣлаго свѣта съ красной точкой большого электрическаго шара, какъ въ волшебномъ фонарѣ, пропускала по всему фону движущіяся фигуры пѣшеходовъ по тротуарамъ и санныхъ ѣздоковъ.

По самой срединѣ улицы лошадь дежурнаго жандарма стояла, изогнувшись и выпята переднія и заднія ноги, неподвижно, въ напряженной посадкѣ. Молодой, безусый парень сидѣлъ, уперевъ правую руку въ бокъ, въ наушникахъ и фуражкѣ.

— Каріатида!—на всю улицу раздался басъ изъ саней, проѣзжавшихъ вверхъ по улицѣ.

Князь Иларіонъ пустилъ этотъ возгласъ, указавъ рукой на жандарма.

Рядомъ съ нимъ, уйдя головой въ ергакъ, сидѣлъ Лыжинъ.

— И зачѣмъ, скажите на милость?

— Для порядка, — отвѣтилъ ему въ тонъ Лыжинъ.

— Или въ видѣ символа?

И князь захохоталъ своимъ зычнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Они ѣхали на Садовую, въ квартиру одного изъ товарищей Шипилина, на студенческую вечеринку, куда князя и Лыжина пригласилъ Кострицынъ.

Тамъ они должны были его застать. Адресъ онъ далъ самый подробный: доѣхать до перекрестка у Тверской-Ямской, повернуть направо и третій домъ налѣво, пройти мимо палисадника и внизу, изъ сѣней, первая дверь.

— Стой! — крикнулъ Лыжинъ. — Должно-быть, тутъ! Князь, позвольте мнѣ сначала расчистить путь.

— Ничего, душа моя... Я не боюсь сугробовъ.

Снѣгу нанесло цѣлый холмъ и пришлось ступать черезъ него къ двери, тоже занесенной.

Широко шагали они, и тотъ, и другой въ глубокихъ калошахъ, и ихъ шаги слегка хрустѣли по узкой тропѣ, гдѣ виднѣлись слѣды мужскихъ ступней.

Улица стояла безмолвной, съ тусклымъ мерцаніемъ фонарей, занесенныхъ снѣгомъ до самаго верха стеколъ.

— Впору хоть на лыжахъ! — пошутилъ князь, высовывая одну ногу.

— Вамъ, я думаю, не мало приводилось, если вы охотникъ?

— Нѣтъ, я давно бросилъ этотъ видъ хищничества! Старцу не полагается истязать живыхъ существъ!

Добрались они, наконецъ, и до сѣней, совершенно темныхъ. Лыжинъ нащупалъ звонокъ и дернулъ за него.

Имъ сейчасъ же отперли, и кухаркапустила ихъ въ довольно просторную прихожую, съ низкимъ потолкомъ, хорошо освѣщенную стѣнной лампой.

Первый выбѣжалъ къ нимъ въ прихожую Шипилинъ. Онъ и здѣсь былъ какъ бы распорядителемъ. Форменный сюртукъ замѣнилъ онъ тужуркой.

Лыжина онъ видѣлъ у Липы и поздоровался съ нимъ, какъ со знакомымъ.

— Позвольте помочь вамъ, князь, а то она будетъ долго копаться.

Онъ отстранилъ кухарку и стащилъ съ плечъ князя его тулупъ, крытый синимъ сукномъ, на бараньемъ мѣху.

— Иванъ Кузьмичъ здѣсь, — сообщилъ онъ вполголоса. — Пожалуйте. Онъ сейчасъ только что началъ намъ нѣкую притчу.

— Какую притчу? — спросилъ Лыжнинъ.

— Философскую... И, должно-быть, очень забористую.

Кострицынъ показался въ дверяхъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры — бѣлокурымъ студентомъ съ усиками, въ чистенькомъ вицмундирѣ.

— Много обязали, князь, моихъ молодыхъ друзей, — сказалъ Кострицынъ. — Вотъ и хозяинъ. А это Шипилинъ, мой старый пріятель. Пожалуйте!

Студентикъ застѣнчиво улыбался, подавая руки гостямъ.

Ихъ ввели въ первую комнату, гдѣ посрединѣ комнаты стоялъ самоваръ. Общество разсѣлось гдѣ попало; двое-трое ходили въ углахъ. Лампа хорошо освѣщала только средину комнаты.

— Мы прервали что-то? — спросилъ князь.

— Нѣтъ. Это еще не къ спѣху, — отозвался Кострицынъ.

— Однако, вы начали какую-то притчу. Пожалуйста... Очень любопытно! Прошу.

Князь пригласилъ его рукой и тотчасъ же отошелъ къ печкѣ и опустился на стулъ.

Лыжнинъ присѣлъ у дверей.

— Живетъ мудрецъ, — тихо, тономъ сказочника, началъ Кострицынъ. — Живетъ, разумѣется, въ пещерѣ, куда удалился, уязвленный низостью и безуміемъ себѣ подобныхъ существъ. Вамъ не надо имени этого мудреца?

— Нѣтъ, — отозвался кто-то.

— Представьте его себѣ въ видѣ пустынника Антонія... И онъ пройдетъ сейчасъ черезъ искушенія... Живетъ онъ и вѣрить, что рано или поздно его пустыню огласитъ призывъ того, кого онъ называлъ на своемъ жаргонѣ: *Сверхъ-человѣкъ*...

— Сверхъ-человѣкъ? — переспросилъ Шипилинъ.

— Да, существо, поднявшееся надъ всѣми нами, — быть-можетъ, такіа живутъ на планетѣ Марсѣ... Я склоненъ думать, что они возможны. Живетъ пустынный годъ, десять лѣтъ, сто лѣтъ, и вѣрить, что на развалинахъ те-

першняго человѣчества вырастетъ иная раса, и прототи́пъ ея, *Сверхъ-человѣкъ*, явится къ нему и огласитъ пустыню своимъ призывнымъ кликомъ.

— Продолжайте, продолжайте! — прошепталъ Лыжинъ, чувствуя, какъ въ дѣтствѣ, когда ему сказывали сказки, что мурашки пробѣгаютъ по затылку.

— Продолжаю... Вдругъ слышитъ онъ отчаянный крикъ... Нѣтъ сомнѣнія... это Сверхъ-человѣкъ. Мудрецъ умильно и радостно ждетъ его въ свою пещеру, но вмѣсто него явились къ нему цѣлыхъ *девять* выдающихся людей, все изъ того же жалкаго и безумнаго человѣчества. Приходятъ они къ нему, одинъ за другимъ, и каждый — слышите, каждый — умоляетъ его о состраданіи за себя самого и за весь родъ людской.

— Девять человѣкъ? — окликнулъ Шипилинъ.

— Девять, — повторилъ Кострицынъ тономъ убѣжденнаго старца, рассказывающаго наивнымъ слушателямъ какое-нибудь дивное видѣніе. — Первымъ пришелъ *Возвѣститель великаго утомленія*, пессимистъ, тотъ нѣмецъ, — прибавилъ онъ, повернувъ голову къ князю и другимъ тономъ, — тотъ самый нѣмецъ, кто влилъ ядъ сомнѣнія и отчаянности въ столько душъ.

Онъ перевелъ дыханіе.

— Возвѣститель утомленія, великой протраціи, если выразиться по-докторски, объявившій ему о безысходномъ отчаяніи. За нимъ слѣдомъ явились *два Властителя*, люди доблестной породы, по крови и духу, и при нихъ осель.

— Осель? Зачѣмъ же осель? — удивился князь.

— Вы увидите зачѣмъ, дайте срокъ. За ними — *человѣчекъ*, невзрачный и замухрышный, крайне болтливый, весь голый, и къ тѣлу его, во всѣхъ мѣстахъ, присосались пиявки, а онъ ихъ не срываетъ — пусть ихъ пьютъ кровь изъ его жилъ, онъ же тѣмъ временемъ будетъ наблюдать этихъ животныхъ и ихъ аппетиты. Вы узнаете, кто онъ?

— Кто? — спросилъ Лыжинъ.

— Нашъ братъ — *человѣчекъ науки*... За нимъ пришелъ *Старый Колдунъ*. Онъ сталъ декламировать стихи, нараспѣвъ, въ вагнеровскомъ духѣ, и призывать къ чувственной похоти, подъ предлогомъ поддержанія отъ всего мірскаго. Вслѣдъ за нимъ — *Первосвященникъ*; но онъ называлъ себя не такъ, а *Безработницей*. Вожеество умерло, и

бѣдному Первосвященнику некого благословлять. Божество умерло, его убилъ *Скаерный Человѣчкики*; не тотъ, лгавшій, что отдастъ пивкамъ свое тѣло, а другой — тиръ отрицанія и упорной крамолы.

— Гдѣ же остальные?—спросилъ кто-то.

— Погодите! Пустынникъ самъ пошелъ искать остальныхъ и набрелъ на молодого человѣка, прекраснаго собою, посреди стада, съ небесной кротостью во всемъ существѣ. Это *Горный Проводникъ*. Люди перестали его слушать. Ему остались неосмысленныя животныя, и онъ говоритъ: „Тѣ, кто на нихъ похожи, тѣ только и будутъ на небесахъ“.

— Остается еще одинъ,—сказалъ Шипилинъ.

— Послѣдній изъ девяти—это онъ самъ, тотъ нѣмецъ, что сочинилъ эту притчу, нѣмецъ глубоко несчастный. Притча была его лебединой пѣснью. Онъ написалъ ее наканунѣ безумія.

— Да и эта параболла обличаетъ уже безуміе,—возразилъ князь.

— Почему? — живо отозвался Кострицынъ. — Въ ней символически изображены всѣ немощи и упованія теперешняго культурнаго человѣчества... Но позвольте кончить... Пустынникъ понялъ, что ни одинъ изъ этихъ высшихъ представителей рода людскаго не заслуживаетъ страданія. Все, что онъ можетъ для нихъ сдѣлать, это—пригласить ихъ поужинать въ свою пещеру и предложить имъ ночлегъ. И тутъ они себя показали: когда хорошенько выпили и закусили, то стали хохотать, пѣть шансонетки и рассказывать скабрёзныя исторіи, и только что отъ нихъ отвернется Пустынникъ, они сейчасъ же всѣ бухъ передъ осломъ, котораго привели два Властителя, и преклоняются передъ нимъ, какъ передъ идоломъ.

— Ха-ха!—вырвался смѣхъ у одного изъ студентовъ.

— Развѣ это не мѣтко и не ядовито, и не глубоко-безнадежно? Но нашъ несчастный нѣмецъ пошелъ дальше и успѣлъ набросить нѣсколько главъ новой посмертной книги подъ заглавіемъ: „Обезцѣненіе всѣхъ цѣнностей“, т. е. доказательство, что вся жизнь, вся вселенная—пуфъ и не стоитъ мѣднаго пятака, что *ничего нѣтъ*. Дальше нигилизмъ уже не пошелъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Эти главы — *посмертныя* главы нашего пѣмца, ибо онъ умеръ душой: онъ теперь—умалишенный.

По всему тѣлу Лыжина пробѣжала струя внутренней дрожи.

Кострицынъ точно почувалъ это и продолжалъ тише:

— Жутко вамъ, господа? Не правда ли? Тутъ мозгъ человѣка, маленькій органъ, доразвившійся до извѣстной, хотъ и изумительно тонкой стадіи, возмнилъ нѣчто дерзновенное: рѣшать безповоротно общую *нѣтовщину*, въ родѣ нашихъ изувѣровъ-раскольниковъ, когда они жгли сами себя на кострахъ и вопили: „Нѣсть на свѣтѣ правды, нѣсть!“—„Лестъ одна на свѣтѣ, лестъ!“

— Таковы выводы страждущей души дѣтей нашего вѣка,—началъ было князь.

— Погодите... Какого еще вамъ отрицателя и проповѣдника всеобщаго отчаянія, какъ нашъ злополучный нѣмецъ, но вѣдь и въ его притчѣ конецъ совсѣмъ не такой. Кого ждетъ его мудрецъ, который называется у него курьезнымъ восточнымъ именемъ, кого? Вы не забыли?

— Того, какъ вы его назвали?..—подсказалъ Шипилинъ.

— Сверхъ-человѣка.

— По-каковски это, Иванъ Кузьмичъ?

— По-нѣмецки *Ueber-Mensch*. Какъ же перевести? Сверхъ-человѣкъ. И пустынный, отказавъ въ состраданіи и даже сочувствіи девяти образцовымъ людямъ, сталъ все такъ же страстно ждать *новаго челоуька*. И до сихъ поръ ждетъ его... Что онъ принесетъ съ собою? — Истину... Правда, нашъ нѣмецъ, послѣ своей притчи, досказалъ нѣчто горькое и про это явленіе новаго челоуька, воплощающаго истину. Она промолвила ему одно слово: „Несчастный“. Нужды нѣтъ, она все-таки явилась, и не ея дѣло кормить насъ райскими яблоками.

Кострицынъ смолкъ.

Всѣ съ минуту молчали.

— Притча, признаюсь! — первый отозвался Шипилинъ и, присаживаясь къ самовару, сказалъ:—Нашимъ гостямъ, съ выюги, чаю хочется?.. Я сейчасъ налью.

Кострицынъ сидѣлъ въ той же позѣ досужаго сказочника, уперевъ ладони рукъ въ колѣни и поглядывая на всѣхъ своими искривленными, узкими глазками.

Слушалъ его притчу, Лыжинъ никого еще изъ студентовъ не разглядѣлъ въ отдѣльности, кромѣ Шипилина и хозяина квартиры.

Тутъ было челоуькъ до двѣнадцати, почти всѣ въ форменныхъ сюртукахъ или въ короткихъ сѣрыхъ пальто.

Двѣ наружности привлекли его раньше остальныхъ, сначала: уже на возрастѣ студентъ, въ „тужуркѣ“, съ густой русой бородой и румянами, довольно строгимъ лицомъ.

Это былъ первый другъ Шипилина—Владиміръ Мечъ. Онъ курилъ и стоялъ у печки, и когда слушалъ Кострицына, то часто поднималъ брови, наклоняя своеобразнымъ жестомъ свою большую и красивую голову.

Другой не смотрѣлъ студентомъ; скорѣе—поступающимъ въ университетъ семинаристомъ, въ штатскомъ сюртукѣ, нараспашку, бородатый, кудрявый, съ крестьянскимъ лицомъ. Онъ постоянно двигался въ своемъ углу, подходилъ къ самовару, подливалъ себѣ чаю и встряхивалъ волосами.

— Какое же, позвольте освѣдомиться, толкованіе слѣдуетъ дать этой притчѣ? — громко, волжскимъ говоромъ на „онъ“, спросилъ онъ, разводя руками.

Онъ всталъ противъ Кострицына, по ту сторону круглаго чайнаго стола.

— Это—символическое изображеніе того, какъ мыслящій человѣкъ конца вѣка извѣрился въ людишекъ; какъ онъ, сохраняя свой идеалъ, отрицаетъ всѣ виды того дряблага морализма, до котораго доработались руководители человѣчества.

Кострицынъ остановился и хлебнулъ изъ стакана.

Начало его рѣчи показалось Лыжину недостаточно яснымъ.

— Позвольте!—голосъ князя загремѣлъ, какъ труба.—Во-первыхъ, имя этого нѣмца?

— *Nomina sunt odiosa*, князь!—отвѣтилъ, вставая, Кострицынъ.—Будемъ обсуждать идеи, а не имена.

XXVIII.

— Будемъ!..—согласился князь и присѣлъ къ столу.

Глаза многихъ студентовъ заиграли. Кострицынъ обѣщалъ имъ добыть „чистокровнаго гегельянца“, въ нѣкоторомъ родѣ ископаемаго „плезіозавра“ діалектики. Схватка можетъ выйти перворазрядная—та „пря“, безъ которой Иванъ Кузьмичъ не могъ провести недѣли.

Князь зналъ его очень мало и, кромѣ того утра, когда Кострицынъ съ Лыжинымъ навѣстилъ его въ деревнѣ, не имѣлъ еще съ нимъ никакого разговора, гдѣ бы „ампли-

туда" его идей и приёмовъ діалектики развернулася передъ нимъ.

Но онъ зачуялъ уже по этой притчѣ, взятой у какого-то полубезумнаго нѣмца, нѣчто, уничтожающее его „этику" и „феноменологію" духа... Кострицынъ видимо сочувствовалъ этому отрицателю, ненавистнику человѣка, подрывающему, повидимому, самыя основы морали, которыя для него были утверждены не на легендарныхъ актахъ, а на предпосылкахъ основныхъ положеній его безсмертнаго учителя.

Отъ присутствія цѣлаго кружка молодежи у князя заиграло въ груди. Ему хотѣлось присмотрѣться къ студентамъ, „войти въ общеніе" со складомъ ихъ идей, того, что они считаютъ теперь абсолютами мышленія. Многого онъ не ждалъ. Ему давно уже сдавалось, что нѣтъ у нынѣшнихъ молодыхъ людей никакого философскаго заѣта; что съ непочтительнымъ отношеніемъ къ идеализму и діалектикѣ, которое водворили ограниченные „научники", до сихъ поръ ему ненавистные и обокравшіе, по его мнѣнію, Гегеля, разлилось полное безпринципіе, грубый скептицизмъ, то, что зубоскалы прозвали сами „неуважай-корытствомъ".

Но, кажется, въ самые послѣдніе года всплываютъ признаки чего-то иного. Діалектика опять пробивается въ новыхъ почитателяхъ великаго кенигсбергскаго профессора, предтечи его учителя.

Тѣмъ его, навѣрно, затрепещетъ тамъ, въ области духовъ, отъ скитской „нѣтовщицы", которой уже угостилъ ихъ этотъ Кострицынъ. Но надо сейчасъ же припереть его къ стѣнѣ и потребовать у него „вѣрительныхъ грамотъ". Кто же онъ самъ? Держится ли какихъ-либо общихъ безусловныхъ началъ, которыя одни лишь и способны утвердить лучезарное тріединство: *истины, добра и красоты?*

Почти тѣ же вопросы захватили и Лыжина.

Давно ему не случалось попадать на такой турниръ. Отъ студенчества онъ тоже отсталъ. Идеи и упованія учащейся молодежи какъ-то ушли отъ него, заслонились въ послѣдніе годы личными исканіями. Но и онъ, какъ и князь Иларіонъ, считалъ поколѣнія недавнихъ лѣтъ захваченными въ массѣ духомъ житейскаго позитивизма. По теперешнему его настроенію ему пріятно было бы видѣть въ мыслящихъ „юнцахъ" большую смѣлость, жела-

не добираться до всего своимъ умомъ, меньше того стаднаго увлеченія „последними словами“ науки или полуживѣрскимъ идеаломъ „зипуна“.

Но еще сильнѣе заинтересованъ былъ онъ: чѣмъ же выкажетъ себя его новый другъ, Кострицынъ, на какихъ „устояхъ“ основалъ онъ свое пониманіе жизни? Лыжинъ уже предвидѣлъ, что схватка произойдетъ въ области того, что такое *добро*, *долгъ*, понятіе *вины* и нравственнаго *совершенства*.

Въ „амбарномъ Сократѣ“ прельщало его освобожденіе отъ всякихъ кличекъ и лозунговъ, при внутренней порядочности, которую Лыжинъ чувствовалъ въ немъ даже когда онъ поддерживаетъ „изъ принципа“ охранительныя замашки своего хозяина или раздражается противъ племени, принесшаго, по его теоріи, въ свѣтлый античный міръ свою злобу, месть и безумное самомнѣніе „избраннаго“ народа.

Изъ студентовъ трое въ особенности оживились: Шипилинъ, его другъ Мечъ и тотъ, видомъ семинаристъ, что говорилъ на „онъ“ и одѣтъ былъ въ штатское.

Тотъ даже подошелъ къ стулу, гдѣ сидѣлъ Кострицынъ, и уперся обѣими руками на спинку.

Студентъ Мечъ, не проронившій ни слова, прислонился къ изразцовой печкѣ и курилъ. Его глубокіе и блестящіе глаза уставились на библейской головѣ князя съ гораздо большей симпатіей, чѣмъ у остальныхъ молодыхъ людей. Шипилинъ зналъ впередъ, что Иванъ Кузьмичъ побьетъ „плезіозавра“ діалектики. Онъ метафизику не уважалъ и считалъ Кострицына „здоровымъ скептикомъ“, хотя и не зналъ въ подробностяхъ—въ чемъ „суть“ его пониманія жизни и ея задачъ.

Для него „при“ общала быть болѣе занимательной, чѣмъ цѣнной для своего собственнаго „нутра“, въ смыслѣ символа вѣры.

— Позвольте васъ спросить, — началъ, откашлявшись, князь, — если вамъ не угодно назвать автора вашей „притчи“, на какой почвѣ возможенъ между нами обмѣнъ положеній—считаете ли вы себя съ нимъ солидарнымъ и въ чемъ состоятъ первоосновы его, въ данномъ случаѣ, этического жизнеразумѣнія?

Последняя фраза заставила нѣкоторыхъ студентовъ переглянуться со сдержанной усмѣшкой.

— Автора притчи, — хлестко, безъ запинки, отбѣчалъ

Кострицынъ,—мы оставимъ въ покоѣ. Но я лично солидаренъ, какъ онъ, съ тѣми, кто не желаетъ повторять „буки-азъ—ба“, старыхъ прибаутокъ, взятыхъ изъ мистическихъ преданій и метафизическихъ абсолютовъ, и идутъ въ самый корень идеи добра, долга и нравственнаго совершенства, съ тѣми, кто отрицаетъ обязательность и даже реальную допустимость пресловутаго *категорическаго императива*.

Глазки Кострицына заискрились и круглая щека блестя отъ румянца.

Въ комнатѣ сдѣлалось очень тепло.

— Вотъ оно куда!—вмѣсто князя, только тряхнувшего головой, пустилъ искренней и звонкой нотой кудрявый волжанинъ.—Значить, это—*tabula rasa*, въ замѣну всякой хорали?—спросилъ онъ весело, но сильно, искреннимъ и холоднымъ звукомъ.

— Дезидеріевъ!—авторитетно остановилъ его Шипилинъ.—Слова тебѣ никто не давалъ. Закрой фонтанъ!

Два-три человѣка фыркнули.

— Извините, — отозвался князь, оглядываясь на семинариста, — я очень радъ, что господинъ студентъ поставить вопросъ такъ опредѣленно!.. — И, повернувъ голову къ Кострицыну, онъ продолжалъ:—Слѣдственно, вы являетесь защитникомъ какой-то, какъ вы сами изволили выразиться, „нѣтовщины“?

— *Comptais-je sans raison!*—возразилъ, усмѣхаясь, Кострицынъ, и Лыжинъ въ первый разъ услышалъ, что у него хорошее произношеніе.—Я употребилъ эту метафору только приблизительно. Но я ставлю сначала такіа предположенія...

Онъ отхлебнулъ изъ стакана и, сложивъ на груди руки, точно читая по-печатному, въ видѣ отдѣльныхъ тирадъ началъ ставить свои предположенія:

— Прежде всего, зло, наравнѣ съ такъ-называемымъ благомъ, въ высшей степени полезно для развитія человѣка,—я говорю человѣка, отдѣльнаго „я“, въ которомъ вся суть и смыслъ жизни, а не общества—терминъ, годящійся только для передовицъ нашихъ газетъ.

— Ловко!—крикнулъ Шипилинъ.

— И дальше-съ?—совѣтъ уже барской, чопорной интонаціей, выговорилъ князь.

— Поэтому, обязательный альтруизмъ, передъ которымъ всѣ пляшутъ, и притомъ лживо и лицемерно, есть мо-

гила личности, устраненіе ея, обезличеніе, во имя какой-то муштры, гдѣ погибають лучшія дарованія человѣка.

— Далѣе-съ?—напряженно сдерживаясь, подталкивалъ князь.

— Что сидить въ обществѣ, въ этомъ вышколенномъ человѣческомъ стадѣ? Не злобность, не яркій порокъ, не разрушительные инстинкты, а страхъ, гнусный страхъ, какъ бы могучая индивидуальность не захватила его врасплохъ.

— Это вѣрно, — про себя, чуть слышно, выговорилъ Мечъ и отошелъ въ уголъ, за печку.

— И вотъ этотъ-то страхъ—главный источникъ ходячей, патентованной морали. Ничто больше,—по крайней мѣрѣ, для массы и для тѣхъ мандариновъ, которые муштрують ее по своему образцу. Страхъ поддерживаетъ понятіе вины и грѣха—этихъ ядовитыхъ снадобій, отравляющихъ жизнь на землѣ. А вина и грѣхъ—происхожденіи самого простого, матеріальнаго: вышли изъ оцѣнки убытка, изъ требованія денежной цени. Противъ этого, если здѣсь есть господа-юристы, трудно спорить.

— Я—кандидатъ правъ,—отозвался Лыжинъ, —но самый плохой!

— Потому и менѣе зараженъ, —весело замѣтилъ ему Кострицынъ.

— Вы изволили кончить?—спросилъ князь.

— Ха-ха! Далеко нѣтъ. Стадная безопасность—вотъ вашъ пресловутый императивъ. И всѣ, кто думаетъ, какъ я, многогрѣшный, желаютъ одного: чтобы настала для человѣка день, когда онъ ничего не будетъ бояться.

— Вотъ благодать-то будетъ!—не выдержалъ Шипилинъ.

— Въ пустыню надо тогда бѣжать!—прибавилъ кудрявый Дезидеріевъ и оглянулъ товарищей въ обѣ стороны.

— Не надо никакой пустыни!—возбужденно подхватилъ Кострицынъ, видимо увлеченный ходомъ своихъ мыслей.—Вся ходячая мораль, первобытная и философская, отзывается стадомъ, торжествомъ посредственности. Шаблонъ и форменный аршинъ—вотъ ея мѣрила.

— Извините,—перебилъ князь, какъ бы въ скобкахъ,—это—общее мѣсто всякихъ сѣтованій.

— Никакъ нѣтъ, князь! —порывче возразилъ Кострицынъ.—Всѣ такіа сѣтованія идутъ изъ того стараго, гнилаго источника... изъ разныхъ абсолютовъ, прикрываю-

щихъ страхъ и ненависть людского стада къ личности, къ ея „самости“, если вамъ угодно, терминъ, когда-то бывшій у насъ въ ходу.

— Историческій культъ великихъ людей противорѣчить этому,—отозвался Лыжинъ.

Мысль напросилась ему тутъ же.

— Вовсе нѣтъ, другъ Юрій Петровичъ,—ласково отвѣтилъ ему Кострицынъ. — Великихъ людей стадное чело-вѣчество выносило, когда они бросали ему подачку, пускали ему пыль въ глаза; но мандарины и представители мудрости, въ данный моментъ, всегда были имъ враждебны, строили ковы и радовались ихъ паденію... И вотъ,—заговорилъ онъ стремительно,—я ставлю категорическій вопросъ: гдѣ, вокругъ насъ, чело-вѣкъ, и какъ типъ, и какъ отдѣльная личность, который бы служилъ оправданіемъ такъ-называемаго культурнаго чело-вѣчества? Гдѣ? Дрессировка превратила его въ карлика! Смягченіе нравовъ, дисциплина, гуманность — все это слюннство, вырожденіе, похожее на то, какъ изъ злобнаго волкодава мы дѣлаемъ комнатную собаку, лизоблуда, и восхищаемся дѣломъ рукъ своихъ! И до тѣхъ поръ всѣ наши прописи не будутъ стоить и мѣднаго гроша, пока мы не убѣдимся, что личность, ея расцвѣтъ, ея мощь и смѣлость, даже дерзость — конецъ и цѣль всего сущаго. Теперь же, въ наше безвременье, когда души обезсилены и мозги развращены трусостью и идиотскимъ повтореніемъ задовъ, каждый изъ насъ имѣетъ право создавать себѣ свой кодексъ, мы сами себѣ владыки, мы сами производимъ опыты заново и творимъ жизнь безъ прописей и пугалъ!..

XXIX.

Князь Иларіонъ началъ ерошить свою гриву и нѣсколько разъ порывался возражать.

Но Кострицынъ разошелся и его трудно было остано-вить.

— Вы всѣ, господа, — обратился онъ къ молодежи, — воспитаны на томъ, что за бѣдненькихъ и забитенькихъ надо полагать свои животы.

— А то какъ же? — спросилъ Деидеріевъ, разводя своими широкими ладонями.

И Лыжинъ поглядѣлъ съ недоумѣніемъ на пріятеля.

„Ужъ не очень ли Иванъ Кузьмичъ пустилъ густо?“— подумалъ онъ.

— Вся фальшь ходячей морали та, что она возится съ болью, страданіемъ и ихъ антиподами—удовольствіемъ и наслажденіемъ. Такая основа—самая тлетворная!

У кого-то вырвалось восклицаніе.

— Я вамъ сейчасъ покажу это. Удовольствіе и страданіе—только признаки, показатели. Сами по себѣ они—ничто. Боль нехороша—только когда она бессмысленна. Но когда надо перейти черезъ страданіе, чтобы дать ходъ своей личности, подняться на высшую ступень развитія, тогда страданіе въ расчетъ нейдетъ. Отъ васъ же требуютъ—постоянно копаться въ самыхъ жалкихъ немощахъ человѣка. Въ каждомъ изъ насъ, господя, сидитъ одновременно тварь и творецъ. Тварь ноетъ и плачетъ, кланчить и выставляетъ напоказъ болячки, прося милостыни... И вмѣсто того, чтобы идти къ освобожденію себя самихъ отъ твари, мы только съ нею и носимся, на нее и полагаемъ душу! И добро бы еще на могучую тварь, полную хищныхъ, здоровыхъ позывовъ, а то на самую дрянную, разслабленную гуманной культурой. А разъ цѣль нашего бытія на землѣ не можетъ быть ничто иное, какъ возвышеніе—въ каждомъ изъ насъ—творца надъ тварью, ибо человѣкъ самъ себѣ цѣль и ни у кого и ни у чего не обязанъ просить позволенія думать и чувствовать такъ, а не иначе, то изъ этого прямо вытекаетъ, что самое великое дѣло—въ молодыхъ лѣтахъ дать заказъ характеру стать самимъ собою и въ самомъ себѣ найти смыслъ и удовлетвореніе. Единой же спасительной морали нѣтъ и быть не можетъ! Если ты, по натурѣ, злобенъ, то честнѣе быть злобнымъ, чѣмъ фальшиво или по доброй волѣ стучать лбомъ передъ прописями, годными только для уроковъ чистописанія. И когда личность освободитъ себя отъ какихъ бы то ни было цѣпей, тогда только творческая основа и возьметъ въ ней верхъ надъ тварью. Этого нельзя достигнуть, не преодолѣвъ самого себя.

— Позвольте! — громовымъ голосомъ пустилъ князь и всталъ во весь ростъ.—Вся эта доктрина—не чтѣ иное, какъ перифразъ древняго стоицизма.

— Ни мало!—неудержимо продолжалъ Кострицынъ, и тоже поднялся.—Маркъ-Аврелій былъ изувѣръ обязательной терпимости. Онъ всѣхъ оправдывалъ и ставилъ

себѣ въ священный долгъ исполнять тысячу нелѣпныхъ обязанностей, вмѣсто того, чтобы творчески развивать свою душу, хотѣ и носился съ своимъ философскимъ пре-восходствомъ. Вы меня совсѣмъ не поняли! Стоики—вотъ это были защитники раскольничьей нѣтовщины. Для нихъ не было ничего новаго ни въ природѣ, ни въ исторіи; они повторяли, какъ фанатики-оедостевцы, что все тлѣно и прахъ и не стоитъ личныхъ усилій. Развѣ я то развиваю, господа? — спросилъ Кострицынъ, обернувшись къ дивану, на которомъ сидѣло нѣсколько студентовъ.— Только тѣ эпохи и двигали впередъ человѣка, когда личность жила во всю, кусалась, дралась, производила насилие, не знала никакого другого закона, кромѣ своего творческаго „я“.

— Этакъ, однако, и до Ивана Грознаго дойдешь! — возразилъ кто-то изъ студентовъ.

— До чего бы ни дойти—только бы жизнь была ключомъ и только бы сдать въ архивъ прописную мораль и ея родного брата: признаніе равенства человѣческихъ личностей.

— Ого!..—пустилъ Дезидеріевъ.—И равенство отвергаете?

— Отвергаю,—настойчиво отвѣтилъ Кострицынъ.—Его нѣтъ въ природѣ, нѣтъ ни въ чемъ, что развивается. Въ избранникахъ человѣчества только и находимъ мы оправданіе его жизни на землѣ. А гдѣ избранники—тамъ и различіе, обособленіе, каста, если вамъ угодно. Безъ іерархіи немислимо ничто живое. И торжество гнилого принципа—всеобщаго уравнинія—будетъ концомъ всякой справедливости, смѣшеніемъ въ одной безобразной кучѣ глупыхъ и умныхъ, калѣкъ и бойцовъ, геніевъ и жалкой бездарности, красоты и уродства. Поэтому-то и безуміе—дѣлать генія орудіемъ массы и ставить высшей цѣлью усилій избранниковъ: пошлое благополучіе стада, которое само не въ силахъ даже, безъ указки, пережовывать свою жвачку!

Кострицынъ перевелъ духъ, отошелъ къ печкѣ и вскричалъ:

— *Dixi et animam lævavi!*

Студенты, сидѣвшіе на диванѣ, задвигались и вполголоса заговорили. Шипилинъ подошелъ къ Кострицыну и спросилъ:

— Теперь за княземъ слово, Иванъ Кузьмичъ?

— Съ удовольствіемъ уступаю... Вѣроятно, и изъ васъ найдутся оппоненты.

— Еще бы!—отозвался Дезидеріевъ.—Только надо со-
браться съ мозгомъ. А то вы, какъ обухомъ, ошеломили
насъ.

Всѣ почти разсмѣялись. Лыжинъ внимательно смотрѣлъ
на студентовъ. Ему многія мысли пріятеля были по-
сердцу въ теперешнемъ его настроеніи... И въ немъ,
однако, зашевелился протестъ, когда Кострицынъ сталъ
рвать въ клочки всѣ „прописи“. Но въ послѣднихъ сло-
вахъ онъ опять услышалъ нѣчто такое же, какъ и въ
остротѣ заграничнаго шестидесятника насчетъ тѣхъ, кто
стучаетъ лбомъ передъ сермягой.

Князь не сѣлся. Онъ закинулъ голову назадъ и послѣ
небольшой паузы началъ тихо и вдумчиво:

— Во всемъ, что вы говорили на тему этики, я не вижу
никакихъ основныхъ, ни абсолютныхъ, ни даже эмпири-
ческихъ началъ. На чемъ все это держится? На какой-то
ограниченной антропологіи? Вы возстааете противъ чело-
вѣческой твари, а ее-то и сажаете въ красный уголъ
избы.

Кострицынъ отрицательно мотнулъ головой, но отъ воз-
раженія воздержался.

Не разбивая положеній своего противника по пунктамъ,
князь сейчасъ же, точно какимъ полетомъ воздушнаго
шара, очутился на высотахъ своего мышленія.

Говорилъ онъ сначала сдержанно и хриповато, потомъ
голосъ его получалъ все болѣйшій размахъ, и слова поли-
лись рѣкой, съ характерными переливами и возвышеніями
голоса.

Студенты слушали его съ особымъ чувствомъ. Онъ для
нихъ былъ „плезіозавръ“ и не могъ говорить иначе, какъ
старомоднымъ языкомъ школы. Убѣжденность его была
красива и располагала ихъ къ себѣ, но головы боль-
шинства не разгорались. Скорѣе въ груди, нѣтъ-нѣтъ,
да пріятно ёкнетъ отъ сочетанія фразъ, отъ полета вели-
кодушной мысли, согрѣтой вѣрой въ безусловную истину
основныхъ положеній.

Вотъ эту-то безусловность никто изъ нихъ и не могъ
признавать безъ возраженій. И тѣ, кто слушалъ лекціи,
гдѣ „система“, любезная сердцу старика, разбиралась
какъ моментъ въ исторіи мышленія, давно сданный въ
архивъ, такъ и тѣ, кто мало зналъ по этой части, но не

могъ и не хотѣлъ поступаться выводами науки и привыкъ употреблять слово „метафизика“ въ насмѣшливомъ тонѣ.

Трудно было и Лыжину, болѣе спокойному и постарше ихъ почти на два десятка лѣтъ, прослѣдить логическое сдѣленіе идей и положеній въ рѣчи князя. Онъ отвѣчалъ не Кострицыну, а цѣлому стану противниковъ системы его безсмертнаго учителя. Долгіе годы онъ не имѣлъ случая пустить „во всю“ самую дорогія для него истины, обратившіяся для него въ изреченія, высѣченныя въ мраморѣ.

Даже Кострицынъ, улыбаясь въ усы, слушалъ его съ нѣкоторымъ художественнымъ удовольствіемъ и давно рѣшилъ, что возражать онъ ему не будетъ. Его дѣло сдѣлаво. Онъ пустилъ „брандера“ въ умы всей этой молодежи, и если кто-нибудь изъ нихъ будетъ задѣтъ его походомъ противъ морали вырождающагося человѣчества—больше ему ничего не нужно.

— Да, господа!—побѣдоносно провозгласилъ князь, широко взмахнувъ обѣими руками.—Мы не утратили нашего завѣта, хотя бы пась, во всей Европѣ, осталось полдюжины. Нашъ основной догматъ тотъ, что *идея* — начало всѣхъ вещей, и она была показана такой, какова она есть, въ своемъ вѣчномъ, абсолютномъ бытіи, нашимъ гениальнымъ учителемъ,—голосъ его дрогнулъ на этомъ словѣ.—Слѣдственно — говорю я — исторія человѣчества и всего міра—наука, искусства, всего, — каково бы ни было ихъ развитіе—эволюція, по-модному, и всѣ многоразличныя формы ихъ—не могутъ быть и двигаться внѣ этой идеи!

Онъ сдѣлалъ два шага къ Кострицыну и уперъ въ воздухъ оба кулака:

— Свобода и расцвѣтъ личности, говорите вы, государь мой, какъ единственная самодовлѣющая цѣль нашего бытія?.. Но коль скоро идея — главный источникъ этого бытія, а совмѣстно съ тѣмъ и правды и добра,—она тѣмъ самымъ—источникъ свободы. И чѣмъ выше поднимется человѣкъ въ сферу идей, тѣмъ онъ свободнѣе!

Лыжинъ сидѣлъ, закрывъ глаза, и ему показалось, что онъ опять въ избѣ князя Иларіона, когда они пріѣхали къ нему съ Кострицынымъ.

Тотъ же голосъ, точно труба, тѣ же истины и тѣ же, кажется, выраженія, или очень близкія.

„Старина повторяется и не можетъ не повторяться“,

подумалъ онъ, и ему захотѣлось, чтобы князь пустилъ что-нибудь болѣе сильное и неожиданное.

— Вы хотите обойтись безъ вышшаго вдохновенія всего сущаго, га-га! — заготовилъ онъ, точно травилъ краснаго звѣря по первой порошѣ. — Но что такое Богъ? Не тотъ личный, котораго мы нечестиво надѣлиемъ своими свойствами, а тотъ, недостигаемый и вездѣсущій? Онъ есть мысль мысли.

— Вотъ такъ формула! — вставилъ Кострицынъ.

— Не я ее сочинилъ, государь мой! Аристотель такъ выразился. За это я отвѣчаю, хотя и не могу сказать — гдѣ именно. Идея идеи! — повторилъ онъ. — Небытію противопоставлено бытіе, путемъ становленія. Великій тройственный ходъ всего сущаго! И когда духъ вашъ, господа, проникнется этой истиной — вы застрахованы отъ шатаній мысли. Вы достигните амплитуды вашей человѣческой личности!..

На этомъ словѣ, дорогомъ Кострицыну, князь смолкъ и опустился въ кресло.

XXX.

Въ дешевомъ ресторанѣ, въ началѣ Пушкинскаго бульвара, засидѣлись пятеро студентовъ, послѣ вечеринки, гдѣ происходило состязаніе Кострицына съ княземъ.

Тутъ были Шипилинъ, Мечъ, Дезидеріевъ и еще двое изъ тѣхъ, что занимали мѣста на диванѣ во время и послѣ схватки, и въ преніяхъ участія не принимали.

Князь удалился раньше всѣхъ, сказавъ на прощанье:

— Друзья мои! На шаткомъ грунтѣ строите вы весь нынѣшній храмъ истины. Она не познается путемъ возмущенія нашего ограниченнаго „я“.

Кострицынъ больше не сталъ ему возражать и уѣхалъ вмѣстѣ съ Лыжинымъ. Они отправились ужинать въ „Эрмитажъ“.

Послѣдній возгласъ князя, произнесенный теплыми ногами, остался у всѣхъ въ памяти. Когда трое „стариковъ“ — такъ студенты называли, про себя, даже Лыжина съ Кострицынымъ — уѣхали, хозяинъ квартиры послалъ за пивомъ, и они еще съ добрый часъ просидѣли. Оживленнаго спора что-то не вышло. Разговоромъ, какъ почти всегда, овладѣлъ Шипилинъ. Онъ хотѣлъ выяснитъ остальнымъ: можно ли то, что Иванъ Кузьмичъ говорилъ о прописной и ходичей морали, согласить съ научнымъ прин-

ципомъ, и показать, что можно. Но самъ ли Кострицынъ все это надумалъ, или вычиталъ цѣликомъ у того нѣмца, который сочинилъ притчу, рассказанную имъ въ началѣ вечера, до появленія князя съ Лыжинымъ.

Это его немного стѣсняло. Ему бы хотѣлось знать это навѣрно. Останься съ нимъ Иванъ Кузьмичъ по уходѣ князя—онъ бы допросилъ его. Его натурѣ, пытливой головѣ и смѣлому характеру правилась эта постановка идеала и смысла жизни, исключительно въ расцвѣтѣ своего „я“, безъ преклоненія передъ тѣмъ, что принято признавать добромъ и высшимъ долгомъ.

Въ такомъ духѣ началась бесѣда и въ ресторани, куда всѣ пятеро—имъ почти было по дорогѣ—зашли „на огонекъ“, хотя оставалось немного времени до закрытія.

Ихъ пустили, но буфетчикъ предупредилъ, что въ два часа будутъ тушить лампы. Они ушли въ дальнюю комнату, съ окнами на дворъ, и спросили себѣ закусить и три бутылки пива.

За ѣдой бесѣда перешла сейчасъ же въ горячій споръ.

— Нѣтъ, братъ!—встряхивая своей косматой головой, заговорилъ Деизидеріевъ, тыча вилкой въ воздухъ,—онъ сидѣлъ противъ Шипилина,—ты напрасно увлекаешься такимъ презорствомъ личности.

— Какъ?—смѣшливо переспросилъ одинъ изъ двухъ остальныхъ студентовъ.

— Презрѣство!—повторилъ Деизидеріевъ и отправилъ въ ротъ кусокъ ветчины.—Хорошее слово. Вѣдь мы знаемъ такую проповѣдь, въ другомъ только одѣяніи. Это—этический анархизмъ. Какъ Иванъ Кузьмичъ самъ обмолвился—раскольничья нѣтовщина.

— Вздоръ!—обрѣзалъ его Шипилинъ.—Вздоръ говоришь, Елисей!—Деизидеріева звали Елисеємъ.—Напротивъ, это—самое положительное ученіе. Личность утверждается имъ побѣдоносно. Она не уходитъ въ какую-нибудь нирвану, не томится по всеобщему уничтоженіи, нѣтъ, а гордо поднимаетъ голову и заявляетъ, что въ ней, и только въ ней, весь смыслъ и цѣль жизни.

Шипилинъ необыкновенно быстро схватывалъ то, что онъ слышалъ, хотя бы въ первый разъ, и проникался этимъ, точно онъ самъ—творецъ известной системы или ученія.

— Знаю, братъ,—остановилъ его не сдававшійся семинаристъ,—ты на діалектику мастакъ и сейчасъ все это

и лишь—въ отличномъ видѣ, но ты вникни хоть самую суть такой проповѣди. Къ чему она

именно!—отозвался Мечъ и значительно поглядѣлъ Шипилина.

Онъ и въ квартирѣ студента Туманскаго нѣсколькими короткими замѣчаніями далъ понять, что Кострицынъ его далеко не убѣдилъ.

Спорить съ нимъ Шипилину не хотѣлось. Онъ очень уважалъ его характеръ, но считалъ слишкомъ „прямолинейнымъ“.

— Положимъ, — продолжалъ Деидеріевъ, все сильнѣе напирая на „онъ“, — положимъ, тотъ старый сіятельный гегельянецъ уже обросъ мхомъ. Рѣчь у него отшибаетъ тридцатыми годами; но развѣ, братцы, въ его убѣжденности нѣтъ чего-то достолюбезнаго? Имѣемъ ли мы резонъ смотрѣть съ кандачка на гегельянство, коли мы знаемъ, что изъ его рядовъ вышли такія головы, передъ которыми ты первый шапку ломишь?

— Еще бы!—подтвердилъ Мечъ,—Фейербахъ...

— Знаю!—крикнулъ Шипилинъ.—И Лассаль, и Марксъ, и Прудонъ, и наши всѣ столбы русскаго свободомыслія. Да вѣдь не о томъ идетъ рѣчь, господа, поймите вы это. Князь — типъ уже ископаемый, очень курьезный и даже достолюбезный. Я про него кое-что знаю. Душа у него—превосходная, и опъ давнымъ-давно на дѣлѣ показала, что любить меньшую братію и надѣлалъ ее своимъ достаткомъ по-царски. Но не въ томъ дѣло! Князь сегодня изображалъ собою хоръ старцевъ, поющихъ нѣчто архаическое, въ родѣ вѣры древнихъ въ рокъ, въ греческое „ананкѣ“. Иванъ Кузьмичъ преподнесъ намъ его въ видѣ гегельянской антиноміи. Но суть-то въ самой моральной ереси, которая вась, кажется, болѣе коробить, чѣмъ бы слѣдовало, если вы хотите давать смѣлый ходъ мысли!

— Коробить! Это точно! — подхватилъ Деидеріевъ. — Всякій звѣрь, гасильникъ, извергъ естества, такъ сказать, будетъ, по-своему, правъ... Первый—Неронъ!

— Онъ былъ психопатъ!—возразилъ Шипилинъ.

— Ты мнѣ этого доподлинно не докажешь. По-своему, въ его гнустостяхъ была логика, именно логика личности, которая ничего, кромѣ себя, не знаетъ. У него былъ идеаль,—идеаль великаго артиста и тонкаго сладострастника. Пускай пылаетъ Римъ — для меня это нарочитое

зрѣлище, и я буду стоять на балконѣ и пѣть гимнъ пожару, ибо я поэтъ и артистъ и выше своего эстетическаго я ничего признавать не хочу. Онъ вѣрилъ въ себя какъ въ великаго артиста, иначе бы, бросаясь на мечъ, не крикнулъ: „qualis artifex pereo!“

— Дезидеріевъ! Этотъ примѣръ хорошъ для второклассниковъ.

— Выбери лучше. Ихъ не мало! Ты только раскуси такой возгласъ великаго изверга, и въ минуту смерти... У него совѣсть чиста. Онъ оплакиваетъ въ себѣ тенора, или тамъ баритона, что ли... шутъ его знаетъ, какой у него былъ голосъ!

Шипилинъ хотѣлъ-было пустить, какъ ракету, уже готовое возраженіе, но Мечъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, мალъ его за руку.

— погоди, Николай,—выговорилъ онъ вдумчиво и строго,—Дезидеріевъ сто разъ правъ. Ты только оглянись и всмотрись въ то, что теперь дѣлается. Полюбуйся на разнѣ всякихъ инстинктовъ.

— Въ нихъ, въ этихъ инстинктахъ, сидитъ тварь—по толкованію Ивана Кузьмича, а не творческій духъ.

— Это вилами на водахъ писано,—отозвался такъ же упорно Дезидеріевъ.—Кто будетъ судьей, какія во мнѣ поползновенія заиграютъ, въ данный моментъ—животненныя или духовныя? Поймите, братцы, что Кострицынъ выпалилъ: „Лучше, молъ, быть честно злобнымъ, чѣмъ ступать лбомъ передъ тѣмъ, что приказано признавать идеаломъ!“

— Разумѣется!

— Ты это серьезно?—остановилъ Мечъ Шипилина.

— Архи-серьезно!

— Скользкій путь!—все такъ же вдумчиво выговорилъ Мечъ.

Въ комнату вошелъ лакей и вполголоса сказалъ:

— Извините, господа. Заведеніе закрывать надо.

— Да вѣдь отсюда не видно на улицу!—возразилъ Шипилинъ.

— Нынче строгости большія. Никакъ невозможно. Прикажете подать счетъ?

Надо было расходиться. Они просидѣли бы до пѣтуховъ. Теперь только споръ понадалъ на жгучую почву, и Шипилинъ собирался доказать и имъ, и себѣ, что „нѣтошщина“ Ивана Кузьмича есть, напротивъ, жизненное уче-

ніе, за которое стоит вся исторія челоѣчества, и наука оправдываетъ его своимъ безстрашнымъ разумѣніемъ всемірной борьбы за развитіе.

Комнаты ресторана, выходившія на бульваръ, стояли полусвѣщенныя. Прислуга гасила лампы. Послѣдній полуночникъ, какой-то старичокъ въ военной фуражкѣ, надѣвалъ свою шинель. Кутящихъ компаній не было и никого не привелось выводить.

Студенты кучкой вышли на бульваръ и тамъ же простились.

— Продолженіе впредь, коллега? — крикнулъ Дезидеріевъ Шипилину.

— Когда угодно!

Трое повернули къ памятнику, а Шипилинъ съ Мечемъ отправились по Бронной. Они не жили вмѣстѣ; но сегодня Шипилинъ хотѣлъ переночевать у пріятели—далеко было тащиться домой; на извозчика у него не осталось ни одной копейки.

На тротуары нанесло цѣлые сугробы, и они шагали по рыхлому снѣгу, съ трудомъ высвобождая калоши. Шли они медленно. На одномъ поворотѣ Мечъ остановился и взялъ Шипилина за рукавъ пальто.

— Нѣтъ, Николай,—сказалъ онъ ему тономъ старшаго, хотя и былъ его помоложе,—нельзя вдаваться въ такое... въ такое...

Онъ искалъ слова. Говорилъ онъ туго и съ какимъ-то неуволнимымъ акцентомъ. Происхожденіемъ онъ былъ сынъ русскаго и польки и уроженецъ юго-западныхъ губерній.

— Чего же бояться?—тише и скромнѣе спросилъ Шипилинъ.

— Помилуй! Такая теперь расовая вражда! И каждый патріотъ можетъ тебѣ объявить: я свое великорусское „я“ долженъ развивать всякими средствами. А потому бей, гни въ бараній рогъ, уничтожай въ другихъ расахъ все, что тебѣ противно.

— Развѣ я съ ними солидаренъ, Володя?

— Можно и до солидарности дойти съ такой теоріей.

Они опять двинулись.

— Миѣ дорогъ въ этомъ свобода личности. Самоопредѣленіе.

— Смотри!—задушевымъ звукомъ протянулъ Мечъ.— Не то что ужъ въ лагерѣ хищниковъ... и у насъ въ ауди-

торяхъ забралась постыдная расовая злоба. Надо это, братъ, хоть немножко на себѣ испытать.

Шипилинъ не возражалъ и, нагнувъ голову, замедлилъ шагъ. Они поднимались вверхъ по переулку, гуськомъ.

Все уже спало. На колокольнѣ Страстного монастыря мягко пробило половину третьяго.

XXXI.

— Душка моя! Надо его поддержать. Ты сумѣешь... Право, онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Напон говорила это, прощаясь съ Ниной. Она наклонилась надъ нею, стоя у дивана, и держала ее за обѣ руки.

— Alors... la petite?..

Жестомъ головы Нина дополнила эту фразу.

— Пойми!.. У нихъ все уже было кончено. И вовсе тутъ не отъ любви... Развѣ такія мамзели способны на любовь? А просто она провалилась на сценѣ, и ее газеты скандально разбрали.

— Ты куда же такъ торопишься? — спросила Нина, приподнимаясь.

— Въ тысячу мѣстъ! Прощай!

Звонко поцѣловались онѣ, и Нина пошла ее проводить до первой гостинной.

Она сегодня съ утра чувствуетъ себя вяло, съ легкой головной болью и не можетъ согрѣться.

— Къ намъ ты завтра, это рѣшено? И если не будетъ больше пятнадцати градусовъ, мы опять поѣдемъ на голубяхъ? А?..

— Не знаю,—оттянула Нина.

— Пожалуйста... милая!

И, подумавъ, Напон спросила вполголоса:

— Твой мужъ не будетъ въ претензіи... если ты его съ собой обѣдать не возьмешь? Онъ вѣдь не ревнивъ?

— Не замѣчала до сихъ поръ,—какимъ-то особеннымъ тономъ выговорила Нина и потянула на себя короткую плюшевую накидку съ мѣховой опушкой.

Обидѣться за своего мужа она не расположена была. Но ей съ вечера у Козлишевой даже въ тонѣ ея пріятельницы слышались безцеремонныя ноты. Если бъ та не пріѣхала говорить о Гольцѣ и не просила ее „поддержать его“, она бы дала ей это почувствовать.

— У Закки, кажется, есть какое-то засѣданіе... тотчасъ послѣ обѣда, и ему было бы тяжело.

— Вотъ и прекрасно... Ты сегодня до обѣда дома?

— Я не выѣду.

— Стало, мой Антоша застанетъ тебя?

— Est-ce arrangé?—спросила пострже Нина.

— Онъ, навѣрно, сидитъ у Tonton. Я его пошлю.

— Съ какой стати?

Больше Нина ничего не прибавила.

— Такъ будешь?—порывисто сказала Верховцева и еще разъ поцѣловала ее.

— Хорошо, если не расхворюсь.

— Какой вздоръ! А теперь ступай... Тамъ свѣжѣе.

Верховцева легкимъ шагомъ пошла къ лѣстницѣ. Нина замедленной походкой вернулась въ свой кабинетъ.

Ей въ самомъ дѣлѣ что-то нездоровилось. По спинѣ пробѣгали струйки дрожи. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ ея нервы развинчены, съ той ночи, когда она у князя Иларіона разревѣлась. И послѣ того всю ночь не спала. На другой день ей было стыдно за себя. Старикъ хотѣлъ было опять прочесть ей цѣлую лекцію на тему о „красотѣ“ и „свободѣ“ женщины; но она не допустила. Мужъ спросилъ ее вчера: отчего она „не похожа сама на себя“. Но приставать онъ не сталъ: она его по этой части достаточно воспитала, да онъ и самъ ведетъ себя всегда съ тактомъ и не позволяетъ себѣ никакихъ ненужныхъ выпрашиваній.

У себя въ домѣ ей впервые сдѣлалось прѣсно. Въ тягость и пріемы. Вчера она отдала даже приказаніе никого не принимать. И визиты ее тяготили. Идти гулять—страшный холодъ.

Свѣту было достаточно въ ея кабинетѣ: морозное солнце играло на краскахъ шолковаго панно, зарисованнаго ею. Но взяться за кисть не тинуло.

Съ книжкой въ рукахъ, валялась она подъ своимъ балдахиномъ. И англійскій романъ какой-то „miss“ раздражалъ ее своей слащавой правоучительностью.

Ничего-то не понимаютъ эти дѣвы въ страсти. У нихъ и мужчины-то точно пряники, обмазанные сахаромъ. Разбираютъ по ниточкѣ душевныя побужденія влюбленныхъ паръ, и такъ-то это безвкусно, наивно или фальшиво!

Вернувшись къ себѣ, Нина опять взяла томикъ Таушницова изданія и стала пробѣгать страницу, гдѣ героиня,

по пунктамъ, разбираетъ, имѣетъ ли она право полюбить какого-то молодого студента теологіи, который нравится ей подругѣ.

— Quelle cruche!

Она бросила книжку на диванъ.

И третьяго дня, и вчера, и особенно сегодня она испытываетъ небывалое еще одиночество. Во всемъ этомъ домѣ съ однимъ княземъ Иларіономъ она еще чувствуетъ какую-то связь. Лучше сказать, могла бы чувствовать... Но онъ слишкомъ чуждаковатъ, говорить Богъ знаетъ какимъ языкомъ, витаетъ въ „эмпирияхъ“, не въ состояніи понять того, что въ ней бродить.

Да она и сама больше не станетъ съ нимъ откровенничать. Такой чужакъ способенъ завести объ этомъ какой-нибудь неловкій разговоръ при мужѣ.

Она не желаетъ, прежде всего, чтобы у Захара Лукьяновича былъ хоть малѣйшій поводъ вторгаться въ ея душу.

Вотъ это-то нежеланіе и показало ей, такъ отчетливо только теперь, до какой степени формальна ихъ супружеская жизнь. Она знаетъ, къ чему стремится онъ, какое желаетъ со временемъ занять положеніе. Въ этомъ она его тайно руководила до сихъ поръ. Но сама-то она, развѣ она способна жить только честолюбіемъ Захара Лукьяновича? Для нея необходимо было вытянуть его въ особы четвертаго класса съ придворнымъ званіемъ. Ну, добьются они этого взаимными усиліями.

Все-таки онъ—купчишка, выскочка, а она—вышедшая за разночинца княжна, взятая за красоту и таланты. Не меньше десяти лѣтъ нужно убить на то, что мужъ изъ ея общества имѣлъ бы сразу. И губернаторшей она будетъ себя чувствовать такъ же одиноко.

У нея нѣтъ личной жизни—вотъ что въ эти дни выяснилось ей и начинается засасывать! Ничего подобнаго она еще не подмѣчала въ себѣ.

О баронѣ Гольцѣ она не хотѣла думать,—рѣшила, что онъ „un palefrenier bête“, самаго дурного тона, избалованный интригами „Богъ знаетъ съ кѣмъ“.

Ея мужъ первый, три дня назадъ, сообщилъ ей про газетную сплетню объ опереточной акрисѣ и заѣзжемъ гвардейцѣ-баронѣ. И на попытку Липы на самоубійство былъ намекъ въ одной газетѣ.

Это ее странно взволновало. Гольцъ какъ бы выросъ

въ ея глазахъ, хотя она, на словахъ, способна была бы говорить о немъ какъ о пошлякѣ, о бездушномъ, грязномъ развратникѣ.

Визитъ Верховцевой показался ей чѣмъ-то подстроеннымъ. Гольцъ хочетъ, стало-быть, выставить себя въ другомъ свѣтѣ? Напоп увѣряла ее, что его поведение во всей этой исторіи—самое порядочное.

Она хотѣла-было крикнуть:

— Да мнѣ-то какое дѣло!

Теперь она возбужденно перебираетъ въ головѣ: въ чемъ же тутъ настоящее дѣло? Она чувствуетъ, въ то же время, что ей пріятно сознавать свое нравственное превосходство надъ нимъ. У ней на совѣсти и въ репутаціи нѣтъ ничего похожего на такую, во всякомъ случаѣ, скандальную исторію.

Какъ бы газеты ни сплетничали и ни выдумывали всякіе пасквили, но вѣдь она и безъ газетъ знаетъ, что у него была связь. Эффектная брюнетка въ томъ гарнѣ, гдѣ живетъ ея тетка,—его возлюбленная.

Самый этотъ фактъ не колетъ ее въ сердце.

„Значить, я къ нему равнодушна?“—спрашиваетъ она себя.

Но она не можетъ отвѣтить: „да, значить!“

Ей вѣрится, что онъ дѣйствительно покончилъ съ той, и, быть-можетъ, покончилъ разомъ, послѣ обѣда у Верховцевыхъ и катанья въ паркъ.

Развѣ его небрежно-пріятельскій тонъ съ нею не могъ быть маской, желаніемъ перехитрить? Такія натуры—полунѣмецкія, полурусскія—по доброй волѣ не сдадутся, а сначала продѣлаютъ разные опыты съ собой и съ любимой женщиной.

Она улыбнулась и, сидя на диванѣ, раскинула широко руки поверхъ подушекъ и сладко потянулась.

Потомъ взглянула на свой туалетъ. Плюшева накладка, по цвѣту, шла къ ней; но пенъюаръ ей надобѣ.

Надо надѣть другой, только что сшитый *à la ville de Lyon*... въ видѣ мѣшка или кружевной рубашки. Въ томъ у ней удивительны линіи тѣла.

Ина позвонила своей камеристкѣ и отдала ей приказъ сейчасъ же достать новый пенъюаръ.

Какъ она себя ни настраивала на равнодушный пріемъ гостя, но въ ней зажглось сладкое охотницкое чувство.

Передъ ней всплыла картина медвѣжьихъ тушъ на искристомъ снѣгу, на дворѣ Верховцевыхъ.

Такъ же взвинтить себя долженъ былъ и баронъ, когда, стоя на опушкѣ лѣса, ждалъ появленія страшной медвѣдицы.

Если ей, блистательной Нинѣ, отказывать себѣ въ такомъ „спортѣ“, то какой же женщиной, въ московскомъ обществѣ, онъ больше присталъ? Неужели послѣ шести лѣтъ такой безупречной жизни съ Захаромъ Лукьяновичемъ Кумачевымъ не имѣть... „la plus petite toquade“?—добавила она французскимъ терминомъ.

Она не испугается, если это будетъ и настоящая „toquade“—природа надѣлила ее хорошей головой.

Чего другого, но головы она не потеряетъ до самозабвенія. Закружится голова... быть-можетъ... Это было бы для нея неизвѣданное ощущеніе. На горныхъ обрывахъ въ Швейцаріи у ней голова никогда не кружилась.

Камеристка доложила, что платье готово. Нина уже другой походкой перешла въ свою уборную и начала туалеть, точно она ѣдетъ на балъ, съ тѣхъ „dessous“ изъ батиста и кружевъ, которыми она вообще отличалась отъ всѣхъ женщинъ ея круга. Все было надѣто подъ цвѣтъ пенюра.

Причесала ее камеристка заново, не такъ, какъ она была причесана съ утра.

Передъ трюмо Нина, оставшись одна, долго стояла, оглядывая себя и прямо, и вбокъ.

Кружевной фартукъ придавалъ ей странный видъ дѣвочки огромнаго роста. Но этотъ покррой имѣлъ въ себѣ что-то неожиданное и располагающее.

Лакей постучалъ въ дверь изъ кабинета. Въ первый разъ она не разслыхала — что-то въ головѣ ея ронлось. Глаза ея стали болѣе темными и по щекамъ разлился тонкій румянецъ.

Стукъ раздался во второй разъ. Она откликнулась, зная, что ей доложить, и вышла въ кабинетъ.

— Прикажете принять—баронъ Гольцъ? Барина нѣтъ—они приказали вамъ доложить.

— Проси! — приказала она суховатымъ звукомъ, медленно подходя къ дивану, гдѣ и легла съ ногами, прилонившись къ подушкамъ спиной.

XXXII.

— Здравствуйте, баронъ,—встрѣтила она его по-русски. Его французскій языкъ ей не нравился.

Гольцъ подошелъ твердымъ военнымъ шагомъ и щелкнулъ шпорами.

Не протягивая руки первый, онъ сдѣлалъ низкій поклонъ головой.

„То-то, — сказала Нина про себя, — такъ-то лучше будетъ“.

И подала ему правую руку, только наполовину прикрытую кружевнымъ рукавомъ пеньюара.

— Садитесь. Расскажите, какъ вы поживаете?

Она взяла, по-русски, его тонъ—небрежный, немножко безперемеженный.

Какъ онъ ни выдерживалъ характеръ всю послѣднюю недѣлю, но исторія съ Липой дѣлала то, что ему стало рѣшительно неловко бывать въ свѣтѣ. Наполеонъ сказала ему третьяго дня:

— Да что же вы это, Антоша, глазъ не кажете къ Нинѣ? Развѣ такъ можно?

Онъ ей первой сталъ говорить о своемъ „неказистомъ“ положеніи. Ни на какой дальнѣйшій скандалъ онъ не пойдеть. Газетчика ни бить, ни вызывать не будетъ, не станетъ и у Липы просить прощенія послѣ того, какъ она такъ дерзко, при постороннихъ, выпроводила его.

Будь тамъ мужчины — они бы поняли, какъ надо, эту выходку полубезумной женщины, рѣшившейся на самоубійство отъ своего дьявольскаго самолюбія. Мотива ревности и любви онъ не допускалъ. Охлажденіе произошло взаимное.

Но тамъ были на бѣду — „бабы“. Онъ всѣ на одинъ ладъ въ любовномъ дѣлѣ: сначала „лѣзутъ“, потомъ производятъ „гадости“. Отъ нихъ пойдутъ опять по городу самыя презрѣнныя сплетни. Для нихъ онъ прежде всего бездушный развратникъ, человѣкъ безъ стыда и совѣсти, получившій достойное возмездіе отъ любимой женщины: его прогнали съ позоромъ.

И все имъ надо прощать! Потому что онъ „шалый“.

Такъ чувствовалъ онъ до вчерашняго дня. Но его мысль повернула, неожиданно и для него самого, въ сторону Нины. Почему онъ такъ сухо и небрежно повелъ себя съ этой красивой и воспитанной барыней?..

Развѣ она „лѣзла“ къ нему? Въ чемъ же это сказалось? Неужели онъ такой пошлый фатъ? Навѣрно, будь Кумачева его пріятельница, — просто пріятельница, безъ обязательнаго ухаживанья, — она бы давнымъ-давно помогла ему раздѣлаться съ Липой безъ всякой скандальной исторіи.

У Нины открытый домъ. Она навѣрно умнѣе и терпимѣе другихъ „бабъ“. Кто ихъ знаетъ! Можетъ-быть, иная такую при всѣхъ скорчитъ физиономію, когда пріѣдешь къ ней съ визитомъ, что впору будетъ провалиться на мѣстѣ.

Только сѣвъ на низкомъ стульчикѣ, Гольцъ оглядѣлъ Нину боковымъ взглядомъ. Ея туалетъ привелъ его сначала въ нѣкоторое недоумѣніе. Казалось, точно она въ кружевномъ мѣшкѣ.

„Что же это?—спросилъ онъ себя.—Развѣ нынче такъ носить?“

Но если она надѣла,—значить, это модно и совершенно прилично.

Легкій румянецъ даже пробрался на его щеки, поблѣднѣвшія въ послѣдніе дни.

На нее можно было заглядѣться въ этомъ „мѣшкѣ“, съ полуоткрытой шеей и руками и съ блѣдно-голубоватыми чулками, которые, вмѣстѣ съ туфлями, выглядывали изъ-подъ борта пеньюара, скроеннаго довольно высоко.

Лицо ея смотрѣло разсѣянно, но не надменно.

Такой женщиной онъ обязанъ, передъ самимъ собою обязанъ, показать всю свою порядочность. Она пойметъ!

— Вы ѣздили опять на охоту, баронъ?—низкой музыкальной нотой протянула Нина и кистью руки стала играть бахромою одной изъ японскихъ подушекъ.

Глаза она полузакрѣла рѣсницами и лицо ея выходило отъ этого гораздо добрѣе и привлекательнѣе.

— Нѣтъ, я не двигался изъ Москвы.

„Вѣдь она же все знаетъ! — подумалъ онъ тотчасъ же послѣ своихъ словъ.—Такъ я не хочу!“

— Нина Борисовна, — продолжалъ онъ и опустил голову, не глядя на нее, — вы со мной не хитрите. Вамъ извѣстна, разумѣется, вся эта глупая исторія.

Тутъ только онъ поднялъ на нее глаза.

Взглядъ его былъ открытый и пріятельскій, немножко смущенный. Она его не ожидала.

— Ахъ, Боже мой!

Нина повела въ воздухѣ рукой и подалась къ столику бюстомъ. Изъ-подъ кружевной пелены линіи ея гибкаго стана волнисто колебались.

Баронъ не сразу отвелъ отъ нея взглядъ.

— Однако,—серьезнѣе возразилъ онъ,—никто не знаетъ настоящей правды. Вотъ у насъ съ вами общіе друзья... Nanon и Tonton... Но и онѣ, изъ деликатности, стѣсняются.

— Помилуйте, баронъ, зачѣмъ же?

— Не зовите меня такъ!

Онъ подоdvинулъ стульчикъ къ дивану и сѣлъ въ позу, располагающую къ простому, искреннему разговору.

— Почему?—веселѣе вскричала Нина и показала свои бѣлые зубы.

— Это мнѣ напоминаетъ моветонныя выходки особы... изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся.

Какъ всѣ почти полунѣмцы, Гольцъ любилъ народныя поговорки.

— Помните,—заговорила Нина все еще съ опущенными рѣсницами,—когда мы возвращались изъ парка, я васъ спросила объ одной брюнеткѣ, оттуда, изъ гарнѣ, гдѣ живетъ моя тетка Акридина?

— Да, да! — совсѣмъ простымъ звукомъ отозвался Гольцъ.—Знаете, я всегда держался такого правила насчетъ женщинъ. Молчокъ!

— А теперь развѣ не держитесь?

— Конечно... и теперь... И вѣрьте мнѣ, — понизилъ онъ голосъ,—я не заикнулся бы ни о чемъ, если бъ не желаніе...

Онъ смущенно не договорилъ.

— Если бъ не желаніе,—досказала она за него,—показать себя мнѣ въ другомъ свѣтѣ.

Тутъ только она подняла на него глаза и прошла по немъ медленнымъ взглядомъ.

Онъ похудѣлъ; усы казались длиннѣе, красиво разрыленные къ концамъ; въ глазахъ было больше выраженія, и чистота профиля выдѣлялась сегодня еще явственнѣе. Его тонъ подкупалъ ее. Вѣдь онъ, въ сущности, принесъ повинную. Зачѣмъ же продолжать быть съ нимъ сухой?

„Пускай попрыгаетъ!“—злобно вскричала она про себя, и ей захотѣлось выместить на немъ все то, что она испы-

тала—цѣлую недѣлю, всего же больше вечеръ у Козлишевой и свой „ревъ“ у князя Иларіона.

— Вы такая умница, — слышался ей голосъ Гольца, — всѣмъ точно другой, отъ котораго по ней проходили сладкія мурашки, — вы все поймете... Я не святой... Въ провинціи такія встрѣчи ведутъ скорѣе къ связи, — онъ сталъ говорить спокойно. — Никакихъ клятвъ не было ни съ той, ни съ другой стороны. Здѣсь я, по приѣздѣ, далъ понять, что не желаю, ни подъ какимъ видомъ, вмѣшиваться въ разныя дразги по театру. Больше ничего и не было... Остальное — дѣло господъ пасквилянтовъ.

— Но ее, кажется, очень оскорбили? — тихо спросила Нина.

„Повертись, мой милый!“ — добавила она про себя.

— Дѣйствительно... Замѣтка была мерзкая. Но скажите, ради Бога, Нина Борисовна!.. Зачѣмъ я пойду въ редакцію бить фельетониста? Я бить никого безнаказанно не желаю. И вызвать его я отказался наотрѣзъ... Даже и послѣ того, какъ онъ позволилъ себѣ назвать меня барономъ.

Губы Гольца сложились въ улыбку искренняго презрѣнія. Онъ всѣмъ своимъ существомъ показывалъ, что баронъ Гольцъ не можетъ вызывать какого-то презрѣннаго газетчика.

Нина это почувствовала, и его натура стала выясняться передъ нею, какъ нѣчто цѣльное и сильное и въ вопросахъ поведенія. Не одной смѣлостью на медвѣжьей охотѣ бралъ этотъ породистый гвардеецъ. Онъ не можетъ быть трусомъ и не изъ боязни не послалъ онъ вызова пасквилянту.

Не захотѣлъ онъ и унижать себя побоями, дракой, гдѣ бы то ни было, въ редакціи или въ публичномъ мѣстѣ. Онъ слишкомъ высоко себя ставитъ.

Ей сдѣлалось не то что жаль его — жалостью она бы его обидѣла, а какъ бы совѣстно: она способна была, еще сегодня утромъ, считать его пошлякомъ, тогда какъ это настоящій „мужчина“. Онъ шелъ на тяжелое испытаніе, способенъ былъ лучше перенести афронть грязной сплетни, чѣмъ поступить не по своимъ правиламъ.

Ея „Закки“ тоже, по-своему, характеръ; но какая же разница: тотъ, попади онъ въ точно такую исторію, навѣрно повелъ бы себя... какъ...

„Какъ амбиціозный купчишка!“—вдругъ вырвалось у ней мысленно, и она себя не поправила.

— Вы были правы,—выговорила она и протянула ему руку.

Гольцъ взялъ ее и почтительно приложился къ ней губами.

— Но, стало, вы ее не любите?—спросила Нина, оставляя свою руку въ его рукѣ.

— Какая же любовь!

Онъ слегка повелъ плечами.

Руку она высвободила.

— Неужели, — спросилъ онъ, вздрагивая, — каждая встрѣча обязываетъ мужчину къ любви? Насъ часто обвиняютъ въ предательствѣ... Кричатъ, что мы циники, обманщики. Но чѣмъ же, иной разъ, виновать человѣкъ?..

На губахъ у него была его обычная фраза:

„Если бабы лѣзутъ“.

— Конечно, — одобрила его Нина. — Наивно считать однѣхъ женщинъ жертвами! Il y a parmi nous des coquines.

— Я не скажу этого... про ту барыню. Нѣтъ... Она психопатка... Бывшая нигилистка.

— Такая способна подстроить вамъ какую-нибудь новую гадость.

— Я не боюсь.

— Ея покушеніе, быть-можетъ, комедія?—живо спросила Нина, и ея щеки быстро зарумянились.

— Не думаю...

— Вы у пей были? Послѣ ея... ескараде?

Вопросъ этотъ былъ бы безтактенъ, но онъ зазвучалъ у ней молодой, искренней нотой.

— Былъ.

Онъ рассказалъ бы ей и какъ Липа приняла его.

— Она этого не стоить! Вы, право, слишкомъ добры!

Гольцъ наклонилъ голову, въ видѣ поклона, и опять рука Нины протянулась къ нему.

Другой бы, пожавъ, сталъ цѣловать ее. Но его удерживало, такъ ей казалось, стыдливое чувство, высшая порядочность.

Въ ней точно что вспыхнуло въ груди, пришлось огнемъ по плечамъ и отдалось даже въ пальцахъ. Она и хотѣла бы отвести отъ него глаза, но продолжала смотрѣть долго,

съ томленіемъ, ей до того неизвѣстнымъ. Въ глазахъ точно блеснули слезинки. Въ груди сперлось дыханіе.

— Вы—славный!—съ дрожью въ голосѣ проронила она и, какъ въ туманѣ, приблизила свое лицо, а свободной рукой обняла его за шею и поцѣловала въ лобъ.

Черезъ секунду ея алыя, трепетныя губы уже искали его губъ и замерли въ поцѣлѣхъ...

XXXIII.

Въ сумерки Ида, все еще захваченная своими заботами о Липѣ Угловой—той было уже гораздо лучше,—наскоро одѣлась и поѣхала, въ извозчичьихъ саняхъ, отыскивать Елену.

Около недѣли Акридина не возвращалась домой.

Всякая другая, на ея мѣстѣ, могла бы найти, что это выходить за предѣлы всякаго приличія для молодой еще женщины, съ общественнымъ положеніемъ Акридиной, если бѣ она не знала, по короткимъ запискамъ Елены, какъ та живетъ у Боярцевыхъ.

Вчера, посылая за своими вещами, Елена писала ей:

„Мать Романа Денисовича очень опасна. Я провожу около нея всѣ ночи. Завтра ожидается переломъ болѣзни. Она страдаетъ, но духомъ бодръ. Это необычайная натура по кроткому мужеству. Ахъ, Ида, я была бы счастлива, если бѣ не его горе... Но оно-то и сблизило насъ.

„Такъ хочется тебя обнять, милая! Но когда попаду къ тебѣ? Развѣ ты завернешь на минутку?“

Записка дышала почти радостью, несмотря на то, что въ ней стояло объ опасности для Боярцева лишиться матери.

И она, когда-то, знала точно такой же безсознательный эгоизмъ любви. Тогда все, вплоть до крушенія міра, было благословенно, лишь бы оно вело къ сближенію съ нимъ.

Изъ двухъ женщинъ, Елену считала она теперь счастливѣе Липы Угловой. Та пошла на самоубійство не изъ-за отвергнутой любви, а изъ другого оскорбляющаго чувства.

Ѣхала она къ Еленѣ и не боялась никакого внезапнаго огорченія, что бы ни случилось у Боярцева. Умри мать его—все равно они сошлись бы и еще болѣе сойдутся. Его сиротство, ея порывъ спасти для него мать—сдѣлаютъ то, что не могли дать ихъ споры о принципахъ.

Тихонько позвонила Ида на крыльцѣ дома, показавшагося и ей чрезвычайно похожимъ на характеръ самого Боярцева.

Ей отворилъ человѣкъ съ очень грустнымъ лицомъ и посмотрѣлъ на нее строго.

— Вамъ кого угодно?

— Елену Константиновну Акридину можно видѣть?

— Объ васъ какъ доложить? Онѣ тамъ, у барыни. Принимать никого не приказано.

Ида дала свою карточку.

Человѣкъ ушелъ. Она сняла шубу—въ передней было очень натоплено—и своимъ беззвучнымъ шагомъ проникла въ залу.

Тишина стояла полная. Кромѣ боя часовъ—ни единого звука.

Въ полуотворенную дверку, выходившую въ коридоръ, доносился запахъ лѣкарствъ изъ спальни, помѣщавшейся въ концѣ.

Опаснымъ больнымъ дышала эта замершая городская усадьба.

Идѣ пришлось ждать нѣсколько минутъ. Сначала въ дверь показалось старое лицо и тотчасъ же исчезло; но она успѣла замѣтить его: это была нянька Ульяна.

Раздались и шаги Елены. Она выбѣжала къ ней совсѣмъ непричесанная, съ шелковой косыночкой, надѣтой на головѣ, и въ суконной кофточкѣ. Лицо было совсѣмъ землистаго цвѣта.

— Ты спала? — спросила ее Ида, уводя въ дальній уголъ.—Прости...

— Немножко прилегла... Милая! Ида!

Елена обняла ее крѣико-крѣпко и припала головой къ ея плечу.

— Ты счастлива?—шопотомъ спросила Ида.

— Не знаю... Но онъ такъ страдаетъ.

— Старуха опасна?

— Очень! Вчера провела она ужасную ночь. И онъ не ложился. Сегодня утромъ былъ консилиумъ. Даже мнѣ никто не сказалъ правды. Она постоянно бредитъ. Температура поднялась до сорока и двухъ десятыхъ.

Ида покачала головой.

— Но надежда есть... Мнѣ она не кажется при смерти... Разумѣется,—продолжала Акридина, впадая въ свой болѣе задорный тонъ,—медицинскія свѣтила бросили ни-

чего незначашее слово: „кризисъ“! Оно еще болѣе смутило его. Я его упростила проѣхаться... Послала его самого въ аптеку за одной вещью. Надо аппаратъ достать. Насилу согласился.

— На что ты похожа!—остановила ее Ида и привлекла къ себѣ.—Ты сама заболѣешь!

— Это ничего! Развѣ теперь можно заботиться о себѣ, о своей наружности? Онъ выше всего этого!—почти восторженно воскликнула Елена.

— Иди, иди спать! Я на минуту! Только взглянуть на тебя... У насъ тамъ много новаго; но объ этомъ послѣ... Пришли мнѣ депешу, какъ пройдетъ кризисъ.

Елена еще разъ крѣпко обняла ее и не удерживала. Она еле стояла на ногахъ и, какъ только проводила Иду, разбитой походкой пробралась по коридорчику въ свою комнату, съ окномъ на дворъ.

Это была когда-то дѣтская. Теперь въ нее поставили кровать и умывальный столъ. Два шкапа дѣлали ее еще тѣснѣе. Сюда она забѣгала поспать часъ, много два, не раздѣваясь, умыться, переѣмнить бѣлье.

Елена, какъ была, кинулась на кровать и закрыла глаза. Но тотчасъ же ее замозжило желаніе узнать, какъ чувствуетъ себя Татьяна Егоровна. На цыпочкахъ проскользнула она до крайней двери и, задерживая дыханіе, приотворила дверь.

Няня Ульяна сидѣла по-сю сторону ширмъ, раздѣлявшихъ спальню на двѣ неравныя половины.

Она визала чулокъ. Елена сочла это добрымъ знакомъ.

— Нянюшка!—окликнула она ее чуть слышно.

Ульяна поднялась и вышла къ ней въ коридоръ.

— Какъ Татьяна Егоровна?

— Забылись. Сначала все что-то говорили... Нараспѣвъ этакъ и не по-русски, а потомъ, вотъ какъ вы тамъ въ залѣ сидѣли, я по дыханію догадалась, что почиваютъ.

— И безъ бреда?

— Безъ бреда.

— Это отлично!

У ней такъ стало на душѣ свѣтло и молодо, что она, въ первый разъ, обняла Ульяну и поцѣловала ее въ лобъ.

— Я пойду, сосну.

— Измаялись вы, какъ же не соснуть!

Ульяна, въ первые дни, поглядывала на нее довольно сурово, зачужавъ въ ней „барышню“, имѣющую виды на

ея питомца, Романа Денисовича. Усердіе Елены проняло ее, и она, почему-то, убѣдила себя въ томъ, что эта „барышня“ приходится господамъ ея дальней родственницей. Елену она продолжала считать не замушной, а дѣвицей, „подлѣточкомъ“.

Вернувшись въ свою комнатку, Елена, съ спокойной совѣстью, разрѣшила себѣ часа два сна.

Глаза сами собой сомкнулись, и она, по своей еще дѣвичьей привычкѣ, свернулась на правый бокъ и тотчасъ же просунула руку подъ верхнюю подушку.

Но сонъ не сразу захватилъ ее. Отъ большой усталости возбужденіе не сразу успокоилось, и голова, послѣ свиданія съ Идой, заиграла ярко и стремительно.

Вѣра въ свой характеръ, въ волю, не знавшую до сихъ поръ преградъ, охватила ее. Вѣдь вотъ она въ ея домѣ! Не случись опасной болѣзни Татьяны Егоровны, она воспользовалась бы чѣмъ-нибудь другимъ.

И ей кажется, что она у себя дома. Эта дѣтская комната точно давнымъ-давно ея спальня. Весь его домъ сталъ ея домомъ, и она не уйдетъ изъ него одинокой, съ разбитымъ сердцемъ, съ обидой женщины, которую не *хотятъ* полюбить.

Они уже какъ родные, какъ братъ и сестра. И когда же тутъ спорить и воевать изъ-за идей и мнѣній у постели умирающей матери? Онъ смирился, тронуть до слезъ ея беззавѣтной преданностью. Если онъ не изливается, то этому мѣшаетъ его сдержанная, цѣломудренная натура. Да и къ чему тутъ изліянія? Такъ, безъ фразъ и возгласовъ, чувство его крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ.

Она весь день передъ нимъ, Богъ знаетъ какъ одѣтая, плохо причесанная, съ испытаннымъ отъ бессонницы лицомъ. И не думаетъ объ этомъ,—знаетъ, что виѣшность для него не существуетъ. А душа его уже задѣта. Въ голосѣ, въ малѣйшемъ словѣ, обращенномъ къ ней, звучитъ ласка, признательность, если не преклоненіе передъ нею.

И какъ ей кажется нелѣпъ ея недавній задоръ! Съ какой стати препираться, выставять напоказъ свой радикализмъ? Развѣ нѣтъ примѣровъ пылкой любви между мужьями и женами двухъ враждебныхъ религій? Они не дѣлаются ренегатами и любятъ другъ друга до гробовой плиты.

Елена прислушивалась къ безмолвію дома. Изъ спальни

ни одного шороха. Значить, Татьяна Егоровна почиваетъ безъ бреда.

„Кризисъ!“—мысленно выговорила она, и что-то зловѣщее послышалось ей въ этомъ докторскомъ словѣ.

Стало, сегодня, когда докторъ пріѣдетъ послѣ обѣда, будетъ рѣшено—жить Татьянѣ Егоровнѣ или нѣтъ.

Онъ лишится матери? Но она тутъ, при немъ. Его горе еще неудержимѣ толкнетъ ихъ другъ къ другу.

На этомъ Елена заснула крѣпко, и безъ малѣйшихъ сновидѣній, какъ трупъ, лежала на узкой постели, все еще свернувшись на-бокъ.

Совсѣмъ темно было въ комнатѣ, когда она, не сознавая ясно, гдѣ она и который часъ, раскрыла глаза и начала смотрѣть въ темноту.

За дверью слышались заглушенные ковромъ шаги. Кто-то говорилъ, голосъ былъ скорѣе мужской.

Она сейчасъ же поднялась, точно ее обрызнули свѣжей водой, и слово „кризисъ“ заиграло въ ея головѣ зловѣще и ярко, какъ огнерасная точка на черномъ фонѣ.

Въ коридоръ свѣтъ проникалъ съ двухъ концовъ—изъ спальни и изъ залы.

Разговоръ вполголоса слышался въ залѣ.

Почти бѣгомъ очутилась тамъ Елена.

Старичокъ-докторъ, давнишній врачъ дома, что-то говорилъ Роману Денисовичу, держа его за руку.

Они двигались мелкимъ шагомъ къ двери въ переднюю.

У ней достало духу подойти къ нимъ и прямо спросить:

— Что, докторъ, какъ?

— Слава Богу! — отвѣтилъ тотъ, подавая ей руку, — встанетъ Татьяна Егоровна.

— Встанетъ?—подтвердилъ Боярцевъ, и глаза его, съ дѣтскимъ выраженіемъ радости, стали вдругъ влажны.

— Непремѣнно!

Возгласъ доктора остался у ней въ ушахъ. И она такъ обрадовалась, что тутъ же опустилась на стулъ подчасами.

— Елена Константиновна!

Окликъ Боярцева заставилъ ее встать.

— Голубушка! Вы ее спасли, больше науки!

Онъ взялъ ее за обѣ руки. Елена вся дрожала и, не высвобождая рукъ, глядѣла на него глазами, совсѣмъ бастерянными отъ радости.

— Вы!—повторилъ онъ и поцѣловалъ ея правую руку. Всѣ свои силы должна была она собрать, чтобы не упасть ему на грудь.

XXXIV.

Въ кабинетѣ Романа Денисовича лампа горѣла на письменномъ столѣ. Только что пробило семь.

Онъ что-то писалъ, низко наклонившись надъ листомъ бумаги.

На лицѣ его, похудѣвшемъ за послѣдніе дни, уже не было напряженія страха и горечи. Мать его третій день въ опасности, только еще страшно слаба. Онъ упросилъ Елену Константиновну вернуться домой и отдохнуть... Съ трудомъ она согласилась; но и теперь навѣщаетъ ихъ по два раза на дню.

Слабымъ голосомъ мать его благодарила Акридину и даже заплакала.

Сегодня утромъ, когда сынъ вошелъ къ Татьянѣ Егоровнѣ, она взяла его за руку и тихо спросила:

— Она нравится тебѣ?...—И прибавила еле слышно:— Неужели она невѣрующая?

Боярцевъ ничего не отвѣтилъ. Вопросъ кольнулъ его. Не дальше, какъ вчера, когда служили въ залѣ благодарственный молебенъ, Елена Константиновна вошла въ залу и простояла до конца службы.

Но Боярцевъ хорошо замѣтилъ, что она не крестится. Только лицо у ней было съ выраженіемъ теплой радости.

Развѣ она можетъ превратиться, въ нѣсколько дней, изъ „свободной мыслительницы“ въ женщину, исполненную религіознаго завѣта, незапятнаннаго никакимъ лжеученіемъ?

Конечно нѣтъ! Но въ сердцѣ женщины всегда теплится вѣра, чѣмъ бы она ни была пріодѣта, каковъ бы ни былъ налетъ тлетворной игры въ невѣріе. Всѣ задатки любящей и великодушной натуры въ ней на-лицо. И какъ будто нельзя сочетать вѣру съ знаніемъ, которое не боится откровенія? Имена великихъ ученыхъ, оставшихся до гроба благочестивыми, напрашиваются сами на уста.

Такъ думалъ онъ, оставшись одинъ, передъ отходомъ ко сну. Съ такими же мыслями проснулся и теперь.

Подползи къ нему подозрѣніе: да полно, не изъ чувственнаго ли влеченія къ мужинѣ она выказываетъ лю-

блещущую душу христіанки, хотя и не принадлежить еще къ церкви!—онъ бы отогналъ его.

Слишкомъ явную симпатію къ нему этой женщины онъ не могъ не распознавать и уже платилъ ей теплой дружбой.

Съ тѣхъ поръ, какъ у кровати умирающей матери они сливаются въ одномъ чувствѣ—какъ-то дико было бы имъ спорить: ей—нападать на его „лампадное масло“; ему—уличать ее въ желаніи играть тщеславную роль, въ измѣнѣ духу своей земли, ея вѣрѣ и народной исторіи.

Вотъ и теперь, онъ пишетъ въ Петербургъ своему пріятелю и во многомъ учителю—Угличеву, даровитому защитнику его взглядовъ и упованій, и развиваетъ ему, въ письмѣ, идею высокой обязанности каждаго сѣять истину путемъ любовнаго единенія—на почвѣ высшей челоуѣчности.

Щеки его разгорались, по мѣрѣ того, какъ онъ усердно, движеніемъ руки, подходилъ къ концу письма.

Письмо было дописано и запечатано.

Боярцевъ прислушался. По деревянной лѣстницѣ кто-то поднимался—медленно и тяжело. Старыя половицы поскрипывали.

„Неужели мама?“—почти испуганно подумалъ онъ.

Этого быть не можетъ. Татьяна Егоровна еще слишкомъ слаба, чтобы встать и подняться наверхъ.

Да и шаги—мужскіе, со скриномъ сапогъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ двери. На площадкѣ было темно.

— Кто это?—тихо спросилъ онъ.

— Не ждали?—отвѣтилъ ему глухой, синоватый голосъ, который онъ не сразу узналъ.

— Иль не узнали?

— Ахъ, Боже мой! Это вы, Дементій Саввичъ. Милости прошу! Позвольте вамъ посвѣтить.

Поспѣшно взявъ онъ со стола лампу и освѣтилъ площадку.

Держась крѣпко за перила, поднимался мужчина, такого же большого роста, какъ Боярцевъ, сѣдой. Испитое, бурое лицо и безпорядочная борода дѣлали его наружность суровой и жуткой по впечатлѣнію на всякаго свѣжаго челоуѣка. Морщинистый лобъ утолщался надъ густыми щетинистыми бровями. Небрежно одѣтый въ сѣрую пару, онъ носилъ на шеѣ шелковый шейный платокъ поверхъ галстука.

Боярцевъ не ждалъ этого визита. Опъ слышалъ, что Козьминъ съ начала зимы болѣеть, и ему стало немного совѣстно, что онъ, до болѣзни матери, не удосужился навѣстить его.

Ихъ познакомили въ прошломъ году Угличевъ — тотъ самый пріятель и единомышленникъ, къ которому онъ сейчасъ писалъ.

Козьминъ, съ неизлѣчимой болѣзнью печени, доживаетъ въ Москвѣ, послѣ долгихъ странствій по Востоку, славянскимъ странамъ и русскимъ окраинамъ, и страстной защиты въ печати своихъ „устоевъ“.

— Благодарю!.. Свѣту довольно! Задохнулся совѣмъ!

Наверху онъ съ трудомъ отдышался.

— Не ждали?—повторилъ Козьминъ, и его возбужденный крутой взглядъ прошелся по всей фигурѣ Боярцева.

— Присядьте, присядьте, Дементій Саввичъ... Я къ вамъ собирался, да болѣзнь матушки...

— Слышалъ.

Въ кабинетѣ Козьминъ сейчасъ же опустился на мягкій диванъ и болѣзненно поморщился, взявшись за бокъ.

— Опасна была? Приобщали святыхъ тайнъ?—спросилъ онъ тономъ суроваго монаха.

— Думали па-дняхъ. До кризиса была больше въ бреду.

— Это ничего. Развѣ наше сознание что-нибудь значитъ? Послѣ того и младенцевъ не слѣдуетъ допускать до прінятія Святыхъ Тайнъ!

Боярцевъ ничего не возразилъ. Козьмина онъ считалъ глубоко вѣрующимъ; но не могъ слѣдовать за нимъ до крайнихъ выводовъ изъ его „первоосновъ“.

— А я, какъ разъ, кончилъ письмо къ Угличеву,—сказалъ онъ ласково, подсаживаясь къ нему на диванъ,—и говорилъ о васъ. Вы вѣдь сильно хворали?

— Да и теперь движусь лишь по инерціи. Что жъ? Человѣку и не полагается, за предѣлами извѣстнаго возраста, услаждаться вождѣлннымъ здравіемъ. Избавуешься. Всякій страхъ потеряешь. Расплывешься въ поганое лжеблагодудіе...

Козьминъ рѣзко повернулъ голову къ столу и кивнулъ ею на письмо, лежавшее подъ лампой.

— Такъ вы состоите въ постоянной перепискѣ съ милѣйшимъ Василюмъ Ивановичемъ?

— Какъ же... Я его очень люблю! И вы, кажется, Дементій Саввичъ, всегда хорошо къ нему относились?

— Пока его не раскусилъ.

— Мнѣ кажется, понять его не трудно.

— Не въ трудности тутъ дѣло,—сердито перебилъ его Козьминъ и положилъ одну ногу подъ себя, сидя въ не-ловкой, перекошенной позѣ.—Личину онъ, безъ сомнѣнія, носить, хотя, быть-можетъ, и самъ не разумѣетъ того. И думалъ прежде, что онъ на пути къ твердому и явному пониманію того, какъ надо вести и народъ, и интеллигенцію въ духъ премудрости, которая дается однимъ стра-хомъ Божиимъ, а онъ теперь знается съ монастырями и фарисеями, кокетничаетъ со всѣмъ, что только въ модѣ—тутъ и социализмъ, и радикализмъ, и критицизмъ, и оби-женный нигилизмъ.

— Что вы?—почти испуганно выговорилъ Боярцевъ.

— А вы сами не видите этого?

— Нѣтъ, не вижу, Дементій Саввичъ.

Боярцевъ всталъ и отошелъ къ двери. Спорить онъ не **желалъ**... Человѣкъ этотъ — больной, озлобленный. Его **въ**ра дышитъ жестокостью аскета, схимника, не выдачаго **въ** человѣкъ ничего, кромѣ скверны.

Онъ съ того началъ. Но въ послѣдніе три-четыре года **все** безповоротнѣе вдавался въ мрачное инквизиторское **византийство**.

Чуткое ухо Боярцева слышало по лѣстницѣ легкіе шаги Елены Константиновны.

Это его немного смутило. Ему не хотѣлось бы знако-мить ихъ. Навѣрно Козьминъ знаетъ имя Акридиной и **можетъ** сейчасъ на нее накинуться.

— Виноватъ, Дементій Саввичъ, я сію минуту.

Боярцевъ вышелъ на площадку и въ полутемнотѣ **окликнулъ**:

— Елена Константиновна, вы ко мнѣ?

— Да,—весело отвѣтила она.—И сейчасъ отъ Татьяны Егоровны. Ей гораздо лучше... Только она проситъ чаю... **А** я боюсь, какъ бы это не лишило ее сна.

— Разумѣется... благоразумнѣе не давать.

— У васъ гости? Дѣловой визитъ?—спросила она полу-утвердительно.

Солгать Боярцевъ не хотѣлъ и вмѣсто отвѣта спросилъ **ее**, стоя у перилъ:

— А вы еще побудете у насъ?

— Побуду... Къ десяти меня ждутъ дома. Но я могу и **опоздать**.

Елена стояла на одной из нижних ступеней, и ей въ полутемнотѣ видна была голова Боярцева, и его добрые глаза свѣтились.

Сдерживая себя, она послала ему поклонъ и шопотомъ прибавила:

— Ида въ правѣ ревновать меня къ вамъ. Но она добра какъ ангель.

„Падшій“, — хотѣлъ досказать Боярцевъ и устыдился такой злой остроты.

— Идите, идите! — заговорила Елена, точно прикованная къ своему мѣсту.

— Что-нибудь съ матушкой вашей? — все такъ же сурово спросилъ Боярцева Козьминъ.

— Нѣтъ, слава Богу, ей хорошо.

— Сидѣлка, что ли? Поди — изъ нынѣшнихъ? Кресть на перевязи, а въ сердцѣ дьяволъ и повиваніе хребтомъ. Этакую прислали мнѣ тоже. Я въ ужасъ пришелъ. Только личина благодушія, а вся преисполнена фанаберіи и коварныхъ подвоховъ.

— Какихъ же, Дементій Саввичъ? — съ улыбкой спросилъ Боярцевъ, опять подсаживаясь къ нему на диванъ.

— Холостякъ... Нельзя ли угодливостью довести до наложенія на него брачныхъ узъ!

Онъ злобно разсмѣялся.

— Что жъ! Дѣло житейское, Дементій Саввичъ.

— Гнусность великая! Даю я ей читать вслухъ псалтырь — не умѣетъ порядочно выговаривать по-славянски... безграмотно плетется... А разнымъ наукамъ обучена, по которымъ выходитъ, что человѣкъ — червякъ, только не въ смыслѣ ползущаго червя передъ грознымъ Небеснымъ Судьей, а по Дарвину!.. Гоните ее!

— Да это была наша добрая знакомая... дама изъ общества.

Фамилію Елены Боярцевъ умышленно не сказалъ.

— Всѣ онѣ рады болты болтать и суесловить, когда въ болѣзни одна должна быть забота — достойно принять свой вѣнецъ и духъ свой предать въ ужасъ, — протянулъ онъ, — отъ предстоящей достойной кары.

Онъ весь выпрямился, и его вдавленные глаза затеплились огнемъ мрачной смертобоязни.

Боярцеву дѣлалось не по себѣ. Но возражать онъ не хотѣлъ, да и что бы онъ возразилъ противъ проповѣди

этого человѣка, которую онъ обязанъ былъ, въ силу своихъ вѣрованій, считать допустимой?

XXXV.

Елена посидѣла у Татьяны Егоровны, но ее тянуло наверхъ.

— Вы видѣли Романа?—спросила та, открывая глаза.

— Только поздоровалась снизу. У него гость. Какой-то дѣловой визитъ.

— Изъ-за меня онъ совсѣмъ запустилъ свои дѣла... Пора ему въ уѣздъ.

Татьяна Егоровна подняла углы бровей, и лицо сейчасъ же приняло грустное выраженіе.

— Вы еще слабы,—остановила ее Елена,—вамъ говорить еще нельзя.

Она протянула ей руку и пожала.

Обѣ долго глядѣли одна на другую.

— Вы меня спасли,—повторила Татьяна Егоровна,—послѣ Господа Бога... Такъ ли?

— Гдѣ ужъ мнѣ... и послѣ Него! — шутливо отвѣтила Авридина.

Онѣ долго помолчали.

— Послать Ульяну узнать, можетъ-быть, гость уѣхалъ.

Елена ясно видѣла, что Татьяна Егоровна желаетъ еи сближенія съ сыномъ и дѣлаетъ это гораздо открытѣе, чѣмъ бы можно было ждать отъ ея характера.

— Со мной вамъ скучно, добрая моя, — слабѣющимъ голосомъ выговорила Боярцева.

— Пожалѣйте себя! — остановила ее опять Елена и поднялась съ своего кресла. — Я сама узнаю. Сегодня я общалась бытъ дома къ десяти часамъ, но я могу и опоздать.

Боярцева ласково кивнула ей головой.

Наверхъ Елену еще сильнѣе тянуло, и она быстро прошла коридоромъ и залой.

На лѣстницѣ ее остановилъ, точно прокололъ, сверху гнѣвный возгласъ гостя:

— Вѣра въ такъ-называемый прогрессъ есть чистая ересь и хула на Создателя!

„Что это такое?“

И она подумала тутъ же, что у Боярцева сидитъ какой-нибудь старецъ, суровый фанатическій монахъ, бытъ-можетъ, его исповѣдникъ.

Это немного успокоило ее.

Почему же ему не имѣть постоянного исповѣдника, разъ онъ вѣрующій? Вѣдь она, по своей научной специальности, водится же съ лицами изъ духовенства. Нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, готовы были бы провозгласить такую же истину, только съ нею они стѣсняются, да и разговоры съ ними вертятся вокругъ древностей.

Смѣлѣ поднялась она и постучала въ дверь.

Откликнулся Боярцевъ и подошелъ отворить.

— Романъ Денисовичъ,—заговорила она своей обычной манерой, — состояніемъ Татьяны Егоровны я очень довольна, но она все порывается говорить со мною, и я отъ нея убѣждала.

— И прекрасно сдѣлали. Вотъ позвольте познакомить васъ... Дементій Саввичъ Козьминъ. Его имя вамъ извѣстно.

— Очень пріятно! — выговорила, какъ можно мягче, Елена.

Она вспомнила, что представляетъ собою этотъ Козьминъ въ ненавистномъ ей направленіи. Но и отъ него она не ожидала возгласа, остановившаго ее на лѣстницѣ.

— Я не мѣшаю, у васъ дѣловой разговоръ?—спросила она, присаживаясь немного въ сторонѣ.

— Никакихъ у насъ дѣлъ нѣтъ,—ослабивъ свой нервный ротъ, возразилъ Козьминъ, — если не считать дѣломъ искорененіе похотей природы человѣческой, которая хочетъ всякими способами облыжно уйти отъ кары и грознаго суда.

Боярцевъ какъ бы избѣгалъ глядѣть на Акридину и сидѣлъ на диванѣ вполоборота. Она замѣтила, что онъ не назвалъ ее Козьмину, но приняла это за разсѣянность и тотчасъ же обрадовалась.

Такой изувѣръ, услыхавъ ея фамилію, способенъ былъ нарочно пустить тираду, которую она не въ силахъ была бы пропустить, не возмущившись.

— Прогрессъ! Торжество науки!—продолжалъ, не стѣняясь приходомъ Елены, Козьминъ и весь вздрагивалъ отъ накипѣвшаго въ немъ глубокаго протеста.—Вотъ нашъ милѣйшій Василій Ивановичъ...

— Это мой другъ, Угличевъ, — пояснилъ Еленѣ Боярцевъ.

— А-а!

— Онъ тоже вдается въ это безумное и еретическое

двоевѣріе. Развѣ превращеніе однихъ формъ въ другія есть безконечное развитіе, въ смыслѣ блага, духовнаго совершенства? Господа дарвинисты, самые умные, давно установили, что правъ тотъ, кто душитъ и колетъ другихъ! Вотъ вамъ и прогрессъ! Мы съ вами сочувствуемъ долѣ нашихъ братьевъ славянъ... И Василій Ивановичъ... Было время, когда я за всю славянскую братію душу свою готовъ былъ заложить, и одна только кличка „брать славянину“ заставляла меня считать ихъ всѣхъ совершенствомъ, а теперь нѣтъ! Все, что пропало западнымъ ѣрничествомъ,—онъ даже не поглядѣлъ на даму,—то уже прогнило: всѣ эти культурные сербы, болгары, хорваты, лужичане, венды. О чешкахъ,—презрительно выговорилъ онъ,—и говорить нечего! И имъ не очиститься... Они ушли изъ Византіи, отъ того уклада жизни, которому теперь учиться можно только въ одномъ мѣстѣ во всей вселенной!

— Гдѣ же?—спокойно и тихо спросилъ Боярцевъ.

— На Аѳонѣ, любезнѣйшій Романъ Денисовичъ, на Аѳонѣ. И нигдѣ больше. Какъ я тамъ пожилъ, вся эта маниловщина съ меня слетѣла... Ничего хорошаго для западнаго славянства не предвижу. Ничего! — повторилъ онъ и поморщился, точно что его кольнуло внутри.

Боярцевъ не возражалъ.

„Онъ нарочно“,—подумала Акридина.

То, что этотъ ненавистникъ прогресса сейчасъ выпалилъ, не могло ее серьезно задѣть. Его дѣло считать западныхъ славянъ жертвою гнилого запада. Это было для нея избитое мѣсто любого славянофила; только Козьминъ былъ послѣдовательнѣе, и это ей даже нравилось.

Спорить съ такимъ и Боярцеву было непріятно.

Но онъ все-таки слишкомъ почтительно выслушивалъ его. Вѣдь Козьминъ не сумасшедшій. Онъ говоритъ сильно и увѣренно, фраза литературная и складъ мыслей вполне опредѣленный. Если онъ пришелъ сюда, значитъ онъ считаетъ хозяина дома способнымъ, хоть отчасти, быть его единомышленникомъ.

Такой выводъ сталъ ее тревожить. Она сдерживалась, сколько возможно, но не могла отдѣлаться отъ чувства обиды за себя и любимаго человѣка. Будь онъ ея стана, развѣ бы она могла найти человѣка такого склада у него, и въ качествѣ знакомаго, который приходитъ безъ зова, просто, въ ранній вечерній часъ?

— Всемогущество науки! — крикнулъ Козьминъ, точно кто-нибудь поднесъ пламя къ его кожѣ. — Соглашеніе съ выводами знанія! Но знаніе-то и показываетъ, какъ культура ведетъ къ полнѣйшему разгулу похоти и разнузданнаго себялюбія. Пресловутая наука ничего и никого не спасетъ, ни въ кого не вложитъ единого спасительнаго начала—страха передъ Вѣчнымъ Судьей! И тоже вѣроваль въ точное знаніе, и кончилъ, какъ видите, тѣмъ, что извѣрился во все, что ухищреніе великой вавилонской блудницы, имя которой—Торжество науки! Эта ересь, и никакая другая, надѣлила насъ всяческимъ юродствомъ, развела всяческую эмансипацію духа и тѣла, дѣтей и слугъ, мужиковъ и баръ, а главное дѣвчонокъ и бабенокъ, мнящихъ себя носительницами передовыхъ идей!.. Ихъ и на Аeonъ нельзя пустить. Тамъ этой пѣчисти не полагается.

Онъ даже сплюнулъ.

Въ щеки Елены разомъ вступило. Она приподнялась и, взглянувъ грустно на Боярцева, поспѣшно сказала:

— Я вернусь къ Татьянѣ Егоровнѣ... проститься.

— Вы совсѣмъ?—спросилъ Боярцевъ, тоже поспѣшно.

— Да, совсѣмъ, до завтра!

Акридина поклонилась Козьмину и скорымъ шагомъ направилась къ двери.

Еще минута, и произошелъ бы взрывъ.

Даже и теперь, въ присутствіи любимаго человѣка, она не была бы въ состояніи вынести, не давъ отпора, такую выходку. Не одна женщина была въ ней оскорблена; но она не могла бы снести, безъ разноса, самой сути того, что проповѣдывалъ такой фанатикъ, вылѣзшій изъ aeонскихъ пещеръ.

Ей, съ новой силой, сдѣлалось ясно, что Боярцевъ, при всей своей гуманности и честности, все-таки стоитъ на нижнемъ звенѣ той же цѣпи, къ которой прикованы вотъ и такіе Козьмины.

Иначе развѣ онъ выслушивалъ бы его такъ кротко?

Никакая свѣтская воспитанность не была бы въ состояніи дать подобнаго спокойствія и благодушія.

И разомъ она увидала, какъ она была уже близка къ измѣнѣ тому, на что Елена Акридина, та, что недавно воевала съ Боярцевымъ, положила всю свою жизнь.

Ею она не передѣлаетъ; скорѣе онъ ее. Въ нее закралась запоздалая страсть, а не въ него. Ихъ сближеніе

можетъ повести къ серьезной взаимной любви; но подѣ ею пропасть только закрыта, а не заложена.

Сегодня ей надо бѣжать. Даже уйди Козьминъ, и все-таки вспыхнетъ споръ. И кто знаетъ, чѣмъ онъ могъ бы кончиться.

Въ коридорчикѣ нижняго этажа она на цыпочкахъ прошла въ комнату Ульяны, поглядѣть, не тамъ ли она.

— Чтò Татьяна Егоровна? — шопотомъ спросила она няню.

— Започивали.

— Ну, и прекрасно... Я їду. Вы меня не провожайте. Въ передней человѣкъ.

Торопливо завязала она передъ зеркаломъ черный пуховый платокъ, и когда человѣкъ подаль ей шубку, стала такъ же торопливо застегивать ее.

Она сама лишала себя цѣлаго часа, а можетъ и двухъ, разговора съ Романомъ Денисовичемъ.

Но страхъ все еще владѣлъ ею.

Съ верку донесся возгласъ Козьмина:

— И да будетъ имъ анаема!—разслышала она.

И засмѣялась.

Этотъ аеонскій изувѣръ былъ ужъ слишкомъ курьезенъ для нея, въ эту минуту, когда она одна, когда присутствіе мужчины, взявшаго надъ нею власть, не превращаетъ ее въ кроткую подругу его, способную вынести все, для того только, чтобы не прогнѣвить и не смутить его.

— Вамъ извозчика, сударыня?—спросилъ человѣкъ.

— Я сама найду... На перекресткѣ.

И бодрой походкой она вышла на улицу.

XXXVI.

Въ ихъ помѣщеніи Елена никого не нашла и послала сейчасъ узнать, дома ли Лыжинъ; если дома, то просить его къ себѣ.

Но его не оказалось тамъ. Снизу ей принесли записку отъ Иды: „Descends chez la petite. Tu nous y trouveras tous“.

Она немного задумалась. Про исторію Лины она уже знала, и когда Ида стала ей говорить, какъ ее оживляло общество молодежи, собирающейся у той, она ни однимъ словомъ не охладила ея настроенія.

Будь это мѣсяцъ назадъ, она бы считала „пошлымъ

мѣщанствомъ“ сторониться отъ такой „жертвы любви“, какой она считаетъ Липу, и сама бы пошла за ней ухаживать, вмѣстѣ съ Идой.

Но теперь это ей представлялось „не совсѣмъ опрятнымъ“. Актриса жила „на содержаніи“ у офицера. Съ нею, вѣроятно, водятся такія же легкія женщины, какъ она сама.

Домъ Боярцевыхъ, Татьяна Егоровна, ея тонъ, правила, строгая религіозность и, поверхъ всего, образъ Романа Денисовича, его чистота, ихъ сближеніе, надежда на полное счастье, желаніе стоять, какъ и онъ, выше какихъ бы то ни было нареканій, брали свое.

Она бы и не пошла, случись это вчера. Но отъ Боярцевыхъ пріѣхала она все съ тѣмъ же осадкомъ недовольства, почти стыда за прежнюю Акридину. Ей хотѣлось попасть въ воздухъ молодыхъ чувствъ и разговоровъ, гдѣ все смѣло и ново, гдѣ не употребляютъ такихъ словъ, какъ тотъ изувѣръ съ Аѳонской горы, гдѣ хозяева не выслушиваютъ дикихъ выходокъ съ искреннимъ или поддѣльнымъ почтеніемъ и благодушіемъ.

Подумавъ немного, она сказала присланной снизу горничной, что сейчасъ будетъ, прошла въ свою спальню, поправила прическу и накинула на себя короткую мантильку съ двумя воротниками, зная, что эта мантилька идетъ къ ней.

У Липы было, дѣйствительно, цѣлое общество. Ее положили на кушетку въ углу, отодвинувъ піанино. Около нея, за самоваромъ, сидѣли Божеярина и Мухина. Ида съ Лыжинымъ — на диванѣ, и ближе къ столу, передъ ними — Петровичъ и художникъ Лукошкинъ. Воденягина незамѣтно было въ лѣвомъ углу отъ двери, за шкапчикомъ.

Елена только мелькомъ, разъ, въ началѣ своего житія въ номерѣ, видѣла Липу на подъѣздѣ и нашла лицо ея „очень интереснымъ“.

Ида сейчасъ же подвела ее къ кушеткѣ.

— Вотъ мой другъ, Елена Константиновна Акридина!

Липа сильно пожала ей руку, приподнявъ голову. Худоба и впалые глаза дѣлали ее еще красивѣе. Она была въ темномъ; волосы лежали на плечахъ, распущенные. И въ тѣлѣ она похудѣла, что дѣлало ея фигуру стройнѣе.

— Вы слишкомъ добры, Елена Константиновна, я, право, не заслуживаю.

Голосъ ея сталъ глуше и тонъ переѣнился разительно. Ей еще не позволяли много говорить, и она, передъ приходомъ Елены, больше слушала общій разговоръ, изрѣдка вставляя свое слово.

Абридина почувала, что ея приходъ вызвалъ стѣсненіе и въ хозяйкѣ, и въ нѣкоторыхъ гостяхъ.

Поэтому она сейчасъ же, присѣвъ къ Лыжину на диванъ, стала жать ему руку и заговорила:

— Лыжинъ! Какъ я рада васъ видѣть! Точно мы съ годъ не видались.

— Пожалуй! — откликнулся онъ, весело ее обглядывая. — У васъ все хорошо идетъ? — спросилъ онъ ее потише и поглядѣлъ съ выраженіемъ.

— Хорошо! — отвѣчала она. — Я, господа, — она обратилась тотчасъ же къ остальнымъ, — прервала вашу бесѣду. Извините пожалуйста.

— Ничего! — откликнулась Липа и сказала Божеяриной: — Леля, представь же всѣхъ Еленѣ Константиновнѣ.

Божеярина встала и, поводи сначала правой, потомъ лѣвой рукой, съ жестомъ драматической ученицы проговорила:

— Вотъ это писатель Петровичъ и художникъ Лукошкинъ, а это моя подруга Мухина. Тамъ, въ углу, господинъ Воденягинъ.

— Что ты это все господинъ да господинъ? — со смѣхомъ перебила ее Мухина.

Всѣ разомъ разсмѣялись и всѣмъ стало ловко.

— Точно въ переводныхъ пьесахъ съ французскаго! — продолжала Мухина, и ямки заиграли на ея пухлыхъ щекахъ. — Первый любовникъ отступаетъ къ двери со шляпой и съ благороднымъ выраженіемъ восклицаетъ: „Сударыня!“ А первая любовница, на авансценѣ, ему въ тонъ: „Сударь!“

Опять раздался дружный смѣхъ. Липа только улыбнулась.

Съ нея вмѣстѣ съ ея болѣзнью точно слетѣла ея шумность.

— Вамъ чаю угодно? — спросила Божеярина и, круто обернувшись въ сторону своей подруги, выговорила съ особою интонаціей: — Благодарю за репримандъ.

— У васъ здѣсь славно, — сказала Лыжину Елена вполголоса. — Такъ молодого! И я рада за Иду! — прибавила она.

Та разслышала ся слова.

— Да, мнѣ очень хорошо... И ты меня должна вдвойнѣ понимать.

Она наклонилась къ Еленѣ и досказала:

— У тебя тамъ, а у меня здѣсь... Вѣсто смерти — жизнь.

Слово „смерть“ всѣ могли разслышать. Но здѣсь изъ „случая“ съ Липой секрета не дѣлали. Она сама, передъ приходомъ Акридиной, сказала, не приходя въ волненіе и съ тихой усмѣшкой:

— Лидія Павловна, Деля да докторъ Гурьяновъ спасли меня. Нужно ли это было? Если нужно, надо постараться, чтобы они объ этомъ первые не жалѣли.

Она хотѣла показать, что никакого щекотливаго вопроса не дѣлаетъ изъ своей попытки покончить съ собою. Такъ всѣ ее и поняли. Ида и „дѣвочки“ знали уже, что она, когда и совсѣмъ оправится, не будетъ выступать въ Москвѣ и уѣдетъ въ провинцію. О баронѣ Гольцѣ она ни разу не спросила ни у кого и ни однимъ словомъ его не задѣла, точно онъ не существуетъ на свѣтѣ. И видно, что это не стоить ей никакихъ усилій надъ собою.

Елена еще считала ее жертвой любви, и теперь ее интересовалъ исходъ этой драмы. Она кое-что соображала насчетъ барона Гольца и своей племянницы. Кажется, Нина впервые поймалась. И пускай судьба собьетъ съ нея высокомерную увѣренность въ себѣ, весь этотъ вынѣшній позитивизмъ тщеславія и равнодушія ко всему, что не она, не ея домъ, не ея туалетъ, не ея наружность.

— Она гораздо красивѣе Нины, — вполголоса сказала Елена Лыжину.

— Вы находите?

— А вы все продолжаете млѣть передъ моей племянницей?

Вопросъ былъ сдѣланъ игриво, но не злобно.

Тотчасъ она взяла Лыжина за руку и прибавила почти шопотомъ:

— Полюбите, только не ее. Вы изстрадаетесь.

Лыжинъ разсмѣялся.

— Нѣтъ! Даже и въ наперсники врядъ ли гожусь... А такъ, смотря со стороны, и ничѣмъ не возмущаюсь.

— Даже и гадостями?

— Все вѣдь относительно, другъ мой... Если жена моего хозяина дѣйствительно поймалась,—знаете, что меня будетъ занимать?

— Что?

— Не ея психологія, а то, какъ поведетъ себя Захаръ Лукьяновичъ. Онъ гораздо характернѣе, чѣмъ она. Они разомъ замѣтили, что говорятъ вполголоса.

Общій разговоръ что-то не налаживался, и Еленѣ стало опять неловко. Она же помѣшала, а сама не можетъ оживить общество.

Неужели она такъ вся ушла въ то, что тамъ, въ стародворянскомъ домѣ съ мезониномъ, и нѣтъ у ней въ головѣ ни на что отклика, и въ сердцѣ ничего, кромѣ упорнаго захвата, личнаго счастья?

Вошелъ лакей и у дверей перегородки доложилъ:

— Господинъ Брянецвъ; прикажете принять, Олимпіада Дмитріевна?

Всѣ переглянулись. Первая вскочила Божеярина и сейчасъ схватила руку за свой шиньонъ. Мухина убѣжала въ спальню оправиться. Появленіе такого крупнаго драматическаго „сюжета“ сейчасъ же подѣйствовало на обѣихъ.

— Просите!—отозвалась Липа и спросила Елену:— вы его, конечно, видали на сценѣ?

— Видала,—отвѣтила Елена, немного удивленная тѣмъ, какимъ тономъ Липа говорила о Брянецвѣ, точно будто она сама не принадлежитъ къ этому же мірку.

Брянецвъ заѣзжалъ разъ во время ея болѣзни, и оставилъ карточку.

Вошелъ онъ грудью впередъ, одѣтый, какъ всегда, съ особой старательностью, съ бѣлымъ жилетомъ и слегка подтянутой.

Онъ пожалъ руку Липы медленно, стоя съ наклоненной головой у кушетки. Потомъ онъ отдалъ всѣмъ круговой поклонъ и низко поклонился Акридиной, когда Липа, со своего мѣста, представила его.

Запахъ тонкихъ англійскихъ духовъ пошелъ отъ него по комнатамъ, смѣшавшись съ дымомъ папиросъ.

Дѣвочки уже вернулись и, возбужденно поздоровавшись съ нимъ, стали угощать его чаемъ. Онъ имѣлъ съ ними особенный, благодушно-поощрительный тонъ.

Брянецвъ желалъ сначала нащупать почву, какъ здѣсь

вести себя: вполне „игнорируя“ исторію, или какъ товарищъ по искусству, безъ ненужной уклончивости.

Онъ выбралъ средній путь и, глотнувъ изъ стакана съ чаемъ, обратился къ двумъ молодымъ людямъ—писателю и художнику, и началъ:

— Вотъ, господа!.. Помните объѣмъ нашихъ мыслей здѣсь, въ этой самой комнатѣ?

— Какъ же!—живо откликнулся Петровичъ.

Художникъ только мотнулъ головой, и его затуманенные глаза ушли въ тотъ уголъ, гдѣ было изголовье кушетки.

Изъ нихъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, онъ всего больше страдалъ за женщину, за нанесенное ей оскорбленіе. Но онъ боялся высказаться. Нервы у него въ такомъ напряженіи, что онъ способенъ былъ и разревѣться.

— Да, господа, — продолжалъ сдержанно и мягко актеръ,—поучительный примѣръ. Съ душой артиста нынче играютъ какъ съ какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ. И женщину щадятъ такъ же мало, какъ и мужчину!

— Брянцева! — остановила его Липа и приподнялась станомъ, облокотившись о спинку кушетки. — Спасибо за ваше участіе. Вы здѣсь можете говорить безъ всякихъ умолчаній,—она сдержала горькій смѣхъ,—но, право, не стоить. Чтѣ было—то прошло!

— Зло и низость не заслуживаютъ прощенія, Олимпиада Дмитріевна!

— Мы сами всѣ виноваты.

— Кто же это всѣ?

— Люди того міра, гдѣ и я, грѣшная, до сихъ поръ билась. Слишкомъ актеры и актѣрки, — выговорила она полудурачливо,—падки до того, что про нихъ пишутъ. А кто накидывается на ядовитую приманку славы, тотъ самъ и виновать!

XXXVII.

— Олимпиада Дмитріевна принимаетъ? — раздался отъ дверей молодой звонкій голосъ.

Дѣвочки сейчасъ узнали голосъ Шипилина.

— Принимаетъ, принимаетъ! — крикнула Мухина, бросаясь къ нему навстрѣчу.

Дѣля Божеярна уже поддразнивала ее тѣмъ, что она „имѣетъ легкій интересецъ“ къ студенту.

Шипилинъ, не снимая пальто, выставилъ свою голову изъ-за портьеры и окликнулъ Лыжина:

— Юрій Петровичъ!

— Чтò угодно?

— Къ вамъ навѣрхъ прошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Кострицынъ?

— Да. Мы вмѣстѣ шли.

Лыжинъ приподнялся и, обращаясь къ Липѣ, спросилъ:

— Позвольте мнѣ просить сюда моего пріятеля. Я желалъ бы вамъ его представить.

— Очень рада... Мѣста, кажется, хватить,—откликнулась Липа.

— Можно еще послать за стульями,—сказала Мухина и поглядѣла съ лаской своихъ, и безъ того добрыхъ, глазокъ на студента.

Черезъ пять минутъ Кострицынъ уже сидѣлъ у круглаго стола, и Божеярина наливала ему стаканъ чаю.

Его пріятно встряхнулъ этотъ неожиданный визитъ къ Липѣ. Онъ смотрѣлъ на нее со смѣсью любопытства и неяснаго и быстрого сочувствія.

Еще вчера онъ, говоря о знакомствѣ съ ней Лыжина, считалъ ее „прожженой“.

Здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ кушетки, гдѣ лежала Липа, такая величавая и тихо задумчивая въ лицѣ, съ него слетѣло всякое дурное отношеніе къ этой женщинѣ, которую онъ совсѣмъ не зналъ иначе, какъ по газетнымъ пасквильнымъ замѣткамъ.

Актеръ овладѣлъ опять разговоромъ на ту же тему.

— Олимпиада Дмитріевна, — началъ онъ въ позѣ лектора, приступающаго къ публичной бесѣдѣ. — Вы отчасти правы, находя, что мы, артисты разныхъ специальностей, слишкомъ отдаемся впечатлѣніямъ отъ прессы и публики. Но, спрашиваю я васъ всѣхъ, господа: развѣ артисту есть возможность уйти отъ прямого воздѣйствія этихъ двухъ трибуналовъ его таланта и умѣнья?

Присутствіе женщинъ заставляло Брянцева говорить красивѣе, употреблять выраженія — „на высотѣ положенія“, какъ онъ привыкъ въ такихъ случаяхъ. Онъ зналъ, что Лыжинъ — „интересный интеллигентъ“, Кострицынъ — магистрантъ, Воденягинъ — человекъ съ политическимъ прошлымъ, Шипилинъ — студентъ, играющій роль въ средѣ своихъ товарищей.

Къ университету и студентамъ Брянцевъ имѣлъ почти

тельно-нѣжное чувство, какъ большинство актрисъ и актеровъ. Студенческая публика вліяетъ на ихъ репутацію, рѣшаетъ вызовы и часто успѣхъ роли или всей пьесы: а провалъ пьесы непременно вліяетъ и на успѣхъ исполнителей.

— Да, вы не только правы, — повторилъ Брянцевъ и осторожно положилъ папиросу на край блюдечка, — такая неизбѣжная впечатлительность дѣлаетъ часто сценическихъ артистовъ мучениками особыхъ условий своего дѣла.

— Въ какомъ смыслѣ? — остановилъ его Кострицынъ, среди большого молчанія.

Онъ мысленно добавилъ одной изъ своей любимыхъ поговорокъ: „Хорошо птица поетъ—гдѣ-то сядетъ!“

— Очень понятно, господа! — груднымъ звукомъ отзывался Брянцевъ и выпрямилъ грудь. — Гдѣ же, въ какой другой области артистъ такъ подвергается свое часто законное самолюбіе ежедневнымъ испытаніямъ?

— Да, вы вотъ въ какомъ смыслѣ!..

— Вы только сравните артиста съ писателемъ или даже съ художникомъ. Писатель написалъ одну пьесу, одну повѣсть въ годъ... Еще драматургъ приходитъ въ прямое столкновеніе съ залой. Его вызываютъ или ему шикають.

— И свищутъ, — добавилъ Петровичъ.

Многіе засмѣялись.

— Но всего разъ вѣдь, господа! Точно то же и живописецъ, выставяющій свою картину. Этотъ даже и совсѣмъ гарантированъ отъ прямого дѣйствія на свои нервы, отъ прямыхъ оскорбленій. На выставкахъ не принято ни шикать, ни аплодировать... Писатель, — продолжалъ Брянцевъ съ жестомъ лектора, блестяще развивающаго по категоріямъ свои доводы, — писатель-беллетристъ и совсѣмъ не видитъ публики. Онъ можетъ абсолютно ее игнорировать, если ему это угодно.

— А господа рецензенты? — отзывался изъ своего угла Воденягинъ. — А милашки, въ родѣ господина... Ну, да именъ не нужно!

Всѣ поняли, что онъ съ трудомъ воздержался отъ имени Спондѣева.

— Такъ вѣдь и для насъ, кромѣ всего остального, есть та же критика, та же брань, клевета, непониманіе, интрига! И поверхъ всего, господа, ежедневное, если хотите, раздраженіе нашего я вызовами. Хорошо, со стороны,

философствовать, но надо быть человѣчнымъ... Сегодня васъ за роль вызвали пять разъ... Завтра, за ту же роль, безусловно одинаковую на вашъ собственный взглядъ, ни хлопка... И рядомъ, товарища, которому вчера шикали, вызываютъ какъ бы вамъ въ пику.

— И очень!—крикнули разомъ дѣвочки.

Въ ихъ сторону Брянцевъ обернулся и наставительнымъ тономъ закончилъ:

— Вамъ, mesdames, предстоитъ все это испытать. И нѣтъ силы, особенно женской душѣ, закалить себя такъ, чтобы зала, приемъ—это роковое актерское слово—не существовало для насъ. Нѣтъ такой силы!

— Нѣтъ!—подтвердила Божеярина и переглянулась съ Мушковой.

Объ онѣ, вразъ, подумали:

Какой же онъ умный! Не мудрено, что такую силу забираетъ на сценѣ.

— Но вамъ, — мѣняя тонъ, заговорилъ Брянцевъ, уже въ сторону Липы, — вамъ, Олимпиада Дмитриевна, еще столько впереди! Вы, конечно, когда вполне оправитесь, будете продолжать свои дебюты, вѣря въ свое дарованіе?

— Нѣтъ! — откликнулась Липа, и лицо ея стало еще серьезнѣе.

— Какъ нѣтъ?

— Очень просто. Съ меня „спала пелена“, Брянцевъ, знаете, какъ вы въ Чацкомъ вскрикиваете. Самой кажется, что всѣ въ стачкѣ противъ тебя, клеветаютъ... И — ни чуть не бывало!

— Помилуйте! — выѣхался Шипилинъ и вскочилъ съ своего мѣста. — Помилуйте, Олимпиада Дмитриевна! Вамъ грѣшно говорить. Вы насъ не подкушали... когда вамъ хлопали... мои товарищи. Ноты у васъ есть — въ душу забираются, ей-Богу!

Его глаза блеснули. И обѣ дѣвочки закивали ему головой.

— „Въ душу забираются“! — повторила Липа, и ея тонъ заставилъ Акридину и Иду прислушаться съ особеннымъ интересомъ.

И Кострицынъ значительно поглядѣлъ на Лыжина, отъ котораго отдѣлялъ его столъ передъ диваномъ.

— Этого мало, господа, — продолжала Липа, все еще довольно медленно. — Одного нутра мало.

— Разумѣется! — докторально подтвердила Акридина.

— А ноть нѣкоторыхъ нѣтъ, и на сильныя партіи не хватить регистра. Теперь, — и Липа оглядѣла всѣхъ съ усмѣшкой, — теперь и подавно... И средній-то регистръ можетъ оказаться слабъ... Да и вообще...

Не договоривъ, Липа повела рукой въ воздухъ.

— Если вы, Олимпіада Дмитріевна, — возразилъ Брянцевъ, — чувствуете въ себѣ артистку, то вопросъ голоса — еще не все.

— Какъ же не все, для пѣвицы? — замѣтила Акридина.

Студентъ и дѣвицы тоже вопросительно поглядѣли на актера.

— Не будетъ ноть оперныхъ, найдутся ноты для драмы, — выговорилъ онъ, сложивъ губы въ поощрительную усмѣшку и глазами приласкалъ Липу. — Въ васъ, Олимпіада Дмитріевна, всѣ задатки драматической артистки на крупныя роли — ростъ, фигура, лицо, тонъ, тембръ голоса, движенія. Повѣрьте мнѣ: опера — дѣло рискованное. Виртуозный голосъ въ нашемъ ужасномъ климатѣ — тепличное растеніе. А въ драмѣ женщина можетъ занимать первое мѣсто двадцать, тридцать лѣтъ, иногда всю жизнь... стоить только переменить амплуа.

„Вотъ ты куда пробираешься“, — подумалъ Кострицынъ, и ему вдругъ сдѣлалось жутко отъ мысли, что вотъ этотъ „первый сюжетъ“ займется Липой, станетъ готовить ее на драматическую сцену, съ задней мыслью легкой пофѣды. Такой, небось, не упуститъ случая!

— Нѣтъ, Брянцевъ, — заговорила Липа, и голосъ ея дрогнулъ, — и опера, и драма — все это одна и та же ловушка. Ужасный этотъ міръ! Вы сами сейчасъ набросали намъ картину... всѣхъ гадостей. Жить весь свой вѣкъ въ чадѣ, кипѣть въ котлѣ! И постоянно лгать самой себѣ, цѣпляться за что-то, что отъ тебя предательски ускользаетъ. Все бросить въ эту бездонную пропасть — и тѣло, и душу, и всякое человѣчное чувство, и мысль, и то, что еще такъ недавно считала святымъ, ставила выше собственной особы и воображаемыхъ талантовъ!

Голосъ ея все сильнѣе вибрировалъ и дѣлался теплѣе; но болѣзненной нервности не замѣчалось.

Ида и Елена заслушались ее и взглядывали другъ на друга.

Въ Еленѣ слова Липы особенно отдавались. И она сама близка къ такому же перелому. Ея ученость, забота объ извѣстности, поѣздки, конгрессы, медали, оваціи — все это

тамъ гдѣ-то. Безъ любви, безъ взаимности она не согласна жить. То же говорить и въ этой „актеркѣ“.

Ида знала, что въ „актеркѣ“ есть и еще что-то, и она дѣйствительно близка къ перелому не изъ одной отвергнутой любви.

Задумался и Лыжинъ... Изъ своего угла Воденягинъ, что-то слышавъ „свое“, поднялъ голову. Художникъ Лукошкинъ понималъ Липу больше всѣхъ остальныхъ, и у него вырвался, среди общаго молчанія, возгласъ:

— Это такъ!

Всѣ на него поглядѣли.

— Однако, — возразилъ Кострицынъ, чувствуя новое, незнакомое ему волненіе, — гдѣ же женщина царить, какъ не на сценѣ, гдѣ она можетъ поднять свою личность до высшаго предѣла?

— Царица! — глухо возразила Липа. — Царица! Полноте, господа. Кого прельщать? Передъ кѣмъ бѣса тѣшить? И въ какой странѣ?.. Совѣстно! Гадко!

И она взялась руками за лицо.

Всѣ опять примолкли.

XXXVIII.

По кабинету Захаръ Лукьяновичъ ходилъ большими шагами и курилъ.

Лыжинъ сидѣлъ въ креслѣ, въ глубинѣ комнаты.

— Такъ васъ Питеръ не прельщаетъ, Юрій Петровичъ? А то бы прокатились! Дня въ четыре я бы со всѣми дѣла ми управился.

Только что передъ тѣмъ Кумачевъ предложилъ Лыжину съѣздить съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, куда онъ отправлялся, какъ глава депутаціи и, особенно, какъ попечитель нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій.

Лыжинъ не любилъ Петербурга и, кромѣ того, онъ не желалъ ѣхать „при его степенствѣ“, какъ бы въ качествѣ его домашнего секретаря.

По возбужденному настроенію Кумачева видно было, что онъ надѣялся на особенную награду. Говорилъ онъ съ Лыжинымъ не объ этомъ, а о томъ ходатайствѣ, гдѣ онъ являлся защитникомъ „истинно-русскихъ“ интересовъ.

— Напрасно вы не желаете проѣхаться Юрій Петровичъ. Тамъ бы и вамъ показало нѣсколько образчиковъ

петербургскихъ высокоумныхъ администраторовъ, которые мудрятъ надъ святой Русью.

Лыжинъ зналъ, что предметъ ходатайства все то же— „поощреніе національной промышленности“. Прежде онъ бы посмотрѣлъ на это, какъ на ненасытную погоню за барышомъ русскихъ „буржуевъ“, подъ прикрытіемъ любви къ отечеству. Теперь дѣло представлялось ему иначе, и онъ уже не считалъ такого Захара Лукьяновича „съ товарищи“, жадными кулаками, способными только кланяться о запретительныхъ пошлинахъ и усиленной правительственной поддержкѣ. Фабричный людъ видѣлся ему изъ-за этихъ хозяйскихъ домогательствъ—тысячи рабочихъ, которымъ приходилось бы плохо, на ихъ тощей землишкѣ—не будь тутъ тѣхъ же Кумачевыхъ, постоянно раширяющихъ свое производство... А безъ высокихъ пошлинъ—гдѣ же имъ соперничать съ заграничнымъ товаромъ?

Бхать съ нимъ въ Петербургъ Лыжину все-таки не хотѣлось—не изъ одного только дворянскаго чувства. Здѣсь, въ домѣ Захара Лукьяновича, что-то начинало происходить на половинѣ Антонины Борисовны. Въ ея обращеніи съ нимъ произошла на-дняхъ перемѣна. Она точно колебалась: быть ли съ нимъ совсѣмъ откровенной, или остаться въ тонѣ ласковаго благоволенія, не допуская ни до какой фамильярности.

Онъ себя допросилъ. Никакой претензіи онъ въ себѣ не подмѣчаетъ. Нина, какъ женщина, была бы въ его вкусѣ; но ему любить поздно, да и никогда онъ не склоненъ былъ къ связи съ замужней женщиной. Ему хотѣлось найти въ Нинѣ больше души и ума, чѣмъ предполагалъ пріятель его, Кострицынъ, и, обратись она къ нему искренно за поддержкой въ минуту женскаго кризиса, онъ готовъ былъ поддержать ее.

Кризисъ, кажется, явился. Его занимало также—догадывается ли о чемъ-нибудь „супругъ“.

Захаръ Лукьяновичъ казался совершенно довольнымъ, даже съ особенно приподнятымъ сознаниемъ своей личности. Никогда, слушая его, нельзя бы было примѣнить къ нему прямѣе изреченія, избраннаго имъ самимъ: „*ibo singulariter donec transeam*“.

Или, быть-можетъ, онъ такъ мастерски умѣетъ владѣть собою? Станнымъ могло бы и ему самому показаться хоть бы то, что Нина Борисовна совсѣмъ не участвуетъ

къ его петербургской экспедиціи. Лыжину не было извѣстно, предлагалъ ли Кумачевъ и ей проѣхать въ Петербургъ. Если и не предлагалъ, все-таки она съ своимъ тщеславіемъ должна была бы проявить чѣмъ-нибудь свое сочувствіе его поѣздкѣ и тому, съ чѣмъ она сопряжена.

И самъ Захаръ Лукьяновичъ, со вчерашняго дня, замышлялъ то же. Онъ не приглашалъ жену прямо, но былъ бы очень радъ съ ней поѣхать. Нина сказала ему только:

— Что жъ! Поѣзжай! Я очень рада.

Въ другое время она обо всемъ его, съ-глазу-на-глазъ, обстоятельно бы допросила и дала бы указанія, у кого побывать изъ ея знакомыхъ и родственниковъ. На этотъ разъ—ничего.

Въ ея обращеніи съ нимъ онъ не подмѣчалъ ничего необычнаго; только ему сегодня утромъ, когда они просились, показалось, что она слишкомъ поспѣшно ушла въ свою уборную.

О баронѣ Гольцъ онъ разъ подумалъ съ такимъ чувствомъ, какого прежде не зналъ, и только. Этого, хотя бы и весьма благообразнаго „калегварда“, онъ не будетъ же, ни съ того, ни съ сего, ревновать къ женѣ! Антонину Борисовну онъ слишкомъ высоко ставитъ, да и не считаетъ совсѣмъ склонной къ увлеченіямъ: не такая у нея натура. Даже въ немъ, если его разбередить, найдется гораздо больше темперамента. Слѣдовательно, если онъ за себя можетъ въ-время поручиться, то тѣмъ паче она.

Кумачевъ надавилъ пуговку звонка.

— Есть гости у барыни?—спросилъ онъ вошедшаго камердинера.

— Баронъ Гольцъ сидятъ у нихъ.

Въ лицѣ Захара Лукьяновича не дрогнула ни одна жилка.

Слова лакея: „сидятъ у нихъ“ неприятно промѣлились по нему, точно у него кожу гдѣ-то засадило.

— Не хотите подняться къ Антонинѣ Борисовнѣ?—спросилъ онъ Лыжина, когда камердинеръ вышелъ изъ кабинета.

— Съ удовольствіемъ, только позвольте мнѣ написать у васъ одно письмо.

— Сдѣлайте одолженіе.

Уходя, Кумачевъ обернулся къ столу, куда уже присѣлъ Лыжинъ, и, покачавъ головой, выговорилъ:

— Жаль, что вы не желаете проѣхать въ Питеръ; право, жаль.

„Питеръ“, вмѣсто „Петербургъ“, онъ говорилъ всегда, желая и въ этомъ держаться коренныхъ русскихъ названій.

Въ третій разъ счетомъ въ теченіе одной недѣли ему приводилось встрѣчаться съ барономъ и всегда въ одно и то же время. Правда, это пріемные часы Антонины Борисовны,—однако, что-то частенько.

И въ первый разъ, когда онъ проходилъ по первой гостиной, ему стало немного тревожно, точно онъ боялся на что-нибудь наткнуться, если войдетъ невзначай въ кабинетъ жены.

Даже захотѣлось кашлянуть.

Онъ отлично зналъ, что ничего подобного никогда не испытывалъ. Да и съ какой стати?

Раздались шпоры по ковру. Баронъ Гольцъ встрѣтился съ нимъ въ дверяхъ второй гостиной и, остановившись, отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Захаръ Лукьяновичъ задержалъ его руку и спросилъ:

— Куда же вы спѣшите, баронъ? Или много еще визитовъ?

— Есть,—лаконически выговорилъ Гольцъ.

— Долго еще пробудете у насъ, на Москвѣ?

— Еще не рѣшилъ... вѣроятно, до поста.

— Поживите.

Никогда еще Захаръ Лукьяновичъ не чувствовалъ себя такимъ джентльменомъ. И его голосъ звучалъ гораздо барственнѣе, чѣмъ у этого великосвѣтскаго офицера.

Проводивъ его до дверей первой гостиной, онъ спросилъ его на прощанье:

— Прикажете поклониться отъ васъ городу Санктпетербургу?

— Вы ѣдете?

Гольцъ спросилъ его умышленно спокойно.

— Какъ же, и не дальше, какъ сегодня вечеромъ.

Кумачевъ точно хотѣлъ и самого себя увѣрить, что онъ нисколько не смущенъ, да и офицеру показать, что не считаетъ его опаснымъ.

Входя въ кабинетъ жены, онъ подумалъ:

„А если бы вдругъ попросить Нину, чтобъ она поѣхала со мной?“

Средство показалось ему очень вѣрнымъ, только онъ опять-таки считалъ себя и ее выше такихъ подходовъ.

Будь онъ „самъ“ на старо-купеческій ладъ, онъ бы безъ церемоніи приказалъ ей укладываться, разъ его беспокоитъ то, что она остается безъ него.

Развѣ онъ, Захаръ Лукьяновичъ, способенъ на это.

Нина стояла передъ мольбертомъ, гдѣ уже зарисованы были ирисы, и смотрѣла на одинъ изъ цвѣтовъ.

— Это ты, Закки?

Липо ея было ясное, глаза блестящія, на губахъ легкая усмѣшка. Смущенія ни единой капли.

— Ниночка!—онъ иногда такъ ее звалъ,—ты, кажется, не очень рада, что я ѣду?

— Почему?

Она повела своими бархатными бровями.

— Вѣдь ты знаешь,—онъ взялъ ее слегка за талію и прошелся съ нею по комнатѣ,—изъ этого похода твой Закки можетъ вернуться... кое-съ-чѣмъ.

Для нея это было важнѣе, чѣмъ для него самого. Получи онъ давно желанное званіе, онъ имѣетъ входъ всюду, а въ ближайшемъ будущемъ и четвертый классъ, и губернаторство, если онъ этого пожелаетъ.

— Ты надѣешься?—спросила она ласково, но безъ всякаго оживленія.

— Постараюсь вести себя, какъ мальчикъ-пай и заслужить награду, прежде всего отъ моей женушки.

Никогда онъ не называлъ ее „женушка“.

Нина даже поглядѣла на него.

„Ой, попробуй средство!—подсказалъ себѣ Захаръ Лукьяновичъ.—Пригласи ее въ Петербургъ и подмѣчай, какъ она поведетъ себя“.

Пересилило сознаніе своего джентльменства.

— Ты скучать не будешь?—спросилъ онъ и поцѣловалъ ее въ шею.

Нина стояла неподвижно и та же холодная усмѣшка раскрывала ея пышный ротъ.

— Постараюсь не скучать.

Заслышавъ чьи-то шаги, она легкимъ притрогиваніемъ руки освободила свою талію.

— Это Юрій Петровичъ! — успокоительно выговорилъ Кумачевъ.

— А-а!

Она все-таки освободила свою талію и пошла къ ди-

вану, на который опустилась въ свою полулежащую позу. Захару Лукьяновичу было не по себѣ.

XXXIX.

Нина удержала Лыжина, послѣ того, какъ мужъ ея удалился.

Въ ней, на взглядъ Лыжина, была та „игра“ въ обращеніи съ мужемъ, какой прежде онъ не подмѣчалъ, что-то двойственное и трудно уловимое.

Когда они остались вдвоемъ и Нина прибажала подать чай, онъ сказалъ ей:

— Вы, Антонина Борисовна, какъ я же,—Петербургa не долюбиваете?

— Нѣтъ, — промолвила она, игриво поглядывая на него. — Съ Закки я не разсудила ѣхать. Зачѣмъ? Только ему мѣшаты! Онъ цѣлые дни будетъ представляться и развѣзжать по министерствамъ разнымъ... Морозы ужасные. И никого мнѣ не хочется особенно видѣть. Къ Фигнеру я равнодушна, достаточно слушала его и здѣсь... А Михайловскій театръ ужасно упалъ.

„Хитришь ты, голубушка, — весело поправляя ея, про себя, Лыжинъ. — И хитришь довольно ловко, отдаю тебѣ справедливость“.

Въ немъ, противъ собственнаго ожиданія, заговорило не злорадство барина при видѣ того, какъ зазнавагосся купчишку начинаетъ артистически обманывать его жена, родовитая дворянка, — нѣтъ, совсѣмъ противоположное.

Захара Лукьяновича ему становилось жалко, какъ бы обидно за него.

— Вы скучать безъ него не будете, — сказалъ онъ не звукомъ вопроса, а съ интонаціей увѣренности.

Нина поглядѣла на него пристально.

Ея тонъ былъ сегодня не такой, какъ на-дняхъ, проще и съ явнымъ оттѣнкомъ почти пріятельской искренности.

И это онъ отмѣтилъ, про себя.

Лыжина случай посылалъ ей, какъ единственнаго человека, котораго она могла приблизить къ себѣ, ничѣмъ не рискуя. Свою пріятельницу Напоп она не желала дѣлать своей наперсницей. Та придастъ всему банальный характеръ и начнетъ болтать по всему городу, хотя и станетъ божиться и клясться, что тайна умретъ съ ней вмѣстѣ. Къ Эсаулову она охладѣла... Да и ничего нѣтъ

глупѣе, какъ говорить о своемъ любовномъ дѣлѣ мужчинѣ, который когда-то имѣлъ на васъ брачные виды.

Оставаться совсѣмъ одной съ своимъ „секретомъ“ было ей тяжело, чего она и сама бы не ожидала отъ себя. Только Лыжина она считала человѣкомъ „de son bord“ въ своемъ домѣ, и съ того дня, когда, въ этой самой комнатѣ, она поцѣловала Гольца, ей надобенъ былъ сообщникъ-пріятель, съ которымъ она чувствовала бы себя въ своемъ лагерѣ, въ лагерѣ людей родовитыхъ, надѣленныхъ бѣлой костью. Такому сообщнику будетъ лестно ея довѣріе. Онъ его пойметъ, онъ умный и бывалый холостякъ. Хорошія чувства въ своему „принципалу“ онъ врядъ ли можетъ имѣть. Милліоны, себѣ на умъ и напускное джентльменство Захара Лукьяновича должны тайно раздражать такого тонкаго человѣка, какъ Лыжинъ.

Въ глазахъ Нины онъ не прочелъ никакого предвѣщенія скуки одиночества по отъѣздѣ супруга.

— Затѣмъ, Юрій Петровичъ,—шутливо начала Нина,—говорить мнѣ казенныя фразы? Мы съ вами выше этого. Развѣ я сентиментальная Пульхерія Ивановна? Нашъ медовый мѣсяцъ давно прошелъ. И, вообще, мы держимся правила не быть постоянно вмѣстѣ. Развѣ вы не находите, что такъ лучше?

Лыжинъ молча согласился наклоненіемъ головы. Онъ могъ бы сейчасъ же перевести разговоръ туда, гдѣ Нина ждала его... И почему-то медлилъ, съ какой-то полусознательной хитростью.

— Знаете, — продолжала Нина въ нѣсколько иномъ тонѣ, — въ страстныхъ и сентиментальныхъ супружествахъ часто выходятъ такіе перевороты. Вы слышали, Юрій Петровичъ, про Орѣхову, двоюродную сестру нашего знакомаго... вы съ нимъ познакомились у насъ на обѣдѣ... Помните, когда были въ первый разъ?

— Помню, помню.

— Она была сирота и наслѣдница шести милліоновъ.

— Господи!

— Только у купчихъ и могутъ быть такія безумныя деньги. Она еще дѣвочкой влюбилась въ приказчика своего дяди. Жгучая страсть! Опекунъ ей не позволялъ. Она тайно обвѣнчалась... Красавецъ-мужчина, какъ выражается Захаръ Лукьяновичъ.

Лыжинъ замѣтилъ, что она въ первый разъ называла своего мужа по имени и отчеству, а не „Заки“.

— Пожили два года! Любовь такая, ни въ сказкѣ разсказать!.. Un Véruve, quoi! И вдругъ встрѣча съ теноромъ—мужъ получаетъ миллионъ. Это у нихъ,—протянула она съ усмѣшкой,—называется...

— Отступное?—подсказалъ Лыжинъ.

— Ха-ха! Вы знаете? Да, да, отступное. Премилое слово... И разводъ готовъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца.

— Можно и скорѣе,—прибавилъ Лыжинъ.

— Можно?—спросила она, вдругъ блеснувъ глазами, и вся придвинулась къ нему, полулежа на диванѣ.

— Это зависитъ отъ капиталовъ.

— А что... это стѣитъ обыкновенно? Знаете... не такъ, чтобы глупо бросать... Вѣроятно, существуетъ что-нибудь въ родѣ таксы?

— Не прицѣнивался, Антонина Борисовна... Что-то, однако, приводилось слышать...

— Тысячъ двадцать, тридцать?

— Гдѣ! Это слишкомъ! Даже и для богачей дешевле.

— Неужели не больше десяти?

— Простыхъ смертныхъ и тысячи за двѣ освобождаютъ отъ узъ. Конечно, не такъ скоропалительно, съ нѣкоторой проволочкой. Кажется, дорогой цѣной считается—тысячъ шесть-семь.

— Mais c'est une misère!

Они оба засмѣялись, и Нина, не мѣняя своей полулежащей позы, наклонилась надъ маленькимъ японскимъ столикомъ, гдѣ стоялъ стаканъ Лыжина. И онъ придвинулся къ дивану.

— Особенно для такихъ барынь, какъ та коммерсантка, про которую вы сейчасъ рассказывали.

— Знаете, Лыжинъ,—съ злобнымъ блескомъ въ глазахъ продолжала Нина.—Вѣдь только эти купчихи и живутъ... selon leur fantaisie. Точно дарицы какія-нибудь, въ родѣ Клеопатры. Для нихъ нѣтъ препятствій... Выходятъ замужъ, откупаются отъ мужей, берутъ новыхъ, заводятъ обожателей. Enfin, elles jouissent de la vie, comme personne!

— Кажется, и въ дворянскомъ обществѣ нынче довольно часты разводы?

— Бываютъ! Въ Петербургѣ гораздо чаще, чѣмъ въ Москвѣ. Только,—она пренебрежительно улыбнулась,—все это гораздо трусливѣе... Cela traîne! Нѣтъ смѣлости!

— Потому что капиталы не тѣ.

— Ха-ха-ха! Можетъ-быть. En un mot, c'est plus mesquin! И это—право обидно.

Она не досказала чего-то. Лыжинъ посмотрѣлъ на нее, улыбаясь, и потише спросилъ:

— Вамъ что же завидовать, Антонина Борисовна,—вы далеки отъ всей этой купли-продажи мужей и женъ.

Не безъ задней мысли сказалъ онъ это и ждалъ.

Не сразу отвѣтила Нина. Она потянулась, закинула полюбившія руки за шею движеніемъ, полнымъ нѣги, и промолвила:

— Я никогда никому не завидую. Но, не правда ли, намъ, женщинамъ d'un tout autre monde, — вставила она по-французски, — приходится брать примѣръ съ такихъ вотъ господъ. Онѣ только, повторяю, и умѣютъ жить и ставить свои страсти или даже... une simple toquade— выше всего. Онѣ только и умѣютъ кидать милліоны. Ça, c'est crâne! — почти крикнула она и вдругъ подобралась, опустила ноги и торопливо спросила:

— Какой можетъ быть часъ?

— Четыре, — отвѣтилъ Лыжинъ, посмотрѣвъ на свои часы.

— Ah, mon Dieu! Я опоздаю!

Нина вскочила и, протягивая ему руку, — Лыжинъ тоже поднялся, — сказала потише:

— Мнѣ надо быть къ пяти въ манежъ.

— Берете уроки?

— Я ѣзжу съ дѣтства. У насъ репетиція карусели. Вы не ѣздите?

— По-казацки... По-ученому не умѣю.

— Когда у насъ пойдетъ получше — не хотите ли посмотреть?

Лыжинъ поблагодарилъ молча.

Для него все выяснилось. Она заспѣшила въ манежъ, гдѣ будетъ ѣздить съ барономъ. Въ отсутствіе Захара Лукьяновича произойдетъ нѣчто, если уже не произошло, судя по тому, что онъ схватилъ въ ея разспросахъ насчетъ расходовъ по бракоразводнымъ дѣламъ.

„Неужели она уже такая прожженная?“ — спросилъ онъ себя, проходя вторую гостиную, и вспомнилъ, что Кострицынъ этимъ именно словомъ выразился какъ-то про Липу Углову. Нѣтъ, Липа такъ же, какъ и онъ — обломокъ крушенія и способна очутиться теперь за тысячи верстъ отъ

всякой актерской суеты и женской погони за серьезной ли любовью, за мелкими ли интригами.

Ей далеко до Антонины Борисовны. Будь у этой собственной миллионъ, она врядъ ли бы бросила его на отступное мужу; заведя друга, придержала бы свой капиталъ и только въ случаѣ прямой выгоды взять во вторые мужа любовника — начала бы добиваться развода у перваго.

Не ошибается ли она? Захаръ Лукьяновичъ можетъ оказаться посильнѣе ея натурой. Да и капиталы всѣ у него. Дарственной записи онъ еще не сдѣлалъ, въ пользу своей, хотя бы и обожаемой, жены.

Въ уборной Нина, одѣваясь въ амазонку, чувствовала себя гораздо какъ-то „уютнѣе“ послѣ разговора съ Лыжинымъ. Она была убѣждена, что очаровываетъ его своей простотой и смѣлостью. Такого пособника ей необходимо имѣть. Онъ — не „купчишка“, а свой братъ, дворянинъ, и что бы ни случилось — у ней всегда будетъ подъ рукой вѣрный человекъ. Ходы свои съ нимъ она прекрасно разочла. Да и что тутъ мудренаго, когда она и тому, кто ее захватилъ не на шутку, не желаетъ давать ходовъ больше того, какіе она разсудила допустить въ ожиданіи минуты, когда она доведетъ все свое „дѣло“ до желаннаго исхода.

XL.

Князь Иларіонъ съ самаго завтрака не выходилъ отъ себя. Лампа давно уже погасла у него на письменномъ столѣ, съ приѣзда его покрытомъ рукописями и тетрадами всякихъ форматовъ.

Вчера вечеромъ уѣхалъ Захаръ Лукьяновичъ и, прощаясь съ нимъ, — онъ зашелъ къ нему сюда, — нѣсколько разъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Позвольте пожелать вамъ, князь, добраго здоровья и полного успѣха.

Онъ поглядѣлъ при этомъ на столъ съ рукописями... Князь даже покраснѣлъ. Это былъ прямой вызовъ: „обратись, молъ, ко мнѣ; я тебѣ издамъ хоть десять томовъ“.

Но ему опять стало совѣстно воспользоваться этимъ.

Кумачевъ, у двери, прибавилъ и какимъ-то особеннымъ тономъ:

— Спокойствіе моего дома, князь, поручаю вашему до-

броду вниманію. Ваша племянница привыкла почитать васъ; ежели что—прошу не оставить ее вашими совѣтами.

И не сразу ушелъ, а поглядѣлъ на него довольно-таки пристально.

Эти слова запали въ душу князя. Племянницу свою онъ еще сегодня не видалъ. Она дома не завтракала. Онъ съ ранняго утра сидитъ надъ тетрадями. Въ который разъ располагаетъ онъ ихъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, и только сегодня написалъ опъ своимъ крупнымъ живописнымъ почеркомъ полное оглавленіе, раздѣливъ свой трудъ на три отдѣла: общій и два конкретныхъ. Одинъ изъ нихъ—основы этики (онъ вездѣ писалъ по-старинному: *иэтика*), какъ осуществленіе міровой красоты и свободы и ея олицетворенія въ женщинѣ, ея любви, ея животворной роли въ родовомъ укладѣ, въ семьѣ и обществѣ.

Съ того вечера, когда князь вернулся послѣ пренія съ Кострицынымъ, его „трудъ“ — эти нѣсколько разъ переписанныя тетради — сталъ ему еще дороже. Онъ пугался мысли скоропостижно умереть, даже не прочитавъ ихъ никому, не вызвавъ ни въ комъ отклика, ни въ одномъ молодомъ существѣ. На студентовъ онъ не надѣлся. Они слишкомъ далеки отъ его міропониманія.

Переводъ подлинныхъ книгъ, изданныхъ еще самимъ учителемъ, лежитъ у него въ особомъ сундукѣ, въ спальнѣ. Тамъ уже нечего пересматривать.

Ему сдѣлалось совѣстно, когда онъ подумалъ, что на изданіе тѣхъ книгъ онъ точно поставилъ уже крестъ, а собственныя „измышленія“ все еще надѣется напечатать, найдя издателя. Положимъ, онъ завѣщаетъ весь этотъ многотомный трудъ, трудъ всей жизни, публичному книгохранилищу.

Перечитывая отдѣльные параграфы, князь все разгорался. Ему казалось уже менѣе унизительнымъ предложить Захару Лукьяновичу изданіе его „Введенія“ въ истинное пониманіе системы великаго мыслителя. Это ему будетъ доступнѣе, чѣмъ всѣ томы Феноменологии, Энциклопедіи и другихъ частей ученія, выпущенныхъ самимъ учителемъ, — на это князь особенно сильно напиралъ и считалъ лекціи, вышедшія по смерти его, не подлинными по тексту. И ему сдавалось, что духъ этихъ посмертныхъ лекцій жилъ только въ немъ. Ученіе о прекрасномъ излагалъ онъ въ своемъ собственномъ трудѣ особенно по-

дробно. Надъ изложеніемъ этихъ главъ сидѣлъ всего больше.

Изъ нихъ надо выбрать самыя глубоко продуманныя страницы и, прежде чѣмъ знакомить съ ними Захара Лукьяновича, прочесть ихъ Нинѣ. Въ ту ночь, когда онъ началъ ей излагать идею красоты, претворенной въ естество женщины, она была слишкомъ первна. Но умъ у ней есть, и характеръ, и вѣрное чувство того, чѣмъ должна быть женщина. Она не держится разсудочно-лживыхъ поположеній къ эмансипаціи, не добивается равенства съ мужчиной во всемъ томъ, что и въ немъ самомъ—только проявленіе его болѣе грубой и матеріально-ограниченной натуры. Отъ нея исходитъ на весь домъ дуновение красоты, достолюбезности, граціи и высшей свободы духа, присущей существамъ ея пола.

Съ разгорѣвшимися щеками и поводомъ правой бровью, перечитывалъ князь тѣ мѣста одной изъ тетрадей, гдѣ всего ярче и неотразимѣе представлены доказательства того, на чемъ зиждется духъ женщины, любовь и семейный союзъ, безъ котораго немислимъ никакой общественный укладъ. Вотъ эти мѣста онъ и прочтетъ Нинѣ, можетъ-быть, сегодня же, до ихъ обѣда. А первоосновы ученія о красотѣ, какъ источникъ добра, повезетъ прочесть къ Цыбашеву, которому онъ еще ничего не читалъ... Пускай тотъ скажетъ свое слово, если не о самомъ ученіи — спорить съ нимъ ему будетъ тяжело, — то объ языкѣ, методѣ и силѣ діалектическихъ „предпосылокъ и королларіевъ“.

Чѣмъ онъ внимательнѣе просматривалъ, тѣмъ сильнѣе увлекался самой формой изложенія и незамѣтно началъ читать вслухъ все громче и громче. Перелистывая медленно свои фоліанты и пропуская цѣлыя страницы, онъ выговаривалъ медленно своимъ музыкальнымъ басомъ, съ легкой хрипотой:

— „Красота женщины есть сладкое и непреодолимое плѣненіе, производимое ею на все окружающее. Ей все безгранично подчинено; никто и ничто не хочетъ сбросить съ себя ея плѣнительнаго ига. Въ ней красота — божественное сліяніе необходимости и свободы. Она есть чудо, и только грубый реализмъ не понимаетъ его“...

Тутъ князь закинулъ голову назадъ и, съ тихой восторженностью оглянувъ комнату, повторилъ:

— Великое чудо!

Страницы собственной прозы неудержимо привлекали его.

Онъ продолжалъ, пропуская по цѣлымъ страницамъ, выговаривать вслухъ:

— „Красота женщины есть сочетаніе несочетаннаго“...

— Разумѣется, — остановилъ онъ себя, — теперешніе разсудочники поднимутъ меня на смѣхъ за такое выраженіе, но лучше не придумаешь.

— „Сочетаніе несочетаннаго“, — съ наслажденіемъ и убѣжденно повторилъ онъ и продолжалъ выхватывать изъ рукописи:

„Только одна красота — истинно реальна; матеріальная же реальность есть несообразность, полная противорѣчій. Сфера красоты — величайшая поэма человѣчества, ибо человѣкъ дѣйствительно живетъ лишь въ образахъ прекраснаго. Женщина согрѣла красоту на своей груди. Мужчина — грубый и жалкій умникъ“!..

Эту фразу князь раскатисто пустилъ по просторной комнатѣ и тряхнулъ сѣдыми кудрями.

„Для женщины сама жизнь есть цѣль; все же остальное — подспорье жизни. Нравы создаетъ только женщина. Она — великій художникъ и творить въ себѣ, собою, и себя самою, а черезъ то — семью, общество, все человѣчество. Она все въ себѣ самой вдохновляетъ и живетъ абсолютнымъ образомъ божественной красоты“...

Въ головѣ князя естество женщины окружило въ ту минуту сіяніе, и онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя ярче и значительнѣе выразить всѣ эти для него лучезарныя истины.

„Она сама себя похищаетъ и тѣшитъ, и гонитъ изъ себя во внѣ то, что кроется въ тайникахъ ея естества. Въ силѣ ея любви — вся безпредѣльность бытія“...

Остановившись, князь быстро перевернулъ листъ и торжественно воскликнулъ:

„Ибо нельзя любить человѣка вообще или общечеловѣка внѣ проникновенія въ его духъ, внѣ великой тайны общенія мужчины и женщины“...

Онъ всталъ отъ волненія, отеръ влажный лобъ и нѣсколько разъ прошелся широкимъ шагомъ по комнатѣ.

Тетради все еще прельщали его. Онъ разохотился, и ему пришла тутъ же мысль: „если онъ такъ же горячо и вѣско прочтетъ эти мѣста племянницѣ — она будетъ захвачена и повліяетъ на мужа. Вѣдь она, какъ большин-

ство женщинъ, не догадывается, какую „идею“ она собою изображаетъ въ брачномъ союзѣ.

На бракъ и семью князь держался взглядовъ въ строгой послѣдовательности съ своими „первоосновами“. Ему противны были всѣ новѣйшіе протесты, ведущіе къ торжеству ограниченнаго и безнравственнаго договорнаго начала.

„Любовь родовая, — слово: „половая“ онъ не хотѣлъ ставить, — началъ онъ опять читать вслухъ, — высшій вдохновенный актъ воли. Не разумѣя глубочайшаго смысла бытія, нельзя и любить, нельзя и создавать брачнаго союза. Женщина и мужчина — высочайшія антимоніи. Женщина — осуществленная мечта дѣйствительности, и мечты этой не увидишь на торжищахъ возможности вещественной жизни“...

Восхищенный послѣднимъ опредѣленіемъ, онъ еще разъ повторилъ его.

„Въ своемъ домѣ женщина представляетъ собою самое дыханіе жизни. Сила родового начала претворяется въ ней въ ангельскую чистоту, въ радость, милосердіе, свободу и нетлѣнную красоту“...

Слезы задрожали въ могучихъ перекатахъ голоса.

Медленно и тихо проговорилъ онъ послѣднія тирады, доканчивая пересмотръ отдѣла.

„Первая *ипостась* добра и есть семья. Говорить о якобы рабской неволѣ семейнаго союза — все равно, что нападать на жизнь за то, что въ ней есть самаго коренного и законодѣрнаго“...

Этотъ аргументъ показался ему сегодня еще несокрушимѣе.

„Все существуетъ только въ своемъ предопредѣленіи, — сталъ онъ читать болѣе заorno. Безъ обязательствъ ничего создаться не можетъ. — Бракъ есть проявленіе абсолютной свободы, актъ воли, упоенной глубочайшимъ смысломъ жизни“...

Его переполнило влѣдъ за этимъ умиленіе отъ величія идей, навѣянныхъ на него тѣнью великаго учителя.

„Мужчина и женщина одинаково стремятся къ союзу; а то, къ чему стремишься, не въ нашей волѣ. Въ семьѣ совершается духовная жертва, въ мірѣ же вещественныхъ реальностей нѣтъ ничего священнаго, какъ нѣтъ и ничего истинно-животворнаго. Только въ мірѣ дѣйствитель-

ности духа, красоты и свободы то, что согрѣто любовью, безусловно нерасторжимо“...

Нерасторжимость брачнаго союза являлась передъ его умственнымъ взглядомъ твердыней, которую по существу никто и ничто не одолѣетъ.

„Брачный союзъ, — читалъ онъ восторженно, забывая, гдѣ онъ, — несокрушимъ. Договоръ и разводъ — жалкое безобразіе. Отнять жену у мужа — значить, лишить его дѣйствительнаго бытія. Отнять мужа у жены — лишить ее руководящаго разума. Вспыхнетъ огонь семейнаго очага, и безпутный просторъ холостяка превратится въ чудный храмъ съ алтаремъ неугасимой любви. Въ брачномъ союзѣ вѣчность удваивается: происходитъ божественное сліяніе двухъ вѣковѣчныхъ стремленій“...

Закрывая тетрадь, князь произнесъ такимъ же умиленно-торжественнымъ звукомъ:

— Въ супружеской любви человѣкъ и природа взаимно проникаются въ одно цѣлое, утверждаютъ себя и находятъ себѣ высшее оправданіе.

Онъ такъ былъ захваченъ своимъ чтеніемъ, что, взявъ тетрадь, быстро вышелъ съ себя, поднялся наверхъ и изъ полуосвѣщенной первой гостиной направился къ племянницѣ.

Въ дверяхъ ея кабинета, на болѣе свѣтломъ фонѣ, онъ увидѣлъ ее и рядомъ высокаго офицера.

Князь не узналъ Гольца.

Ему показалось—онъ вдаль видѣлъ еще прекрасно, что Нина, прощаясь съ офицеромъ, прильнула къ нему.

Князь сталъ какъ вкопанный и правой рукой взъерошилъ волосы. Тетрадь упала на коверъ. Онъ въ большемъ смущеніи поднялъ ее и тѣмъ же быстрымъ шагомъ пошелъ назадъ съ пылающими щеками.

XLI.

Въ избушкѣ Цыбашева гости и хозяинъ только что отпили чай.

Противъ кресла Порфирія Алексѣевича, сидѣвшаго съ покрытыми одѣяломъ ногами, помѣщался князь Иларіонъ. Правѣе, ближе къ письменному столу, въ покойной, сторбленной позѣ, курилъ докторъ Гурьяновъ.

Больше гостей не было. Передъ чаемъ князь уже читалъ—взволнованнымъ голосомъ, безъ увѣренности—общую часть „Введенія“.

Онъ все еще не могъ оправиться: своимъ дальнор-
кимъ глазамъ онъ довѣрялъ. По-старинному, ему слѣдо-
вало бы, выпроводивъ того офицера, накинуться на пле-
мянницу, погрозивъ сообщить обо всемъ мужу, если она
не прекратитъ тотчасъ же свои шуры-муры.

И безъ гнѣвнаго разноса можно было бы поговорить
съ ней. На это онъ имѣлъ родственное право, да и долгъ
человѣка и мыслителя приказывалъ подѣйствовать сло-
вами разума и любви.

Не пошелъ онъ ни на то, ни на другое. Въ него за-
кралась неувѣренность. Онъ могъ и ошибиться. Въ гости-
ной стоялъ полусвѣтъ. Съ поличнымъ онъ ихъ не захва-
тилъ бы: они услышали бы его сильные шаги. Нина,
пожалуй, обрѣзала бы его словами:

— Вы, дядя, подсматриваете за мною?

Обѣдать съ нею съ-глазу-на-глазъ онъ не былъ въ
состояніи, ушелъ со двора, поѣлъ за кухмистерскимъ
общимъ столомъ, гдѣ-то на бульварѣ, потомъ все еще въ
волненіи часа два ходилъ по сильному морозу, дошелъ
до Дѣвичьяго Поля и оттуда уже отправился на Плю-
щиху, къ Цыбашеву.

Онъ ухватился за это чтеніе. Быть-можетъ, онъ най-
детъ у него одобреніе. У Цыбашева большое знакомство.
Поговорить съ какимъ-нибудь издателемъ или купцомъ,
играющимъ роль мецената: такихъ теперь довольно на
Москвѣ; торгуютъ чаемъ или хлопкомъ, а издаютъ на-
учныя и даже „философическія“ книжки.

Когда онъ подходилъ къ домику Цыбашева, его взялъ
новый приливъ стыда.

Къ чему непременно добиваться появленія въ печати
его „Введенія“, когда онъ уже помирился съ тѣмъ, что
„подлинныя“ книги учителя останутся, и послѣ его смерти,
въ видѣ рукописи?

„Вѣдь надо и честь знать! — повторялъ князь, шагая
по неровнымъ, узкимъ тротуарамъ московской окраины. —
Просто хочу слышать живое слово человѣка, хорошо зна-
комаго съ ученіемъ, не такого софиста и декадента, какъ
тотъ рѣчистый приказчикъ Захара Лукьяновича“...

Кострицына онъ, послѣ того, видѣлъ раза два въ домѣ
племянницы, но въ пренія больше съ нимъ не вступалъ,
чувствуя совершенную ихъ бесполезность.

Чтеніе длилось до чаю, съ добрый часъ. Онъ цѣли-
комъ прочелъ двѣ главы, въ которыхъ полагались пред-

посылки всего того сооруженія діалектики, откуда онъ, сидя у себя, такъ вдохновенно декламировалъ самыя вѣскія положенія.

Цыбашевъ слушалъ внимательно, но съ утомленнымъ лицомъ. Наканунѣ у него былъ сильный припадокъ, и докторъ Гурьяновъ, при князѣ, сказалъ ему:

— Пожалуйста, Порфирій Алексѣевичъ, ровно въ десять гоните насъ... Не увлекайтесь разговоромъ, особенно на отвлеченныя темы.

Авдотья Ѳоминышна, не очень дружелюбно поглядывая на князя, за его долгое чтеніе, унесла въ послѣдній разъ подносъ съ чашками.

Развернувъ опять свою рукопись, князь тихимъ голосомъ и осторожно поглядывая изъ-подъ своихъ бровей на хозяйина, сказалъ:

— Позвольте продолжать... или имѣете сдѣлать мнѣ замѣчанія насчетъ отдѣльныхъ мѣстъ? Я буду вамъ, Порфирій Алексѣевичъ, много обязанъ, если не по существу, то въ смыслѣ діалектическомъ.

Цыбашевъ слегка нахмурилъ лобъ.

Ему было не особенно пріятно огорчить князя.

— Видите ли, Иларіонъ Ивановичъ,—какъ бы нехотя началъ онъ,—вы, какъ вѣрный поборникъ системы, вѣрны и языку вашего учителя.

— А то какъ же?—наивно спросилъ князь и оглянулъ обоихъ собесѣдниковъ.

— Я и не дѣлаю вамъ изъ этого ни малѣйшаго упрека. Но вѣдь вы желаете, конечно, чтобы васъ прочло возможно большее число?

— На пониманіе массы, грамотной черни... тѣхъ, что я называю чернью... рассчитывать не должно.

— А специалистовъ по философіи и вообще людей въ ней очень начитанныхъ сколько во всей Россіи? Сотня—много двѣ. Ихъ вы не убѣдите.

— Постараюсь.

— Массу можно только оттолкнуть изложеніемъ. Съ ней надо говорить ея языкомъ. Нѣкоторые термины, которые намъ, старикамъ, съ перваго разу понятны, имъ покажутся тарабарщиной.

Князь жалобно усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

Иначе я писать не умѣю, — смиренно выговорилъ онъ.

— Позвольте мнѣ на минутку самому прочесть! Андрей Сергѣичъ, дайте мнѣ очки.

Гурьяновъ поглядѣлъ вбокъ на своего пріятеля и какъ бы желая ему сказать: „напрасно вы будете напрягаться, дружище“.

Цыбашевъ не обратилъ вниманія на взглядъ доктора, и какъ только надѣлъ очки и приблизилъ рукопись къ свѣчѣ—оживился; глаза его заиграли.

Онъ началъ пробѣгать ими по страницамъ.

— Вотъ! Сейчасъ!.. Вы позволите, князь?

— Поклонюсь въ ножки за всякое доброе слово.

— Напримѣръ, эта фраза,—Цыбашевъ кинулъ взглядъ на Гурьянова:—„Мертвенная потуга всяческихъ пополюзовеній“... Согласитесь... Молодежь сейчасъ...

— Подниметь на смѣхъ?—подсказалъ князь.

— Да, будетъ глумиться непременно. Вашу мысль можно понять; но выборъ словъ... отзывается именно потугой. Ха-ха! Извините за каламбуръ. Или, напримѣръ, такой серьезнѣйшій для насъ аргументъ: „Въ разсѣянности явленій данъ разуму смыслъ бытія“.

— Какъ же можно иначе выразить?—строже спросилъ князь.

— Но вѣдь это мы съ вами понимаемъ, въ какомъ смыслѣ вы ставите тутъ слово „разсѣянность“.

— Разбросанность?

— А масса вашихъ читателей сразу этого не пойметъ. Или, напримѣръ, идущая въ концѣ той же страницы фраза: „Бытіе, разумъ, любовь—суть образы одного и того же умонапряженія“. Грубнѣйшій человѣкъ... и я этого не поймалъ.

— Какъ же иначе?—крикнулъ князь и заходилъ по комнатѣ.—Коль скоро отъ идеи идетъ все, то мы только напряженіемъ нашего идейнаго „я“ можемъ возсоздавать такія категоріи, какъ бытіе, разумъ или любовь.

— Помилуйте... Это тавтологія, и притомъ неудобоваримая... Умъ, напрягаясь, рождаетъ разумъ. Это даже и по-гегельянски невѣрно. Умъ есть по-нѣмецки *Verstand*, а разумъ—*Vernunft*, и умъ, разсудокъ, находится въ подчиненіи у разума?

... Да-а,—озадаченно вымолвилъ князь и засунулъ пальцы правой руки въ волосы.

— Или вотъ еще: „Красота есть дѣйствительный образъ“. Вѣдь это только начетчикъ по діалектикѣ идеализма пой-

метъ, что вы хотите тутъ сказать словомъ *дѣйствительный* въ противоположность всему случайному и преходящему, недѣйствительному.

Щеки Цыбашева разгорѣлись. Въ немъ профессоръ и знатокъ языка проснулся и заигралъ.

Князь облокотился объ уголъ шкапа и стоялъ въ позѣ экзаменующагося студента.

— И рядомъ съ этимъ — чрезвычайно мѣткія старинныя слова. Напримѣръ, хоть бы такая строка: „навечеріе нашего земного бытія“. Прекрасно: „навечеріе“...

Лицо князя сейчасъ же распустилось въ улыбку.

— Затѣмъ есть просто вещи, способныя сбить съ панталыку всякую молодую нетвердую голову.

— Боже меня избави!

— Помилуйте! Вдумайтесь только въ рядъ такихъ изреченій...

Цыбашевъ сталъ читать, подъ-рядъ, дѣлая короткія паузы между отдѣльными фразами.

— „Видѣ человѣка все научное—безсмысленно. Человѣкъ творитъ жизнь силою своего вдохновенія, и его призваніе—побѣдить свою реальную судьбу. Красота доступна человѣку—и она лишь реальна; реальность же преходящаго вещества есть несообразность, полная противорѣчій“. Каково, Андрей Сергѣичъ?

— Слышу, слышу!

— „Посему,—продолжалъ горячѣе читать Цыбашевъ,— посему красота не нуждается въ услугахъ знанія; знаніе же должно быть утверждено и озарено красотой“...

Онъ положилъ тетрадь на колѣни и всплеснулъ руками.

— Батюшка! Ваше сіятельство! На чемъ же могутъ держаться такіе афоризмы? Вѣдь это въ юной головѣ произведетъ, извините меня, чудовищный кавардакъ.

— *Еже тисахъ—тисахъ!*—выговорилъ князь упавшимъ голосомъ.

— Кто сказать эти слова? Уклончивый римскій чиновникъ! Вамъ они врядъ ли пристали. Искренность вашу я безусловно признаю; по одной ей мало, князь. Вы вотъ, двумя страницами дальше, изволите опредѣлять три сорта мыслителей и обращаетесь съ ними... *trois cavaliers*.

— Гдѣ же, скажите на милость?

Князь подошелъ къ креслу Цыбашева и заглянулъ, черезъ голову его, въ рукопись.

— А какъ же! Извольте. Чтò же это такое: „Одни,— то-есть крайніе спиритуалисты,—пояснилъ онъ въ сторону Гурьянова,—впадаютъ въ ложное притязаніе своей облыжной свободы“. Ну, это еще куда ни шло, хотя и очень туманно выражено. „Другіе—и это всѣ мы, кто держится знанія и опыта—довольствуются механическимъ безсмыслиемъ!“ Благодарю покорно! За всѣ наши труды и стремленія, за все, чтò намъ пришлось испытать горькаго и тяжкаго—человѣкъ вашихъ лѣтъ и вашего душевнаго благородства кидаетъ намъ такой приговоръ!

— Я разумѣю фанатиковъ узкаго позитивнаго духа.

— Вы не оговариваетесь! Даже вашъ приговоръ эклектикамъ, что они „пытаются все склеить своей разсудочной глупостью“, я считаю глубоко-несправедливымъ. Есть всякіе эклектики, и нѣкоторые изъ нихъ принесли вашему же гегельянству большую услугу! Первый—блаженной памяти Кузень.

— Не надо его! Не надо его!—гнѣвно крикнулъ князь и даже замахалъ руками.

Цыбашевъ собрался возразить, но изъ двери показалась голова Авдотьи Ѳомины.

— Довольно, Порфирій Алексѣевичъ, довольно! Властью ипѣ данной объявляю преніе законченнымъ! — сказалъ Гурьяновъ и взялся за шапку.

Десять минутъ спустя, князь шагаль по безмолвному бульвару, и жесты рукъ его показывали, что онъ горячо думаетъ.

Цыбашевъ — даромъ, что когда-то зашибался самъ Гегелемъ — доканаль его. Куда же тутъ издавать свою книгу? Только вызывать гомерическій хохотъ мальчишекъ и вреднѣйшихъ суеслововъ, въ родѣ господина Кострицына.

Дома ему также жутко. Съ племянницей ему противно будетъ объясняться. Она загрязнила сразу образъ красоты и свободы—„на алтарѣ семейнаго храма“.

„Пора уходить со всѣту,—повторялъ онъ.—А пока земля не приберетъ, лучше возиться съ мужичками“...

И онъ вспомнилъ, что подъ Москвой живетъ его ученикъ, крестьянинъ, выписавшійся въ мѣщане, котораго онъ выучилъ дѣлать сыръ „на манеръ сестера“, какъ тотъ выговаривалъ.

„Поѣду къ нему въ гости, на двое сутокъ“, — рѣшилъ старикъ, переставъ разводить руками, и пошелъ спокойнѣе.

XIII.

Парныя четверокошныя сани подъѣхали къ крыльцу гостиницы „Дрезденъ“.

На переднемъ сидѣньѣ Нина помѣстила англичанку-бонну съ дѣтьми, Борей и Китти.

Дѣти, нарядно и тепло одѣтыя, держались по обѣимъ сторонамъ бонны.

— Мы выйдемъ всѣ, — сказала ей Нина по-англійски, — никакого другого языка та не понимала. — Боря, выльзай!

Она сама разстегнула полость саней и первая вышла на крыльцо.

Стояла ясная, не очень морозная погода. По Тверской и по площади оживленно мелькали сани и пѣшеходы. Шелъ третій часъ.

Лакея она нарочно не взяла. У швейцара, отворившаго имъ дверь, она ничего не спросила и прошла наверхъ. Бонна и дѣти поднимались за ней слѣдомъ.

Дѣтей взяла она кататься. Дорогой она какъ будто что вспомнила и сказала англичанкѣ:

— Я должна сдѣлать визитъ... Это въ отелѣ, и дѣти могутъ подождать въ коридорѣ и отогрѣться.

Англичанка, очень молчаливая особа, только наклонила голову. Она ничего не знала и не подозрѣвала, кого могла Нина встрѣтить въ этомъ отелѣ и кто у ней бывалъ изъ молодыхъ людей. Кромѣ дѣтей, она ничего не знала въ домѣ и цѣлые дни проводила въ дѣтской.

— Дѣти! Вы посидите здѣсь. Вотъ тамъ диванъ. Только не шумѣть!

Она скорымъ шагомъ повернула вправо.

У проходившаго офиціанта спросила, въ концѣ коридора:

— Гдѣ стоятъ Игумновы?

Фамилію Нина не выдумала. Она знала, что такая помѣщицья семья живетъ, по зимамъ, въ Москвѣ и, кажется, въ этой гостиницѣ.

Офиціантъ взглянулъ на нее и, подумавъ, отвѣтилъ:

— У насъ такихъ нѣтъ, сударыня.

— Вы навѣрно знаете?

— Нешто сегодня утромъ прїѣхали... Я справляюсь у швейцара.

Онъ побѣжалъ внизъ, по другой лѣстницѣ.

Нина оглянулась и, что-то вспомнивъ, пошла назадъ, повернула влѣво и у одной изъ дверей постучалась.

Оттуда тотчасъ же вышелъ Гольцъ.

— Bonjour! — вызывающимъ тономъ выговорила она. — Me voilà!

Онъ, немного смутившись, протянулъ ей руку и взялся за дверь.

— Voulez-vous entrer? — спросилъ онъ вполголоса.

— Je ne suis pas seule.

И она пошла маленькими шагами по коридору.

Гольцъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Я не считаю, — сказалъ онъ по-русски, — что вы выиграли пари.

— Какъ же вѣтъ?

— Это уловка.

— Но я у васъ. Вы видите...

— Ха-ха! Въ коридорѣ! Это все равно, что встрѣтить въ театрѣ или на бульварѣ.

— Oh! que non!

Они остановились у окна, въ короткомъ колѣнѣ коридора, гдѣ никто не могъ имъ помѣшать.

Вчера, когда она въ дверяхъ первой гостиной прильнула къ нему, онъ первый шепнулъ ей:

— Il y a quelqu'un!

Она узнала фигуру князя, быстро пошедшаго назадъ, и тревожно спросила:

— A-t-il vu quelque chose?

На это Гольцъ только пожалъ плечами.

Онъ находилъ, про себя, что мѣсто для прощальнаго поцѣлуя было выбрано не совсѣмъ удачно.

Передъ прощаньемъ, еще въ ея кабинетѣ, онъ поглядѣлъ на нее пристально и выговорилъ:

— Вы воображаете себя очень смѣлой; а хотите пари держать, что вы не рѣшитесь быть у меня?

— Въ отелѣ?

— Да, въ отелѣ.

Нина выдержала его взглядъ и сказала, подзадоривающимъ звукомъ:

— Извольте... Я принимаю пари.

— На что?

— На что хотите... хоть на фунтъ конфектъ.

Сегодня имъ обоимъ стало неловко; но Гольцъ скорѣе овладѣлъ собою и разсердился.

— Такъ нельзя,—глухо выговорилъ онъ, закусивъ губы.

— Вы хотите невозможнаго, — начала Нина, кутаясь въ шубу.—Князь Иларіонъ уѣхалъ на два дня изъ Москвы. Онъ навѣрно видѣлъ и не желаетъ возвращаться до приѣзда моего мужа.

Больше недѣли прошло, какъ она его поцѣловала въ первый разъ.

Цѣлый день, послѣ того, Нина не вѣрила сама этому факту. Она, Антонина Борисовна, умѣвшая всегда такъ блистательно управлять собою, съ ея гордостью, съ ея знаніемъ мужчинъ,—и вдругъ, какъ первая попавшаяся дѣвчонка, чмокнуть офицера потому только, что онъ не сдавался!

Должно-быть, знанія-то мужчинъ у ней и нѣтъ никакого. Да и откуда ему быть? У ней не было серьезнаго романа. Она никого не любила. Случай съ Гольцемъ показалъ ей, что она и не думала любить своего „Закки“.

И стоило офицеру явиться на другой день, и ее опять потянуло. Какой-то незнакомый ей задоръ овладѣлъ ею. Какъ мужчина, мужъ уже не существовалъ для нея. Это произошло быстро, въ одинъ, въ два дня. Впервые охватила ее сладкая прелесть тайнаго чувства. Ей сдѣлалось весело, такъ, какъ никогда не бывало, точно она взбирается на вершину снѣговой горы, по краю бездонной пропасти.

И со второго же интимнаго визита Гольца она показала ему, что такъ, „en passant“, онъ ею не будетъ обладать.

Это онъ понялъ и выказалъ настолько ума и порядочности, что не разсердился.

Нина допускала, что онъ ей дороже, чѣмъ она ему; но въ себѣ самой она чувствовала достаточно силы, чтобы протянуть ихъ теперешнія отношенія такъ долго, какъ она находила нужнымъ.

Ни разу въ теченіе этой недѣли ее не схватилъ за сердце страхъ потерять его. Она говорила себѣ: „Такой человекъ, какъ Гольцъ, упоренъ... Онъ будетъ добиваться полной побѣды и поймается...“ Въ какомъ видѣ поймается?

Она еще не выяснила себѣ этого во всѣхъ подробно-

стяхъ, но вѣрила въ свою натуру и въ свой умъ. Если ей написано на роду связать свою дальнѣйшую судьбу съ этимъ человѣкомъ, она это сдѣлаетъ только послѣ того, какъ все въ ней будетъ стоять за такой исходъ.

Одно она знала уже и теперь: Гольца она чувствуетъ равнымъ себѣ.

„C'est l'homme de mon bord!“ — повторяетъ она; а ея мужъ, какъ только начался ея романъ, точно совсѣмъ пересталъ существовать для нея.

Ей никакого душевнаго усилія не стоило сейчасъ же начать съ нимъ „игру“, по замѣчанію Лыжина.

Пока ея сердце и темпераментъ молчали, она еще могла имѣть какія-нибудь „scrupules“ съ Захаромъ Лукьяновичемъ; но теперь онъ только „подробность“ ея положенія, препятствіе къ полной свободѣ. Съ нимъ она себя не выдастъ; все равно, если бъ онъ былъ ея приказчикомъ.

Осторожность, однако, нужна для себя самой, чтобы не давать лишникъ ходовъ мужчинѣ, который, не желая того, вызвалъ въ ней „un coup de passion“, какъ она называла свое влеченіе къ Гольцу.

Медленно проходили они по коридору.

— Завтра у Верховцевыхъ?—спросила Нина.

— А сегодня вечеромъ?

Они опять остановились.

— Лучше не видаться.

— До приѣзда супруга?—выговорилъ Гольцъ шутливо.— Такъ, разумѣется, благоразумнѣе... Но только...

— Только, что?—задорно повторила Нина.

— Это игра въ прятки.

— Можетъ - быть... Вы должны меня понять. Вы джентльменъ.

Безъ словъ онъ поклонился. Лицо его говорило: „Я порядочный человѣкъ. Благодарю за оказанное вниманіе и настаивать не буду“.

— Пари я все-таки не считаю выиграннымъ,—сказалъ онъ весело и, мѣняя тонъ, спросилъ: — Вамъ не угодно, чтобы я провожалъ васъ?

— Не угодно. Тамъ дѣти съ бонной.

— У! какая вы!

Они пожали другъ другу руку, и, уходя, Нина обернулась и проговорила чуть слышно:

— А demain!

Дѣти смирно сидѣли на площадкѣ. Бонна, конечно, была въ полной увѣренности, что ихъ мать дѣлала визитъ какой-нибудь дамѣ.

— Ну, ѣдьте!—возбужденно окликнула дѣтей Нина.— Я васъ завезу и сдѣлаю еще два визита,—прибавила она въ сторону англичанки.

Гольцъ не сразу ушелъ въ себѣ въ комнату. Нѣсколько разъ прошелся онъ по своему коридору, закуривъ папиросу.

На губахъ блуждала усмѣшка.

Всякаго мужчину, на его мѣстѣ, раздражилъ бы такой женскій „фортель“. Онъ въ правѣ былъ ждать чего-нибудь совсѣмъ другого.

Она схитрила—и это ему понравилось. До сихъ поръ онъ еще не сходилъ съ свѣтской женщиной красивѣе и блестящее Нины. Правда, она первая его поцѣловала. Но онъ не нашелъ, что она „лѣзетъ“. Это его тронуло, почти сконфузило. Самодовольства онъ не ощутилъ и на другой день не выказалъ съ нею никакого фатовства.

Они еще до сихъ поръ не на „ты“. Въ ней онъ не видитъ ни разврата „бабенки“, ни бездушія кокетки, желящей одурачить и вытолкать вонъ.

Эта женщина имъ искренно увлеклась, но выдерживаетъ свой „гбноръ“, и это ему въ сущности нравится. Иначе вышло бы похоже на интрижку, которой „цѣна—грошъ“. Приятно ему и то, что Нина не падаетъ въ восторженность, не стала сразу приставать съ вопросами: „m'aimes-tu? me jures-tu de m'aimer toujours?“... Она вѣдь знала, что у него была связь, и нисколько этимъ не смущалась. Если у нихъ выйдетъ что-нибудь прочное—связь съ нею будетъ, навѣрно, самое приятное, что онъ только испыталъ въ своей холостой жизни.

Не очень ему по вкусу состоять въ друзьяхъ дома при самомъ мужѣ—онъ никогда этого не долюбивалъ. Но развѣ этого Захара Лукьяновича, какъ онъ ни лѣзъ въ господа, можно считать себѣ равнымъ? И она не ставитъ ихъ на одну доску. Это сейчасъ чувствуется.

Ни съ кѣмъ еще не бывало ему такъ ловко съ тѣхъ поръ, какъ онъ оцѣнилъ ее. Разумѣется, онъ, для того, чтобы быть около нея, не броситъ службу и не поселится здѣсь безъ дѣла.

Да такая умная женщина и не потребуетъ этого. Изъ Петербурга будетъ онъ наѣзжать.

Пора ему туда. Еще нѣсколько дней — и она будетъ у него въ гостяхъ уже безъ всякой хитрости.

Въ головѣ Гольца все это укладывалось довольно стройно и отвело его отъ „пакостной исторіи“, испортившей ему его жизнь въ Москвѣ.

XLIII.

Потемнѣвшій отъ ѣзды снѣгъ взбивался клубами изъ-подъ копытъ вороной пары.

Нина, кутаясь въ свою шубу съ собольей оторочкой, ѣхала по направленію къ Воздвиженкѣ.

Она только что завезла дѣтей и въ домъ сама не заходила.

Въ шапочкѣ съ собольей оторочкой, она глядѣла впередъ весело и смѣло. На душѣ у ней было какъ-то особенно молодо. Эта „escapade“ съ посѣщеніемъ Гольца въ отелѣ удалась ей чрезвычайно; по крайней мѣрѣ она такъ думала.

Нюгетка она не завязила, а пари выиграла. Она теперь ясно долженъ видѣть, съ какой женщиной имѣетъ дѣло. И онъ не фатъ. Съ каждымъ свиданіемъ она все сильнѣе убѣждается въ этомъ.

И какъ ловко все обдумала, вплоть до малѣйшихъ подробностей. Если бы ее встрѣтили въ коридорѣ, до номера Гольца, она сказала бы, что была съ визитомъ; увидаль бы кто-нибудь, когда они вдвоемъ шли къ выходу — онъ ее провожаетъ внизъ: она съ дѣтьми заѣзжала и вызвала его въ коридоръ. А заѣзжала она — пригласить къ себѣ.

Что-то дѣтски-радостное и плутоватое наполняетъ ее. Какая это „славная“ вещь, когда тебя сильно влечетъ къ мужчине, и ты настолько владѣешь собою, что можешь продлить время!

Развѣ она можетъ сравнить это съ тѣми мѣсяцами, когда она „состояла“ въ невестахъ Захара Лукьяновича? Потому только тогда и не было скучно, что они цѣлые дни ѣздили по магазинамъ. И это, внутренно, ее обижало, хотя она и видѣла впереди обладаніе милліонами.

Теперь она и о милліонахъ совсѣмъ забыла.

Гольцъ не богатъ, но у него хорошее дворянское состояніе. Хватить и на нихъ обоихъ, и даже на дѣтей.

Вся ея жизнь — дома; въ гостяхъ, на улицѣ — весь городъ, эта Москва, начинавшая приѣдаться, окрашены дру-

гамъ цвѣтомъ. И ей хотѣлось, чтобы чувство запретнаго плода, опасность, рискъ увеличились. Она уже слишкомъ осторожна; но такъ, до поры до времени, умнѣе и пріятнѣе.

Ей нужно было сдѣлать визитъ въ титулованный домъ, гдѣ хозяйка ужасно важничаетъ и все еще, въ сорокъ лѣтъ, считаетъ себя молоденькой. Нина терпѣть ее не могла; но поддерживать связи надо.

Нина вспомнила о своей „тетенькѣ“, Еленѣ Константиновнѣ Акридиной. Сколько времени она къ ней не кажетъ глазъ. Сегодня она способна быть съ ней по-родственному. Если та дѣйствительно „втюрилась“ въ своего предводителя,—пуская наслаждается. Она готова даже позвать ихъ обоихъ обѣдать, и пусть они у ней объяснятся въ любви.

— Въ переулочъ, первый подъѣздъ направо! — приказала Нина кучеру.

Въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ она сейчасъ же почувствовала себя особенно. Здѣсь вѣдь, до сихъ поръ, живетъ недавняя возлюбленная „Антоши“. Она не умерла отъ яда. Вѣроятно, опять появится на сценѣ и опять ее будутъ ругать.

Ревности и безпокойства въ ней не было ни малѣйшихъ. Чего же ей еще бояться? Развѣ за него? Если бъ та особа позволила себѣ шантажъ—она сейчасъ обратится къ генералу Кишкетову. Тотъ сумѣетъ удалитъ „cette drôlesse“, — мысленно выразилась Нина, поднимаясь на крыльцо.

Ни Акридиной, ни Иды не было дома. Нина вынула изъ бокового кармана шубы книжечку, и когда она отдавала двѣ карточки швейцару, въ переднюю вошелъ Кострицынъ.

— Антонина Борисовна! Мое почтеніе!

— Къ кому вы?—спросила Нина, запахиваясь въ шубу и не подавъ ему руки.

— Я-то?..

Онъ почему-то не сразу отвѣтилъ и предпочелъ спросить ее:

— У вашей тетюшки изволили быть?

Нина, прищурившись, взглянула на него и, отвѣдя немного въ уголъ, спросила:

— Вѣдь здѣсь и Лыжинъ?

— Какъ же... Я собственно къ нему и зашелъ.

— Et la dame en question? — Нина сдѣлала жестъ головой вверхъ.—Comment va-t-elle?

— Не знаю,—отвѣтилъ Кострицынъ какъ-то нетвердо.

— Вы знаете, что Закки пробудетъ еще два дня въ Петербургѣ?

— Какъ же... Захаръ Лукьяновичъ далъ депешу.

„Даль депешу! — повторила Нина, садясь въ сани.— Какой этотъ Иванъ Кузьмичъ гостинодворецъ, хоть и ученый!“

Кострицынъ оставилъ свое пальто внизу и, когда швейцаръ вернулся въ сѣни, посадивъ Нину, онъ вполголоса спросилъ его:

— Лыжинъ у себя?

— У себя-съ.

— А госпожа Днѣпровская?

— Онѣ никуда еще не выѣзжаютъ.

— Ихъ можно видѣть?

— Я доложу... Да, онѣ принимаютъ.

— Ну, такъ докладывать не надо. Кто-нибудь сидитъ у ней?

— Никакъ нѣтъ. Была госпожа Божеярина, да ушла еще передъ завтракомъ.

— Такъ вы не беспокойтесь, голубчикъ.

Антонинъ Борисовичъ онъ солгалъ. Пришелъ онъ не къ одному Лыжину. Къ нему онъ поднимется послѣ визита къ Липѣ Угловой.

Визитъ онъ обязанъ ей сдѣлать. Иначе это будетъ „порядочное свинство“. Но онъ не признался бы даже самому себѣ, что его какъ будто, третій день, тянуло сюда. И въ то же время онъ стѣснялся чего-то; хотѣлъ, еще вчера, завернуть къ Лыжину и попросить провести его къ госпожѣ Днѣпровской, какъ будто онъ самъ какой-то дикій гимназистъ,—онъ, Иванъ Кузьмичъ, про котораго злые языки давно поговариваютъ, что онъ у самого Юпитера табачку бы попросилъ.

Тихонько постучался онъ у дверей Липы.

Оттуда донесся явственно ея голосъ, изъ первой же комнаты. Это его порадовало. Значитъ, она не больна и сидитъ въ гостиной.

— Олимпиада Дмитриевна принимаетъ?—спросилъ онъ, просовывая голову.

— Принимаетъ. Кто это? — окликнула Липа голосомъ здоровой.

Небольшая хрипота слышалась въ немъ азвственнѣе, чѣмъ это было до ея болѣзни.

Липа лежала на кушеткѣ, одѣтая, и читала.

Кострицынъ сейчасъ же узналъ обложку журнала.

— А! Садитесь! Садитесь! Спасибо за память... Какъ васъ зовутъ, извините... У меня память куриная.

— Иванъ Кузьмичъ... Можетъ, и фамилію забыли?

— Не хочу лгать. Не совсѣмъ тверда.

— Кострицынъ. Отъ кострига... Народное слово. Знаете, то, что отлетаетъ со льна. А „г“, по общимъ фонетическимъ законамъ, смягчено въ „ц“.

— Вонъ вы какой мудреный. До всего доходите.

Кострицынъ слегка покраснѣлъ, садясь поодаль, въ кресло. Его учительская болтовня показала ему архипедантской и просто глупой.

— Извините,—пролепеталъ онъ, чувствуя, что продолжаетъ краснѣть.

— Въ чемъ?—спросила Липа, широко раскрывъ глаза.

Эти глаза его и смущали. Онъ находилъ ее еще красивѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ. Цвѣтъ лица желтовато-матовый, точно мраморъ. Темнота подъ глазами прошла. Волосы небрежно причесаны, но такъ чудесно драпируютъ ея лицо! И что за бюстъ, что за руки!

Одѣта она все такъ же скромно, и, кажется, не безъ умысла скромно. А какова же она на сценѣ, съ обнаженной шеей и руками!

Великолѣпную Антонину Борисовну и сравнивать съ ней нельзя. У той злые глаза, все лицо жесткое и слишкомъ гладкое; голосъ самъ по себѣ не плохой, но дерзко-повелительный или нахальный.

„Ну, и пускай его, дурака!“—выбранилъ весело Кострицынъ, подумавъ о „калегвардѣ“, который бросилъ такую женщину.

И сейчасъ же ему стало обидно за Липу. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, она была просто его „содержанка“ и мирилась съ такимъ положеніемъ?

— Скажите мнѣ, Иванъ Кузьмичъ,—заговорила Липа и повернула голову въ его сторону, книгу она положила рядомъ, на столикѣ,—вы чѣмъ занимаетесь?

Такой вопросъ показался бы ему отъ другой или чезрезчуръ наивнымъ, или безцеремоннымъ.

— Вы извините,—тонъ у нея былъ самый искренній и

она не улыбалась, — ни вашъ пріятель Лыжинъ, ни студентъ Шипилинъ не сказали мнѣ тогда толкомъ.

— Я просто шатунъ, Олимпиада Дмитриевна.

— Какъ же это? Однако, вы очень учены... Профессоръ, можетъ-быть?

— Нѣтъ! Куда! Если хотите, имѣю степень, даже двѣ... А живу частной службой.

Онъ не хотѣлъ досказать, у кого онъ служить. Наверно, она знаетъ про Кумачеву.

— И изъ какихъ вы?—продолжала допрашивать Липа, все такъ же искренно и серьезно, почти строго.

— Въ какомъ же это смыслѣ?—отозвался Кострицынъ, уже спокойнѣе, но все еще не овладѣвъ вполне собою.

— Видите, Иванъ Кузьмичъ, когда я съ хорошими людьми встрѣтилась впервые, и они меня пригрѣли... за ихъ дѣло я готова была всю себя отдать. Только они меня пожалѣли. А сами всѣ почти погибли.

Голосъ Липы оборвался. Онъ слушалъ съ опущенной головой и старался проникнуть въ суть того, о чемъ она говорить въ общихъ выраженіяхъ.

— Что же это за люди были, Олимпиада Дмитриевна?

— Объ этомъ послѣ... если мы съ вами поближе познакомимся. А мой вопросъ, изъ какихъ вы сами, не примите за дерзость. Когда я, какъ народъ нашъ выражается, „дьявола тѣшила“ и была актрисой, для меня всѣ мужчины были равны. На всѣхъ вѣдь у актера одинъ взглядъ—хищный. Да иначе и быть не можетъ. Теперь,—протянула она,—такъ мнѣ не полагается. И я каждого, кто ко мнѣ приходитъ, спрашиваю. Я знаю, что вы порядочный человѣкъ. Васъ представилъ Лыжинъ; онъ — другъ Иды Павловны. А она сама—прелестъ. По нынѣшнему времени, Иванъ Кузьмичъ, одной общей привязанности мало. Да и отчего неловко поставить вопросъ: изъ какихъ вы? И ловко, совсѣмъ ловко, спросить: вы въ какомъ вѣдомствѣ служите, или на какомъ вы амплуа?

— Вы желаете, стало, знать, какого я направленія?

— Да.

— У меня его нѣтъ — въ обычномъ смыслѣ. Я хочу мыслить самъ по себѣ, а не повторять зады.

— Вотъ оно что!—откликнулась Липа и смолкла.

Кострицыну стало очень жутко.

XLIV.

— Нѣтъ, Иванъ Кузьмичъ, нельзя быть ни въ сикхъ, ни въ оныхъ,—говорила Липа, уже ходя по комнатѣ съ заложенными назадъ руками.

Кострицынъ сидѣлъ въ неловкой позѣ и курилъ. Онъ съ удивленіемъ чувствовалъ, что его смѣлая рѣчистость куда-то ушла. Онъ не находилъ въ себѣ всегдашней увѣренности. Сталь-было развивать теорію „личности“ — и какъ-то ничего не вышло ни красиваго, ни вразумительнаго.

— Нѣтъ, — повторила Липа и подошла къ нему, — вы это такъ, Иванъ Кузьмичъ, себя только тѣшите.

— Почему же-съ?—почти сконфуженно спросилъ онъ.

— Не можете быть, чтобы васъ не возмущало то, что теперь въ ходу и въ модѣ. У Некрасова-то помните стихъ: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй“...

— Помню. Такъ, въ обличительномъ вкусѣ, про всякое время можно сказать.

— Нѣтъ, не про всякое. Даже десять лѣтъ назадъ со всѣмъ не то было.

Въ ухахъ у него застрялъ возгласъ Липы: „ни въ сикхъ, ни въ оныхъ“. И онъ вспомнилъ, что мать Захара Лукьяновича, Раиса Гордѣевна, въ началѣ зимы сказала ему, да еще гораздо извѣстнѣе, ту же почти фразу, въ сѣняхъ дома Кумачева, послѣ своего столкновенія съ сыномъ изъ-за учительницы Суревичъ.

— Позвольте, Олимпіада Дмитріевна, я на первое же знакомство съ вами не хочу спорить. Да и вообще рѣчь идетъ не обо мнѣ.

— А о комъ же, Иванъ Кузьмичъ?

— Если позволите—о васъ. Тогда вечеромъ... вы были въ такомъ настроеніи... въ прострати, такъ сказать, не столько физической, сколько душевной. И я, слушая вашу бесѣду съ Брянцевымъ, искренно жалѣлъ, что вы не желали сдаться на его доводы. Онъ, положимъ, хвостъ выпустилъ въ родѣ павы. Безъ этого господи артисты не могутъ держать себя. И очень ужъ любить красиво выражаться... опять дѣло понятное: изъ ролей выхватилъ.

— Это вѣрно!—веселѣе воскликнула Липа.

— Но онъ дѣло говорилъ.

— Обо мнѣ, что ли?

Липа опять остановилась.

— О васъ... Съ какой же стати, Олимпиада Дмитриевна, бросать на вѣтеръ дарованіе? Что же есть самаго цѣннаго въ человѣческой личности? Талантъ все замѣняетъ—умъ, волю! Онъ только и позволяетъ стать выше всего, умаляющаго наше „я!“

— Ахъ, полноте!

И сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ къ двери, Липа вернулась и присѣла, опустивъ руки на колѣни, на кушетку, около Кострицына.

— Для нашей сестры театръ — прямой путь къ торговлѣ собою. Вотъ что, Иванъ Кузьмичъ!

— Помилюте!

Кострицынъ весь встрепенулся.

— Знаю, что вы мнѣ возразите. Есть талантъ — тогда дорога широка и безъ всякихъ сдѣлокъ! Фразы! Будь у васъ талантъ, не будь, оперетная вы или оперная, — на сто женщинъ девяносто пять не обойдутся безъ поддержки!.. Вы слышите: слово, кажется, приличное, а что оно значить? Хорошо было здѣсь Брянцеву ратовать. Мужчины — другое дѣло... Да и то, сколько изъ нихъ вышло въ люди — кѣмъ? — Женощиной! Начнетъ съ провинціи, смазливый мальчикъ... къ презрѣлой премьершѣ поступить подъ крылышко. Она его и пустить въ ходъ. Контрактъ не подписываетъ иначе, чтобы и его на первое амбуа. Потомъ въ столицу. Когда она состарится — онъ ее бросить... А дѣвушкѣ, хоть расчестной, если ей не повезетъ сразу, какъ это бываетъ разъ въ двадцать лѣтъ, нельзя не продать себя, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ!

„Зачѣмъ это она говоритъ? — почти съ болью въ сердцѣ спросилъ мысленно Кострицынъ. — Можетъ-быть, оно и такъ, но къ чему объ этомъ распространяться?“

— Мнѣ не хотѣлось только при моихъ дѣвочкахъ, Лелѣ и Катѣ, выставить напоказъ всю гнусность этой дороги, по которой я, еще мѣсяцъ назадъ, шагала. Самого-то Брянцева спросите! Развѣ теперь вездѣ, вы слышите — вездѣ, и въ привилегированныхъ театрахъ, каждая дѣвочка, хотя бы расчестная и талантливая, не ищетъ руки въ сильномъ персоналѣ, въ первомъ актерѣ? Это нынче у нихъ программа такая! А что это значить? Не продаетъ себя за деньги, такъ за протекцію.. Это рѣшительно все равно.

— Но васъ это уже не касается, Олимпиада Дмитриевна.

— Ха-ха! Какъ не касается! — Липа всплеснула ру-

ками.—Какъ не касается! У меня былъ и голосъ, и наружность, и смѣлость — все. Я не нуждалась въ кускѣ хлѣба. И все-таки вышло то же, что съ сотнями выходныхъ дѣвочекъ. Иначе нельзя на подмосткахъ, которые господа рецензенты такъ обсахариваютъ. Все въ васъ выѣстъ жадность къ приему... Вся ты —одно безпардонное любованіе собою и суетность до мерзости! Тутъ какія же могутъ быть задержки? Сколько ни получай жалованья — хватать не будетъ: на костюмы, на всякія погрешности. Содержанія не хватаетъ, да еще изъ двухъ сезоновъ одинъ навѣрно васъ надуетъ антрепренеръ. Поддержка и является, —только мы себя сами морочимъ, думаемъ, что это любовь... и что нами не только увлекаются, но и уважаютъ, ставятъ, за талантъ, выше всѣхъ остальныхъ женщинъ! Какъ бы не такъ!

Липа пододвинулась къ нему и, уперевъ руки въ колѣни, вызывающе спросила его:

— Вы думаете, потому я хотѣла съ собой покончить, что гвардейскій офицеръ, считающійся красавцемъ-мужчиной, бросилъ меня?

На этотъ вопросъ Кострицынъ сначала только повелъ плечами и потупился.

Ему еще больнѣе стало за нее.

Зачѣмъ она такъ говорить о себѣ?

— Олимпиада Дмитриевна! Дорогая! Не разстраивайте себя!

Обѣ его руки протянулись къ ней.

— Никакого тутъ разстройства нѣтъ, —возразила Липа и, не мѣняя позы, продолжала, такъ же сильно, но по-глуше: —Этотъ поручикъ не хотѣлъ продолжать комедіи, да онъ ея и не игралъ. Это я воображала. Онъ мнѣ преспокойно показалъ, что всякій сверчокъ долженъ знать свой пестокъ — и сверчокъ этотъ я... Глупое насѣкомое! Должно-быть, такое же тщеславное, какъ и всѣ актеры! Это меня ударило прямо... не въ сердце, а въ душу... Я душу особо ставлю, Иванъ Кузьмичъ. Женская натура не выдержала. Сейчасъ за склянку со снадобиемъ и схватилась. Ничего! Какъ видите — жива осталась!.. И прозрѣла.

— Прозрѣли? — повторилъ Кострицынъ и смѣлѣе поглядѣлъ на Липу. — Въ какомъ смыслѣ?

— А вотъ первымъ дѣломъ —поставила крестъ на артисткѣ Дѣвировской. Знаете, какъ кавалеристы часто го-

ворять: и по копному, и по пѣшему строю. Такъ и я скажу: и на вокальную, и на драматическую актерку Дибровскую поставила крестъ—и баста.

— Это—то же самоубійство, Олимпиада Дмитріевна.

Кострицынъ всталъ. Липа опустила голову въ руки и молчала.

— Нѣтъ!—вырвалось у нея послѣ паузы.— Не самоубійство, а воскрешеніе личности, о которой вы такъ сильно хлопочете.

— Но какую же дорогой?

— Видите — непременно дорога. Ха-ха! Гочно мы всѣ отмѣчены божественнымъ перстомъ... А сотни миллионноу только о томъ бьются, какъ бы имъ съ голоду не умереть...

— Да... Стало, спастись желаете?

— Пожалуй, если вамъ нравится это слово.

Возбновлять бесѣду онъ не могъ. Онъ точно боялся, что Липа начнетъ опять изливаться, и отъ этихъ разоблаченій ему сдѣлается опять больно.

— А пока, — сказалъ онъ, — позвольте пожелать вамъ добраго здоровья.

— Чтѣ мнѣ сдѣлается! Я—двужилная.

Она встала съ кушетки и, протянувъ руку, спросила:

— Вы что же такъ торопитесь?

— Долженъ зайти еще къ Лыжину.

— Онъ милый! Поклонъ ему отъ меня.

Наверхъ Кострицынъ входилъ ускоренной походкой, охваченный настроеніемъ, которое ему поскорѣ захотѣлось страхнуть съ себя у Лыжина.

Тотъ собирался куда-то обѣдать.

— Откуда?—спросилъ онъ.

— Снизу, — отвѣтилъ Кострицынъ страннымъ тономъ и сейчасъ же присѣлъ на диванъ.

— Былъ у Дибровской?

— Былъ.

— Она здорова?

Лыжинъ поглядѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ,— и усмѣхнулся.

— Иванъ Кузьмичъ! Милѣйшій мой Сократъ! Что вы... по-гречески я не знаю, какъ это называется, а французы говорятъ: „tout-chose“?

— А что?

Кострицынъ тряхнулъ головой.

— Да знаешь, друже, эту женщину. мѣ стало жалко...

не потому, что съ ней случилось... А она во что-нибудь ударится. Ты ничего не слыхалъ про ея прошлое?

— То же, что и ты.

— Нѣтъ, не любовное... или тамъ актерское, что ли... А раньше, до поступленія на сцену, не было ли у ней такой полосы...

— Что-то нѣтъ Ида говорила.

— Не зналась ли съ нелегальнымъ народомъ?.. Боюсь я, что старья дрожжи опять забродили.

— Бойшься?

Лыжинъ подошелъ къ нему и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Она тебѣ нравится, какъ женщина?

— Не хочу лукавить—нравится.

И онъ чего-то не досказалъ. Лыжинъ вспомнилъ свой разговоръ съ Еленой Акридиной, когда онъ поступилъ на службу къ Кумачеву, о Нинѣ. Тогда и онъ самъ точно побаивался за себя, допускалъ возможность увлеченія ею. Теперь онъ знаетъ навѣрно, что Нина для него не опасна.

Неужели въ Кострицына зашла другая искра? Настоящая?

Оглавление VII тома.

	стр.
ПЕРЕВАЛЪ. Романъ въ трехъ частяхъ.	
Часть первая	5
Часть вторая	166